Юлиус Вельхаузен

Арабское царство и его падение

(Das arabische Reich und sein Sturz, Берлин, 1902)

Перевод с немецкого

Полный перевод книги (предисловие и главы 1–9) по 2-му изданию (Берлин, 1960). Вступительное слово Р. Хартмана (Geleitwort) к изданию 1960 г. не переводилось. Ссылки вида «Таб. 2, 1075» указывают на серию и страницу Лейденского издания ат-Табари; номера страниц, на которые ссылается автор («ср. с. 246»), относятся к немецкому изданию. Пояснения переводчика заключены в квадратные скобки; сомнительные места скана отмечены знаком [?]. Сноски пронумерованы сквозным образом.

Предисловие

Древние предания об эпохе Омейядов до сих пор надёжнее всего, ибо ещё не смешаны и не сглажены, сохраняются у ат-Табари — в лучшей части его труда, которая вот уже почти два десятилетия напечатана во второй серии Лейденского издания. Прежде всего он сохранил нам в очень обширных отрывках подлинного Абу Михнафа, а вместе с ним — древнейшего и лучшего арабского прозаика, каким мы располагаем. Абу Михнаф Лут ибн Яхья ибн Саид ибн Михнаф принадлежал к куфийским азд, и длинная родословная указывает на то, что по отцу он был знатного происхождения. Вероятно, Михнаф ибн Сулейм, предводитель азд в битве при Сиффине, был его предком, а сыновья того, Мухаммад и Абд ар-Рахман, — его двоюродными дедами. Когда он родился, мы не знаем; во время восстания Ибн аль-Ашаса в 82 г. х. он был уже в зрелом возрасте. Он был дружен с Мухаммадом ибн ас-Саибом аль-Кальби (Таб. 2, 1075. 1096), и его сыну, известному Ибн аль-Кальби, мы главным образом обязаны передачей его сочинений и преданий: ат-Табари, как правило, цитирует их по нему. Абу Михнаф дожил ещё до падения дамасского халифата; последние его сведения у ат-Табари относятся к 132 году.

Местами Абу Михнаф называет своими источниками других передатчиков, более старших или современных ему, например Амира аш-Шааби, Абу-ль-Мухарика ар-Расиби, Муджалида ибн Саида, Мухаммада ибн ас-Саиба аль-Кальби. Но бóльшую часть материала он не заимствовал у собратьев по ремеслу, а собрал сам *ex vivo ore* («из живых уст»), расспрашивая самых разных людей с самых разных сторон — всех, кто мог знать дело из первых рук или сам был участником событий. Иснад, цепь поручителей, у него ещё правда, а не одна лишь литературная форма. Его ряд свидетелей всегда очень короток и, по мере постепенного сокращения расстояния, в конце концов совсем сжимается; он постоянно меняется от события к событию и от одного предания о нём к другому, так что перед нами проходит огромное множество имён, иначе совершенно неизвестных. Свидетели за деревьями не видят леса: они упоминают величайшие мелочи, никого не оставляют безымянным, выдвигают на передний план действующих и говорящих людей и, по существу, повторяют с незначительными вариантами всё одно и то же. Повествование от этого сильно замедляется. Но обилие подробностей перевешивает этот недостаток. В нём оседает свежее впечатление от событий и первые толки о них. Живость рассказа усиливается его народной формой: всё здесь — диалог и сцена. Несколько наглядных примеров можно найти в моём исследовании о хариджитах и о шиа (Гёттинген, 1901), особенно с. 19 сл. и с. 61 сл.

Моммзен однажды сказал, что неучёным людям не нужно доказывать, что истории, которые начинаются с того, что рассказчик слышал их от самих участников, как правило, неправдивы. Однако приходится желать, чтобы неучёные люди не слишком широко пользовались своим здравым смыслом. Было бы потерей для истории, если бы Абу Михнаф не писал. Да и как ему было поступать иначе, чем он поступил? Документальные источники давали ему немного; он пользовался ими, когда они оказывались под рукой, хотя и не разыскивал их усердно и не клал систематически в основу. Чаще всего он приводит песни

и стихи в подтверждение своего рассказа. Однако главная проверка, которую он осуществляет, состоит в том, что он сводит вместе множество вариантов — сообщений разного происхождения об одном и том же, — так что их можно сравнить и взвесить, что в них достоверно и что недостоверно. Тем самым он одновременно достигает того, что второстепенное, поскольку встречается лишь однажды, отступает на задний план, а главное, поскольку повторяется повсюду, постепенно выступает вперёд. Непараллельные предания он располагает в подходящем порядке, так что возникает последовательная связь. Без некоторого отбора и согласования при этой мозаичной работе, правда, не обошлось. В важных пунктах противоречий не видно. Предания складываются в единогласие. Картина в целом прочна и едина, причём не только в отношении фактов, но и в отношении характеров. Над кажущимся хаотичным материалом, несмотря ни на что, господствует замысел писателя и сложившееся у него общее воззрение. Однако он не охватывает более длительного периода и не связывает его прагматически и хронологически. Последовательной хронологии у него нет; он приводит лишь разрозненные даты, нередко только дни недели без месяца и года. Он не нанизывает события на сквозную нить, а описывает их по отдельности и независимо друг от друга, с величайшей обстоятельностью, без всякой сжатости. В «Фихристе» перечислены по названиям двадцать две его монографии.

Для Абу Михнафа характерно, что он начинает не с истоков ислама, а лишь с завоеваний и рассказывает главным образом о том времени, в котором сам находился в гуще событий, — начиная с битвы при Сиффине. С этим связано и то, что его интерес ограничен местом, где он сам жил, — Ираком и его главным городом Куфой. За этими временны́ми и пространственными пределами он осведомлён не особенно хорошо. А так как Куфа и Ирак были средоточием оппозиции против имперского правительства, то у него изображается главным образом она. Темы, которые он разрабатывает с особой любовью и подробностью, — хариджитские и шиитские восстания при аль-Мустауриде и Шабибе, при Худжре, Хусейне, Сулеймане и аль-Мухтаре, а также восстание иракцев под началом Ибн аль-Ашаса. Он передаёт *куфийскую* традицию; его симпатии на стороне Ирака против Сирии, на стороне Али против Омейядов. Однако тенденциозности при этом заметно немного — по крайней мере такой, которая прямо искажает факты. Лишь иногда он, по-видимому, умалчивает о том, что ему не по душе, например о том, что Акиль сражался при Сиффине против своего брата Али.

В исследовании о религиозно-политических оппозиционных партиях древнего ислама я держался преимущественно Абу Михнафа. Напротив, для истории арабского царства, которая составляет предмет настоящей книги, он даёт не столь богатый материал. Здесь лучший источник — не куфийская традиция, а мединская. Она — древняя главная традиция. Своими истоками она восходит выше, чем куфийская, но её сколько-нибудь достаточно сохранившиеся у нас представители моложе Абу Михнафа и процветают лишь в то время, когда книжная учёность начала переселяться из Медины в Багдад. Это прежде всего Ибн Исхак, вольноотпущенник, Абу Машар, также вольноотпущенник, и аль-Вакиди. Они уже не собирают сырой материал из первых рук: предания дошли до них через учёное

посредничество, и они их просеивают, редактируют и сплавляют. Но главное — они вводят их в более широкую и строгую связь и одновременно подчиняют сквозному летосчислению. Из разрозненных рассказов об отдельных великих событиях возникает непрерывная история; её создателем можно считать Ибн Исхака. Для него и его последователей характерна форма анналистики, которая затем и возобладала. Хронология предполагает научное исследование и сравнение; мединские учёные в этом недостатка не испытывали и пришли к результатам, которые в замечательной степени выдерживают проверку. Возможно, кое-где они могли опираться на записи христианских, особенно сирийских, духовных лиц, например при датировке землетрясений и других природных явлений. Видно, как успешно продвигается стремление уловить события в сеть времени; Ибн Исхака его последователи превосходят полнотой хронологии (аль-Вакиди, с. 15 сл.). Абу Машар, по-видимому, ни к чему, кроме дат, не имел склонности, и у аль-Вакиди этот интерес тоже преобладает. Об отношении этих двоих друг к другу см. Таб. 2, 1172, 10. 1173, 6.

Медина была ядром исламской общины и арабского царства. Центральное значение города для всемирно-исторического развития, исходившего из него, наложило отпечаток на возникшую там традицию. Естественно, она прежде всего хранила память о гордом и священном времени начал, когда ислам в религиозном и политическом отношении был ещё нерушимым единством и как будто собирался объединить в себе весь мир; её главной темой, которой Ибн Исхак, по-видимому, исключительно и ограничился, была сира с магази, то есть жизнь Мухаммада, основание им общины и основание царства им и его халифами в период завоеваний. Но она не теряла из виду центр и целое и тогда, когда центр тяжести царства переместился в Дамаск. Сама она, правда, в Дамаск не переселилась, а осталась в Медине, но этот город и при Омейядах был не только местом пребывания знатнейшего арабского общества, но и духовным средоточием исламской культуры, пока в этом отношении его место не занял Багдад. История царства и в своём светском продолжении привлекала внимание мединских учёных, хотя они и не были согласны с правительством; они уделяли гораздо больше внимания Сирии, чем Ираку или тем более Хорасану. Некоторые, так сказать, официальные сведения регулярно повторяются у Абу Машара и аль-Вакиди, например о том, когда правители пришли к власти и когда умерли, когда были назначены и смещены наместники важнейших провинций, кто в каждом году по поручению халифа возглавлял хадж и кто — летний поход против ромеев. Эти сведения образуют основу мединской анналистики. Уток же разрастается лишь при определённых кризисах и главных событиях, обычно он скуден. Учёный интерес направлен на сухие факты; радости от подробностей, сердечного отношения к материалу, внутреннего участия в лицах драмы заметно немного. Симпатий к Омейядам и сирийцам в Медине не найти; большего, чем объективность, требовать нельзя.

Несомненно, и в самой Сирии, то есть у сирийских арабов, тоже существовала традиция, но она для нас утрачена. Следы её можно найти у аль-Балазури, возможно, также у калбита Аваны, который хотя и жил в Куфе, но через свой род был связан с Сирией и часто цитируется у ат-Табари как рассказчик о сирийских делах, обычно по Ибн аль-

Кальби. Дух этой сирийской традиции лучше всего узнаётся по христианским хроникам, особенно по «Продолжению» Исидора Севильского. Омейяды предстают там в совсем ином, гораздо более благоприятном свете, чем тот, в котором мы привыкли их видеть. У арабов же последнее слово осталось именно за их врагами, и от этого их история сильно пострадала.

Своего рода промежуточное положение между Абу Михнафом и мединцами занимает аль-Мадаини. Он учёный историк, но излагает весьма подробно и проявляет выраженный местный интерес к Басре и Хорасану; почти все сообщения о Басре и Хорасане у ат-Табари заимствованы у него. Он целиком стоит на аббасидской точке зрения и с неё рассказывает о гибели Омейядов и возвышении благословенной династии.

На характеристике этих главных авторитетов ат-Табари я остановлюсь. У него слово получают ещё многие другие передатчики, чьи собственные труды до нас не дошли, — особенно для некоторых отдельных разделов. Но я не хочу здесь мимоходом давать полный обзор древнейшей арабской историографии. Мне казалось необходимым лишь дать представление о её истоках, и для этого сказанного будет достаточно. В качестве дополнения может служить известный перечень Вюстенфельда в 28-м и 29-м томах «Трудов» Гёттингенского общества.

Первоначально я намеревался рассмотреть эпоху Омейядов тем же способом и под тем же заглавием («Пролегомены к древнейшей истории ислама»), как рассмотрел эпоху великих завоеваний в шестом выпуске моих «Очерков и предварительных работ». Там я мог ограничиться тем, что противопоставил изложение Сайфа ибн Умара всей прочей традиции у ат-Табари и показал, что оно представляет собой тенденциозную её переработку. Однако Сайф заканчивает Верблюжьей битвой, и после неё историческую критику уже нельзя вести с единой сквозной точки зрения. Нельзя больше руководствоваться литературной путеводной нитью; приходится судить по существу дела, от случая к случаю, углубляться в *merita causae* (суть дела) и избирать скорее эклектический или даже гармонизирующий метод. Передатчики, правда, по-прежнему различаются по надёжности, но расходятся лишь кое-где и не всегда в одном направлении. Исследование там, где оно возможно и нужно, становится более кропотливым, менее размашистым. Но оно не всегда возможно, потому что для него недостаточно материала, и не всегда нужно, потому что поручители согласны между собой или дополняют друг друга. Часто положительное изложение может и должно занимать место исследования; в этом продолжении, по сравнению с началом, оно сильно преобладает. Упрёк в смешении стилей я принимаю на себя: мой меняющийся метод определялся соображениями о меняющемся характере предания. К некоторым постановкам вопросов меня, впрочем, побудил не столько материал, сколько мои предшественники. Мне порой приходилось давать на них иные ответы, чем они.

Гёттинген, июль 1902 г. Вельхаузен

Глава первая. Введение

1. Политическая община ислама выросла из религиозной. Обращение Мухаммада почти совпало с его призванием в посланники. Начал он, правда, с самого себя: сначала в его собственном сердце утвердилась уверенность во всемогущем Боге и Страшном суде. Но наполнявшее его убеждение было столь мощным, что рвалось из него наружу. Он должен был показать свет и правый путь и братьям, блуждавшим во тьме, чтобы избавить их от заблуждения. Вскоре он основал в Мекке небольшую общину.

Изнутри её скрепляла вера в Единого невидимого Бога, Творца мира и Судию души, и вытекающая из неё мораль: служить Ему и никакому иному господину, приобретать собственную душу, а не мир, стремиться к праву и милосердию, а не к земным благам. В древнейших сурах Корана монотеизм обращён целиком в сторону морали, и не с меньшей силой, чем у Амоса и в Нагорной проповеди. Мысль о Творце, как и в Евангелии, тотчас пробуждает мысль о личной ответственности перед Ним после смерти. Он требует душу целиком для Себя — и для *исполнения* Его воли, а не только для покорности ей. Изначальный ислам не есть фатализм в обычном смысле слова, а его Бог — не Абсолют, то есть не религиозное ничто. Напротив, со всемогуществом тесно связаны мораль, справедливость. Ударение ставится то на одну, то на другую сторону, смотря по чувству, без оглядки на равновесие. Противоречие не осознаётся: Мухаммад не был ни философом, ни догматиком.

Внешне общину связывали общие культовые обряды; древнейшее имя, которое ей давали посторонние, — имя *сабии* — может объясняться только этим. Уже в самых ранних частях Корана предполагаются молитвы, земные поклоны, ночные бдения; только они ещё не так твёрдо установлены и упорядочены, как впоследствии.

Сначала Мухаммад привлекал к себе отдельных людей — друзей, родственников и рабов. Но он видел в них лишь начало. С самого начала его стремление было направлено на то, чтобы привлечь на свою сторону всю Мекку — свой род, Хашим и Муттaлиб, и свой народ, курайшитов. Он был арабом и как араб питал к роду и племени (то есть к народу) такие чувства, какие мы знаем лишь по отношению к тесной семье. Отделённого от общества, самостоятельно действующего порядка с суверенной властью у арабов ещё не существовало. Государство было коллективом, а не учреждением и не территорией. Следовательно, по правде говоря, государства не было, а был только народ; не искусственная организация, а лишь естественно сложившееся членение; не государственные чиновники, а только главы семейств, родов и племён[1]. От семьи народ отличался лишь величиной, но скреплялся той же силой — кровью. Общественный строй держался без внешнего принуждения на идее кровного единства и его святости. Родство

[1]Ещё и теперь бедуины склонны представлять себе *даулу*, то есть Турецкую империю, как *племя* и оценивать её могущество по числу верблюдов (Doughty 1, 230). И в городах политической единицей был не полис, а племя — так, курайшиты в Мекке, сакиф в Таифе. Курайшиты или сакифиты чувствовали политическую принадлежность друг к другу, даже если жили вне Мекки или Таифа.

или вера в родство — что по результату сводится к одному — действовали как религия, и эта религия была душой, делавшей племя живым целым. Рядом с ней, конечно, было место внешнему культу, но не религии, которая предъявляла бы иные притязания, обязывала и связывала бы иначе, чем кровь. Символом веры, круг исповедников которого не совпадал с племенным союзом, Мухаммад, таким образом, взорвал бы кровную общность, ибо она не была достаточно нейтральной и внешней, чтобы терпеть в себе чуждое начало. Этого он не хотел; вероятно, он и не мог представить себе религиозную общину иначе, чем в рамках крови. Поэтому свою миссию он видел не в вербовке рассеянных повсюду приверженцев; начинать ему, правда, приходилось с отдельных людей, но целью его было целое. Его народ должен был стать его общиной. *Ecclesiola pressa* («малой гонимой церковью») в Мекке он не удовлетворялся.

Когда ему не удалось завоевать свой народ — курайшитов Мекки, — он попытался завязать связи с другими племенами и городами; рынки и ярмарки в окрестностях Мекки давали ему для этого случай. В Таифе он вёл переговоры со старейшинами сакиф о переходе всей общины в целом в ислам. Наконец он закрепился в Ясрибе, то есть в Медине. Его переселение туда — хиджра — стало эпохой, положившей начало новой эре. Впрочем, новая эра не означала сознательного разрыва с прошлым. Мухаммад не изменил себе оттого, что из проповедника стал правителем. Его намерение и прежде было направлено на то, чтобы привлечь к себе не только отдельных людей, но и всю общину; он издавна смотрел на пророка как на посланного Богом руководителя своего *народа* и не различал политическую и религиозную общину. Не было ни пустой игрой, ни лицемерием, что в Медине он хотел оставаться тем же, кем был в Мекке, — пророком и посланником Божьим. Но в Мекке он не имел успеха, а в Медине добился своего. Там он был в оппозиции, здесь достиг цели, — и это составляло большую, и не только внешнюю, разницу. Оппозиция, приходя к власти, как правило, меняется; практика многое уступает от идеи, поскольку должна считаться с возможным. Историческая община не может полностью порвать со своими существующими основами, а власть следует собственным законам, чтобы сохраниться и возрасти. Этим объясняется, что пророк-правитель стал иным, чем пророк-претендент, а теократия на практике — иной, чем теократия в идее. Политическое больше выступило вперёд, религиозное больше отступило. Однако всегда надо помнить, что политика и религия принципиально сливались воедино, хотя и проводилось различие между божественной и мирской политикой, а наряду с этим сохраняла своё место сердечная набожность.

2. В Медине почва для Мухаммада была подготовлена иудейством и христианством: там жило много евреев, и город лежал на границе той части Аравии, которая находилась под греко-римским и христианско-арамейским влиянием. Ещё благоприятнее для него были политические условия. В Мекке царили спокойствие и порядок, старый принцип общности действовал удовлетворительно; новый принцип, который грозил ввести пророк, воспринимался как помеха и был отторгнут. Но кровь отнюдь не повсюду в Аравии проявляла такую силу. Она действовала неравномерно по всем степеням родства: в более тесных кругах сильнее, чем в более широких, — там непосредственно, здесь скорее по

долгу. Вследствие этого связующее вещество могло стать и разъедающим, если интересы семьи шли вразрез с интересами племени или народа. В частности, семья могла не желать отказываться от лежавшей на ней кровной мести даже по отношению к родственным семьям того же племени. Тогда между кланами возникала кровная вражда, ибо не было стоящей над спором власти, которая могла бы повелеть мир и наказать его нарушение. Именно так случилось в Медине. Община была разделена на два враждебных лагеря — аус и хазрадж. Убийства были в порядке вещей; никто не мог без опасности выйти из своего квартала; царило такое безмирие, при котором жить было невозможно. Нужен был человек, который встал бы в пролом и смог бы обуздать анархию; но он должен был быть нейтральным и не втянутым во внутреннее соперничество. И тут, словно по зову, явился пророк из Мекки. Кровь как связующее средство отказала — он поставил на её место веру. Он привёл с собой племя верующих — своих сподвижников по бегству из Мекки. Не одним ударом и не без всевозможных промежуточных ступеней, но всё же в неуклонном продвижении он устроил мединскую общину на основе религии как *Уммат Аллах* — общину Божию. Церковь он не мог бы основать, даже если бы хотел, потому что ещё не было государства. Речь шла об элементарной задаче — учредить порядок и установить мир и право. Поскольку иной власти не было, во главе встала религиозная власть, получила силу в свои руки и упрочилась тем, что исполняла то, чего от неё ждали. Мухаммад обнаружил личную одарённость, благодаря которой показал себя вполне на высоте дел. Там, где он сомневался, он умел спросить нужных людей. Ему посчастливилось найти надёжную опору в нескольких эмигрантах, переселившихся вместе с ним из Мекки и составлявших его ближайшее окружение.

При данных обстоятельствах сила религии проявлялась преимущественно в политическом. Она создала общность, а над ней — власть, которой повиновались. Аллах олицетворял государственный суверенитет; то, что у нас совершается от имени короля, совершалось от имени Аллаха; войско и общественные учреждения назывались по Аллаху. Понятие власти, до того вообще чуждое арабам, было введено через Аллаха. С этим соединялась мысль, что право на господство имеет не внешняя и человеческая сила, а исключительно внутренне признанная власть, стоящая над людьми. Теократия есть отрицание *мульк* — человеческого царства. Право властвовать — не частное владение для пользования его обладателя. Царство, напротив, принадлежит Богу; Его же уполномоченный, знающий и исполняющий Его волю, — пророк. Пророк — не только провозвестник истины, но и единственный законный правитель на земле. Рядом с ним нет места царю, но нет места и другому пророку: в каждое время есть лишь один. Это представление о *монархическом пророке* восходит к позднему иудейству; оно типично выражено в противопоставлении Самуила и Саула, как оно выступает, например, в 1 Цар. 8 и 11. Пророк являет на земле владычество Бога; Аллах и Его посланник всегда соединяются друг с другом и вместе входят в символ веры. Теократию можно определить как общину, во главе которой стоит не царь и присвоенная или унаследованная власть, а пророк и право Божье.

В идее Бога преобладала справедливость, а не святость. Его господство было господством права, и в этом смысле теократия была дикеархией. Но при этом нельзя думать о господстве безличного закона. Закона ещё не было; ислам существовал прежде Корана. Не было у теократии и сходства с республикой, несмотря на мысль о том, что все подданные Аллаха находятся в равном отношении к Нему. Главного признака республики — голосований и выборов народом — не было вовсе. Верховенство принадлежало не народу, а пророку. Лишь он один имел твёрдую, даже божественную *должность*; из его *полномочий* вытекали производные. Однако он назначал не собственно чиновников, а давал лишь определённые поручения, по исполнении которых уполномоченные сами собой снова отходили в сторону. И его советники были частными людьми, с которыми он дружил и которых приближал к себе.

Меньше всего может идти речь об иерократии. Мусульманская теократия не была отмечена организацией особой святости; в этом отношении она не имела сходства с иудейской после плена[2]. Не было ни жреческого сословия, ни различия между клиром и мирянами, между духовными и светскими делами. Аллах равно действовал во всех функциях и органах общины. Судопроизводство и война были такими же священными делами, как богослужение. Мечеть была одновременно и форумом, и плацем; община была также войском, а предстоятель на молитве (*имам*) — также военачальником.

Из идеи господства Бога вообще не вытекало никакой особой формы государственного устройства. Новое начало, брошенное Мухаммадом в хаос, вызвало, правда, неведомое до тех пор сосредоточение элементов. Могло показаться, будто старые священные союзы крови будут поглощены общиной веры. В действительности же они спокойно продолжали существовать, хотя центр тяжести и был перенесён из них в целое. Рамки прежней организации — племена, роды и кланы — были перенесены в новую общину; вера в Аллаха вовсе не давала средств поставить на их место что-то иное. Вытекавшее из понятия теократии политическое равноправие мусульман не было проведено так, чтобы фактические различия исчезли. Переселившиеся вместе с пророком мекканцы, так называемые *мухаджиры*, держались особо; рядом с ними — коренные роды мединских арабов, так называемые *ансары*, а также роды мединских евреев. Поселенцы-подзащитные оставались подзащитными, а рабы — рабами, даже если принимали ислам.

От первого времени после хиджры, до битвы при Бадре, до нас дошёл указ Мухаммада, в котором изложены некоторые главные положения государственного права, действовавшего поначалу в Медине. Из него явствует, в какой мере старые отношения изменились — и не изменились — оттого, что Медина стала теперь единой *уммой*. Умма —

---

[2]Послепленная *иерократия* имела своей предпосылкой *чужеземное владычество*, политической автономии у неё не было. Следовательно, она отличалась от государства, хотя и не в той степени, как христианская церковь на начальной стадии, поскольку по меньшей мере совпадала с *нацией*. Церковное государство и вовсе нельзя сравнивать: там церковь была не государством, а *владела* государством (В. Зикель). Лишь древняя израильская *теократия* обнаруживает большое *сходство* с арабской, хотя ей изначально была, правда, чужда мысль, что подлинный теократический правитель — пророк, а не царь.

не название древнеарабского родственного союза. Оно означает, напротив, общину вообще. Обычно это религиозная община, и не только со времён ислама, но и прежде (Набига 17, 21). И в нашем документе умма имеет религиозный привкус[3]. Она — общность мира и защиты Аллаха. Аллах властвует над ней, а от Его имени — Мухаммад, который, впрочем, нигде не назван пророком. Вера есть узы единства, верующие — его носители. Они — главные обязанные и главные правомочные. Тем не менее к умме принадлежат не только верующие, но и все, кто к ним примыкает и сражается вместе с ними, то есть все жители Медины. Умма охватывает цельную территорию: вся округа Медины должна быть местом нерушимого мира. Среди ансаров ещё есть язычники; они не исключаются, а прямо включаются. Включаются и *евреи*, хотя они и принадлежат к умме не так тесно, как мухаджиры и ансары, и имеют не совсем те же права и обязанности; степень принадлежности не вполне одинакова — сохраняется подобие древнеарабского различия между полноправными и подзащитными. Тому, что умма включает и язычников, и евреев, равнозначно то, что она вообще состоит не из индивидов, а из союзов. Отдельный человек принадлежит к умме лишь через посредство клана и рода. Роды, говорится там, должны остаться такими, как есть, и войти в умму в качестве таковых. О возможности членения общности не по данному от природы, а по новому, искусственно введённому принципу даже не думают. Оставляются и главы родов, и их отнюдь не заменяют теократическими чиновниками.

Что касается отношения уммы к родам и разграничения их полномочий и обязанностей, то за родами остаются расходы, которые не носят чисто частного характера, — прежде всего уплата выкупа за кровь и выкуп пленных; государственной казны ещё нет. Клиентела также остаётся делом клана и рода; никто не смеет переманивать у другого его клиента. Даже важное право предоставления покровительства — *иджара* — не ограничивается: каждый может взять под защиту чужого человека и тем обязывает всё сообщество; лишь в отношении курайшитов Мекки, объявленных врагов Мухаммада, иджара не действует.

Зато род должен отказаться от права на вражду внутри, то есть против прочих родов Медины, ибо первая цель уммы — не допустить борьбы внутри. Возникающие споры должны разрешаться судом. «Если вы в споре о каком-либо деле, оно должно быть представлено Богу и Мухаммаду». Если же внутренний мир нарушен насилием и злодеянием, то не только оскорблённый или его клан, но и вся совокупность, включая родню самого преступника, обязана объединёнными силами выступить против него и выдать его мстителю, чтобы тот совершил над ним справедливое воздаяние. Тогда кровная месть уже не может перейти в кровную вражду: она лишается своего опасного, угрожающего общему миру острия и укрощается до талиона. Талион существовал, правда, уже до ислама, но применялся редко, потому что целое стояло по отношению к частям слишком однородно, слишком мало самостоятельно и не имело никакой принудительной силы. В Медине он впервые был проведён строго, ибо здесь Бог стоял над кровью и, по

[3]Руководитель уммы — имам. Этимологически, однако, оба названия связаны не прямо, а может быть, и вовсе не связаны. *Умма* происходит от первослова *умм* (мать), *имам* же — от глагольного корня, означающего «идти впереди».

крайней мере в идее, обладал подлинным суверенитетом. Это ещё не настоящее наказание: исполнение по-прежнему предоставляется оскорблённому, и от его усмотрения зависит, воспользоваться ли своим правом мести или отказаться от него и принять выкуп за кровь. Но всё же талион образует переход от мести к наказанию. Перенесение обязанности преследования с отдельного лица на целое — весьма значительный шаг к тому, чтобы огосударствить месть и тем самым превратить её в наказание. Этого достаточно, чтобы предотвратить внутреннюю вражду. В пределах Медины царит земский мир — всеобщий и без исключений. Нет больше стольких союзов защиты, сколько существует родов, — союзов, за пределы которых защита не простирается или по крайней мере не вполне действенна. Существует лишь один, всеобщий мир — мир уммы.

Другая цель уммы — объединить роды для отпора внешним врагам. Верующие обязаны помогать друг другу против «людей»; они — мстители за кровь друг друга, солидарные вовне. Обязанность мести врагам лежит не на брате за брата, а на верующем за верующего. По существу, этим война изымается из понятия кровной вражды, с которым прежде совпадала; она становится военным делом. Как война, так и мир с чужим народом — общее дело верующих; никто не может заключить для себя мир, который не действовал бы для всех.

Тем не менее право клана или рода на вражду вовне отменяется не полностью. Это следует оценивать так же, как и соответствующую непоследовательность, состоящую в том, что и иджара, дающая чужаку право жительства в Медине, ещё не отнята у отдельного человека, хотя она обязывает *всё целое* и потому по природе вещей должна была бы быть правом верховной власти уммы и её руководителя, имама[4]. В этом размежевании целого и частей ещё не всё ясно и чётко. Умма ещё не выросла окончательно. Но её душой были верующие с пророком во главе; они были закваской, духовно более сильным, восходящим элементом, от которого исходили движение и пропаганда. По мере того как распространялась вера, крепла и умма.

3. В только что рассмотренном мединском общинном уставе объявленными врагами уммы выступают курайшиты, от которых Мухаммад и его приверженцы бежали из Мекки. Из мелких стычек выросла упорная война, и эта война самым существенным образом способствовала внутреннему укреплению уммы. Первое крупное столкновение — при Бадре во 2 г. х. — неожиданно счастливо закончилось для Мухаммада. Эта блестящая победа была воспринята как божественное подтверждение веры, произвела неизгладимое впечатление и оказала величайшее нравственное действие. Она чрезвычайно способствовала тому, чтобы возвысить влияние Мухаммада, сломить сопротивление ему, полностью утвердить ислам в умме и слить с ней или выделить из неё допускавшиеся до тех пор чуждые составные части. Отныне ислам уже не был терпимым, а действовал внутри Медины устрашением. Знак этого поворота — *мунафикун*, сомневающиеся и лицемеры.

[4]Подобные непоследовательности существовали и у нас до недавнего времени. Гофману фон Фаллерслебену, высланному отовсюду, д-р Шнелле предоставил право жительства в своём рыцарском имении Бухгольц в Мекленбурге, на что во времена Германского союза имел право. Как видим, и такое имело свои преимущества.

Язычники уже не могли, как прежде, оставаться язычниками внутри уммы; под давлением обстоятельств им пришлось принять веру, но делали они это со смешанным чувством и не скрывали злорадства, когда счастье, казалось, изменяло пророку. Но гораздо хуже, чем им, пришлось евреям. После битвы при Бадре положение весьма изменилось к их невыгоде, говорится у аль-Вакиди. Мухаммад старался выставить их неправыми и нарушителями договора. Под ничтожными предлогами он в течение немногих лет изгнал и уничтожил все еврейские общины в оазисах Медины, которые образовывали там такие же замкнутые союзы, как арабские роды. Их ценными пальмовыми насаждениями он наделил мухаджиров, которые до тех пор не владели землёй, а как приживальщики зависели от гостеприимства ансаров или кормились торговлей и разбоем. Тем самым он сделал их независимыми от ансаров, оседлыми жителями и землевладельцами Медины. Так он укрепил и собственную власть. Ибо мухаджиры были, так сказать, его лейб-гвардией, а всё ещё не вполне изжитое напряжение между двумя племенами ансаров — аус и хазрадж — придавало им решающее значение.

После поражения при Бадре курайшиты под предводительством Омейяда Абу Суфьяна, правда, собрались в карательный поход против Мухаммада и действительно одержали над ним победу у горы Ухуд близ Медины. Однако они не воспользовались ею, а удовлетворились честью и вернулись домой. Так что неудача не слишком повредила пророку; он сумел её перенести и вскоре загладить урон. И второе нападение курайшитов на Медину, для которого они объединились с язычниками и евреями, кончилось ничем. Меньшие соседние племена примыкали к поднимающейся общине — сперва лишь политически, затем и религиозно. Ислам пробивал себе путь и всё больше переходил от обороны к наступлению. Аравия напряжённо следила за великой распрей язычества с Аллахом, которая велась между Меккой и Мединой.

Во время этой внешней борьбы с арабским язычеством, как ни странно, совершалась внутренняя арабизация самого ислама. Мухаммад поначалу исходил из убеждения, что его религия по содержанию совпадает с иудейской и христианской. Соответственно он ожидал, что евреи Медины примут его с распростёртыми объятиями. Однако они не признали его пророком, а его откровение — тождественным своему, хотя политически поначалу и вошли в основанную им умму. Он, следовательно, горько в них обманулся. Поскольку они не уравнивали иудейство с исламом, а противопоставляли его исламу, то и он со своей стороны противопоставил ислам иудейству, а затем и христианству. Опознавательные знаки, или символы, своей религии — нам они кажутся незначительными, а на деле были очень важны — он устроил так, чтобы они выражали уже не общность с родственными религиями, а отличие от них. Вместо субботы или воскресенья он назначил днём главного богослужения пятницу, трубы и колокола заменил призывом *азана*, пост *ашуры*, великого Дня очищения, отменил, а постом-четыредесятницей сделал месяц рамадан. Сознательно отбрасывая иудейскую и христианскую скорлупу и тем ставя ислам на собственные ноги, он одновременно положительно сближал его с арабством. Он и прежде всегда считал себя пророком, посланным именно к арабам, получившим и возвещавшим на арабском языке то откровение, которое содержалось и в Торе, и в Евангелии. По-видимому, он также никогда

не отрекался от естественной симпатии к Каабе в Мекке и к Богу Каабы. Теперь же, побуждаемый обстоятельствами, он сделал куда более решительный шаг в этом направлении. Он изменил *киблу*: повелел во время молитвы обращаться лицом уже не к Иерусалиму, а к Мекке. Вместо Иерусалима истинным святилищем, подлинным местопребыванием Аллаха на земле была объявлена Мекка. Паломничество к Каабе и даже целование священного камня были освящены; средоточие языческого культа и популярный языческий праздник были приняты в ислам. Для оправдания этого присвоения, как обычно, пришлось прибегнуть к истории. Святыня и культ Мекки будто бы изначально были монотеистическими и основаны Авраамом, а лишь впоследствии выродились и стали языческими. Авраам, отец веры, был отнят у евреев и сделан основателем доисламского ислама арабов, средоточием которого считалась Мекка. Этим ислам окончательно отделился от иудейства и превратился в национально-арабскую религию.

Таким образом, Мекка была духовно уже включена в ислам ещё до того, как её завоевали. Завоевание последовало в 8 году бегства. Оно произошло путём капитуляции, заранее условленной с Абу Суфьяном. Опасение, что из-за ислама город утратит религиозную притягательность для арабов, которой он жил, было заранее обессилено. На деле он скорее выиграл, ибо один сохранил свой священный дом и праздник поблизости, тогда как все прочие места древнего языческого культа были упразднены. Война с Мухаммадом причинила курайшитам тяжёлый урон; теперь он позаботился о том, чтобы дать им почувствовать, насколько лучше им живётся в дружбе с ним. Он делал их вождям большие подарки и осыпал их знаками своей милости; этот способ убеждать их в истинности ислама он называл «привлечением сердец». Свою роль играла и врождённая привязанность к родному городу. В стремлении примирить его с собой всевозможными знаками благоволения он зашёл так далеко, что ансары опасались, как бы он не сделал его средоточием своей власти и не покинул Ясриб. Однако это опасение было беспочвенным. Ясриб остался *Мединой*, то есть «городом правления». Мухаммад не переселился в Мекку; напротив, честолюбивые курайшиты, желавшие приблизиться к нему и к правлению, переселились в Медину, и впереди всех — Абу Суфьян и Омейяды. Правда, и это не было выгодой для ансаров. Мухаджиры — не только из Мекки, но и со всей Аравии — всё больше умножались в их городе. Медина сильно притягивала деятельных людей, желавших сделать себе состояние, и пророк без разбора принимал их как желанное приращение своей силы, пусть даже за ними было не слишком чистое прошлое.

Арабские племена до тех пор выжидали; после взятия Мекки и вскоре последовавшего разгрома хавазин они одно за другим перешли к победителю и приняли ислам. Действовали при этом не отдельные люди, а князья за народы. Предводители и старейшины капитулировали перед Мухаммадом и старались добиться как можно более выгодных условий и для своего народа, и для себя самих. Если племя было внутренне расколото спором о княжеской власти, то одна партия стремилась усилиться против другой с помощью ислама; этот благоприятный для Мухаммада случай встречался очень часто. Переход, следовательно, был политическим актом — вступлением в мединскую общину. Принимались лишь формы и знаки господства ислама, прежде всего молитва с призывом к

ней и налог в пользу бедных. Лишь *после* того, как переход был улажен, в страну приходили миссионеры, учреждавшие богослужение и обучавшие началам религии и права. Достаточно было внешнего исповедания; вера в лучшем случае была *fides implicita* («верой неявной»).

Включение всей Аравии в ислам было скреплено *Бараа* 9 года и *Хаджат аль-вада* («Прощальным паломничеством») 10 года. Культ в Мекке и праздник в её окрестностях были объявлены исключительно исламскими; язычники больше не могли в них участвовать — они были вытеснены из собственного, по сути чисто языческого, наследия. Мало того, на всю Аравию были предъявлены притязания от имени ислама; всем арабам, оставшимся ещё язычниками, тем самым объявлялась опала. Для тех же, кто вступил в теократию, действовал Божий мир; никакой внутренней вражды больше быть не должно было. Ислам перечеркнул прошлое и прежние поводы к вражде; все кровные притязания и кровные долги должны были быть «попраны ногами». Это была сисахфия совсем иного рода, чем солоновская, захватывавшая гораздо шире и глубже. Из мединской ячейки теократия распространилась на всю Аравию. Племена и их аристократии хотя и продолжали существовать, но часто получали в лице наместников Мухаммада своего рода верховный надзор и все вместе объединялись в государственное целое, господствующим центром которого была Медина. Основание этого государства — пусть рыхлого, но всё же противостоящего анархии и всеобщей раздробленности — было замковым камнем дела пророка. Он умер не мучеником, а на вершине успеха. Не нужно ставить ему в упрёк то, что Царство Божие он осуществил на данной природной основе. Хотя практика часто вынуждала или соблазняла его применять несвятые средства и лишь прикрываться Аллахом, всё же считать его из-за этого лицемером нельзя.

4. Арабские племена полагали, что присягнули лишь пророку: по всеобщему воззрению, присяга связывала только с тем лицом, которому была принесена. После его смерти они вновь отпали — не столько от Аллаха, сколько от Медины. И внутри Медины положение было опасным. Однако теократия пережила критическую смену правителя и вновь привела Аравию к повиновению. Лучшим средством залечить разрыв оказалась экспансия вовне, непосредственно последовавшая за подавлением внутреннего мятежа. Через *джихад*, священную войну, мятежные племена были вовлечены в интересы ислама и примирены с ним. Распространение веры было немногим более чем предлогом войны. Лишь *pro forma* перед началом военных действий врагам Аллаха делался призыв обратиться; на то, что они ему последуют, в действительности не рассчитывали. По отношению к чужим странам действовало иное правило, чем по отношению к арабам. Арабам выбора не оставляли — они *должны* были принять ислам; тенденция состояла в том, чтобы на всём полуострове терпеть лишь религию Мухаммада[5]. Отождествление ислама с арабством заходило так далеко, что никто не мог стать мусульманином, не принадлежа к арабскому роду или не примкнув к нему. Неарабов же к переходу не принуждали; ближайшим предположением было, напротив, что они останутся при своей

[5]Таглиб, которым было позволено остаться христианами, жили в Месопотамии.

старой религии. Как неарабы они именно и не принадлежали к прирождённому гражданству теократии. Они должны были не вступать в неё, а лишь подчиниться её власти — в этом и была цель войны.

Так из национального государства, основанного Мухаммадом, после его смерти возникло *царство* — империя теократии над миром. Царство включало два класса принадлежащих к нему, различавшихся одновременно политически и религиозно. Господами в царстве были арабы — как мусульмане и вместе как воины и завоеватели. Община Мухаммада окончательно превратилась в войско; молитва, пост и прочие упражнения благочестия отступили на задний план перед джихадом. В таком виде ислам был понятен и бедуинам: он был знаменем, ведущим их к победе и добыче, а в худшем случае — в рай. Теперь и сама теократия в новых условиях, в завоёванных провинциях, была организована всецело как войско. Её гражданским списком был войсковой список, племена и роды составляли полки и роты. Включены в него были не все арабы, а лишь действующие — *мукатила*, то есть бойцы, ратники. В противоположность тем, кто оставался дома, этих мукатила называли также *мухаджирами*, то есть теми, кто переселялся в большие военные лагеря, откуда велась и направлялась война. Ибо *хиджра* означала уже не бегство, а переселение (с жёнами и детьми) в политико-военный центр, чтобы поступить на службу[6]. Полное гражданское право в исламе имели лишь в войске и в главных и военных городах; бедуины, остававшиеся без дела на родине при своих стадах, не считались полноправными и едва ли считались принадлежащими к общине[7]. Изначальным *Дар аль-хиджра*, или *Дар аль-ислам*, была Медина; туда сначала стекались действующие. Позднее к ней добавились провинциальные столицы (*миср*, мн. ч. *мусур*); и туда могла совершаться хиджра. В Сирии для этого были избраны уже существовавшие старые города. В других местах были основаны новые военные поселения — так, Фустат в Египте, Кайраван в римской Африке, но прежде всего Басра и Куфа в Ираке.

Из этих пунктов, где они сосредоточивались, арабы держали провинции в повиновении. Это было чисто военное господство. Эмиры, под чьим предводительством была завоёвана страна, становились первыми наместниками; и их преемники были прежде всего военачальниками. Но как войско было одновременно и уммой, так эмир был одновременно и имамом, руководителем богослужения в мечети, особенно в пятницу, когда он произносил проповедь. Он ведал *аля-ль-харб ва-с-салят* — война и культ совпадали в его ведомстве. Наряду с этим ему, естественно, принадлежала исполнительная власть, а потому и высший суд, ибо для этого нужна сила, способная повелеть мир. Поначалу эмир сам вершил правосудие, позднее он назначал в столице кади[8].

---

[6]Это значение *хиджра* имеет, например, в «Хамасе» 792, ст. 3: «не ради рая ты покинул родину, а ради хлеба и фиников». Ср. Кутами 4, 25.

[7]Яхья ибн Адам, «Китаб аль-харадж» 5, 18 и 59, 15. Ср. моё исследование о хариджитах (Гёттингенское научное общество, 1901), с. 9.

[8]При Умаре I такого ещё не было; тогда будто бы вообще не случалось никаких тяжб. Впервые мы слышим о кади в Куфе во времена Муавии или Язида I.

В целом внутреннее управление, а до известной степени и судопроизводство, он предоставлял ближайше заинтересованным кругам. Арабы и в завоёванных провинциях сохранили своё старое племенное устройство. Однако по сравнению с прежним произошла одна перемена. На арабской родине подлинным единством был лишь сравнительно небольшой союз, сообща пасший скот и кочевавший. Он, правда, причислял себя вместе с другими племенами к вышестоящим, всё выше восходящим группам, но практически они значили немного. Это изменилось с великим прорывом за плотины пустыни. На чужбину обычно переселялось не всё племя, чтобы *in corpore* осесть в одном и том же месте; напротив, обломки племени забрасывало то туда, то сюда, и сами по себе они существовать не могли. Поэтому они теснее смыкались с обломками родственных племён, принадлежавших к той же вышестоящей группе, чтобы обрести необходимую прочность. Это тем легче могло произойти, что больше не было, как прежде, широкого простора, чтобы разойтись, а жили в колониях скученно и в теснейшем соприкосновении друг с другом: так, например, Куфа была настоящей картой образцов широко разветвлённой этнологии пустыни. Этим объясняется, что благодаря своего рода интеграции более крупные союзы теперь получили актуальное значение, которого прежде не имели, а в собственно Аравии едва ли имели и позже. С присоединением других обстоятельств эта тенденция к образованию групп распространялась всё шире; для внутренней истории арабского царства она стала роковой.

Арабской военной знати противостояли неарабы как подданные, то есть покорённые[9]. Они образовывали *финансовую* основу царства. Они должны были обеспечивать содержание своих господ наложенной на них данью — податью подданных, которая была гораздо обременительнее так называемого налога в пользу бедных у мусульман и считалась позорной. В их внутренние дела арабское правительство по возможности вмешивалось ещё меньше, чем в дела племён. На прежде римской территории гражданскими главами общин часто становились епископы, на персидской ими оставались дихканы. Где находились такие местные старшины, они отвечали за подать. Правительство заботилось лишь о том, чтобы подать поступала исправно. Наместник должен был держать подданных в покорности, чтобы они платили дань. Позднее к нему иногда приставляли самостоятельного финансового чиновника, что было ему не особенно по душе. Ибо тогда ему оставалось лишь держать корову за рога, чтобы она стояла смирно, пока другой её доил.

Основой обложения подданных и вообще упорядочения их положения было древнеарабское право на добычу — в несколько изменённом виде, в каком Мухаммад освятил его в Коране. Если город или область сдавались мусульманам без боя (*сульхан*), жители сохраняли жизнь, свободу и имущество, но за пощаду и защиту должны были платить дань — в размере или по ставке, установленной капитуляцией[10]. Если же они были

[9]Слово *подданные* я употребляю в этом более узком смысле, в противоположность арабам — собственно владельцам государства.

[10]В некоторых случаях они несли военную службу на границе царства и тогда дань платить не были обязаны. Ибо считалось, что дань есть плата за свободу от военной службы и за принятие её на себя арабами.

покорены силой оружия (*анватан*), то подпадали под военное право, то есть лишались всяких прав. Они со всем, чем владели, становились добычей победителя. Пятая часть отчислялась Богу, то есть государству; казне доставались также коронные имения и земли и селения, покинутые владельцами[11]. Всё остальное — не только движимое имущество, но и земля и люди — подлежало по закону разделу, причём не между мусульманами вообще, а между воинами того войска, которое совершило данное завоевание. Но провести это было невозможно. Столь огромная смена собственности была немыслима, даже если она не слишком затрагивала низшие классы, которые землю лишь обрабатывали, но не владели ею. Арабы не могли разыграть между собой полмира, если он не должен был превратиться в пустыню. Не могли они и рассеяться по обширной стране, чтобы хозяйствовать на ней: им нужно было держаться сосредоточенно в военном отношении, если они хотели удержаться. «Пропитание моей общины, — будто бы сказал Мухаммад[12], — зависит от копыт её коней и остриёв её копий, пока она не возделывает землю; если же она начнёт это делать, то станет как прочие люди». Кроме того, нужно было думать о будущем. Если бы всё сразу было разделено между первыми, собственно завоевателями, добыча растаяла бы так же быстро, как была добыта. Поэтому землю рассматривали как неприкосновенный капитал и оставляли её прежним владельцам во временное пользование, так что они должны были платить с неё ренту[13]. И арабским воинам и их наследникам доставалась лишь эта рента — не капитал, а доход. Фактически, таким образом, города и области, завоёванные силой оружия, находились в положении немногим худшем, чем взятые по капитуляции, и даже название дани было у тех и у других одинаковым[14]. Только у последних дань была юридически определена и не могла быть произвольно изменена[15].

Так в период после Мухаммада возникло различие между *ганима* и *фай*. Ганима — это доставленная в лагерь добыча движимым имуществом, а также пленными, которая по-прежнему делилась между воинами; фай же — добыча в виде недвижимых угодий и живущих на них людей, которая не делилась, а оставлялась за дань прежним владельцам, так что подлинные (по военному праву) собственники получали с неё лишь ренту[16]. Ренту же собирало через своих чиновников государство, и оно не выплачивало ежегодно полную

---

[11]Яхья, указ. соч., с. 45.

[12]Яхья, указ. соч., с. 59.

[13]Точно так же в Быт. 47 налог, который египетские крестьяне обязаны платить фараону, считается признанием того, что их земля, собственно, принадлежит фараону, а они — его рабы.

[14]Яхья, указ. соч., с. 11: вся земля в Саваде, орошаемая каналами, есть земля *харадж*. Ср. также с. 13, 33, 35 сл.

[15]Впрочем, и другие во многих случаях задним числом сфабриковали себе грамоты о капитуляции, что было нетрудно при скудном знании дипломатики и при исторической тьме, которая вскоре распростёрлась над бурным временем завоеваний.

[16]*Фай* заимствовано из Корана (59, 6, 7); но различие между *ганима* и *фай* там не проводится, а противоречит закону. Слово, собственно, означает *reditus* («доход») (Яхья 33; Ибн Хишам 880, 7), но употребляется не только для ренты, но и для капитала, который её приносит. Мусульманские правоведы, разумеется, считают различие между ганима и фай изначальным установлением и не признают, что оно сложилось лишь на практике, вопреки Корану.

сумму правомочным мукатила или их наследникам, а платило им лишь твёрдое жалованье, тогда как остаток оставался в общественных кассах.

Организация завоеваний, следовательно, держалась более или менее в пределах военной оккупации для эксплуатации подданных. Существующее положение вещей этим мало менялось. Власть сменилась, участь *misera contribuens plebs* («жалкого податного люда») осталась примерно такой, какой была. Управление арабов ограничивалось финансами, их канцелярия была счётной палатой. Они сохранили греческих и персидских писцов — единственных технических чиновников, какие у них были. В главном они сохранили и старые названия и виды налогов и, наверное, немного изменили в их раскладке и взимании. Если те два мединца, которые будто бы обмерили и обложили Ирак, были хоть сколько-нибудь в здравом уме, то они пользовались своими способностями как можно экономнее. Во многих случаях халиф лишь утверждал предварительные меры своих полководцев, которым приходилось держаться местных условий. Завоевания пришлись главным образом на время халифа Умара, и его считают их организатором. После сказанного он, конечно, не был творцом новой системы. Но его заслуга в том, что арабское право на добычу было отодвинуто в сторону и между войском и покорёнными встало государство. Он в известной мере защитил подданных и их податной силой укрепил государство перед лицом войска.

5. За развитием политической власти развитие политического права не поспевало. Из древнеарабской традиции нельзя было извлечь никакого практического государственного права, да и из идеи теократии тоже. Этот недостаток тотчас дал себя знать, когда встал роковой вопрос: кому принадлежит верховное руководство теократией?

Пока Мухаммад был жив, этот вопрос ещё не стоял. Пророк был наместником Бога, подлинным теократическим правителем. Теократия была всецело скроена по его личности. Но предположение, что с его смертью одновременно наступит час Страшного суда, не оправдалось. Мир не погиб, а он умер, не позаботившись о том, чтобы его стадо не осталось без пастыря. Он оставил, правда, Коран, а кроме того — сунну, то есть проложенную им колею, путь, которым он шёл впереди своей практикой. Но из Корана и сунны нельзя было определить, кто призван стать его преемником; ещё меньше они делали такого преемника вообще излишним: личный руководитель богослужения и правления казался необходимым. Упорядоченной процедуры выборов не существовало, как не существовало и наследственного права на пророчество.

Смерть Мухаммада, казалось, уничтожала теократию; находились благочестивые люди, не желавшие верить в возможность этого факта. Арабские племена отпали; в самой Медине грозил раскол. Поскольку о преемстве никак не позаботились, оставалось лишь решительно взять дело в свои руки. Ближе всех к правлению уже при Мухаммаде стояли его старейшие мекканские приверженцы и друзья — немногие люди. Как первенцы веры они были знатью теократии — знатью подлинно исламского происхождения и склада. Официального положения у них не было, но фактически они составляли совет пророка и оказывали на него величайшее влияние. И вот они не выпустили правления, когда оно уже не было прикрыто им, и крепко держали поводья, выпавшие из его руки. Их духовным

главой был Умар ибн аль-Хаттаб — человек, которого можно считать основателем второй теократии, теократии без пророка. Он был высокого роста, ходил быстро, говорил громко и бил крепко: его всегда представляют с плетью в руке. Он не крался и не шептал, как святоши, и всё же был искренне богобоязнен и отнюдь не опрометчив. Однако поначалу он выдвинул вперёд Абу Бакра, ближайшего друга Мухаммада; лишь после его смерти, вскоре последовавшей, он принял власть и по имени. Абу Бакр передал её ему предсмертным распоряжением[17], но это было лишь подтверждением того, что и так разумелось само собой. Абу Бакр и Умар хорошо знали, что владели правлением не в силу правового основания, а узурпировали его. Они могли лишь задним числом узаконить свою изначально нелегитимную власть, осуществляя её согласно идее теократии. Поскольку Аллах больше не правил через Своего живого уполномоченного, они давали Ему править тем, что брали за мерило Его слово — Коран — и пример Его посланника — сунну. Они хотели считаться лишь временными заместителями единственно правомочного правителя теократии — пророка. Это они выражали должностным именем, которое себе присвоили: *халиф*, то есть «викарий». Абу Бакр называл себя викарием посланника Божьего, Умар — викарием викария посланника Божьего, пока это не показалось всё же слишком громоздким и «халиф» с опущением родительного падежа не стал самостоятельным титулом. Наряду с этим они носили титул «повелитель правоверных».

Во влиянии старейших и знатнейших сподвижников пророка, из круга которых вышли первые халифы, участвовали их соплеменники, курайшиты, — и не только те, кто переселился в Медину уже в год бегства или по крайней мере ещё до покорения Мекки, но и те, кто примкнул к исламу лишь после его победы, по нужде. Кровь утверждала свою силу наряду с верой. Хотя курайшиты сопротивлялись исламу, сколько могли, теперь они все вместе чувствовали себя имеющими право на господство в теократии, ибо Мухаммад происходил из их среды. В этих притязаниях их фактически укрепляли он сам и его сподвижники. И арабы в целом находили в порядке вещей, что власть оставалась если не в пределах отдельной семьи, то в пределах рода или племени, общим достоянием которого она считалась, хотя осуществлял её лишь один. Только ансары всерьёз противились первенству курайшитов в исламе. Они некогда дружелюбно приняли их как беглецов и дали им кров, пропитание и защиту. Поначалу они ничего не имели и против того, что Мухаммад во многом отдавал предпочтение своим мекканским соратникам, что на долю ансаров выпадала главная работа в бою, а тем — львиная доля добычи, например при разделе земельных владений изгнанных еврейских общин. Но со временем у них всё более распространялось чувство, что вызванные ими духи переросли их самих. Они пытались показать, что хотят быть хозяевами в собственном доме и не намерены всё сносить от гостей. Их ожесточение прорывалось не раз; его особенно разжигал один прежде весьма влиятельный вождь племени хазрадж, которого пророк оттеснил в сторону. Однако против

[17]Завещание умирающего у арабов — обычай старый. На войне эмир имел право и обязанность в случае своей гибели или на случай её назначить заместителя, иногда и заместителя заместителя и т. д. А мусульмане ощущали себя войском. Ср. Contin. Isidori Hispana, изд. Моммзена, § 98.

этого человека тотчас поднималась ревность другого племени, аус; старая опасная партийная вражда ещё не исчезла и шла на пользу третьему, стоявшему над спором. При таких обстоятельствах Мухаммаду было легко раз за разом успокаивать ансаров. Да они и действительно были обязаны ему благодарностью за то, что он спас их от самоистребления, и, приходя в себя, признавали, что не могут без него обойтись. Им очень тревожно было думать, что он может покинуть их город и после взятия Мекки переселиться туда. Итак, дела шли дальше так, как начались. Курайшиты всё прочнее укоренялись в Медине; их подкрепляли многочисленные эмигранты из других племён, тоже звавшиеся мухаджирами. Ансары едва ли сохраняли численный перевес и всё больше оказывались позади. При смерти пророка они ещё раз сильно встрепенулись, чтобы отстоять своё право на власть в своём городе или по крайней мере свою автономию. Они забывали, что Медина давно уже была не их городом, а городом пророка, который сделал из неё нечто совсем иное — центр Аравии и ислама. Их застала врасплох решительность Умара и других сподвижников; вскоре их расколола собственная старая распря, и в конце концов их перевесили стекавшиеся бедуины окрестностей, принявшие сторону мухаджиров против них.

К счастью, одновременно вспыхнуло великое восстание арабских племён против Мединs; перед общей внешней опасностью внутренний раскол исчез. Согласно своим традициям, ансары вновь были впереди в борьбе с врагами; и в завоеваниях, особенно в завоевании Сирии, им принадлежала главная заслуга; они составляли ядро войск ислама, только вождей из своей среды не выдвигали. В некоторой оппозиции к правящим они, правда, оставались и дальше. Однако их оппозиция растворилась и потонула во всеобщей оппозиции благочестивых теократов против существующей власти. Оппозиционная Медина — место пребывания исламского предания и оттеснённой исламской аристократии — впоследствии всегда выступает как целое; совершенно ошибочно думать при этом лишь об ансарах. И в великом восстании, закончившемся при Харре, они были заодно с мухаджирами против Омейядов; они следовали за курайшитскими претендентами и не сражались за себя как особая партия[18]. Гегемония курайшитов признавалась — разве что за исключением хариджитов — со всех сторон, хотя и не без ропота. Над соперничеством племён они занимали нейтральное положение; друг другу племена уступали власть ещё гораздо менее охотно, чем курайшитам, как бы ни досадовали порой на этих прирождённых акционеров государства.

Курайшиты, впрочем, не составляли замкнутого единства. Первоначально они были лишь тылом пророка и его старых сподвижников; лишь через них, как их племя и кровная родня, они получили значение в исламе. Но затем из их же среды подлинно исламской аристократии *сподвижников* выросла опасная конкуренция. Это произошло после смерти

[18]Говорят, что ансары составили исходную точку позднейшей оппозиционной партии йеменцев. Оснований для этого я не знаю. Йеменцами в Сирии были кальб, в Куфе — хамдан, мазхидж и кинда, в Басре и Хорасане — азд Умана, последние — самые ожесточённые. Ни с кем из них ансары не были связаны. И в шиизме они существенно не участвовали, хотя и держались Али, пока он был жив. То, что Алиды видели в Медине свою родину и почитались там, — совсем другое дело.

халифа Умара. Тогда вновь встал вопрос о преемнике. Умар не завещал власть Али, который как двоюродный брат и зять пророка выдвигал притязания и уже прежде чувствовал себя обойдённым. Он, напротив, предоставил избрание халифа, который должен был ему наследовать, выборам. Однако *шура*, избирательная коллегия, отнюдь не состояла из всей совокупности мусульман. Провинции не привлекались — Медина одна была полисом. А в Медине вообще не принимались в расчёт ансары, да и курайшиты не *in corpore*. Напротив, к шуре принадлежали лишь шестеро ещё живых старейших сподвижников пророка: они должны были, подобно коллегии кардиналов, договориться об одном из своей среды. Прочие мединцы имели лишь право или обязанность присягнуть избранному; присяга должна была присоединиться к избранию и совершиться в Медине.

Шестеро и со своей стороны обошли Али, потому что не хотели признавать за ним преимущественного права. Они избрали, напротив, уже пожилого Усмана ибн Аффана из дома Омейи. Он был самым безразличным и незначительным; именно этим он им и пришёлся по душе: они хотели посадить на царство чурбан, а не иметь снова над собой Умара. Но успех их обманул. Ибо слабость Усмана пошла на пользу не им, а его дому, влиянию которого он охотно или безвольно поддавался. Омейяды, как и клан пророка, принадлежали к роду Абд Манаф, но были могущественнее, богаче и знатнее, чем Хашим и Мутталиб. После Бадра они заняли место махзум, чья сила была сломлена в той битве[19], благодаря своему умному вождю Абу Суфьяну добились гегемонии в Мекке и стояли во главе многолетней борьбы курайшитов против Медины и Мухаммада. Хотя в этой борьбе они потерпели поражение, они от этого не утратили своего влиятельного положения, а перенесли его в новую общину, к которой им пришлось примкнуть. Мухаммад облегчил им переход и старался показать, что они от этого не понесли ущерба. Так как Мекка утратила своё политическое значение, они переселились в Медину и вскоре снова оказались близко к кормилу. Приспосабливаясь ко времени и устраивая веру сообразно обстоятельствам, они были вознесены той самой волной, что грозила их поглотить. Уже при Абу Бакре и Умаре весьма заметно выдвинулись Язид, сын Абу Суфьяна, а после его смерти — его брат Муавия, если и не в Медине, то в провинции. С Усманом Омейяды фактически пришли к халифату, ибо его власть была властью его дома. Своего двоюродного брата Марвана он сделал канцлером в Медине и предоставил ему распоряжаться; все наместничества он заместил своими родственниками.

Этим он восстановил против себя своих пэров — остальных членов шуры. Их было пятеро: Али, Ибн Ауф, Тальха, Зубайр и Ибн Аби Ваккас. У последнего, правда, не было политического честолюбия, а Ибн Ауф умер ещё до Усмана; но обоих заменила Аиша, юная вдова пророка, причислявшая себя к высшему совету ислама и пользовавшаяся большим авторитетом. Знатные сподвижники видели, что поднимающаяся династия угрожает их прежнему положению; в этом и была причина их вражды к Омейядам. Неужели им, подлинной теократической знати, всецело коренившейся в исламе, позволить себя вытеснить старому языческому знатному семейству, которое возглавляло курайшитов в

[19]О соперничестве махзум и Абд Манаф ср. Ибн Хишам 208 сл., 429.

борьбе против ислама? Сначала они пытались отвратить халифа от его, как они говорили, клики. Но, не достигнув этим цели, обратились против него самого. Они намеренно подрывали его авторитет в Медине и питали против него недовольство арабов в провинциях.

6. В провинциях — то есть в городах, где жили арабы, — и без того было неспокойно. С прекращением великих завоевательных войн времена изменились. За возбуждением последовало спокойствие, за опьянением — отрезвление. Арабских ратников уже не держала постоянно в напряжении полевая служба; у них появился досуг, чтобы опомниться. Пока ганима — собственно добыча на ходу — непрерывно притекала к ним всё новыми потоками благодаря постоянным походам, они спокойно позволяли правительству наложить руку на фай — на людей и недвижимое имущество покорённых, — так как тогда всё равно не знали, что с этим делать. Теперь же они поняли, что в буре и натиске того времени неосознанно дали отнять у себя более ценную часть добычи. Получай они хотя бы полностью доходы с фай, то есть годовую сумму подати с подданных, — они бы на том успокоились. Но и этого, как мы видели, не было. Подать с подданных, напротив, вместе с прочими государственными доходами стекалась в казну. Правительство выдавало из неё арабским ратникам лишь жалованье. Оно держало руку на кошельке, содержимое которого, собственно, принадлежало войску. Благодаря завоеваниям, сделанным войском и по праву являвшимся войсковой добычей, оно стало независимым от войска, ибо не делило землю и людей и забрало их податную силу в свою власть; а войско попало в зависимость от него через жалованье, которое оно могло назначать в произвольном размере и объёме, а также отнимать. Прежде правительство жило за счёт войска, теперь войско жило за счёт правительства. Неудивительно, что мукатила считали себя обделёнными этим негодником-государством, которое имело хребтом казну, тем самым возвышалось над ними и держало их в узде. Они утверждали, что накопленные из дани деньги принадлежат им, а не государству, что это *маль аль-муслимин* («достояние мусульман»), а не *маль Аллах* («достояние Бога») (Таб. 1, 2858 сл.). Они держались притязания, что доходы с фай должны распределяться; при случае они грабили провинциальные государственные кассы и во всяком случае не желали терпеть, чтобы их излишки отправлялись в главную казну царства. Свою ревность к государству они, естественно, обращали против его функционеров, распоряжавшихся его властью и его деньгами. Они видели, что те оттеснили их от кормушки, и не находили это правильным[20].

Фактически это был протест против системы Умара. Ибо именно Умар исподволь отнял фай у войска и передал его государству — назло Корану, хотя и в согласии с фискальной тенденцией, которую энергично проводил уже Мухаммад[21]. То, что недовольство этим

[20]Светское название для правительства, власти, государства — *султан*, религиозное — *Аллах*. *Султан* — арамейского происхождения и означает, собственно, ἐξουσία, κυριότης («власть, господство»), а не κύριος («господин»).

[21]Уже Мухаммад притязал на имущество, приобретённое без боя, для государства. И в захвате старых *ахма* (ед. ч. *хима*) и в разметке новых *ахма* как пастбищ для верблюдов и лошадей государственного запаса Мухаммад предшествовал Умару и тем подал пример конфискации доменов. Ср. «Reste arabischen Heidentums» (1897), с. 107 сл.

пробудилось и стало громким не при Умаре, а лишь при Усмане, объясняется не только изменившимися временами, но и иной личностью правителя. Усман справедливо говорил, что по отношению к нему позволяют себе то, на что против Умара никогда бы не отважились. Ему недоставало повелительного авторитета предшественника. Вследствие этого при нём своеволие и своекорыстие наместников и чиновников выступили неприкрытее, чем при Умаре, которого они боялись. Впечатление было тем хуже, что выбирал он их обычно из своих родственников. Царство казалось теперь окончательно превратившимся во владение нескольких привилегированных, которым позволено объедать провинции.

С провинциалами в ненависти к клике Усмана — у них, правда, иначе мотивированной — сошлись знатные сподвижники пророка в Медине, за которыми стояло и подавляющее большинство столицы, прежде всего ансары; во главе их были Али, Тальха и Зубайр. Им было нетрудно придать своему соперничеству с этой кликой необходимый религиозный рельеф, представить себя подлинными представителями старой, истинной теократии, поборниками Корана и сунны, и направить всеобщее недовольство как воду на свою мельницу. Как ни дерзко и непочтительно они вели себя по отношению к Усману, открытую борьбу против него они всё же не хотели начинать сами, у него на глазах, с помощью мединцев. Они предпочли послать в огонь провинции, в которых и так сосредоточивалась военная и финансовая мощь царства, тогда как в Медине был сосредоточен лишь нравственный авторитет ислама. В 34 году (654/5 г. н. э.) они написали провинциалам: если вы хотите идти на священную войну, то место для неё теперь у нас, в Медине. Это зажгло прежде всего Куфу — главный очаг оппозиции мукатила против правительства. Когда в конце 34 года (июнь 655 г.) наместники, как обычно, были во время хаджа вместе с халифом в Мекке, там вспыхнуло восстание под руководством Малика аль-Аштара, видного йеменца, лично преданного Али. Тысяча куфийцев встала перед своим городом и не впустила своего наместника Саида, когда тот возвращался из Мекки. Однако Усман без лишних слов сместил Саида и дал восставшим угодного им наместника. Этим он на время их успокоил.

Но вместо куфийцев на Медину двинулись теперь египтяне. В Египте Усман поставил на место завоевателя Амра ибн аль-Аса своего двоюродного брата Ибн Аби Сарха, хотя тот был объявлен пророком вне закона. Амр, человек весьма опасный, вследствие этого стал его врагом, помогал подстрекать против него в Медине и, конечно, не упускал случая делать это и в Египте. Кроме того, там вели подрывную работу Мухаммад ибн Аби Хузайфа, приёмный сын халифа, и Мухаммад ибн Абу Бакр, ревностный приверженец Али. В великом морском сражении против императора Константа у ликийского побережья они отделились со своим кораблём от арабского флота, говоря, что истинную священную войну оставляют позади. Они выдвигали обычные упрёки против Усмана, особенно что он раздаёт все жирные места своим родственникам, и тем сеяли опасные семена. Это было в 34 г. х. В следующем году 500 арабов из Египта последовали призыву к угодной Богу борьбе против внутреннего врага. Они появились примерно в десятом месяце 35 года (апрель 656 г.) перед Мединой, предъявили халифу определённые требования и пригрозили силой, если он их

отклонит. Мединцы, за немногими исключениями, стояли на их стороне и поддерживали их. Поскольку Усман, повелитель самого могущественного в то время царства на земле, не имел в своей резиденции в распоряжении никаких внешних средств силы, он снизошёл до переговоров с этой шайкой. Ему удалось склонить египтян к возвращению, велев пообещать им устранение их обид. Но едва они удалились, как он снова воспрянул, ободрённый Марваном и омейядской роднёй. В ближайшую пятницу он произнёс с минбара в мечети речь, в которой утверждал, что египтяне осознали свою неправоту и потому ушли. Тогда против него поднялась буря негодования со стороны мединцев, из которых состояло молитвенное собрание. Они не ограничились громкими упрёками, а стали бросать в старика камешки, так что он упал без чувств и его пришлось унести в дом. Это было его последнее публичное выступление в мечети.

Теперь мединцы толпами являлись перед *даром*[22] Усмана, находившимся у мечети, и не внимали никаким призывам разойтись. Через несколько дней внезапно снова оказались на месте и египтяне. Они привезли с собой письмо халифа наподобие письма Урии и предъявили его ему. Он отрицал, что составлял его, и вообще заявил, что ничего о нём не знает. «Такое может случиться против твоей воли? — сказали они. — Тогда ты не правитель!» Но требование отречься он решительно отверг: «Я не сниму одеяния, которое облёк на меня Бог». С этого времени его по-настоящему осаждали; рабы и клиенты, а также некоторые родственники защищали его в даре. Мединцы спокойно предоставили египтянам действовать; если бы они хотели, им было бы нетрудно справиться с этими несколькими сотнями человек. Они начали натиск на халифа и лишь завершение предоставили пришлым мятежникам; да и тут они ещё помогали им делом, особенно некоторые ансары. Знатные сподвижники, главные виновники того, что огонь разгорелся, — Али, Тальха и Зубайр, — не делали никаких усилий, чтобы его потушить. Возможно, перед халифом они делали вид, будто сожалеют, что не могут ему помочь, ибо руки у них связаны. Но они лишь старались соблюсти видимость. На деле они ничего не предпринимали, чтобы остановить ход событий, в надежде, что развязка принесёт им выгоду.

Решающий поворот к худшему, первое кровопролитие, исходил от защитников дара. Один из них бросил камень в голову старому «сподвижнику», стоявшему снаружи в толпе, и убил его. Усман отказался выдать виновного. Тогда осаждающие почувствовали себя вправе и обязанными отбросить всякие соображения и начали штурм дара; командовал им, прислонившись к мечети, египтянин Ибн Удайс из племени бали. У ворот за Усмана бились его верные, и даже после того, как ворота подожгли, они ещё пытались отразить нападающих. Но тем временем некоторые из последних были впущены в дар через соседний участок и проникли в покой самого халифа, где он, не обращая внимания на бушевавшее снаружи, сидел перед Кораном и молился. Мухаммад ибн Абу Бакр, сын его друга и предшественника, первым поднял на него руку, Кинана ибн Бишр ат-Туджиби нанёс смертельный удар, несколько других сорвали злобу на трупе. После этой сцены бой потерял смысл; уцелевшие защитники без особого труда смогли спастись. День был пятница, 18 зу-

[22] *Дар* — замкнутый комплекс домов или комнат (арабский язык между ними различия не делает) с одними-единственными воротами.

ль-хиджжа 35 года (17 июня 656 г.). Погребение убитого халифа долго не совершалось, пока по настойчивой просьбе его вдовы, кальбитки Наили, несколько верных не отважились на него. Неомытый труп в большой спешке, ночью и тайком, вынесли на двери, о которую постоянно билась голова; за ним летели камни и проклятия. Его пришлось похоронить на еврейском кладбище; ансары не позволили даже совершить над ним заупокойную молитву на обычном месте. Это было почти ослиное погребение на живодёрне.

7. Убийство Усмана составило эпоху, как едва ли какое-либо другое событие исламской истории. Вопрос о том, кому принадлежит власть в теократии, отныне решался мечом. Врата Януса гражданской войны распахнулись и уже никогда не закрывались вполне[23]. Единство общины Мухаммада, представленное стоящим во главе имамом, можно было поддерживать разве что внешне, принуждением; на деле *джамаа* распалась и распалась на партии, которые всегда стремились утвердиться политически и поднимали оружие за своего имама против фактически правящего имама. Для благочестивых это была мучительная дилемма[24]. Если они держались в стороне, то нарушали настойчиво подчёркиваемое исламом требование открыто заявлять своё убеждение и выступать за правое словом и делом. Если же они примыкали к партии, то переступали через основное предположение теократии — что верующие могут сражаться лишь с неверными, а не друг с другом, и проливать собственную кровь. Вопрос «что вы скажете об убийстве Усмана?» разделял умы.

Плод рокового деяния упал в руки Али: зять пророка после смерти Абу Бакра, Умара и Ибн Ауфа был бесспорно первым среди сподвижников и пользовался большим авторитетом, чем Тальха и Зубайр. Уже во время осады дара он исполнял обязанности имама на богослужении и даже назначил руководителя хаджа. В Медине его повсеместно считали естественным преемником Усмана, особенно ансары. Египтяне тоже были к нему привержены, работали на него и ни на кого другого, и в смятении момента именно они решили дело. В тот же самый день, когда Усман был убит, Али принял публичную присягу в мечети Медины. После первого возбуждения, правда, вскоре наступила реакция; настроение стало подавленным; мединцы не приветствовали радостно нового халифа, получившего власть из столь нечистых рук, и не поддерживали его деятельно. И тут для него было почти удачей, что два других триумвира, Тальха и Зубайр, бесстыдно ударили ему во фланг, ибо благодаря этому он против них получал правое дело. Пока Усман был жив, они самым усердным образом агитировали против него, по-видимому в интересах Али, которого пускали вперёд. Теперь же они выступили против него как соперники и заклеймили его как зачинщика убийства, из которого он извлёк выгоду. Они покинули Медину и отправились в Мекку. Там находилась Аиша, мать правоверных. Она удалилась от травли Усмана, в которой тоже принимала деятельное участие, в священное убежище ещё до того, как дело дошло до крайности, чтобы умыть руки в невинности и занять позицию в зависимости от исхода. Али она терпеть не могла. Узнав, что он принял присягу, она без смущения сделала Усмана святым и призвала мстить за него новому халифу. Вокруг

[23]Поэтому убитого халифа называют «*отворёнными вратами*».
[24]Поэтому гражданская война называется *фитна* — «искушение».

неё собралось некоторое число беглецов, по существу очень разных направлений. Тальха и Зубайр вступили с ней в союз и спрятались за её спиной; эти трое были главами и руководителями движения против Али в Аравии. Из Мекки, однако, они не могли принять бой с далеко превосходившей их силами Мединой. Они решили покинуть Аравию и отправиться в Басру, где у них были связи. Им удалось завладеть городом и укрепиться там. В ответ на это и Али решил, что не может оставаться в Медине. Он последовал за ними в Ирак, причём направился в Куфу, где ему подготовил почву прежде всего влиятельный йеменец Малик аль-Аштар. С куфийцами он затем напал на басрийцев и разбил их у самого их города в Верблюжьей битве, которая называется так потому, что бушевала вокруг верблюда Аиши (9 декабря 656 г.). Тальха и Зубайр пали, Аиша проиграла свою игру и сошла со сцены. Басрийцы заключили мир с Али, весь Ирак его признал. Он остался там и избрал Куфу своей резиденцией.

Ближайшим следствием убийства Усмана было, таким образом, то, что старый халифат в городе пророка прекратился, а новый раскинул свою ставку вне Медины. Святость халифата исчезла; в споре за него всё решала сила. А сила была у провинций: племена лучшей своей частью переселились в военные города, Аравия перенесла свой центр тяжести вовне. Решающий шаг сделали сами мединцы, призвав провинциалов и позволив им в своём городе делать что угодно; тем самым они отказались от своей гегемонии. Особенно знатные сподвижники совершили политическое самоубийство. Ибо они разрушили нравственный авторитет, на котором стояли сами; если же всё решала сила, то другие были сильнее их. С тех пор Аравия, опустевшая от всеобщей хиджры, опустилась глубоко ниже того уровня, на котором стояла до ислама; горькие жалобы на это звучат нам из старых песен[25]. Медина перестала быть центром царства, и все попытки вернуть утраченное положение остались тщетными. Она осталась лишь местом пребывания исламского предания, которое развилось там в книжную учёность, и уголком, где дулись оттеснённые в сторону члены исламской аристократии милостью Мухаммада, порой пытавшиеся оттуда заявить свои притязания. Однако она сохранила притягательность родины для людей, которые могли выбирать местожительство по своему усмотрению, которые отыграли свою политическую роль или по иным причинам отошли от деятельности. Так город благочестивых стал и городом знатного и богатого арабского общества, желавшего развлекаться, — городом удовольствий, музыки и пения, легкомыслия и распутства.

Из Куфы Али правил всем арабским царством, кроме Сирии. Эта провинция занимала обособленное положение. Тамошние арабы в большинстве своём попали туда не только благодаря хиджре; у них были иные традиции, чем у Куфы и Басры. Они издавна находились под греко-римским влиянием и уже до ислама принадлежали к царству —

[25]Хузайлит Бурайк сетует, что там, где прежде жило многолюдное население, он теперь остался один, старик, с несколькими женщинами и детьми. Подобное же — у Абу Хираша и других. Халиф Умар счёл нужным внушить одному юноше, явившемуся поступить в войско, что сыновний долг перед родителями для него ближе, чем хиджра, — совсем в духе Мк. 7, 10 сл.

царству Гассанидов. Поэтому они в известной мере были приучены к порядку и повиновению. Они не бунтовали против своего наместника, хотя и он был Омейядом. Муавия ибн Аби Суфьян двадцать лет управлял Сирией ко всеобщему удовлетворению. Ему и в голову не приходило теперь уйти с этой должности и признать Али. Его положение по отношению к Али было иным и более выгодным, чем положение Зубайра и Тальхи. Он не был претендентом, он не притязал на халифат. Напротив, он стоял на почве провинции, которой управлял. Убийство Усмана он не считал поводом к упразднению своей должности, он отстаивал её перед лицом революции. Он мог написать на своём знамени верность и повиновение законному правительству в противовес мятежу, который оставался мятежом, хотя бы и был предпринят благочестивыми во имя ислама. При этом ему было на руку, что как двоюродный брат убитого халифа он действительно имел право и обязанность мстить за него — он прежде других родственников, ибо лишь он один располагал средствами. Ибо в Сирии у него была настоящая родовая вотчинная сила.

Вскоре после Верблюжьей битвы Али с иракцами выступил в поход против сирийцев. На евфратской границе он встретился с их войском. Жаркая битва при Сиффине в конце концов стала склоняться в его пользу. Но когда сирийцам стало грозить поражение, они подняли на остриях копий списки Корана. Иракцы поняли, что этим хотели сказать: вы проливаете кровь мусульман, которые так же, как и вы, следуют знамени слова Божьего. Это произвело на них впечатление. Стремление отстоять право в теократии повело их в бой против Усмана, затем против Аиши и басрийцев, а теперь против Муавии и сирийцев. *Джамаа*, единство общины Мухаммада, при этом шла прахом: было ли это правильно? Оттого что в возбуждённый момент им наглядно показали эту антиномию, они смутились. Именно передовые и задававшие тон благочестивые первыми сложили оружие перед Кораном и подали пример другим. Они принудили и Али прекратить бой и решать вопрос о том, кому принадлежит халифат, не мечом, а Кораном, то есть третейскими судьями, которые должны были брать свои доводы из Корана; когда он противился, они пригрозили ему судьбой Усмана. Но когда двинулись в обратный путь от Сиффина к Куфе, во всём войске Али повсеместно пробилось понимание, что дали себя обмануть и лишить победы жалкой уловкой. И те, кто первым попался на удочку и увлёк других, теперь испытывали горчайшее раскаяние. Они вменяли себе в тяжкую вину то, что позволили смутить свою совесть и на миг поколебались в убеждении о божественном праве революции против Усмана. Но они ставили в упрёк и Али, что он согласился на третейский суд и тем фактически поставил под вопрос доброе дело, за которое сражались. Они требовали, чтобы он немедленно взял назад шаг, к которому они сами принудили его против его воли, и разорвал только что заключённый договор с сирийцами. Поскольку он не мог на это пойти, не мог плясать зигзагами под их дудку, они отреклись от него и расположились особым лагерем у Харуры близ Куфы. Поэтому их называли харуритами, но в более общем смысле — *хаваридж* (отделившиеся, мятежники).

На этот раз, однако, они не увлекли за собой массу. Иракцы, под которыми в первую очередь всегда надо понимать куфийцев, в целом держались Али. Но его отношение к ним было иным и менее благоприятным, чем отношение Муавии к сирийцам. Муавию не

вознесли снизу, а поставили сверху; своим положением он не был обязан подчинённым. Он стоял перед ними независимо, и когда он приказывал, они повиновались. Они, правда, тоже были убеждены, что в борьбе с убийцами Усмана право на его стороне; но при любых обстоятельствах они сделали бы его дело своим. Они знали и уважали его долгие годы, к тому же у них с прежних времён была известная военная привычка. На Али же лежало клеймо происхождения его власти из революции, и у него не было ни времени, ни способности возместить этот недостаток выдающимися личными качествами. Иракцы не забывали, что это они его возвысили; они были слишком недисциплинированны, а то и слишком благочестивы, чтобы следовать за своим халифом, куда бы он их ни вёл. Что они испортили ему игру при Сиффине, они потом горько раскаивались; но они не исправили своей глупости тем, чтобы теперь энергично поддержать его против сирийцев, после того как третейский суд кончился фарсом и военные действия возобновились. Он не мог склонить их к новому походу; как настойчиво он ни созывал их, они не являлись в войско. Они допустили, чтобы Муавия завоевал Египет и тревожил Ирак летучими отрядами, доходившими почти до Куфы. Когда они наконец собрались с силами и были готовы выступить, Али был убит. Его сын и преемник Хасан почувствовал, что не справится с положением, и продал свои притязания Муавии. Тот теперь мог вступить в Куфу; иракцы должны были ему присягнуть. Этим гражданская война закончилась.

8. Омейяды завоевали халифат. Но прочно они сидели лишь в Сирии (с Месопотамией и Египтом). Повсюду в других местах они наталкивались на тайное и явное противодействие. Удержаться они могли только силой; им почти всегда приходилось предупреждать революцию или подавлять её. Очагом её по-прежнему был Ирак, особенно город Куфа.

Иракцы в борьбе с сирийцами потерпели поражение — по крайней мере проиграли игру. Вследствие этого халифат, а вместе с ним и центральная казна, переселился из Куфы в Дамаск. Это они болезненно ощутили, когда было уже поздно. Они владели царством — теперь же опустились до провинции. Доход с завоёванной ими страны уходил от них; им приходилось довольствоваться крохами жалованья, падавшими со стола их господ. Их держали в узде необходимые им гроши, которые по усмотрению могли урезать или вовсе отнять. Неудивительно, что сирийское господство они считали тяжким игом и были готовы сбросить его, когда случай казался благоприятным. Самые мощные восстания против Омейядов исходили из Ирака — не от какой-то особой партии, а от всей совокупности тамошних арабов, единых в обиде за утрату прежнего самовластия и в ненависти к его наследникам. Чтобы держать трудную провинцию в спокойствии и повиновении, всегда нужны были исключительно дельные чиновники. Однако надолго это удалось лишь путём оттеснения местных ратников и введения сирийских гарнизонов, путём установления настоящего военного господства, которое имело своё местопребывание уже не в старой столице края, а в заново построенной крепости-твердыне.

Дело провинции стало одновременно делом ислама. Бога и право выводили в поле против силы: оппозиция соединилась с религией. Мусульманин обязан устами и рукой повелевать доброе и запрещать предосудительное; он должен не только сам исполнять волю

Аллаха, но и помогать осуществлять её в общине. О квиетизме нет и речи; религия толкает отдельного человека к вмешательству в общественную жизнь, делая его в своей мере ответственным за целое; поле её деятельности — политика. Это и есть понятие теократии[26]. Сама по себе религия могла бы, конечно, служить опорой и существующему порядку вещей и внушать, что надо повиноваться власти и нельзя раздирать общину. Но фактически она отдавала свою силу преимущественно в распоряжение оппозиции. Идея теократии критически противостояла осуществлённой форме общности; она мешала признать, что история обладает узаконивающей силой, что государство следует своему собственному резону — цели сохранения и умножения своей власти — и что существующее правительство трудно отделить от государства. Омейядам никогда не забывали, что изначально они были опаснейшими врагами пророка, лишь в двенадцатом часу по нужде приняли ислам, а затем сумели прибрать к рукам плоды его владычества — сначала благодаря слабости Усмана, а потом благодаря ловкому использованию совершённого над ним убийства. Их происхождение делало их непригодными к руководству общиной Мухаммада; то, что они являлись её высшими представителями, было издевательством над теократией. Они были и оставались узурпаторами. Они опирались лишь на свою родовую силу, на Сирию, но их сила никогда не могла стать правом. Ненависть к Омейядам усиливали старые жалобы на *султан* — на власть, — которые теперь обращались специально против них как её нынешних носителей. Выдвигались всегда одни и те же пункты: что чиновники злоупотребляют своей властью, что государственные деньги текут в карманы немногих, тогда как большинство остаётся ни с чем, что прелюбодеяние, блуд, игра и пьянство как знатные увеселения стали безнаказанными[27]. Запевалами благочестивых были *факихи* и *курра* — знатоки религиозного права и чтецы Корана; к Омейядам они относились совершенно так же, как иудейские книжники и фарисеи к Хасмонеям. Право, которое они противопоставляли правящей власти, тоже было вполне положительным, писаным и преданием переданным правом; оно содержалось в Коране и сунне. Из Корана они его вычитывали толкованием, а в тогда ещё совершенно нетвёрдую и текучую сунну вписывали его подлогом, заставляя пророка решать злободневные политические вопросы позднейшего времени в их смысле — правда, нередко довольно противоречивым образом.

Самыми радикальными представителями теократической оппозиции, благочестивейшими из благочестивых, были хариджиты. У них божественное право окончательно стало чисто революционным принципом. Они похвалялись

[26]Наученное пагубными последствиями, впрочем, и в исламе заявило о себе, так сказать, евангелическое направление, которое держалось вдали от политики как от *фитны* (искушения) и не доверяло её религиозным мотивам. Благороднейшими представителями этого направления были Саид ибн аль-Мусайяб в Медине и Хасан аль-Басри.

[27]*Зульм* (притеснение), *истисар* (присвоение при распределении фай), *та́тиль аль-худуд* (неприменение установленных наказаний). Требовали также, чтобы чиновники были ответственны и за несправедливость, совершённую ими на должности, давали пострадавшим удовлетворение (*кавад*). Этого халифы не допускали; их требование отчёта от уходящих наместников состояло лишь в том, что они выжимали из них как можно больше денег.

основополагающим актом революции — убийством *Усмана*; в противоположность тем, кто стыдился этого деяния после того, как оно совершилось, открытое признание его они сделали своим шибболетом. Вместе с прочими иракцами они сначала отстаивали революцию против Муавии, который её не признавал. Но они продолжили её и против Али, когда тот вступил в сделку в деле Божьем, и тем отделились от его приверженцев. Хотя они и помогли поднять его на щит, они не хотели быть его партией в том смысле, в каком сирийцы были партией Муавии. Ведь *дин* (религия) не был ни дином Муавии, ни дином Али, а единственно дином Аллаха. Кто хоть в одном пункте жертвовал правителю собственным религиозно-политическим убеждением, кто ставил повиновение ему выше повиновения Богу, тот делал его идолом. А идолопоклонники были идолопоклонниками, а не мусульманами. Хариджиты считали мусульманами лишь себя и присваивали это имя только себе. Поэтому они без стеснения проливали кровь прочих мусульман; именно против них, и только против них, они вели священную войну. Упрёк в том, что тем самым они раздирали джамаа, их не задевал. Они протестовали против дурной кафоличности, которая пшеницу и мякину не разделяла. Лишь они, еретики, составляли истинную джамаа. В их военном лагере сосредоточивался ислам; из ложной джамаа они переселялись туда по примеру хиджры пророка. Хотя они были настроены вполне антидинастически, всё же и у них был, как представитель единства общины верующих, свой халиф или имам, руководивший богослужением и командовавший войском. Но они следили за каждым его шагом, призывали его к ответу, как только он, по их мнению, делал неверный шаг, и отрекались от него как от неверного, если он не раскаивался. Поэтому из-за вопроса о правильном имаме они вступали в раздор не только с прочими мусульманами, но вскоре и между собой. Они раскалывались из-за второстепенных разногласий. Теократический принцип они заостряли настолько и понимали его настолько как дело веры и совести, что практически доводили его *ad absurdum*: без примеси он оказывался непригодным для созидания общности и лишь разрушительным. Все силы они отдавали недостижимой цели; религия вела их к хотя и в высшей степени активной, но совершенно неполитичной, отчаянной политике. Им самим это не было неведомо. Они отказывались от успеха, хотели лишь спасти свою душу. Они довольствовались тем, чтобы найти смерть на поле брани и тем самым оправдание перед Богом; они продавали свою жизнь за цену рая. Тем не менее, а может быть, именно поэтому, они часто побеждали большие армии и временами повергали мусульманский мир в ужас. И хотя они всегда были лишь малой горсткой, искоренить их было невозможно. Они вновь и вновь вырастали из земли; их принципы обладали неиссякаемой притягательной силой. Прочая оппозиция существующему правлению, как бы благочестиво она ни держалась, всегда была переплетена с мирскими интересами и потому окрашена по-разному; часто ею пользовались честолюбцы, стремившиеся лишь к власти. В этом пёстром концерте хариджиты неизменно держали основной тон, заданный камертоном ислама. Они сражались за Царство Божье искреннее и решительнее всех — правда, и беспощаднее всех — за бесчеловечную утопию.

Совсем иначе, чем хариджиты, хотя тоже порождённые революцией против Усмана, были направлены шииты. Омейядов они ненавидели ещё ожесточённее, чем те, но не потому, что вообще отвергали династию в теократии, а потому, что ложной династии

противопоставляли правильную и законную — дом пророка, главой которого после его смерти был его двоюродный брат и зять Али. Имя *шиа* сокращено из *шиат Али*, что означает «партия Али». *Шиат Али* поначалу были иракцы вообще, в противоположность сирийцам как *шиат Муавия*. И после смерти Али оставался для иракцев символом утраченного самовластия. Их шиизм был не чем иным, как выражением враждебного Омейядам настроения покорённой провинции, особенно низведённой столицы — Куфы. Главы племён и родов в Куфе первоначально разделяли это настроение с прочими. Однако их ответственное положение вынуждало их к осторожности. Они не участвовали в безнадёжных восстаниях, удерживали толпу, когда она давала себя увлечь, и во имя спокойствия и порядка ставили своё влияние на службу правительству, чтобы не подвергать опасности собственное положение. Тем самым они всё больше отчуждались и враждовали с более открытыми и решительными шиитами, чья приверженность наследникам пророка от безуспешности романтических выступлений не уменьшалась, а возрастала. Сама шиа в противостоянии руководящей аристократии племён сужалась и заострялась и разошлась своими путями с большинством арабов. При этих обстоятельствах в Куфе поднялась секта, остававшаяся до тех пор в тени. Она носила имя *сабаитов*. Эти сабаиты коренным образом изменили сущность ислама: рядом с безличным законом (в Коране и сунне) и над ним — законом, которого другим после смерти Мухаммада было достаточно и который особенно для хариджитов был единственным авторитетом, исключающим всякое служение людям и всякое обожествление людей, — они поставили личного пророка, который, по их мнению, не умер вместе с Мухаммадом, а последовательно продолжал жить в его телесных наследниках. Они опирались на учение о переселении душ и придавали ему тот особый поворот, что и Дух Божий, одушевляющий пророков, по смерти одного переходит на другого, что, в частности, пророческий дух Мухаммада перешёл на Али и продолжает порождаться в его крови. Следовательно, Али в их глазах был не просто правомочным преемником предшествовавших ему халифов; он не стоял на одной линии с Абу Бакром и Умаром, которые, напротив, как узурпаторы втиснулись между ним и Мухаммадом. Он был, напротив, воплощением божественного духа, наследником пророчества и потому после смерти Мухаммада единственно возможным правителем теократии, которая не могла обойтись без живого представителя божества во главе[28]. Сабаиты, говорят, получили своё имя от йеменского еврея Ибн Сабы. Они гнездились в нескольких арабских родах Куфы, но затем распространились главным образом среди многочисленных персидских вольноотпущенников, принявших там ислам, то есть среди неарабов. Политическое значение они получили благодаря знатному сакифиту Мухтару, который сделал их своей лейб-гвардией, привлёк на свою сторону и старых шиитов и воспользовался временем вновь вспыхнувшей анархии и раздробленности, чтобы свергнуть арабскую аристократию в Куфе и установить там власть под своим руководством, при которой шиизм должен был стереть различие между арабами и персами, между господами и подданными. Его успех,

[28]Имя пророка они, правда, оставляли одному Мухаммаду, но по существу ставили его наследников наравне с ним, приписывали им божественный авторитет и считали их непогрешимыми (*масум*).

правда, был недолог. Его шиа была подавлена. Но тем путём, на который он вступил, она впоследствии пришла к победе.

9. Эта религиозная или религиозно окрашенная оппозиция едва ли могла бы стать столь опасной для Омейядов, если бы к ней не присоединилось арабское племенное соперничество, которое не имело ничего общего с теократией, а коренилось единственно в арабстве, — правда, благодаря империи, к которой арабы пришли через завоевания, возросшее далеко за пределы доисламского язычества. Взрастили его главным образом наместники. В их непосредственном распоряжении была лишь небольшая *шурта*, жандармерия; в остальном их войска состояли из мукатила провинции, то есть из ополчения, из способных носить оружие людей *племён*. Ловкой игрой они могли уравновешивать племена одно другим и держаться над ними. Однако это удавалось немногим, и лишь в начале омейядского периода. Чаще всего дело доходило до того, что наместник опирался на одно племя против других, прежде всего на своё собственное, которое он порой сам с собой и приводил. Племя же, которое он возвышал до своей опоры, делило с ним правление и выгоды, приносимые распоряжением должностями и деньгами. С новым наместником к кормилу приходило и другое племя, и следствием было то, что отстранённое племя вступало в ожесточённую вражду с правящим теперь. Так политика, спор о политической добыче, отравляли этнические различия. Хуже всего в этом отношении обстояло дело в провинции Хорасан, относившейся к Басре. Там благодаря Ибн Хазиму возвысились кайс, а благодаря Мухаллабу — азд Умана; место старого напряжения между бакр и тамим заняло сперва напряжение между кайс и тамим, затем между азд и кайс, наконец между азд-раби‘а и кайс-тамим. В Сирии и Месопотамии кайс и кальб в споре за халифат между Ибн аз-Зубайром и Омейядами приняли разные стороны; из-за этого они вступили в кровавую распрю, и вражда сохранилась, когда первоначальная политическая причина давно отпала. Противоположности становились опаснее из-за и без того существовавшей склонности к образованию больших племенных групп[29]. Кайс играли выдающуюся политическую роль как в Сирии, так и в Хорасане. Они были рассеяны повсюду и через принадлежавших к ним сакиф были сильно представлены среди высших чиновников: они теснее всех держались вместе, раньше всех образовали настоящую клику по всему царству и бесцеремоннее всех протискивались к правительству. К той же большой группе, что и кайс, причисляли себя также тамим, которых больше всего было в Басре и Хорасане. Однако они выгодно отличались гордым племенным самосознанием, не столь жадно стремились к должностям и меньше вмешивались в высокую политику. С кайс они первоначально были не в ладах, но в конце концов объединились с ними в большую партию мудар. С другой стороны, азд Умана в Басре и Хорасане были злейшими врагами кайс и тамим. Они вступили в союз с прочими йеменцами, к которым в Хорасане причислялись также раби‘а (бакр). Наконец, в этот круг были втянуты и сирийские куда‘а (кальб). Они считались йеменцами; были ли они ими, сомнительно: в объятия йеменской *партии* их на

[29]Ср. выше, с. 17 сл. [в настоящем переводе — § 4, конец].

деле толкнула лишь вражда с кайс[30]. Так опасная поляризация распространялась всё шире[31]. Сами курайшиты и Омейяды не могли удержаться над дуализмом, раскалывавшим весь арабский мир на два лагеря.

В этот разлом проникли неарабы. Они в большом числе переходили в ислам, особенно многочисленные иранские военнопленные в Куфе и Басре. Этим они, правда, получали личную свободу[32], но не полное гражданское и войсковое право с его материальными выгодами; они становились *мавали*, клиентами арабского рода. Лишь в этой форме — как подчинённые члены арабских родов — они находили доступ в теократию; одного ислама для этого было недостаточно. Ибо теократия фактически была специфически арабским государством, империей арабов над покорёнными народами. Это уже само по себе противоречило понятию теократии, которая не должна была быть империей (*мульк*), да, собственно, не должна была и иметь её; но особенно тогда, когда господское право арабов сохраняло силу и по отношению к неарабским *мусульманам*: вера в Аллаха и признание Его единовластия принципиально исключали национальные различия. Ислам, следовательно, удобно было использовать как средство, чтобы доставить мавали их долю в теократии и вырвать у арабов привилегию на неё. Сами благочестивые арабы покровительствовали притязаниям мавали; особенно оппозиционные партии искали в них союзников против Омейядов, которые фактически представляли господство арабской нации, а не ислама. Хариджиты пошли впереди, принимая мавали в свою общину и в своё войско как равноправных. За ними — с гораздо большим действием — последовали шииты. Одна шиитская секта в Куфе, как мы видели, вступила в союз с тамошними мавали; этим она одновременно возвысила и себя, и иранцев. В самой Куфе её, правда, вскоре вновь подавили арабы, и она ушла в тень. Но позднее она пересадилась из Куфы на подлинно иранскую почву, в Хорасан, и распространилась там среди принявшего ислам местного населения. Под знаменем ислама, то есть шиизма, хорасанцы сначала изгнали арабов из своей собственной страны, затем положили конец арабскому господству вообще и поставили Аббасидов на место Омейядов.

10. Обычные представления об ориентализме вообще весьма нуждаются в поправке и во всяком случае должны оставаться в стороне при изучении истории ислама, пока господствующим народом были арабы. Политика — а отнюдь не культурная работа — стоит здесь безусловно на первом плане и поглощает интерес. Это не фатум в образе абсолютного деспотизма, а священное дело всех мусульман, в котором они участвуют душой и телом, хотя и без понимания природы и границ человеческого общежития. Ею

[30]Ср. Кутами (изд. Барта) 29, 56. 93 сл.

[31]Впрочем, партийное деление не было вполне твёрдым и в отдельных случаях могло меняться по преходящим мотивам. Племя выдвигало ту или иную сторону своего родства, чтобы доказать свою связь с каким-нибудь могущественным лицом, в милости которого было заинтересовано. Особенно поэты старались сделать папу своим двоюродным братом.

[32]Отпускать военнопленных на свободу, если они принимали ислам, было, правда, лишь обычаем, а не обязанностью. Вывода о том, что мусульманин по Божьему праву не может быть рабом мусульманина, никогда не делали; напротив, само собой разумелось, что раб следует религии своего господина, особенно рождённый в доме.

управляют общие тенденции религиозного, национального и социального рода. Из переплетения этих тенденций и из их борьбы с существующим порядком, который редко был представлен продолжительными правлениями и пожилыми людьми[33], возникает большая путаница, а огромная протяжённость арены — через народы и страны от Индийского до Атлантического океана — не облегчает обзора. Эта вводная глава казалась необходимой для подготовки и ориентации, чтобы последующее было понятно и чтобы не потерять нити. Но она одновременно предупреждает и ошибку, будто последующие исследования должны исчерпать содержание истории древнейшего ислама. Они, напротив, вращаются по существу вокруг Омейядов, вокруг борьбы правительства, представлявшего господство арабов, с противодействующими силами и вокруг его окончательного поражения перед лицом революции, которая со времени прекращения мединского халифата остаётся перманентной. Подробное рассмотрение партий и провинций, каждой под её особым углом зрения, не могло найти места в этих рамках, хотя для понимания ислама оно было бы не менее важно. Некоторые сведения об особенно интересной провинции Хорасан я свёл в отдельную вставную главу. Относительно хариджитов и шиа, а также относительно войн с ромеями в этот период я отсылаю к статьям, которые напечатал в «Трудах» и «Известиях» философско-исторического отделения Гёттингенского научного общества за 1901 год.

[33]Большинство халифов и наместников были молоды и не доживали до старости; исключение составляют Муавия и Наср ибн Сайяр. Правили они обычно тоже недолго, хотя наместники сменялись ещё быстрее, чем халифы.

Глава вторая. Али и первая гражданская война

1. По аль-Мадаини со слов Абу Михнафа («Агани» 15, 71), Наила, жена убитого халифа Усмана, послала Муавии его окровавленную рубаху вместе с рассказом об обстоятельствах убийства, в котором цитировала пророческий стих Кор. 49, 9. По последнему сохранившемуся у ат-Табари сообщению Сайфа (1, 3255), окровавленную рубаху Усмана и отрубленные пальцы Наилы доставил в Дамаск Нуман ибн Башир: пальцы добавлены, и потому Наила посылает не сама. По дальнейшему указанию Сайфа, Муавия выставил кровавые реликвии в мечети, чтобы возбудить своих сирийцев; это выставление длилось целый год — именно потому, что между смертью Усмана и столкновением при Сиффине прошёл год. Аль-Мадаини со слов Аваны (Таб. 1, 3254 сл.; ср. «Камиль» 183 сл., ад-Динавари 166 сл.) сообщает лишь, что Муавия разыграл жажду мести сирийцев перед Джариром, посланным Али, чтобы потребовать от него присяги, и действительно произвёл этим желаемое впечатление. Значит, на деле всё это было лишь пустой бравадой, которой хотели запугать Али, чтобы он не нападал. По аль-Вакиди (Таб. 1, 3252 сл.), Муавию скорее подстрекали против Али другие, чем он сам подстрекал против него. В сохранившихся стихах (3258) его двоюродный брат Валид ибн Укба упрекал его в том, что он переписывается с Али и не спешит исполнить родственный долг мести. По натуре он был дипломатом и тем менее рвался в бой с иракцами, что одновременно ему грозили ромеи и особенно египтяне, стоявшие на стороне Али. К халифату он не стремился; во всяком случае, ближайшей его целью было лишь удержать свою провинцию Сирию и завладеть Египтом, который он и в самом деле не мог оставить противникам, если хотел обезопасить свой тыл. К этому его особенно побуждал Амр ибн аль-Ас, который видел в мятеже против Усмана средство и раздувал его, чтобы вернуть себе свою старую провинцию, а после смерти старого халифа заключил с Муавией честный союз двух плутов, чтобы достичь своей цели (3253 сл.; ср. Динавари 167 сл.). Итак, Муавия и Амр сначала двинулись на Египет, и им удалось заманить в ловушку и взять в плен тамошнего наместника Али Мухаммада ибн Аби Хузайфу (3252 сл., 3407 сл.). Но затем им пришлось повернуть назад, чтобы обратиться против самого Али. Нападающей стороной был Али: он притязал на халифат и на власть над всем царством. Обеспечив себе Ирак и закончив приготовления, он в конце 36 года (раннее лето 657 г. н. э.) выступил на запад из сборного лагеря в Нухайле близ Куфы[34], где собралось и некоторое число басрийцев. Муавия и Амр ждали его на сирийской границе, на равнине Сиффин у Евфрата, недалеко от Ракки[35].

О битве при Сиффине у ат-Табари говорит почти исключительно Абу Михнаф. Али с главными силами пошёл обычной военной дорогой вдоль Тигра, а затем через

[34]К западу или к северу от Куфы, на пути в Сирию (1, 3345). Там же лежал Бувайб; битва при Бувайбе называется также битвой при Нухайле.

[35]Между Барбалиссом и Кесарием (Феофан, A. M. 6148). Барбалисс — это Балис (аль-Балазури 150 сл.; Ассемани, B. O. 2, 332). Имя *Сапфин* приводит Феофан, A. M. 6151; в сирийской надписи из Ханаша (Journ. As. 1900 II 285 сл.) под 968 г. Селевкидской эры оно звучит как *Сапфе* или *Сеппфе* в status emphaticus, и так же у Равеннского космографа, где *Сефе* и Барбалиссион стоят рядом.

Месопотамию; у Каркисии к нему вновь присоединился его авангард, который, собственно, должен был идти по правому берегу Евфрата. После переправы через Евфрат у Ракки у Римской стены встретили сирийский авангард; он отступил без боя. Когда хотели разбить лагерь, оказалось, что сирийцы заняли доступ к воде, то есть к Евфрату. Поскольку добрые слова не помогли, их прогнали силой, но им самим затем в воде не отказали (3259–3269). Два месяца — зу-ль-хиджжа 36 и мухаррам 37 — войска затем стояли друг против друга. Наконец в среду 8 сафара 37 года[36] дело дошло до общего сражения; в четверг утром оно продолжилось с бóльшим напором. Сирийцы были лучше вооружены и имели гораздо более солдатский вид, чем иракцы (3322). Перед их отборными войсками дрогнули йеменцы Куфы на правом крыле Али, несмотря на презрение к смерти их чтецов. Но к вечеру Малик аль-Аштар остановил их, а затем шаг за шагом оттеснил врагов до самого их лагеря. Бой длился всю ночь до утра; это и есть подлинная «Ночь рычания», а не ночь при Кадисии[37]. Муавия уже помышлял о бегстве, аль-Аштару улыбалась победа. Но тут ему пришлось выпустить её из рук и вложить меч в ножны — по неоднократному приказу Али. Дело в том, что сирийцы прикрепили несколько списков Корана к остриям копий, чтобы от решения оружия, грозившего обернуться против них, воззвать к решению слова Божьего. Иракцы дали себя смутить и, угрожая Али лично, заставили его прекратить бой и вступить в переговоры с Муавией. По его предложению были избраны два доверенных лица, которые должны были решить по Корану, кому принадлежит власть: Амр от сирийцев, Абу Муса от иракцев. Третейское решение должно было быть вынесено в месяце рамадан в месте, лежащем между Сирией и Ираком.

Рассказ Абу Михнафа о битве при Сиффине в действительности очень длинен — в стиле рассказов о битвах при Кадисии и Нехавенде. Предыстория до того, как дело дошло до настоящей рукопашной, занимает много места. Однако мухаррам остаётся пустым; заполнены лишь предыдущий и последующий месяцы, и притом оба одинаково: во-первых, попыткой мирных переговоров, во-вторых, поединками после срыва переговоров, что даёт повод вывести на сцену выдающихся помощников как Муавии, так и Али. То, что во второй раз имена действующих лиц варьируются, ничего не меняет в одинаковости материала. Поэтому хочется думать, что прелюдия в зу-ль-хиджже на деле совпадает с прелюдией в сафаре и не отделена от собственно действия всем долгим мухаррамом[38]. Тем самым время ожидания перед битвой значительно сократилось бы. Нельзя, впрочем, сомневаться в том факте, что с обеих сторон существовала известная робость перед тем, чтобы решать дело

[36]Среда, 26 июля 657 г. н. э. = 6148 г. от сотворения мира = 968 г. Селевкидской эры; ср. предыдущее примечание.

[37]Таб. 1, 3327; «Камиль» 753. Должна была бы быть ночь на пятницу, но по Таб. 2, 727 битва при Сиффине называется ночью на четверг — тоже в предании Абу Михнафа. Ср. Anon. Ahlw. 349, 3.

[38]Ад-Динавари рассказывает о поединках лишь один раз, и притом во втором месте, так что они открывают рукопашную. В остальном он знает всё ещё гораздо точнее, чем Абу Михнаф, особенно мелочи. Первый Коран, поднятый сирийцами, был великолепным дамасским списком; его привязали к пяти копьям и несли пятеро мужчин (201, 20). Совсем как у Сайфа, с которым ад-Динавари вообще стоит на одной линии. Ценны, однако, стихи, которые он приводит.

мечом (Динавари 192, 5; 195, 9; 201, 15). Начинать не спешили. Возможно, свою роль играло и унаследованное с древности опасение проливать кровь в мухарраме. На это указывает стих, приведённый у Динавари 182 и аль-Масуди 4, 350: от мухаррама осталось лишь немного дней — тогда будет брошен жребий.

О ходе собственно сражения мы не получаем ясного представления; оно описано столь же сумбурно, как и велось. Хотя неоднократно встречаются систематические сведения о разделении, построении и командовании войсками, они не согласуются друг с другом и потом едва ли имеют какое-либо практическое значение для действительного хода боя. Его описание состоит из сплошь эпизодических, односторонних преданий; стремление редактора составить из них мозаичное единство не удаётся. Нет внутренней связи, за деревьями не видно леса. Каждый свидетель склонен считать место своего племени средоточием и приписывать главную заслугу своему племенному герою. Лишь исход ясно показывает, что настоящим героем дня был Малик аль-Аштар. Но открыто прославляется он как таковой лишь в стихах поэта ан-Наджаши (Динавари 198), который сам участвовал в битве: сирийцы неудержимо наступали, тогда мы вызвали против них барана Ирака, и аль-Аштар отбросил их. В остальном он стоит совершенно наравне со многими другими, чьи деяния оцениваются по меньшей мере столь же подробно[39]. Кроме племенных вождей особенно выступает сам Али, а рядом с ним — его двоюродный брат Ибн Аббас. Большое значение придаётся тому, что чтецы устояли, когда другие бежали от сирийцев, и что они пошли за Али на смерть; они — его мученики-свидетели и дают сильнейшее доказательство его правоты. Их предводителями называются Ибн Будайль, Хашим ибн Утба и прежде всего старый Аммар ибн Ясир, о котором пророк будто бы сказал, что тот падёт в борьбе с нечестивой партией (Ибн Хишам 337)[40]. Тем самым аль-Аштар оттесняется в тень. Позднейшие питают к нему неприязнь — может быть, потому, что, как и Сайф, видят в нём революционера. Аль-Масуди и аль-Якуби ничего не хотят о нём знать и приписывают всю заслугу верховному командованию Али; так поступает и ат-Табари (3321 сл.). Абу Михнаф, правда, так далеко не заходит. Он с симпатией описывает блистательный воинский облик йеменского героя (3297). Он даёт понять, что его личное значение давало себя знать. Он стоял не там, куда поставил его Али, а во главе своего рода, нахаъ; его увлекающая инициатива сделала его вождём всех хамдан и мазхидж, и с ними он вырвал у сирийцев победу. Он же был единственным здравомыслящим, когда другие дали себя обмануть и лишить плодов боя, — истинно арабский благородный муж в сравнении с ограниченными благочестивцами и вялыми или хитрыми политиками.

Рассказа с сирийской стороны у нас не сохранилось. Он звучал бы иначе, чем рассказ Абу Михнафа, хотя едва ли был бы достовернее, как видно по Феофану (A. M. 6148): «бывшие с Муавией взяли верх и завладели водой, бывшие с Али дезертировали от жажды; Муавия же не хотел сражаться, а без труда одержал победу». Само собой разумеется, что

[39]В том числе и такие, кто, по-видимому, вовсе не участвовал в битве, как Кайс ибн Саад; ср. ниже, с. 61 [оригинала]. Что сделал бы благочестивый Абу-д-Дарда, ад-Динавари придумывает на с. 181.

[40]Аль-Бухари (изд. Булак 1289) 2, 67 сл., 139, 145; 3, 11; ZDMG 1884, 93.

Абу Михнаф берёт сторону иракцев и Али против сирийцев и Муавии. У Али — лучшее дело и более благочестивые помощники. Умалчивается, что его собственный брат Акиль сражался против него. Однако не умалчивается, что на стороне сирийцев были сыновья халифов Абу Бакра и Умара, а кроме того четыре тысячи чтецов — значит, чтецы были не только у Али, — и что совесть у сирийцев была столь же чиста, как у иракцев. Иракцы со своей стороны отнюдь не были все и твёрдо убеждены в правоте Али; они спрашивали себя о доказательствах и пускались между собой и с противниками в рассуждения, которые продолжались ещё долго после Сиффина и простирались даже в загробный мир[41]. Они не рвались в бой со своими братьями по вере и по племени и выказывали большую готовность вновь его прекратить. Партийная противоположность поначалу была ещё мягкой и затвердела лишь впоследствии.

2. О дальнейшем ходе дел Абу Михнаф сообщает следующее. На обратном пути, который совершался кратчайшей дорогой по правому берегу Евфрата, иракцы опомнились. Они бранили друг друга, но и Али, который ведь прервал битву лишь по принуждению. Двенадцать тысяч человек отделились от него, когда он вступал в Куфу, и расположились в Харуре. Их называют хариджитами или харуритами[42]; их лозунгом был протест против третейского суда: «Решение принадлежит лишь Богу!» Их предводителями были Шабас ибн Рибъи ар-Рияхи, Абдаллах ибн аль-Кавва аль-Яшкури и Язид ибн Кайс аль-Архаби — самые уважаемые люди больших племён тамим, бакр и хамдан в Куфе. Али, правда, удалось вновь привлечь этих предводителей на свою сторону; одному из них он пообещал и дал наместничество над Исфаханом и Реем. Харуриты вернулись тогда в Куфу и соединились с ним. Но они ожидали — и утверждали, что получили от него такое обещание, — что он немедленно поведёт их на сирийцев. Когда он этого не сделал, а в рамадане 37 года отправил своих представителей на третейский суд в Думе, они сочли это нарушением слова. Они вновь отреклись от него и противопоставили ему собственного халифа — аздита Абдаллаха ибн Вахба ар-Расиби, которому принесли присягу 10 шавваля 37 года (21 марта 658 г.). Затем они один за другим ушли из Куфы и собрались в Нахраване за Тигром[43]. Туда они созвали и своих единомышленников из Басры, которые в числе пятисот человек соединились с ними под началом Мисара ибн Фадаки из тамим.

После того как третейский суд кончился комедией, Али счёл себя вправе вновь открыть военные действия против сирийцев. Он собрал своё войско в лагере Нухайла и призвал

[41]Нахаиту Алкаме явился во сне его брат, павший при Сиффине, и сказал, что павшие иракцы и сирийцы спорили на небе, кто из них сражался за правое дело, и Бог признал правыми иракцев. Хузайфа из аль-Мадаина указал двум людям, колебавшимся, какую позицию занять в этой дилемме, на изречение пророка, по которому те, кто убьёт Аммара ибн Ясира, и есть нечестивая партия. О чистой совести сирийцев свидетельствуют стихи Кааба ибн Джуайля и других поэтов у Динавари 191 сл., 206.

[42]Ср. «Труды» Гёттингенского общества, т. 5, № 2 (1901), о религиозно-политических оппозиционных партиях в древнем исламе.

[43]Нахраван — название известного канала в относившейся к аль-Мадаину области Джуха (Таб. 2, 900), а также название селения на нём, точнее называемого «Мост Нахравана» (Динавари 217). Об области Джуха см. Таб. 3 [?], 275, 385, 406.

также хариджитов присоединиться к нему. Но они не пришли: они требовали, чтобы он публично признал и раскаялся в своём отступничестве — так они называли его невольную уступчивость при Сиффине. Тогда Али хотел идти на сирийцев без них, но его войско рвалось против хариджитов, потому что басрийцы на пути в Нахраван зарезали Абдаллаха ибн Хаббаба ибн аль-Аратта, сына одного из старейших приверженцев пророка (Ибн Хишам 234), вместе с его женой. Али пришлось уступить этому напору. Тщетно пытался он склонить хариджитов добровольно выдать убийц. Тщетно доказывал он им, что ведь теперь фактически снова стоит на одной с ними точке зрения и хочет, чтобы меч решил дело против общего врага. Они отвечали: завтра вы сделаете то же самое, что при Сиффине. Они ни на что не соглашались и готовились к смертному бою.

Битва при Нахраване, по Абу Михнафу, произошла ещё в 37 году — и притом к концу этого года, ибо хариджиты выступили из Куфы лишь в шаввале, третьем от конца месяце. Их предводители из Харуры покинули их; Шабас усердно участвовал в борьбе против них, как и аль-Ашас, который прежде считался их единомышленником. Не были они и так многочисленны, как в лагере Харуры, — всего четыре тысячи человек. Из них некоторые ещё тайно ускользнули в Куфу, около сотни открыто перешли к Али, пятьсот всадников под началом Фарвы ибн Науфаля свернули к Даскаре. Остальные были перебиты все, кроме восьми.

Уничтожением хариджитов, однако, куфийцы удовлетворились; к войне с сирийцами у них больше не было охоты. Али пришлось смириться. Вскоре ему пришлось иметь дело с другими мятежниками, которые тоже взяли поводом третейский суд, но совсем иначе, чем хариджиты. Хиррит ибн Рашид из наджия после Верблюжьей битвы последовал с тремястами людьми за Али в Куфу; он сражался за него при Сиффине и при Нахраване. Но когда Али не признал приговора третейского суда, он открыто отрёкся от него. Через Мадхур он направился в Ахваз; кроме куфийцев и других арабов, разделявших его политические взгляды, к нему собралось и много неарабов, не желавших платить подать. Разбитый у Рамхурмуза куфийским войском под началом Макиля ибн Кайса ат-Тамими, он отступил на родину, в Бахрейн, и подстрекал здесь не только наджия, которые уже с 37 года удерживали налог, но и абд аль-кайс. Он говорил людям то, что они желали слышать. Перед хариджитами он порицал Али за то, что тот позволил людям решать в деле Божьем. В остальном он держался своего первоначального мнения, что Али должен был подчиниться приговору третейского суда. Отказывавшимся от налога он давал право, замечая, что налог (*садака*) должен идти на пользу бедным собственной страны, а не казне. И тех мусульман, которые, видя кровавую распрю внутри общины Мухаммада, вернулись в христианство, он привлёк на свою сторону, обратив их внимание на то, что от Али за своё отступничество им нечего ждать, кроме казни. Но Макиль ибн Кайс, изгнавший его из Ахваза, не оставил его в покое и в Бахрейне. Дело дошло до кровавого столкновения. Трижды наджия выдерживали натиск превосходящих сил; когда Хиррит и сто семьдесят человек с ним пали, остальные рассеялись, и игра была окончена.

Так сообщает Абу Михнаф у ат-Табари 1, 3345–3386, 3418–3443[44]. По аль-Якуби и «Камилю» или по ад-Динавари его рассказ исправить нельзя; но он отнюдь не безупречен, особенно в отношении хронологии. Сначала говорится, что хариджиты избрали халифа лишь через месяц *после* третейского суда и затем отправились в Нахраван; а потом предполагается, что они уже были там, когда Али получил известие об исходе решения и сразу после этого собирал войско в Нухайле против сирийцев: значит, они должны были покинуть Куфу ещё до третейского суда. А если Хиррит ещё сражался за Али при Нахраване, но разуверился в нём вследствие третейского суда, то даже битва при Нахраване произошла ещё до третейского суда[45]. Но этим изменением последовательности событий опрокидывается вся прагматическая связь у Абу Михнафа. Лишь после третейского суда Али мог думать о войне с сирийцами. Если, следовательно, Нахраван приходится на более раннее время, то сбор войск в Нухайле мог быть направлен не против сирийцев, а только против хариджитов. Тогда неверно и то, будто куфийцы против его воли принудили Али вести их на хариджитов вместо сирийцев.

Не только относительная, но и абсолютная датировка Нахравана у Абу Михнафа неверна. Он относит её к одному из двух последних месяцев 37 года. Уже ат-Табари с вескими основаниями возражал против этого (1, 3387–3389). Теперь мы знаем точную дату из «Ансаб» аль-Балазури (ZDMG 1884, 393): битва произошла 9 сафара 38 года (17 июля 658 г.).

Соответственно, третейский суд состоялся не ещё в рамадане 37 года, а лишь в 38 году. Аль-Вакиди у Таб. 1, 3407 относит его к шабану 38 года — немного поздно, если Муавия уже в сафаре 38 года (вряд ли ведь до третейского решения, ср. Таб. 3450, 16) вновь поднял оружие против Египта, как сообщает тот же аль-Вакиди (3406 сл.). Но даже если третейский суд состоялся лишь в начале 38 года, странно, что тогда между уговором при Сиффине и его исполнением прошёл целый год. По аз-Зухри, очень древнему мединскому передатчику, первоначальный срок был отложен. Было условлено, что оба третейских судьи встретятся в Думе или, если что-нибудь помешает, на следующий год в Азрухе (1, 3341). В действительности они встретились в Азрухе[46] (2, 8), значит, тоже на следующий после Сиффина год, то есть в 38 году. Аль-Вакиди (1, 3353 сл., 3407) и Абу Машар (2, 198) называют Азрух, как и аз-Зухри. Абу Михнаф в тексте договора оставляет место неопределённым: следовало выбрать такое, которое лежало бы посредине между Куфой и Дамаском (1, 3337). Впоследствии он обычно называет Думу, однако в 3354, 10 сл. (если текст в порядке) — Думу и Азрух бессоюзно рядом.

[44]В рукописи ат-Табари здесь лакуна; в Лейденском издании (3364–3368) она восполнена по Ибн аль-Асиру.

[45]Точнее, ещё до того, как весть об исходе решения дошла до Куфы. Само решение могло быть вынесено одновременно с Нахраваном или даже раньше; речь здесь всё время идёт лишь о том, когда Али *узнал* о решении.

[46]Это место, лежащее в древнем Едоме, могло быть выбрано с оглядкой на мединцев, которые по праву тоже должны были иметь голос.

Вот как нетвёрдо переданы время и место одного из важнейших событий древнейшей истории ислама. Ещё хуже мы осведомлены о содержании этого события — о ходе и результате третейского суда. Абу Михнаф даёт о нём две версии (3354 сл.). Одна восходит к аш-Шааби. Кроме Абу Мусы, со стороны Али на третейский суд явился Шурайх ибн Хани с четырьмястами людьми и Ибн Аббас как предстоятель на молитве. Муавия прислал Амра с четырьмястами людьми. В качестве ближайших правомочных соискателей халифата явились наследники исламской аристократии, некогда составлявшей окружение и правительственный совет Мухаммада: Ибн Умар, Ибн аз-Зубайр и другие, только не старый Ибн Аби Ваккас. Амр доказывал право Муавии на власть правом мести по Кор. 17, 35 и дополнял аргументацию обещаниями, которыми пытался прельстить Абу Мусу, чьим кандидатом был Ибн Умар. Но Абу Муса не дал себя поймать. На этом рассказ аш-Шааби обрывается; сообщаются лишь, с другими иснадами, некоторые возражения, которые Амр выдвигал против Ибн Умара. Затем у Абу Михнафа следует другая версия — от Абу Джанаба аль-Кальби, и только в ней рассказывается исход переговоров. Амр и Абу Муса встретились в Думе. Абу Муса позволил приучить себя всегда первым высказывать своё мнение. О Муавии и о сыне Амра он не хотел и слышать. Он предложил сместить Али и Муавию и предоставить решение о том, кто должен править, шуре — то есть не народному избранию, а избирательному собранию исламской аристократии по образцу той, что некогда была созвана Умаром и сошлась на Усмане. Амр выразил согласие. Несмотря на предостережение Ибн Аббаса, Абу Муса по своей привычке первым взял слово перед собравшимися и объявил, что договорился с Амром сместить Али и Муавию и созвать шуру. Тогда поднялся Амр и сказал, что он тоже смещает Али, но держится Муавии как наследника Усмана и мстителя за него. Абу Муса проклял его, тот глумился над ним. Дело дошло до безобразной сцены; Абу Муса бежал от сирийцев в Мекку. Амр и сирийцы вернулись к Муавии, чтобы приветствовать его как халифа, Ибн Аббас и Шурайх — к Али. Отныне Али проклинал Муавию и его клику в соборной молитве, Муавия платил ему той же монетой.

Этим хотят создать впечатление, будто Абу Муса дал себя одурачить. Но ведь Амр просто совершает подлое нарушение слова, а перед такой хитростью не устоит и умнейший. Если здесь и есть глупость, то на стороне Амра, а Амр поистине не был глупцом. Этот рассказ об исходе третейского суда неправдоподобен, хотя, как кажется, его предполагает и аль-Вакиди (2, 84)[47]. Аш-Шааби, вероятно, сообщал об этом иначе, но его конец, к сожалению, обрезан. Однако средство для поправки даёт уже приведённый рассказ Абу Михнафа о Хиррите ибн Рашиде. Хиррит упрекал Али в том, что тот не захотел признать решения Абу Мусы, согласно которому избрание правителя следовало предоставить шуре[48]. Упрёк предполагает, что предложение о шуре было принято сирийцами, иначе оно не было бы обязательным и для Али. Муавия от этого мало терял, ибо он ещё не был

[47]Нечто подобное позднее рассказывает Абу Убайда о Басре, у ат-Табари 2, 446 сл.; ср. 444.
[48]Так Таб. 3434, 1; 3427, 2. В противоречии с этим Хиррит в 3419, 1 выступает чистым хариджитом; по всей связи это неверно, но легко объяснимо из представления Абу Михнафа о ходе третейского суда.

халифом и на деле был провозглашён таковым лишь в 40 году в Иерусалиме. Али же не мог отказаться от занятого положения и поставить своё право в зависимость от шуры. Это было легко предвидеть, и Амр поступил достаточно умно, присоединившись со своей стороны к Абу Мусе; провёл он его этим во всяком случае, ибо Муавия был смещаем вовсе не в том же смысле, что Али, и лишение прав затрагивало лишь последнего. Сделав первый ложный шаг, Али должен был исправлять его нарушением слова. Иракским преданием владеет стремление затушевать это, впрочем весьма извинительное, нарушение слова. Оно сваливает всю вину на Амра и Абу Мусу — злополучных *хакамайн*, «двух судей» (Таб. 2, 710, 6; 929, 1).

3. Египет был завоёван Амром в начале 38 года, по-видимому вскоре после третейского суда. Первая попытка была сделана уже в 36 году. Я уже отметил это выше, но возвращаюсь здесь к этому в связи, чтобы прояснить всевозможные неясности.

По Абу Михнафу (Таб. 1, 3234 сл., 3243 сл., 3392 сл.), Ибн Аби Сарх, бежавший из Египта наместник Усмана, ожидавший на границе Палестины исхода мятежа в Медине, одновременно с вестью о смерти Усмана получил известие, что Али поставил над Египтом Кайса ибн Саада ибн Убаду, знатнейшего человека среди ансаров. Кайс привёз грамоту, датированную сафаром 36 года. Он пришёл без войска, всего с семью спутниками. Приверженцы Али в Египте имели перевес. Впрочем, были там и усманиды[49]; они собрались в Хирбите в Дельте под началом кинанита Язида ибн аль-Хариса. Но Кайс заключил с Язидом договор о нейтралитете, а также со своим соплеменником Масламой ибн Мухалладом аль-Ансари, тоже стоявшим за Усмана. Поэтому Муавия не мог закрепиться в Египте, как ни дорожил этим. Тогда он попытался привлечь самого Кайса. Он обещал ему золотые горы, если тот перейдёт к нему. Хотя он не имел в этом успеха, он всё же нарочно распустил слух, будто Кайс с ним заодно, — с намерением внушить Али недоверие к нему. Это ему и удалось. Чтобы испытать его верность, Али потребовал от Кайса всерьёз взяться за нейтральных в Египте; а так как тот стал возражать, он сместил его и поставил на его место Мухаммада ибн Абу Бакра: при этом сыграли роль интриги его окружения против ансара, чей отец Убада некогда оспаривал халифат у Абу Бакра. Кайс был застигнут врасплох прибытием преемника, но не поколебался в верности, а после краткого пребывания в Медине отправился к Али в Куфу и участвовал в битве при Сиффине (начало 37 года). Мухаммад ибн Абу Бакр, чья грамота была датирована рамаданом 36 года, через месяц потребовал от нейтральных либо полностью ему повиноваться, либо покинуть страну. Они некоторое время осторожно выжидали. Но после Сиффина они неоднократно отражали нападения наместника. От этого у них прибавилось духа, и они поднялись под началом Муавии ибн Худайджа ас-Сакуни, чтобы отомстить за кровь Усмана. Они переросли Мухаммада. Али пришлось решиться послать в Египет победителя при Сиффине Малика аль-Аштара, стоявшего тогда в Нисибине, на границе принадлежавшей Сирии

[49]Но они отнюдь не стояли с самого начала на стороне Муавии. «Усманид» не значит просто «сторонник Омейядов». И в Куфе были усманиды, которые тем не менее не принадлежали к сирийской партии, а занимали своего рода нейтральное положение, примерно как Абу Муса. Ср. Таб. 2, 659; аль-Мукаддаси 293, 19.

Месопотамии. Он тоже прибыл без войска. Но в Кулзуме он был отравлен; Муавия, по чьему наущению это случилось, торжествуя возвестил о его смерти с минбара Дамаска. Тогда Али сказал глубоко обиженному Мухаммаду добрые слова, и тот остался на своём опасном посту.

Однако этот рассказ Абу Михнафа, господствующий в современных изложениях исламской истории, исправляется более точными сведениями. Кайс ибн Саад был не первым наместником Али в Египте, а последовал за Мухаммадом ибн Аби Хузайфой[50]. Тот остался в Египте, когда мятежники выступили оттуда против Усмана в Медину, изгнал Ибн Аби Сарха и завладел провинцией для Али (Таб. 1, 2968). Но Муавии и Амру уже в 36 году удалось выманить молодого человека в аль-Ариш на палестинской границе — глубже в Египет они не проникли (вопреки 3407, 17), ибо усманиды не действовали с ними заодно. В аль-Арише он был окружён и взят в плен. Впоследствии он был убит. О времени и обстоятельствах убийства сведения не вполне сходятся. Сирийский хронист, изданный Нёльдеке (ZDMG 1875, 89), говорит, что в 969 г. Селевкидской эры (= 38/39 г. х.) по приказу Муавии был убит сын его сестры Хузайфа[51]. Эту дату подтверждает Ибн аль-Кальби у Таб. 1, 3408; но он рассказывает, что Муавия хотел дать ему ускользнуть, когда тот бежал из заключения (ср. Таб. 2, 210; Динавари 167, 15), и что против его воли его убил один хасамит, обнаруживший его в пещере Хаурана, куда его внимание привлекли дикие ослы. Аль-Вакиди же (3233, 7; 3407, 15) относит убийство к тому же году, что и пленение, — к 36-му; вероятно, ошибочно.

После пленения Ибн Аби Хузайфы на его место пришёл Кайс ибн Саад. В таком случае он едва ли мог уже в рамадане 36 года вновь сдать свою провинцию и участвовать в битве при Сиффине, как утверждает Абу Михнаф. По аз-Зухри (3241 сл., 3246, 3391 сл.), он был смещён лишь после той битвы и тогда отправился не сразу и не без обиды к Али в Куфу, а хотел остаться в Медине. Но оттуда его выжили Марван ибн аль-Хакам и другие Омейяды — к величайшей досаде Муавии. Аль-Аштар был его непосредственным преемником, и лишь когда тот был отравлен при вступлении в провинцию, туда прибыл Мухаммад ибн Абу Бакр. Вопреки этому Ибн аль-Кальби (3242), правда, утверждает, что аль-Аштар был послан в Египет лишь после гибели Мухаммада ибн Абу Бакра; но это во всяком случае совершенно неверно.

Муавия и Амр повторили оставленное в 36 году нападение на Египет с бóльшим успехом в 38 году — против Мухаммада ибн Абу Бакра. И об этом предания у ат-Табари противоречат друг другу. По Абу Михнафу (3396 сл.), Муавия после третейского суда снова обратил взор на Египет. Он вступил в связь с Масламой ибн Мухалладом и Муавией ибн Худайджем, и они приняли его руку, тогда как прежде и знать его не хотели. Амр вступил в страну с 6000 человек. Он и Муавия писали Мухаммаду ибн Абу Бакру угрожающие

[50]Аль-Вакиди у Таб. 1, 3252 сл., 3407 и у аль-Балазури 227 сл.; в согласии с этим Таб. 1, 3233 без иснада.

[51]Он называет его Хузайфой, хотя отец его, наоборот, звался по нему отцом Хузайфы, и племянником Муавии, хотя тот, собственно, был племянником не *его*, а его матери (Ибн Хишам 165, 208).

письма, чтобы побудить его очистить страну. Тот отослал письма Али и просил поддержки, но не получил её и остался предоставлен собственным средствам. По его призыву к нему собрались две тысячи человек; лучшим и вернейшим из них, особо рекомендованным Али (3402, 11), был туджибит Кинана — убийца Усмана[52]. Когда тот после жаркого боя пал перед превосходящими силами, остальные рассеялись. Мухаммад ибн Абу Бакр бежал совершенно один и спрятался в развалинах. Там его обнаружил Ибн Худайдж, вытащил наружу и убил, не встретив сопротивления. Затем его зашили в ослиную шкуру и так сожгли. Его сестра Аиша с тех пор не могла есть жареного мяса. Ср. Таб. 3, 368.

Иначе у аль-Вакиди (3406 сл.). Амр выступил с четырьмя тысячами человек, среди которых были Муавия ибн Худайдж — значит, он не находился уже в Египте — и Абу-ль-Авар. В битве у плотины[53] пал Кинана, Мухаммад бежал и спрятался у Джабалы ибн Масрука. Его убежище было выдано, Ибн Худайдж настиг его. Он вышел и сражался, пока не пал. Это было в сафаре 38 года.

Конец Мухаммада у Абу Михнафа романтичнее, чем у аль-Вакиди; он похож на мнимую судьбу другого Мухаммада (ибн Аби Хузайфы), который, по аль-Макризи[54], был убит как осёл и в гибели которого, и по Ибн аль-Кальби, ослы тоже играли роль. Решения принимать не обязательно; мы снова видим, как зыбко предание об этом времени.

4. Положение Али после Сиффина сильно ухудшилось. В Ираке хариджиты вели против него упорную оппозицию. Басрийцы относились к нему прохладно, за немногими исключениями, такими как Абу-ль-Асвад ад-Дуали. Куфийцы были привязаны к нему сердцем, но не всеми силами; и среди них было немало нейтральных или усманидов, которые отчасти переходили к Муавии. Его слабое положение в центре, естественно, сказывалось и на периферии. Уже в 37 году, ещё до восстания Хиррита, арабы в Бахрейне удерживали налог себе, а некоторые вернулись в христианство. Иранские провинции стали непокорными и ослабили свою зависимость[55]. Почти удивительно, что они тогда не смогли вообще сбросить чужеземное иго и полностью изгнать арабские гарнизоны. Двумя лучшими людьми Али после смерти Малика аль-Аштара были Кайс ибн Саад и Зияд ибн Абихи; Ибн Аббас, которому он вверил Басру, оказался негодным и ненадёжным.

Тягчайшим ударом Али справедливо считал завоевание Египта Амром. Вследствие этого у Муавии развязались руки. Одновременно он обезопасил себя от ромеев, купив у Константа перемирие за ежегодную дань. Арабское предание упоминает об этом лишь вскользь[56]; от Феофана мы узнаём, что это случилось в 6150 г. от сотворения мира (969 г.

---

[52]Сравните с этим оценку этого человека у Сайфа.

[53]*Мусаннат*. Аль-Масуди 4, 422 называет это место Ком Шарик; это смешение, ср. Якут 4, 330.

[54]Ван Флотен, Recherches, с. 58 (в «Трудах» Амстердамской академии, 1894, отд. литературы 1, 3).

[55]Хорасан — аль-Балазури 408 сл.; Таб. 1, 3249 сл., 3389 сл.; Азербайджан и Рей — 3254; Фарс — 3246, 3393, 3429, 3449; Ахваз — 3429.

[56]Аль-Балазури 159, 1; 160, 8; ZDMG 1875, с. 96. Ср. анекдот Таб. 2, 211; Динавари 168, который, однако, у аль-Масуди 5, 224 рассказывается об Абд аль-Малике.

Селевкидской эры = 38/39 г. х.)[57]. Однако настоящего наступления против Али Муавия не решался предпринять; он довольствовался тем, что то здесь, то там причинял ему неудобства. В Басру он послал, ещё в 38 году, Ибн аль-Хадрами, чтобы поднять восстание тамим; но Зияд ибн Абихи, бывший тогда заместителем префекта при Ибн Аббасе, отдался под защиту азд, и те потушили пожар и убили Ибн аль-Хадрами, которого большинство тамим выдали. Так рассказывает аль-Мадаини у Таб. 1, 3414 сл. Он же у Таб. 3444 сл. со слов Аваны сообщает об экспедициях, которые сирийцы предпринимали в 39 году против иракцев: Нуман ибн Башир — к Айн ат-Тамру, Суфьян ибн Ауф — к Хиту и к Анбару, Абдаллах ибн Масуд аль-Фазари — к Тайме и ад-Даххак ибн Кайс — к Куткутане[58]. Они выглядят простыми набегами: сирийцы уходят с добычей, преследуемые куфийцами, которые иногда их и настигают.

С этими набегами в «Агани» 15, 45 сл. и у аль-Якуби 2, 231 связывается известный поход Бусра ибн Артата в Хиджаз и Йемен. И аль-Баккаи у Таб. 1, 3450 (со слов Аваны) относит его ещё к последнему времени Али: Джария ибн Кудама узнал на пути против Бусра об убийстве Али. По аль-Вакиди же у Таб. 2, 22, этот поход состоялся лишь в 42 году, после смерти Али.

Аль-Баккаи у Таб. 1, 3453 по Ибн Исхаку[59] сообщает о перемирии, заключённом в 40 году после долгой переписки между Али и Муавией. Однако это перемирие могло быть лишь очень кратким. Ибо в начале 40 года Муавия принял в Иерусалиме титул халифа и велел сирийцам присягнуть ему как таковому. Это был новый вызов Али, и тот ответил на него подготовкой большого похода против сирийцев, исполнению которого, правда, помешало его убийство.

Присягу Муавии в Иерусалиме в 40 году засвидетельствовал сирийский хронист, изданный Нёльдеке. Он ставит одно за другим два независимых сообщения об одном и том же событии: «В *году* 971 Селевкидской эры многие арабы собрались в Иерусалиме и сделали Муавию царём; он поднялся на Голгофу, сел там и молился, потом пошёл в Гефсиманию, а затем спустился к гробнице блаженной Марии, где снова молился... В *месяце июле* 971 г. собрались эмиры и многие арабы и присягнули Муавии. Вышел указ, чтобы его провозгласили царём во всех местах его владений[60]. Диадемы, впрочем, он не носил, как прочие цари мира. Престол же свой он поставил в Дамаске и не захотел переселиться в резиденцию Мухаммада (Медину)». Июль 971 г. Селевкидской эры (660 г. н. э.) начинается 16 сафара 40 г. х. И по аль-Масруки у Таб. 2, 4 сл. (ср. 1, 3456) сирийцы присягнули Муавии в Иерусалиме в 40 году; неверно лишь, будто это произошло только

[57]Об отношении годов от сотворения мира у Феофана к сирийским годам Селевкидской эры я писал в «Göttinger Nachrichten» 1901, с. 414 сл.

[58]Ср. аль-Якуби 2, 228, 6; 229, 3; 230, 9; «Агани» 15, 45 сл. — Абу Машар и аль-Вакиди у Таб. 1, 3447 говорят, что и сам Муавия в 39 году выступал в поход, но дошёл лишь до Тигра и затем повернул назад.

[59]Так, вероятно, следует читать здесь вместо *Абу* Исхак; ибо в жизнеописании пророка аль-Баккаи — промежуточное звено между Ибн Хишамом и *Ибн* Исхаком.

[60]Неопознанное Нёльдеке слово рядом с φωναί — κλήσεις, откуда, вероятно, сирийское *qallès* («выкрикивать приветствия»).

после смерти Али. Примечательно, как поздно Муавия заявил притязания на халифат. По «Продолжению» Исидора (Byz.-Arab. § 25, изд. Моммзена), он прожил пять лет *civiliter*, то есть как *civis*, «гражданин», — именно с 36 по 40 год, — а затем ещё двадцать лет как властитель.

Сирийский хронист свидетельствует также, что Али незадолго до смерти хотел ещё раз выступить против Муавии. Это сообщение поставлено под неверным годом (969 вместо 971 или 972 г. Селевкидской эры), но по существу верно. То же говорит аль-Якуби 2, 235, 15; 238, 20. По всеобщему преданию, в момент смерти у Али было в распоряжении войско в 40 000 человек, требовавшее идти на сирийцев, — кто, кроме него, мог поставить его на ноги и для какой цели, если не против сирийцев?

Покушение на Али произошло в пятницу 15 рамадана 40 года в мечети Куфы («Камиль» 553, 9). Он умер в следующее воскресенье, 24 января 661 г. Эти даты аль-Вакиди у Таб. 1, 3469; 2, 18 подтверждаются указанными днями недели, а отклоняющиеся ими же опровергаются. Убийца, Ибн Мульджам из мурад, точнее из туджиб («Камиль» 553, 17), был хариджитом; хариджиты у Таб. 2, 18 с гордостью называют его «нашим братом из мурад». Стихами его соплеменника Ибн Мийяса у Таб. 1, 3466 засвидетельствовано, что к убийству его подстрекала женщина, Катам, которая назначила ему в качестве брачного выкупа отомстить Али за Нахраван. Тем самым отпадает лишь искусственно согласованное с этим указание, будто он совершил убийство как один из трёх хариджитов, поклявшихся в Мекке в один и тот же день избавить общину Мухаммада от трёх тиранов — Али, Муавии и Амра; такой частный заговор трёх лиц не соответствует и обычаям древнейших хариджитов, как заметил уже Ибн аль-Асир[61]. Что Муавия нанял убийцу, как намекает ему Абу-ль-Асвад, никогда не находило ни малейшей веры даже у его врагов; что убийство было ему выгодно, конечно, несомненно, ибо лишь благодаря ему он получил царство. Хасан ибн Али у Таб. 2, 3 упрекает *куфийцев* в том, что они убили его отца; подобным образом выражается халиф аль-Мансур у Таб. 3, 431. Это, по-видимому, исходит из того, что Ибн Мульджам и Катам жили в Куфе. Ср. Таб. 1, 3456 сл., 3465 сл.; аль-Якуби 2, 251 сл.; «Камиль» 546 сл., 583.

5. Теперь нападающей стороной стал Муавия (аль-Якуби 2, 255). Он двинулся обычной военной дорогой через Месопотамию на Ирак и разбил лагерь у Маскина, на тигрской границе Мосула с Савадом; но прибыл он туда лишь через некоторое время после смерти Али. Тем временем против Хасана, сына и преемника Али, произошли бурные сцены. У него не было охоты воевать, хотя за ним стояло 40 000 человек, жаждавших сражаться, и он нашёл повод через полгода сложить власть и договориться с Муавией. Это общее можно установить твёрдо, но подробный ход событий после убийства Али рассказывается путано и с пробелами.

От аз-Зухри передаётся следующее. Али поручил Кайсу ибн Сааду командование войском и обещал ему в награду провинцию Азербайджан, с которой должен был быть

[61]Что покушения на Муавию и Амра тоже были, отрицать не следует; произвольна лишь комбинация, будто покушения были совершены по уговору одновременно.

смещён аль-Ашас; Кайс деятельно вёл подготовку похода. Но Хасан хотел договориться с Муавией на хороших условиях; он сместил Кайса, потому что тот ему в этом противился, и поставил на его место Абдаллаха ибн Аббаса (Таб. 2, 1; ср. 1, 3392). Куфийцев он насторожил уже своим двусмысленным поведением при присяге, и они нашли, что он не их человек. Вскоре после этого он испытал на себе их настроение — получил удар копьём при обстоятельствах, точнее не указанных. После этого он вступил в торг с Муавией и за большую сумму денег отказался от власти; потом досадовал, что не потребовал вдвое больше (2, 5 сл.). Ещё раньше него и Ибн Аббас обделал своё дело с Муавией и бросил войско. Тогда войско снова избрало предводителем Кайса, поручив ему продолжать войну, пока приверженцам Али не будет дарована амнистия и безопасность имущества и жизни. Этого он без труда добился от Муавии, которому очень хотелось привлечь его на свою сторону; предложенных ему самому денег он, однако, не принял и для себя лично никакой сделки не заключил.

Иначе аль-Баккаи со слов Аваны[62] у Таб. 2, 2–4. Кайс командовал не всем войском, а лишь авангардом (или шуртой) в 12 000 человек, и сохранил это командование и после смерти Али. С главным войском Хасан сам двинулся к аль-Мадаину, а Кайса с авангардом выслал вперёд, навстречу Муавии (к Маскину). Вдруг в лагере аль-Мадаина раздался крик: «Кайс пал, уходите!» Тогда шатёр Хасана разграбили, а он спасся в Белый дворец. Оттуда он, несмотря на протест своего брата Хусайна, завязал сношения с Муавией и получил от него всё, что требовал: все деньги в казне Куфы, текущую дань Дарабгерда и обещание, что его отца Али не будут поносить с минбара в его присутствии[63].

Снова иначе аль-Якуби 2, 254 сл. Хасан послал против Муавии *Убайдаллаха* ибн Аббаса с 12 000 человек; он дал ему в советники Кайса, с которым тот должен был сообразовываться. Муавия тщетно пытался подкупить Кайса, но за миллион склонил на свою сторону Убайдаллаха, и тот перешёл к нему с 8000 человек. Хасан с главным войском был в аль-Мадаине; Муавия послал к нему аль-Мугиру и других посредников. Уходя от него, они распустили по лагерю слух, будто он изъявил готовность к миру. Тогда его собственные воины набросились на него и разграбили его шатры; он бежал верхом во дворец в Сабате, но Джаррах ибн Синан (иначе ибн Кабиса) аль-Асади избил его и ранил ударом копья. Обессиленного потерей крови, его доставили обратно в аль-Мадаин, где он долгое время лежал тяжело больной. Тем временем приверженцы покинули его, а Муавия овладел Ираком; в конце концов ему ничего не оставалось, как отказаться от власти. Похоже, хотя с некоторыми различиями, у ад-Динавари 230 сл.; он рассказывает, что йеменитy и раби‘а Куфы спасли Хасана в Сабате из рук мудар Куфы.

В целом Авана и аль-Якуби согласны между собой против аз-Зухри, чья прагматическая связь неясна. Некоторые встречающиеся различия не поддаются

[62]Начало рассказа Аваны опущено и заменено другим рассказом, о котором, однако, говорится, что он согласен с Аваной.

[63]В некоторых местах у ат-Табари встречается смешение этих двух версий. Так, 2, 8 сл. и 7, 15: 40 000 человек — не шурта, а всё войско; по аз-Зухри Кайс, как и Ибн Аббас, имеет общее командование.

разрешению. Так, удар копьём то отделяется от разграбления шатра по времени и месту, то соединяется с ним. Другие же объясняются тенденцией. У аль-Якуби, а также у ад-Динавари выступает стремление обелить Хасана за счёт куфийцев (Динавари 242, 15); у аз-Зухри он предстаёт в самом невыгодном свете. Но важнейшее тенденциозное различие касается поведения Абдаллаха ибн Аббаса, родоначальника аббасидской династии. При власти Аббасидов говорить правду об этом святом муже было опасно; по меньшей мере велико было искушение приукрасить сыгранную им роль или вовсе вывести его из игры[64].

По *аз-Зухри*, древнейшему передатчику, умершему ещё до аббасидского времени, Абдаллах ибн Аббас почуял намерение Хасана заключить мир, опередил его и обеспечил себе у Муавии деньги, которыми завладел. Затем он бросил иракское войско и тайно, под охраной, перебрался в сирийский лагерь. *Авана* об этом пункте молчит. *Аль-Якуби* вместо знаменитого Абдаллаха называет его младшего брата Убайдаллаха ибн Аббаса.

Уже аль-Мадаини знает спор передатчиков о том, Абдаллах или же Убайдаллах перешёл при Хасане к Муавии (Таб. 1, 3456; ср. 3453); дело, следовательно, не просто в разночтениях переписчиков[65]. Он высказывается за Убайдаллаха; за ним следуют Умар ибн Шабба (1, 3453 сл.) и аль-Балазури (ZDMG 1884, 392 сл.). Но Убайдаллах был наместником Йемена, когда Буср ибн Артат предпринял туда свой поход; два его мальчика попали в руки Бусра и были им зарезаны, а их мать от этого лишилась рассудка. По аль-Вакиди, этот поход пришёлся на 42 год: тогда Убайдаллах ещё в то время был в Йемене во вражде с Муавией и не мог перейти к нему годом или двумя раньше; аль-Вакиди, во всяком случае, ничего не мог знать о таком переходе. По Аване, поход пришёлся на вторую половину 40 года: тогда невероятно, чтобы Убайдаллах так спешил поладить с убийцами своих сыновей. Кроме

[64]По Сайфу («Skizzen» 6, 144), Абдаллах ибн Аббас уже в Медине был доверенным лицом Али, всегда дававшим ему правильный совет, но не всегда настоявшим на своём. Затем он стал наместником Басры и как таковой приводил Али вспомогательные войска (Таб. 1, 3256, 3370). По Абу Михнафу, он отличился при Сиффине и командовал левым крылом иракского войска (3285, 3289); Али хотел назначить его на третейский суд (3233), и хотя не настоял на этом, всё же послал его в Думу и переписывался только с ним (3354), игнорируя Абу Мусу. Но по Абу Машару (3273, 16) и аль-Якуби (2, 254, 3), он в 36 году (как и в 35-м) руководил хаджем и, следовательно, вообще не мог участвовать в битве при Сиффине — аль-Мадаини это руководство праздником поэтому неудобно, и он утверждает (3448), будто по Абу Машару Абдаллах при жизни Али, напротив, никогда не возглавлял паломничества. В 38 году он отправился из Басры к Али в Куфу, чтобы личным присутствием утешить любимого друга в потере Египта; лишь смуты в Фарсе побудили его вернуться в Басру и послать в Фарс Зияда. Так аль-Мадаини у Таб. 1, 3414, 3430, 3443. Иначе Абу Михнаф у Таб. 3412, 3449: по нему, он утешал Али письмом из Басры, и не он, а сам Али послал Зияда в Фарс. Ещё раз он выступает, когда Муавия хотел принудить глав мединской аристократии присягнуть своему сыну Язиду. По аль-Мадаини (Таб. 2, 175), пятеро мужей отказались от присяги, и среди них был и Абдаллах ибн Аббас. Но эта героическая оппозиция тирану не имела для него никаких последствий. Его, должно быть, больно задело, что Муавия и Язид его совершенно игнорировали. Так же игнорирует его по этому случаю и большинство передатчиков.

[65]Так полагает де Гуе (ZDMG 1884, 393), который на основании этого предположения хочет читать у Таб. 2, 2, 7, 11 *Убайдаллах* вместо *Абдаллах*. Ср. ван Флотен, «Opkomst der Abbasiden», с. 12, прим. 1.

того, гораздо легче найти мотив, почему Убайдаллаха поставили на место Абдаллаха, чем для обратной замены. На родоначальнике династии, при которой жил аль-Мадаини и которой он был предан, не должен был оставаться позор того, что он первым вступил в сделку с нечестивыми Омейядами. Его же брата Убайдаллаха можно было принести в жертву.

Впрочем, и так Абдаллах обеляется братом лишь отчасти. Деньги, которыми он, по аз-Зухри, завладел и которые оставил ему Муавия, были деньгами из государственной казны Басры — так же как пять миллионов, уступленных Хасану, составляли содержимое казны Куфы. Это подтверждает Абу Убайда у Таб. 1, 3456. Он согласен с аз-Зухри в том, что Абдаллах после смерти Али отправился из Басры к Хасану и при этом взял с собой деньги из государственной казны; он позволяет себе, правда, смягчение, что это было не больше, чем тот мог требовать в счёт своего жалованья. Примечательно, однако, что и аль-Мадаини, Умар ибн Шабба и аль-Балазури не отрицают, что Абдаллах сбежал с государственной казной Басры. Они лишь утверждают, что он сделал это ещё при Али, вскоре после битвы при Нахраване (ZDMG 1884, 392), и что это никак не связано с его переходом к Муавии[66]. Отсюда возникает удвоение измены. Сыновья аль-Аббаса с очень похожими именами дважды, одно за другим, позорно покинули свой пост и при этом обогатились большими суммами. Вероятнее всё же, что это случилось лишь однажды. Тогда прав аз-Зухри: не Убайдаллах, а Абдаллах был доверенным человеком Хасана, как прежде Али, и дал себя подкупить Муавии ещё раньше Хасана. Даже у аль-Мадаини мы находим его в 39 году ещё при Али, а после заключения мира — сразу в окружении Муавии (Таб. 2, 11).

Джамаа при Муавии, то есть объединение общины Мухаммада под его скипетром, состоялась в первой половине 41 года, летом 661 г. н. э.[67] О более точной дате сведения колеблются. По Илие Нисибинскому, Хасан передал власть Муавии в понедельник 21 раби I 41 года, то есть в понедельник 26 июля 661 г. По аль-Вакиди у Таб. 2, 9, Муавия вступил в Куфу в раби II 41 года (август 661 г.). По одному безымянному преданию (Таб. 2, 9), мир был заключён в раби II, но в Куфу Муавия вступил лишь в начале джумада I. По аль-Мадаини, он вступил туда либо за пять дней до конца раби I, либо за пять дней до конца джумада I (2, 7), но находился в Куфе ещё в раджабе, так как переписывался оттуда с Бусром в Басре, который прибыл туда в раджабе и пробыл шесть месяцев (2, 12). Однако уже в джумада I 41 года он поставил своим наместником в Куфе аль-Мугиру ибн Шубу (2, 111, 114).

[66]«Спасение» государственных денег, поскольку это было в обычае (Таб. 2, 752, 872), они считали не столь дурным делом, а вот сделку с Муавией — непростительной.
[67]Расходится лишь аль-Якуби 2, 256.

Глава третья. Суфьяниды и вторая гражданская война

1. Муавия ибн Аби Суфьян в течение всего своего правления вёл войну против ромеев на суше и на море столь ревностно и непрерывно, как никто из его преемников; дважды он простирал руку к самой вражеской столице[68]. Задачу же укрепить свою власть в покорённом Ираке он предоставил своим наместникам в Куфе и Басре. Дошедшее до нас предание обращает внимание преимущественно на них и больше рассказывает об аль-Мугире и Зияде, чем о самом Муавии, — так же, как оно отодвигает двойника Муавии, Абд аль-Малика, на задний план за аль-Хаджжаджем. Все три этих знаменитых наместника были сакифитами из Таифа — высоко и красиво расположенного города-побратима Мекки, который наряду с Меккой и Мединой возвысился благодаря исламу и как город занимал некое изъятое положение над племенами, что обнаружилось уже во время *ридды* в 11 году. В отличие от ансаров, сакиф с самого начала решительно примкнули к господствовавшим курайшитам, особенно к Омейядам, которые были тесно связаны с Таифом и имели там владения. Они слыли очень умными и оправдывали свою славу[69]. В омейядское время они выдвинули внушительный ряд талантов; к ним принадлежали также Мухтар и Мухаммад ибн Касим, наряду со многими другими видными людьми.

Аль-Мугира ибн Шуба, которого Муавия в 41 году поставил над Куфой (Таб. 2, 11 сл., 111, 114), имел уже тогда за плечами бурную жизнь. Предание рисует живой портрет этого многоопытного, неразборчивого в средствах человека. Он был высокого роста и крепкого сложения, у него не было одного глаза и передних зубов, голова крупная, губы выпяченные, волосы рыжеватые, позднее крашенные в чёрный цвет, торчавшие четырьмя жёсткими «рогами»[70]. Из-за подлого убийства спящих товарищей он молодым человеком бежал в Медину, ещё до 8 года; ислам открывал карьеру и таким преступникам и стирал их прошлое. Ставший благодаря обстоятельствам новым человеком, он всё же сохранил свои старые полезные качества. Он втёрся в доверие к пророку, и тот нашёл ему применение. В 9 году он получил поручение разрушить языческое святилище в своём родном городе; при этом он извлёк и богатое содержимое пещеры-сокровищницы: место он знал точно, ибо происходил из семьи, которой принадлежала должность стража храма. При погребении пророка он бросил свой перстень в могилу незадолго до того, как её закрыли, — так, по крайней мере, он утверждал, чтобы основать на этом притязание, будто он последним прикоснулся к святому мужу. Своё бесстыдное карьеристское рвение он проявлял и впредь. Он старался создать видимость, будто принадлежит к руководящей аристократии ислама; при главных государственных действах, как шура Умара и третейский суд в Думе, он являлся незваным, а выставленный за дверь, в следующий раз спокойно приходил снова.

---

[68]Об этом ср. «Göttinger Nachrichten» 1901, с. 414 сл., где собраны предприятия Омейядов против ромеев.

[69]Когда Мухаммад в 8 году осаждал Таиф, к его войску примкнул фазарит Уяйна в надежде при взятии города заполучить пленницу, от которой хотел иметь умного сына: от себя он мудрости передать не мог.

[70]Начало статьи о нём в «Китаб аль-Агани» отсутствует в булакском издании, но имеется в мюнхенской рукописи, по которой я напечатал его в ZDMG 1896.

Дерзкий и богобоязненный, он превосходно умел щеголять исламом перед персидскими вельможами; его охотно использовали как посла и переговорщика, и тут ему пригодилось знание персидского языка (Таб. 1, 2560). Положения, о котором мечтал, он впервые достиг в Басре. Он пришёл туда с первым наместником, Утбой ибн Газваном, чья жена была родом из Таифа, и после его смерти стал его преемником. Говорят, он учредил в Басре *диван* (податную канцелярию) и тем опередил всех других. Говорят, он разбил файлакана Изкубаза[71] и завоевал Майсан и даже Ахваз. Его ненасытная тяга к женщинам привела его к падению. За бесстыдное прелюбодеяние он был в 17 году смещён, хотя судебный процесс благодаря заботе обычно столь строгого Умара кончился комедией. Но этим он не кончил игры. При Нехавенде он отличился; сразу же после этого, ещё в 21 году, он прибыл в Куфу преемником Аммара ибн Ясира. При тогдашнем его наместничестве были сделаны куфийские завоевания в Мидии и Азербайджане. Его раб Абу Лулуа, которого он послал в Медину и заставлял там работать ремесленником, стал убийцей халифа Умара. При Усмане он отошёл на задний план: он не принадлежал ни к Омейядам, получавшим теперь все должности, ни к близким пророка, которые им оппонировали. В революции против Усмана он не участвовал, но вследствие неё вновь поднялся. Говорят, он советовал Али признать Муавию наместником Сирии. Поскольку тот совету не последовал, он отвернулся от него и обратился к Муавии. От его имени он подделал себе грамоту, чтобы руководить хаджем 40 года. Муавия умел ценить такого сотрудника и тотчас после завоевания Ирака вернул ему его прежний пост в Куфе.

Пожилым человеком, после несколько бурного прошлого, он вошёл теперь в гавань, в которой рассчитывал остаться. Он стремился как наместник не задевать ни верхов, ни низов. К Муавии и к волнению партий в Куфе он относился одинаково холодно и даже не скрывал этого (Таб. 2, 38). Так, во всяком случае, изображает его Абу Михнаф в своих рассказах о Мустауриде и Худжре ибн Ади, и, наверное, не без основания[72]. Вся его политика состояла в том, чтобы удержаться на своём посту, и это ему удалось. Случавшиеся порой у государя побуждения сместить его он умел хитростью предотвратить (2, 71 сл., 173 сл., 208 сл.). С хариджитами под началом Мустаурида он справился легко, так как сами куфийцы поспешили избавить его от них. Хариджиты, впрочем, в Куфе мало что значили. В подавляющем большинстве куфийцы были привержены Али как поборнику политической независимости Ирака и в этом смысле были настроены шиитски. Они и не скрывали этого, а отдельные лица даже отваживались на вызывающие высказывания в публичных местах. Аль-Мугира им не мешал. Вместо того чтобы противостать началу, он с известным удовлетворением видел приближение дурных последствий, будучи уверен, что сам их уже не увидит. Он хотел спасти свою душу и переложить на преемника одиозность

[71]Маркварт («Эраншахр», с. 41) считает это правильным произношением вместо Аваркубаз или Авазкубаз.

[72]«Хариджиты» (Труды Гёттингенского общества 1901, V 2), с. 19 сл.; «Шиа» (там же), с. 56 сл.

того, чтобы делать то, что входило в его обязанности[73]. Куфийцы, естественно, были этим вполне довольны; впоследствии они находили, что никогда уже не получали такого хорошего наместника (2, 112). Он проскользнул обманом и до конца наслаждался своей добычей. О времени его смерти сведения колеблются между 49 и 51 годами; ср. Таб. 2, 86 сл., 114; «Агани» 14, 148.

В Басру, когда Ирак ему покорился, Муавия сначала послал военачальника Бусра ибн Аби Артата, чтобы подавить восстание Хумрана ибн Абана. Установив спокойствие, тот ушёл со своим войском; по аль-Вакиди (2, 22), лишь теперь он совершил свой поход в Хиджаз и Йемен. Первым собственно наместником, которого Муавия поставил в Басре (конец 41 года), был Омейяд Абдаллах ибн Амир, уже управлявший этой должностью несколько лет при Усмане. В Басре власть была в руках племён, а не начальства; а так как они были в раздоре и всегда заботились о том, чтобы ничем не поступиться, можно представить себе последствия. В Куфе общественная безопасность мало страдала от политико-религиозной партийной суеты; в Басре на улицах царили грабёж и убийство. Таково было наследство, оставленное Ибн Аббасом. Ибн Амир же не имел охоты действовать решительно. Он думал, как старый аль-Мугира: он не хотел жертвовать спасением души лишь ради укрепления правительства. Он не хотел отрубать руку ни одному грабителю: «Как же я потом посмотрю в лицо его отцу или брату!» Муавии это в конце концов надоело, и он вполне дружески попросил его отказаться от должности. За это он дал ему проглотить то, что тот съел из государственных денег, и отдал ему в жёны свою дочь, так что тот стал одновременно его зятем и сватом[74]. Преемником Ибн Амира стал один аздит, который, однако, должен был лишь проложить дорогу Зияду, уже тогда предназначенному для этой должности, и через четыре месяца ушёл. Так по аль-Мадаини у Таб. 2, 11 сл., 15 сл., 67 сл., 69 сл.

От аль-Мадаини происходит и большинство сведений о Зияде у ат-Табари. Как и покровительствовавший ему аль-Мугира, он принадлежал к сакифитам, поселившимся в Басре сразу при основании города, а именно к семейству Абу Бакры, которое было там уважаемо и благодаря большим земельным владениям (Таб. 2, 12) весьма богато[75]. Он был низкого происхождения и звался по матери сыном Сумайи, ибо отец его был неизвестен. Ислам открыл мир и ему. В четырнадцать лет он стал делителем добычи или счетоводом при басрийском войске, потому что умел писать; ибо, чтобы считать, нужно было уметь писать. Уже тогда халиф Умар будто бы обратил внимание на его необыкновенные достоинства. При Али он был видной личностью в Басре. Как заместитель отсутствовавшего наместника он имел дело с поднятым Муавией восстанием тамим; азд помогли ему, и он остался им благодарен (2, 80). Затем Али послал его в Фарс, чтобы

[73]Такой образ мыслей он разделял со многими другими наместниками этого периода: Ибн Амир — 2, 67; Валид ибн Утба — 2, 219; Нуман ибн Башир — 2, 239; Бабба — 2, 451, 465 сл.

[74]Ибн Амир был тестем сына Муавии Язида.

[75]Ср. о характере этого семейства злую заметку Таб. 2, 801: оно происходит от суки, которая допускала самых разных кобелей и потом приносила самых пёстрых щенят. Далее — Ибн Хишам 874, 17, схолия.

держать эту сомнительную провинцию в повиновении и порядке; он блестяще решил задачу, без насильственных средств. В своей крепости близ Истахра он держался после смерти Али и дольше всех его чиновников бросал вызов Муавии. Бусру пришлось пригрозить ему казнью трёх его мальчиков, оставшихся в Басре, если он не явится: он не пришёл, но детей в последний момент вырвали у палача контрприказом Муавии, который Абу Бакра благодаря бешеной скачке в Куфу и обратно успел выхлопотать и доставить как раз вовремя[76]. Аль-Мугира получил поручение изъять сокровища Зияда, оставленные в Басре; он, разумеется, не смог их найти, ибо ворон ворону глаз не выклюет — сакифит сакифиту. Однако он выступил посредником, чтобы склонить Зияда прекратить сопротивление и явиться: это произошло ещё в 42 году. Муавия закрыл глаза на то, что при условленном между ними разделе государственных денег Фарса тот его надул, хотя и разгадал хитрость. Это была сделка между братьями, наконец узнавшими друг друга; оба получили от неё немалую выгоду.

Последний шаг Муавия сделал, узаконив сына Сумайи и признав его сыном своего собственного отца Абу Суфьяна, чтобы так совершенно привязать его к себе и своей семье. Это был большой скандал, который ат-Табари не рассказывает и не датирует, а лишь предполагает (2, 69 сл.; ср. 3, 477 сл.). Прочие Омейяды и собственный сын Муавии Язид были этим мало обрадованы и долгое время находились в натянутых отношениях с бастардом, который, может быть, даже и не был им. Знаменитые, часто цитируемые насмешливые стихи на его усыновление принадлежат не странствующему певцу Ибн Муфаррига, который, правда, тоже сочинял такие, а одному Омейяду — Абд ар-Рахману, брату будущего халифа Марвана ибн аль-Хакама (2, 194).

Муавия сначала назначил Зияду местом жительства Куфу, где тот находился под мягким надзором отечески расположенного к нему аль-Мугиры, бывал в его доме и ухаживал за его молодой женой. Затем он вызвал его в Дамаск и там, по-видимому, возвёл его в братья. Когда Зияд оттуда вернулся в Куфу, аль-Мугиру охватил страх, что он вырастил в нём собственного преемника. Но очень скоро из Дамаска пришла грамота, которой Зияд назначался наместником Басры и относившихся к ней провинций Востока. В конце раби II или в начале джумада I 45 года он прибыл в Басру. Он представился знаменитой речью с минбара, в которой без обиняков сразу перешёл к своей программе; поэтому речь назвали «безвступительной». «Вы ставите родство впереди, а религию позади, вы оправдываете и покрываете своих преступников и разрушаете охранительные установления, освящённые исламом. Берегитесь ночного шатания: я убью всякого, кто окажется ночью на улицах. Берегитесь самовольного созыва родни: всякому, кто бросит клич, я отрежу язык. Кто столкнёт человека в воду, кто подожжёт дом, кто взломает, кто разроет могилу — тому я воздам. Я делаю каждый клан ответственным за своих членов. Ненависть ко мне я не караю, а караю лишь преступления. Иной, кто испугался моего прихода, будет мне рад, а иной, кто на него надеялся, будет разочарован. Я правлю вами

[76]Рассказ, вероятно, легенда, но его нельзя исправлять, как А. Мюллер («Ислам» 1, 837), в том смысле, будто сыновья Зияда подняли в Басре восстание и были при этом взяты в плен. Для этого они были слишком молоды.

властью Бога и пекусь о вашем содержании из достояния Бога[77]; я требую от вас повиновения, а вы можете требовать от меня справедливости. В чём бы я ни отстал от своей цели, в трёх вещах я не допущу упущения: я в любое время буду доступен для каждого, всегда своевременно буду платить вам жалованье и не буду отправлять вас в поход непомерно долго и далеко. Не давайте ненависти и гневу против меня увлечь вас — вам это плохо обойдётся. Я вижу, что иные головы шатаются; пусть каждый смотрит, чтобы его голова осталась у него на плечах!»

Несколькими примерами неумолимой строгости, показанными в самом начале, он внушил к себе уважение. Ему удалось не только в самой Басре, но и в иранских провинциях и даже в арабской пустыне установить никогда не виданную безопасность, о которой рассказывают настоящие чудеса. И хариджиты в Басре притихли перед ним; отчасти они лишь по названию отличались от обыкновенных разбойников и заслуживали того же обращения[78].

Когда аль-Мугира в 50 или 51 году умер, Зияд получил и его наместничество. Своё собственное местопребывание он сохранил в Басре. В Куфе ему пришлось разбираться с дурным наследством, оставленным ему аль-Мугирой. Тамошние шииты во главе с Худжром ибн Ади из кинда забросали камнями его постоянного заместителя Амра ибн Хурайса, когда тот совершал в мечети публичное богослужение. Тогда он поспешил из Басры, чтобы вмешаться. Худжр оказал ему услугу: когда его хотели арестовать, он вместе с приверженцами оказал вооружённое сопротивление и тем сам поставил себя вне закона. Зияд без особого труда справился с ним; когда дело приняло серьёзный оборот, сами куфийцы помогли ненавистному им представителю государственной власти против своих же сородичей, с настроениями которых сочувствовали; они и подписали обвинительный акт против схваченных зачинщиков. Тех отправили к халифу в Дамаск, и шестеро из них за вооружённый мятеж были казнены, поскольку отвергли возможность отречься от Али. Но этим дело не кончилось. Казнь столь уважаемых людей глубоко взволновала умы. Племена ощущали как позор то, что не сумели изъять своих членов из-под власти государства. Шииты считали Худжра и его товарищей по страданию мучениками[79].

Предание сообщает о некоторых административных мерах Зияда. Он предпринял грандиозную перестройку мечети в Куфе (Таб. 1, 2492). При этом он убрал с пола гравий и заменил его твёрдой мостовой. По аль-Балазури 277, это было сделано для того, чтобы не вошло в обычай после совершения молитвенных поклонов стряхивать гравий с рук. Скорее можно подумать, что это было сделано, чтобы не дать укорениться критике проповедника посредством бросания камней. Важнее была другая мера — разделение ратников Куфы на четыре группы, причём в одной группе объединялись самые разные племена, а во главе стоял не глава племени, а назначенный правительством начальник[80]. При аналогичном разделении басрийцев на пять групп, напротив, сильнее выступает племенной принцип.

[77]Бог означает в теократии государство.
[78]«Хариджиты», с. 24 сл.
[79]«Шиа», с. 56 сл.
[80]«Шиа», с. 58, прим. 1.

Политическое кровопускание можно, пожалуй, усмотреть в том, что он отправил большое число куфийских и басрийских семей в Хорасан и поселил их там (Таб. 2, 81, 156; аль-Балазури 410).

Он умер во вторник 4 рамадана [53 года] (вторник 23 августа 673 г.), в возрасте около пятидесяти трёх лет. Для его характеристики не лишены ценности два анекдота. Когда он в 38 или 39 году отдался под защиту азд и выпытывал у их вождя, будет ли тот защищать его от нападения тамим, решительный ответ, который он получил[81], настолько позабавил его своей наивной формой, что он с величайшим трудом сдерживал смех, который в этот момент мог бы стать для него очень опасным. Молодой красивой жене старого аль-Мугиры, которая ему нравилась и на которой он впоследствии женился, он сказал, что она может смело показываться перед ним открытой, как перед неопасным родственником, ибо он ведь отец Мугиры — один из его сыновей носил то же имя, что и наместник Куфы. Значит, он, по-видимому, не был человеком мрачной серьёзности. Правда, как правитель он шутить не позволял. Но тираном он был лишь по арабским понятиям, по которым всякое сильное правление есть тирания, особенно когда оно применяет меч против мятежных подданных. О его действиях против шиа в Куфе у нас есть совершенно подробный и точный рассказ Абу Михнафа, который сам был настроен шиитски: он положил конец делу нескольких зачинщиков, поднявших против него оружие, — и на том всё. Это вызывает обоснованное подозрение против случайных расплывчатых указаний на его жестокое преследование шиитов вообще (Таб. 2, 266, 624). В Басре они вообще мало значили и не доставляли неудобств; их глава, Шарик ибн аль-Авар аль-Хариси, занимал при Зияде, а позднее при его сыне доверенное положение, которым незадолго до смерти предательски злоупотребил (2, 248). Опаснее там были хариджиты. Они были разного рода: отчасти честные благочестивые люди, отчасти бессовестные буяны с убийственными инстинктами. Но Зияд выступал не против убеждений первых, а лишь против преступлений вторых. Он казнил лишь отдельных изобличённых мятежников и злодеев и не производил превентивных массовых казней. Абу Билаль, самый уважаемый человек среди хариджитов Басры, одобрял его образ действий, проклиная тех, кто бесразборным кровопролитием позорил имя партии. Противоположные указания придётся считать тенденциозной клеветой.

Послушным орудием мнимой жестокости Зияда в Басре у аль-Мадаини и его ученика Умара ибн Шаббы считается Самура ибн Джундаб. Он был начальником *шурты* — своего рода жандармерии. Это постоянное войско Зияд будто бы сильно увеличил, чтобы основать на нём свою тиранию. Но в Куфе он подавил восстание шиа не шуртой, а ополчением самих племён. Как в Фарсе, так и в Ираке он умел справляться и без чрезвычайных средств. По

[81]Таб. 1, 3415. По лейденскому тексту нельзя понять, что смешного в высказывании Сабиры ибн Шаймана. Родовые имена там искажены; их можно исправить по 3418, 1 и Ибн Дурайду 150, 154. «Если придёт аль-Ахнаф, приду и я; если он придёт с *хубак*, то и у нас найдутся *пердуны*; а если придёт с *химман*, то и у нас найдутся *вонючки*!» Имена — собственные имена тамимитских родов, но они имеют вместе с тем нарицательный смысл, и, взятые так, азд тоже могут ими похвастаться и выставить равное против равного. Аздит делает это заявление с хвастливой серьёзностью; в этом и комизм, и вместе с тем то, что вынуждало Зияда не расхохотаться.

старому обычаю он собирал вечером вокруг себя круг именитых людей, которым назначал почётное жалованье, и в непринуждённой беседе обсуждал с ними общественные дела. Глав родов он делал ответственными за благонравие своих; ревность племён позволяла ему разыгрывать их друг против друга. Прежде всего в его руках были государственные деньги и кошелёк, из которого текло жалованье. Была у него в распоряжении и шурта, но не несоразмерно сильнее, чем у предшественников. Вообще у всякого другого наместника были те же средства, что и у него; он лишь лучше умел ими пользоваться. По всем признакам он был правителем милостью Божьей: у него никогда ничего не срывалось. Мечеть, форум ислама, была главным местом его деятельности и его успехов. Он говорил людям, что они думают, и они чувствовали себя задетыми; он объявлял им свои меры, и они не сомневались, что он сдержит слово. Он умел править языком, он знал своих арабов. У них издавна было тонкое чутьё и невольное уважение к духовному превосходству, когда оно проявлялось в проникновении в сердца и в суть вещей и в решительных действиях. Независимый благородный тамимит Хариса ибн Бадр выдал великому *везиру*[82] в стихах почётнейшее свидетельство; а то, что поэт аль-Фараздак боялся его, как настоящий глупый мальчишка, говорит не против него.

Простая задача, которую надо было решить как в Басре, так и в Куфе, состояла в утверждении *султана*, то есть государственного верховенства, полновластия начальства. В Басре надо было сломить своеволие племён и кланов, высшим принципом которых было во всех случаях заступаться за своих, даже за своих преступников, — не только против других кланов, но и против начальства. Больше, чем где-либо, здесь вновь разрослось кликовое начало кровного родства, которое в густонаселённом городе должно было иметь последствия ещё гораздо более нестерпимые, чем в пустыне; правопорядок и мир общины, которыми Мухаммад избавил арабов от анархии, ставились под вопрос. В Куфе оппозиция была окрашена более теократически; она была направлена не против государственного верховенства как такового, а против права существующей, то есть омейядской, власти. Но для Зияда это различие значило мало. Однажды заключив мир с правящим домом, он не знал иного начальства, кроме того, у которого фактически была власть; на этой основе он выступал за общественный порядок и благоденствие и за гражданский долг повиновения. Хотя по господствовавшему обычаю он и себя не забывал и собрал большие сокровища, всё же свою власть он использовал не преимущественно как средство эксплуатировать вверенные ему провинции для домашних целей. Он стоял над партиями и над племенами, он сознательно чувствовал себя чиновником государства и со всей серьёзностью исполнял вытекающие отсюда обязанности, не заботясь ни о спасении своей души, ни о Коране, из которого каждый вычитывал ту политику, какая ему подходила. Но за его верность ему и воздали — и воздавали ещё его сыновьям, из которых самым значительным был Убайдаллах ибн Зияд.

Другими наместниками в Ираке во времена Муавии, по Абу Машару и аль-Вакиди, были: *над Куфой* — Абдаллах ибн Халид ибн Асид с 53 года, ад-Даххак ибн Кайс аль-

[82]78, 10; 146, 15 [Таб. 2]. Насколько мне известно, это наименование встречается здесь впервые.

Фихри с 55 года, Абд ар-Рахман ибн Умм аль-Хакам ас-Сакафи в 58 году и Нуман ибн Башир аль-Ансари с 59 года; *над Басрой* — Самура ибн Джундаб аль-Фазари в 53 году, Абдаллах ибн Амр ибн Гайлан в 54 году и Убайдаллах ибн Зияд с 55 года. Убайдаллах действовал против хариджитов в Басре жёстче своего отца и восстановил против себя и более умеренных; от его времени идут мученические сказания партии[83].

О сирийцах, которыми Муавия правил сам, мы слышим сравнительно мало. Общий интерес к господству объединял их с ним. Ибо Сирия была господствующей страной, что выражалось во владении центральной казной и в размере жалованья[84]. Но и внутренне она отличалась от Ирака. У Куфы и Басры не было иных традиций, кроме пустыни и ислама. Арабские войска, пёстро составленные из разных племён, были заброшены туда войной и поселены как военные колонии. Из примитивных условий они вдруг оказались перенесены в мир культуры и в средоточие великого царства; неудивительно, что они не сразу превратились из бедуинов в рассудительных граждан. В Сирию вследствие исламского завоевания тоже переселилось много арабов, особенно кайситы на север провинции. Но перевес в центре был у кальб и прочих куда'а, а также у некоторых племён, причислявшихся к азд сарат, которые уже веками жили там и пришли туда не благодаря исламу[85]. Влияние греко-арамейской культуры, христианской церкви и Ромейской державы, под которым они находились, не прошло для них бесследно; упорядоченное государство, военная и политическая дисциплина не были для них новыми понятиями; у них был старый княжеский род, которому они долго повиновались. Свою привычку они перенесли на Муавию как на правопреемника их прежней династии; право *султана* не нужно было им вдалбливать. Они признавали законность существующей человеческой власти и не испытывали её мерой Корана и теократии. Они шли за своим эмиром, куда бы он их ни вёл, потому что внутренне так же мало ценили ислам, как и он сам. В военном отношении они оказывались безусловно выше всех прочих арабов — тем более, что никогда не теряли навыка и систематически обучались в постоянных войнах против ромеев. Муавия был достаточно умён, чтобы держать их в милости, хотя по крови стоял ближе к кайситам; различие племенных групп тогда ещё не означало ядовитой противоположности политических партий. Он жил в Дамаске, в сфере кальб, недалеко от резиденции их прежних царей. Он женился на знатной женщине из их среды и назначил её сына Язида наследником царства; по арабским понятиям это был политический союз, и он оказался таковым: все кальбиты чувствовали себя свояками халифа и дядьями по матери его преемника[86]. О том, чтобы присоединённых арабов Сирии ставили ниже вторгшихся завоевателей, не было и речи; к тому же их переход в ислам произошёл очень рано и наполовину добровольно, хотя это был лишь переход к победоносному знамени арабства.

---

[83]«Хариджиты», с. 25 сл.

[84]«Муавия перенёс главную государственную казну (из Куфы) в Дамаск и повысил жалованье сирийцам, а иракцам понизил». Феофан, А. М. 6151, 6152.

[85]Они хвалились тем, что переселились в Сирию не недавно, как Омейяды («Хамаса» 669, ст. 5).

[86]И Наила была кальбиткой, и возможно, что месть за Усмана поэтому нашла отклик именно у кальб и толкнула их в объятия Муавии.

Можно предполагать, что связь, в которую Муавия вступил с ними ещё как наместник, сказалась и на его отношении к неарабским сирийцам, оставшимся христианами; противоположность между господами и подданными в Сирии, по-видимому, была не столь резкой, как поначалу в Ираке. Мусульмане жили там не обособленно в нарочно для них основанных колониях, а вместе с местными жителями в старых городах — Дамаске, Эмесе, Киннасрине и др.; иногда они даже делили с ними пользование храмом, который тогда становился наполовину церковью, наполовину мечетью. Христианские традиции Палестины и Сирии (Набига 1, 24, изд. Альварта) высоко чтились и мусульманами; Сирия и для них считалась святой землёй. Муавия был провозглашён халифом в Иерусалиме, затем молился на Голгофе и у гробницы блаженной Марии. Слишком много из этого выводить, правда, нельзя; как иронически и свысока он относился к догме, он показал, когда яковиты и мароните представили ему на решение свой спор о вере: он взыскал с побеждённых в диспуте яковитов пеню в 20 000 динаров и велел им успокоиться. Но и к исламу он не имел внутреннего отношения, а как политик был терпим к своим христианским подданным. Он снискал их благодарные симпатии; под его властью они чувствовали себя по меньшей мере так же хорошо, как под ромейской, что видно по настроению идущих от них преданий. Феофан (A. M. 6170) говорит о его σπουδὴ τῶν χριστιανῶν («рвении о христианах»); он доказал его тем, что отстроил эдессцам их разрушенную землетрясением церковь. Один из его влиятельнейших советников, которого он передал и своим преемникам, Саргун ибн Мансур, был христианином[87]. То, что в Эмесе он сделал наместником даже христианина, правда, вымысел[88]. Можно пожалеть, что он, вместо того чтобы стать халифом, не ограничился Сирией и не основал там национального царства, которое было бы прочнее безнационального всемирного владычества на Востоке, в котором арабы погибли. Возможно, он и лелеял эту мысль, но признал её исполнение невозможным, потому что тогда ему пришлось бы отречься от ислама и войти в церковь. Ибо тогда ислам ещё не терпел партикулярных царств.

Месть за Усмана была тем титулом, на котором Муавия основал своё право наследования. В каком смысле он предпринял её, явствует из того, что он вступил для этого в союз с Амром ибн аль-Асом, ядовитее всех подстрекавшим против Усмана. Благочестие не было его мотивом. Не следовал он и традициям своего убитого предшественника. Общий итог его правления — господство Омейядов — он, конечно, принял. Однако отнюдь не все жирные должности он раздавал Омейядам; он, правда, пробовал их, но обычно вскоре вновь смещал. Их главной квартирой стал не Дамаск: ею осталась Медина. Этот город, до тех пор средоточие царства, видел себя теперь отодвинутым на покой, и с ним — аристократия, всё ещё жившая там. Муавия обычно оставлял Омейядам наместничество в Медине, но что значил Марван, некогда всемогущий канцлер Усмана, теперь как эмир Медины! Неудивительно, что он косо смотрел на дамасского родственника, который так далеко его

[87]Таб. 2, 205, 228, 239; «Танбих» (Bibl. Geogr. Arab. VIII) 306 сл., 312. У Феофана (A. M. 6183) Σέργιος ὁ τοῦ Μανσοῦρ, ἀνὴρ χριστιανικώτατος («Сергий, сын Мансура, муж христианнейший»), упоминается лишь при Абд аль-Малике; ср. Таб. 2, 837.
[88]Аль-Якуби 2, 265.

обогнал, и что вообще родня в Медине фрондировала против него. Их настроение особенно выразилось в ревности к Зияду, ибо они боялись, что Муавия хочет через него усилить свой дом против всего семейства и, может быть, передать ему преемство. Он же со своей стороны старался натравить разные ветви семейства в Медине друг на друга и тем ослабить их силу (Таб. 2, 164). И его согласие с курайшитами вообще оставляло желать лучшего. Он, правда, жаловался на это: они, мол, потому оттеснены им, что сами от него отстранились. Особенно натянутыми были его отношения с махзум. Они давно завидовали Омейядам, потому что те вытеснили их с первого места, которое они занимали в Мекке до битвы при Бадре. Он дал им ещё особый повод к ненависти. Абд ар-Рахман, сын великого махзумита Халида ибн аль-Валида, и сам заслуженный и весьма уважаемый человек, занимал в Эмесе, в средней Сирии, столь самостоятельное и значительное положение, что казался халифу опасным. Христианский врач отравил его, как полагали, по наущению Муавии, и можно представить себе, как это подействовало на махзум. Его отношение к духовной знати ислама, к дому пророка и к семействам старейших сподвижников, а также к ансарам, естественно, тем более состояло из недоверия и вражды.

Его выдающиеся наместники в важнейших провинциях не были Омейядами и, за одним исключением, даже курайшитами. У него был глаз на то, кто ему пригодится, и он брал такого на службу. Он умел привлечь и удержать тех, кто был ему нужен, и даже заставить работать на себя тех, кому не доверял, — как Амра в Египте, который чувствовал себя скорее его союзником, чем чиновником (Динавари 236). Его слуги и доверенные лица неоднократно перечисляются[89]; по-видимому, это были большей частью *homines novi*. С ними как со своими σύμβουλοι («советниками») он совещался как πρωτοσύμβουλος («первый советник»)[90]; пример — Таб. 2, 136 сл. Им позволялось кое-что себе против него позволить, и они это делали (2, 144, 185). Но поводьев он из рук не выпускал; он умел дрессировать на свободе. Грубое и страстное поведение его не задевало. Он держал себя как древнеарабский *сайид*. Дара личной храбрости Бог ему не дал, хотя он постоянно посылал своих сирийцев в поход против ромеев. Тем в большей мере он обладал другими качествами сайида: умной мягкостью, которой обезоруживал и пристыжал противника, медлительностью на гнев, совершеннейшим самообладанием. Он фигурирует как образец этих качеств в бесчисленных историях наряду с тамимитом аль-Ахнафом, своим высоко ценимым им современником. Он был по существу дипломатом и политиком; он давал делам созреть и ускорял их ход лишь изредка, может быть с применением небольшой дозы яда. Своего происхождения из купеческого сословия он не отрицал. Неохотно доводил дело до насилия; Ирак он не столько завоевал, сколько купил. Если он мог достичь цели деньгами,

[89]Таб. 1, 3272, 3360; 2, 139, 197, 205; «Агани» 1, 12.

[90]Μαυίας καὶ οἱ σύμβουλοι αὐτοῦ («Муавия и его советники») — Феофан, A. M. 6169; Μαυίας ὁ τῶν Σαρακηνῶν πρωτοσύμβουλος («Муавия, первый советник сарацин») — A. M. 6171. Впоследствии это обозначение перешло — давно уже утратив своё основание — даже на аббасидских халифов. Странный титул встречается в A. M. 6165: ὁ δεύτερος ἀδελφός («второй брат»). Майордом набатейского царя назывался его братом, а некоторые высшие чиновники Селевкидов — их родичами. Если таких братьев было несколько, мог существовать порядок старшинства.

он не скупился; но даром их не тратил, и ему доставляло удовольствие разочаровывать тех, кто рассчитывал на его неразборчивую щедрость или думал, что сможет его обмануть. Один из древнейших передатчиков, аш-Шааби, слышал о нём, что он был любезнейшим собеседником, но его тайну никогда нельзя было отличить от того, что он говорил открыто. Слушая, он откидывался назад, клал ногу на ногу и держал один глаз полузакрытым. При публичных выступлениях он, несмотря на тучность, казался арабам внушающим благоговение, когда надевал свой чёрный тюрбан и подводил глаза сурьмой. Он умер, по аль-Вакиди, в четверг в середине раджаба 60 года; это был бы четверг 18 апреля 680 г. Вступление на престол его преемника пришлось, по Илие Нисибинскому, на пятницу 15 раджаба, по Абу Михнафу же (2, 216) — на 1 раджаба. Абу Машар определяет продолжительность его правления в 19 лет и 3 месяца; аль-Вакиди добавляет ещё 27 дней. Он был похоронен у Малых ворот Дамаска; его могилу, над которой стояло здание, посещали ещё веками, доступ был открыт по понедельникам и четвергам[91].

2. Смена правления, как всегда, грозила трудностями. В отличие от своих предшественников, Муавия старался заранее их сгладить. Как сам он держал знатных арабов на привязи лишь присягой, которую они лично принесли ему лично, так он хотел ещё при жизни надеть им на шею это обязательство и по отношению к своему сыну Язиду как своему преемнику. Они же, разумеется за исключением сирийцев, надеялись с его смертью освободиться от ярма. Они делали вид, будто он совершает неслыханное новшество, желая ввести преемство от отца к сыну, какое было в обычае у Сасанидов и византийцев. По арабскому праву власть, правда, переходила по наследству внутри рода или племени, но не именно внутри одного дома от отца к сыну; по исламу же она вообще не была достоянием людей, на которое они могли бы заявлять наследственные права. Тем не менее шум не соответствовал мнимой причине[92]. Право эмира перед смертью урегулировать преемство было бесспорным; и если сын и не имел на это права, то и отнюдь не был от него исключён. Лишь присяги заранее, по-видимому, ещё не бывало. Но всё было в начале, и вообще не существовало традиции в этом отношении, не существовало порядка престолонаследия.

Вульгата о действиях Муавии, выраженная в изложении Вейля и А. Мюллера, звучит у Ибн аль-Асира 3, 417 сл. так. Первый толчок к тому, чтобы добиться для Язида престолонаследия, дал аль-Мугира — собственно, со злым умыслом заманить Муавию в ловушку. Ему было поручено подготовить дело в Куфе; завербованные им за небольшие деньги, вскоре в Дамаске появились куфийские депутаты, которые настаивали на присяге Язиду. Но Муавия был осторожен и сначала запросил Зияда в Басре. Того Убайд ибн Кааб ан-Нумайри убедил не противиться; он лишь посоветовал Язиду из уважения к общественному мнению несколько умерить свою склонность к языческим забавам — совет, который был хорошо принят и даже исполнен. Однако лишь после смерти Зияда Муавия открыто выступил со своим намерением. Сначала он прощупал почву в Медине, старой

[91]Аль-Масуди 5, 14. Поэт аль-Кумайт искал от гнева халифа Хишама убежища у гробницы Муавии («Агани» 15, 115, 117, 121).
[92]Стихи у аль-Масуди 5, 71 напоминают стихи аль-Хутайи против Абу Бакра.

столице, которая всё ещё считалась собственно местом присяги, потому что там жили гранды ислама, от которых её преимущественно и следовало получить. Мединцы одобрили его намерение позаботиться о преемстве; но когда он затем велел Марвану объявить им, что избрал для этого своего сына, в мечети произошли бурные сцены. Особенно протестовали сыновья знатнейших сподвижников — Хусайн ибн Али, Абдаллах ибн Умар, Абд ар-Рахман ибн Абу Бакр и Абдаллах ибн аз-Зубайр. Муавия, однако, не обратил на это внимания. Он велел уважаемым людям из всех провинциальных столиц прибыть в Дамаск и произнёс перед ними речь о праве власти и долге подданных вообще и о добрых качествах Язида в особенности. Ад-Даххак ибн Кайс аль-Фихри и другие назначенные для этого ораторы поддержали его и сделали умолчанный им вывод, призвав присягнуть Язиду. Лишь аль-Ахнаф из Басры высказал осторожно сформулированные сомнения, действие которых, впрочем, было парализовано золотом. Язид принял присягу депутаций. Теперь оставался ещё Хиджаз. Туда Муавия отправился лично с 1000 всадников. Придя в Медину, он сразу так оттолкнул названных выше знатных строптивцев, на присяге которых ему прежде всего было важно, что они бежали в Мекку. Он последовал за ними туда и стал теперь стараться привлечь их изысканной любезностью. Лишь под конец, собираясь в обратный путь, он выступил со своей просьбой; он старался втолковать им, что требует от них немногого, что Язид будет государем лишь по имени, а под его именем действительное пользование правлением будет скорее у них. Они долго молчали; наконец слово взял Ибн аз-Зубайр и от имени всех отверг требование халифа. На это тот сказал: когда я в другое время говорю речь с минбара, я спокойно позволяю всякому возражать что угодно; но кто возразит мне сегодня, тому удар меча оборвёт слово. Он тотчас, в их присутствии, отдал своим слугам соответствующий приказ. Затем он выступил в мекканской мечети и объявил: эти четверо мужей, без которых нельзя принять никакого решения о преемстве, присягнули Язиду, — значит, присягайте и вы! Тогда все присягнули; четверо молчали из страха и так согласились с ложью. Муавия вернулся через Медину и там принял присягу Язиду.

Это ловкая композиция. Что аль-Мугира подал мысль о присяге Язиду, а Зияд, побуждённый Убайдом ибн Каабом, не воспротивился, рассказывает и аль-Мадаини; это стоит у Таб. 2, 173 сл. под тем же годом, что и у Ибн аль-Асира. Напротив, о собрании у Муавии делегатов из всех провинций для присяги Язиду у ат-Табари ничего нет; он упоминает (2, 196) лишь *одну* депутацию для присяги — из Басры, во главе с Убайдаллахом ибн Зиядом, — но относит её лишь к 60 году, в котором Муавия умер. Эта басрийская депутация, вероятно, позднее была обобщена и датирована задним числом; переход к этому есть уже у аль-Масуди[93]. Совершенно неизвестна древнему преданию (и аль-Масуди тоже) та интересная главная вещь, которой венчается рассказ Ибн аль-Асира, — резкое личное вмешательство Муавии в Хиджазе. У Таб. 2, 175 (аль-Мадаини) говорится лишь, что после смерти Зияда Муавия прочёл грамоту, содержавшую, что на случай своей смерти он

[93]5, 69. Но там дата — лишь 59 год. Вместо *ансар* читай *амсар* [«провинциальные столицы»].

назначает своим преемником Язида; все подчинились этому, за исключением пяти мужей[94], — место, вероятно Дамаск, не указано, и время тоже точно не указано, ибо «*после смерти Зияда*» — лишь переходная формула. Далее, у Таб. 2, 196 говорится, что в 60 году Муавия принял от депутатов Басры присягу Язиду и распорядился о некоторых мерах, которые после его смерти следовало принять против четырёх строптивых курайшитов; по Аване, он завещал эти меры, так как Язида не было, ад-Даххаку ибн Кайсу аль-Фихри и Муслиму ибн Укбе аль-Мурри. Можно, следовательно, предположить, что Муавия долгое время носился со своим планом и к концу жизни пытался его провести, — однако тщетно в отношении тех лиц, привлечение которых было важнее всего, ибо они сами по исламским понятиям имели ближайшие права на халифат. О дальнейшем речи нет. Да и совсем не похоже на старого господина, чтобы он посреди мира встал во главе 1000 всадников, чтобы четырёх курайшитов в Хиджазе сначала оскорбить, потом приласкать, наконец изнасиловать и при всём этом в сущности ничего не добиться: ибо сами они, на которых всё и держалось, ведь не присягнули. Что он с вооружённой силой въехал в Мекку и там, а не в Медине, совершил главный акт присяги, — и вовсе невероятно. Драматические речи и сцены, которыми украшен рассказ, не делают его правдоподобнее. Всё это, по-видимому, лишь отброшенная вперёд тень событий начала правления Язида, к которым мы теперь и переходим.

После того как Язид 1 раджаба 60 года вступил в правление, рассказывает Абу Михнаф у Таб. 2, 216 сл., он письменно известил наместника Медины Валида ибн Утбу ибн Абу Суфьяна о смерти своего отца; на листке не больше мышиного уха он добавил приказ добиться силой присяги от Хусайна, Ибн Умара и Ибн аз-Зубайра — названы лишь эти трое. Валид призвал на совет Марвана, с которым, впрочем, был в плохих отношениях, и тот посоветовал по крайней мере Хусайна и Ибн аз-Зубайра немедленно схватить, прежде чем они узнают о смерти Муавии. Но Валид не сделал этого сразу, и так обоим удалось ускользнуть в Мекку в конце раджаба 60 года (начало мая 680 г.). Ибн Умара считали неопасным; о нём говорили, что он примет халифат, лишь если его поднесут ему на блюде. По аль-Вакиди (2, 222 сл.), его, впрочем, в то время вовсе не было в Медине; вернувшись, он присягнул, узнав, что присягает весь мир. Так же поступил Ибн Аббас — это была позиция подлинной кафоличности. Валида, понятным образом, вскоре сместили; на его место пришёл другой Омейяд, Амр ибн Саид ибн аль-Ас, бывший до тех пор в Мекке. По аль-Вакиди, это произошло в рамадане 60 года; по другим сведениям — лишь в зу-ль-када (Таб. 2, 226).

Хусайн дал выманить себя из убежища в Мекке. Куфийцы осаждали его просьбами прийти к ним и принять их присягу; первые их гонцы прибыли к нему 10 рамадана. Он выслал вперёд своего двоюродного брата Муслима ибн Акиля, который должен был подготовить ему путь. Тот нашёл в Куфе много приверженцев, но, будучи вынужден преждевременно выступить против недавно назначенного наместника Убайдаллаха ибн Зияда, был ими брошен и нашёл жалкий конец 8 или 9 зу-ль-хиджжа. В то же время, 8 зу-ль-хиджжа, Хусайн, ободрённый первым, благоприятным донесением Муслима, выступил

[94]Пятым прибавлен Ибн Аббас, который ведь никак не мог отсутствовать; аль-Мадаини — верный приверженец благословенной династии.

со своими из Мекки. В пути он, правда, узнал о его печальном конце, но не мог или не хотел повернуть назад и пал в бою с куфийскими войсками при Кербеле на Евфрате 10 мухаррама 61 года (10 октября 680 г.). Путч кончился жалко. Мученичество Хусайна, однако, имело огромное идеальное значение и могучее последействие для шиа[95].

Гораздо опаснее Хусайна оказался Ибн аз-Зубайр, который был рад избавиться от соперника, против которого не мог выдвинуться. Язид не решался всерьёз взяться за него, потому что тот укрылся в священной Мекке, где бой и кровопролитие были запретны. Но сообщения о его поведении по отношению к нему скудны и противоречивы.

О 61 годе (начинается 1 октября 680 г.), когда наместником Медины был Амр ибн Саид[96], Абу Михнаф у Таб. 2, 395 сл. рассказывает следующее. Гибелью Хусайна Ибн аз-Зубайр воспользовался, чтобы обрушиться как на куфийцев, так и на правительство и, прикровенно, на Язида. Его приверженцы призывали его принять присягу. Но он позволял это лишь тайно, а публично называл себя прибегнувшим к храму. Узнав о его происках, Язид поклялся заковать его в цепи. Но затем одумался и послал ему серебряную цепь, чтобы тот её надел. Когда гонец с ней проезжал через Медину, Марван процитировал стих, называвший принятие цепи унижением. Ибн аз-Зубайр узнал об этом и отверг цепь. Его авторитет в Мекке возрастал, и мединцы тоже писали ему; после смерти Хусайна он считался ближайшим правомочным на власть.

По преданию, возводимому к аз-Зухри, у Таб. 2, 397 сл., цепь, составленную из серебряных монет, доставили четыре гонца, среди них Ибн Идах и Масада. Сыновья Марвана Абд аль-Малик и Абд аль-Азиз по поручению отца отправились с ними из Медины в Мекку и читали перед Ибн аз-Зубайром стихи, которые должны были побудить его к непреклонности. Он понял и находчиво ответил подходящими стихами.

Оба названных здесь гонца встречаются и в «Агани» 1, 12 в сообщении Вахба ибн Джарира; отсюда можно заключить, что там речь идёт о том же событии, хотя оно рассказано совсем иначе и, в частности, серебряная цепь вовсе не упоминается. Язид послал к Ибн аз-Зубайру Нумана ибн Башира аль-Ансари с десятью другими людьми, чьи имена перечисляются[97]. Нуман часто вёл переговоры с Ибн аз-Зубайром наедине. Ибн Идаха раздражало это шушуканье ансара с мухаджиром[98], и он сказал Ибн аз-Зубайру, что Нуман хотя и их предводитель, но особого поручения не имеет, а лишь то же, что и все они. Ибн аз-Зубайр возразил: что мне до тебя, я лишь голубь из голубей святилища; неужели ты убьёшь такого голубя? Тогда тот натянул лук, прицелился в голубя и обратился к нему: «Голубь, пьёт ли Язид вино? Скажи "да" — и я выстрелю!» И, повернувшись к Ибн аз-

[95]«Шиа», § 2, с. 61–71.

[96]Против определённых дат аль-Вакиди (2, 223 сл., 399) и Абу Машара (2, 395) не могут устоять указания Абу Михнафа (280, 8; 397, 2), вообще не сильного в хронологии. Катрмер прав против Вейля (1, 325). Впрочем, Амр ибн Саид, может быть, последовал за Валидом ибн Утбой не совсем непосредственно (Динавари 243, 2, 3).

[97]Читай 12, 5 *аль-Джузами* и *ас-Сакуни* вместо *аль-Хизами* и *ас-Салули*.

[98]Сам он и другие были простыми арабами из бедуинских племён; ансары и мухаджиры — старожилы и курайшитские эмигранты в Медине — два класса исламской знати.

Зубайру, продолжал: «Клянусь Богом, если ты не присягнёшь, сюда явятся всадники ашар и не посмотрят на святость места; осквернят его не они, а тот, кто использует его как укрытие для своего мятежа». История с голубем не преминула произвести впечатление на современных историков. Но она анекдотична, и мотив повторяется в другой форме у Таб. 2, 430[99]. И многочисленные приводимые имена не дают гарантии. В особенности имя предводителя миссии, по-видимому, неверно. Едва ли Нумана за год до того халиф посылал в Мекку с тем же поручением, которое год спустя ему пришлось исполнять в Медине. Если же выбирать, то предпочтение заслуживает предание Абу Михнафа (2, 404), что ансар был послан к ансарам в Медину.

Ряд пусть завершит версия аль-Вакиди. Она стоит у Таб. 2, 223 сл. под 60 годом; но до смерти Хусайна, в начале 61 года, Ибн аз-Зубайр не выступал. Исчерпав в повторных переговорах своё терпение, Язид поклялся не успокоиться, пока Ибн аз-Зубайр не предстанет перед ним в цепях. Когда же тот даже помешал эмиру Мекки руководить богослужением, он приказал наместнику Медины Амру ибн Саиду послать против него войско. Во главе его по собственному желанию встал враждебный брат Ибн аз-Зубайра по имени Амр. Беспрепятственно дойдя со своим несколько пёстрым отрядом до Мекки и вступив в неё, он стал уговаривать брата явиться к халифу с серебряной цепью на шее, которую можно носить под одеждой, чтобы освободить того от его клятвы. Тот не согласился, а, напротив, внезапно велел напасть на авангард Амра, затем захватил и его самого и уготовил ему в темнице Арим страшный конец. Неудачная экспедиция Амра ибн аз-Зубайра засвидетельствована в «Агани» 13, 39 сл. и приведёнными там стихами; она, без сомнения, историческая. Но доставка серебряной цепи не подходит сюда как эпизод; она лишь искусственно поставлена в эту связь и принадлежит скорее к попыткам мирных переговоров, предшествовавшим насильственным действиям. В этом прочие передатчики будут правы против аль-Вакиди.

В конце 61 года Амр ибн Саид был смещён с Медины вследствие интриги в лоне омейядского семейства; он отправился в Дамаск и оправдался перед халифом. На его место вновь вступил его предшественник Валид ибн Утба. По единогласному преданию он руководил хаджем 61 года и оставался в должности в течение 62 года, по крайней мере бóльшую часть этого года. По Абу Михнафу у Таб. 2, 402, Ибн аз-Зубайр письмом добился того, что затем вместо него был назначен Усман ибн Мухаммад ибн Абу Суфьян, молодой, неопытный и самонадеянный человек. По Таб. 2, 405 и, по-видимому, также по Абу Михнафу (401 сл.), тот вступил в должность лишь после хаджа 62 года, но по 399, 18 это, кажется, оспаривается. Во всяком случае, смена произошла в конце 62 или в начале 63 года.

63 год (начинается 10 сентября 682 г.), в отличие от двух предыдущих, заполнен важнейшими событиями. Как рассказывает Абу Михнаф[100], новый наместник послал из

[99]Сириец Хусайн беседовал с Ибн аз-Зубайром в святилище. Его конь уронил навоз; когда слетелись голуби, он следил, чтобы конь не наступил ни на одного. Тогда Ибн аз-Зубайр сказал: ты боишься здесь поранить голубя, но не боишься убивать мусульман?

[100]У Таб. 2, 402 сл. Параллель — Вахб ибн Джарир (2, 422 сл.), с очень неточной датировкой: после смерти Муавии.

Медины к Язиду депутацию знатных людей как из ансаров, так и из мухаджиров. Это были влиятельные выразители общественного мнения, которое в Медине хотя и не было решительно зубайридским, но во всяком случае было антиомейядским; он надеялся, что Язид привлечёт их убедительной силой денег. Язид и в самом деле щедро одарил их[101], но это не помешало им по возвращении рассказывать о нём самые ужасные вещи: он играет с охотничьими собаками[102], выбирает себе худшее общество, пьёт вино под музыку и пение; словом, у него нет религии. Это недоразумение, будто депутация состояла лишь из ансаров и современников Мухаммада. А. Мюллер (1, 367) говорит о странных старых чудаках из общества пророка, будто бы совершенно чуждых Язиду; он составляет себе собственные представления о них и о халифе, который, разумеется, достаточно хорошо знал Медину, знатнейший город ислама, и, как все высокопоставленные арабы, располагал достаточным знанием людей. Абу Михнаф упоминает ещё одну, последнюю попытку, которую Язид сделал, чтобы успокоить умы в Медине; он не хотел применять силу против города, потому что тот был местопребыванием его собственного рода. Он послал туда самого подходящего апостола мира — Нумана ибн Башира, который, однако, к своему огорчению, проповедовал глухим.

Увертюрой восстания мединцев, по «Агани» 1, 13 (аль-Мадаини), была драматическая сцена в мечети. Охваченные внезапным неистовством, они отказали Язиду в повиновении: каждый, как было в обычае, в знак расторжения отношений снимал и бросал от себя плащ, тюрбан или сандалию, так что вскоре на полу лежала большая куча. У ат-Табари об этом ничего нет. Абу Михнаф (2, 405 сл.) отмечает начало восстания тем, что мединцы присягнули Абдаллаху ибн Ханзале как своему предводителю для борьбы против Язида и омейядского господства. Ибн Ханзала участвовал в поездке в Дамаск; он был ансаром, знаменитым от чрева матери, как посмертно родившийся сын омытого ангелами мученика Ухуда. Следующим шагом восставших было то, что они напали на Омейядов в Медине. Те, около тысячи человек, бежали в квартал Марвана, старейшего и самого уважаемого главы семейства. Марван известил халифа о беде: в нас бросают ягодами, у нас нет доброй воды для питья, помогите, помогите! Хотя Язид посмеялся над этим плачем, он всё же тотчас решился отправить войско. Вести его должен был Амр ибн Саид; но тот не имел охоты проливать кровь курайшитов (Мединых) на ратном поле и посоветовал передать командование некурайшиту. Тогда Язид обратился к старому и испытанному слуге своего отца, Муслиму ибн Укбе аль-Мурри. Тот, правда, полагал, что тысяча мужчин, которые не могут хоть некоторое время защищаться, и не стоят того, чтобы им помогали, но всё же согласился, поскольку Язид заявил, что не может бросить своих родственников. Тогда стали набирать людей; за полное жалованье с немедленно выплачиваемой надбавкой в сто динаров нашлось 12 000 сирийцев[103]. Тем временем осаждённые в Медине получили свободный выход и отправились в Сирию; жена Марвана, однако, ушла в Таиф под защитой

[101]Иначе Таб. 2, 419 сл.
[102]«Агани» 20, 106: с обезьянами.
[103]Это были, вероятно, как обычно, большей частью кальбиты; предводитель кайс Зуфар ибн аль-Харис сражался против них на стороне Ибн аз-Зубайра. Впрочем, ср. «Хариджиты», с. 54.

единственного спасшегося при Кербеле сына Хусайна, который принадлежал к немногим курайшитам, не примкнувшим к восстанию. На пути к Медине Муслим встретил бежавших Омейядов в Вади-ль-Кура; он с самого начала был зол на них и был не прочь теперь коротко расправиться с их главами, потому что они, связанные клятвой, не хотели отвечать на его вопросы. К счастью, сын Марвана Абд аль-Малик сумел отвратить его гнев; Муслим был в восторге от его сведущих советов и всецело им следовал. В зу-ль-хиджже 63 года он подошёл к Медине и расположился на Харре к северо-востоку от города. Он дал восставшим три дня на размышление; он выражал желание уйти от них и обратиться против лицемера в Мекке, ибо боится пролить их кровь, так как они — корень (ислама и царства). Даже по истечении срока он ещё раз попытался действовать добрыми словами. Ему ответили бранью. Мединцы защитили открытый северный угол своего города валом и рвом. Их войско состояло из четырёх отрядов; ими командовали два курайшита, один ашджаит и ансар Ибн Ханзала, который одновременно имел и верховное командование.

С этого места рассказ Абу Михнафа у ат-Табари дополняется преданиями Аваны и других, не всегда вполне с ним согласными. Мединцы вышли навстречу сирийцам на Харру и дошли до самого места, где стоял Муслим, который, по одному указанию, сидел на коне, а по другому — больной, был несом в носилках. Но в конце концов они всё же потерпели поражение; пало множество знатных ансаров и курайшитов, среди них и Ибн Ханзала с восемью сыновьями. Поражение, по Вахбу ибн Джариру (Таб. 2, 423) и ас-Самхуди («Skizzen» 4, 26), решила измена бану хариса, через квартал которых сирийский отряд проник в город и ударил защитникам в спину. Датой аль-Вакиди (2, 422) называет среду 26 или 27 зу-ль-хиджжа 63 года = среда 26 августа 683 г. Город пророка и халифов был на три дня отдан сирийским воинам, и они хозяйничали в нём, как хотели. Так — по Абу Михнафу (2, 418) и ас-Самхуди. Иначе Авана. По нему, Муслим на другой день после битвы принудил знатных мединцев к присяге в Кубе и при этом казнил нескольких зачинщиков, среди них, несмотря на протест Марвана, пару курайшитов и также ашджаита Макиля ибн Синана[104]. Этот упорядоченный образ действий на другой день после битвы не вяжется с трёхдневным отданием города на разграбление. Оно едва ли подтверждается тысячей внебрачных детей, которые, по ас-Самхуди, будто бы родились вследствие этого; и Вахб ибн Джарир (423, 15 сл.) ничего об этом не знает.

Покончив с Мединой, Муслим двинулся дальше на Мекку, но дошёл лишь до Мушаллаля. Там он умер со спокойной совестью, в убеждении, что совершил богоугодное дело. Своё имущество он завещал не сыновьям, а своему роду и жене. Командование он, весьма против своей склонности, оставил сакуниту Хусайну ибн Нумайру, потому что так определил халиф; он внушил ему никогда не преклонять слуха к курайшиту. Рассказ Аваны

[104]Макиль был, как и он, из гатафан и издавна с ним дружен. Но тот был возмущён им. «Ты встретил меня в Тивериаде, когда возвращался от Язида, и сказал: "мы целый месяц ехали и вернулись с пустыми руками; по возвращении домой мы отречёмся от этого нечестивца и присягнём одному из сыновей мухаджиров". Какое дело гатафан и ашджа до низложения и поставления халифов! Я поклялся: если встречу тебя на войне и буду иметь силу, отрубить тебе голову». *Фима... мин* в 420, 3 не заслуживает вопросительного знака.

у Таб. 2, 424 сл. согласуется с рассказом Абу Михнафа, насколько тот простирается. Смерть Муслима Абу Михнаф относит к концу мухаррама 64 года; но по Аване и аль-Вакиди Хусайн уже в мухарраме стоял под Меккой.

С портретом Муслима ибн Укбы, который здесь набросан, странно контрастирует изображение у новейших. «Никто, может быть, не представлял старое время и языческое начало так, как он. В нём не было и тени мухаммеданской веры; из всего, что было свято для мусульман, ему не было свято ничего. Тем крепче держался он языческого суеверия: он верил в вещие сны, в таинственные слова, исходившие из кустов гаркад. Это обнаружилось, когда он предложил себя Язиду; он сказал ему, что Медину можно покорить лишь через него, ибо он слышал во сне из куста гаркад голос: через Муслима!» Так высказывается Дози («Histoire des Musulmans d'Espagne» 1, 97 сл.), и в том же тоне А. Мюллер 1, 367: «Муслим ибн Укба был одушевлён той же ненавистью к исламу, в особенности к староверам, которая сделала Шамира губителем Хусайна. Старому и больному, ему на время вернула силы желанная перспектива долго тщетно чаемого наказания этих смертельных врагов всего языческого; на случай, если он не доживёт до конца похода, ему дали в преемники Хусайна ибн Нумайра, который ещё недавно был правой рукой Убайдаллаха в Куфе[105] и тоже питал к мечети пророка и Каабе примерно такое же почтение, как к двум пустым орехам». Из-за куста гаркад, к которому он, по «Агани» 1, 14, вовсе и не обращался за советом, а лишь видел его во сне[106], Муслим ибн Укба оказывается закоренелым язычником; одушевлённый глубокой ненавистью к мединцам, он, хотя больной и старый, с жадностью ждал случая их перебить и ухватился за него. Древнее предание ничего обо всём этом не знает. По Таб. 2, 425, на смертном одре он засвидетельствовал, что больше всего ценит веру в Аллаха и Его посланника. Он не напрашивался на задачу, которую поручил ему Язид, он даже принял её неохотно. Он не хотел сорвать злобу на городе пророка, а старался щадить его до последнего мгновения. Сомнительно даже, отдал ли он его после победы на трёхдневное разграбление; он принудил его к присяге, но не в необычно позорной форме[107]. Он был верным слугой своего господина и подчинил ему мятежников. «Какое дело гатафан до вопроса, кто истинный халиф!» Он был рад, что для него как гатафанита этого вопроса не существовало. Политические устремления он предоставлял подстрекателям и честолюбцам, укрывавшимся в обоих священных городах. Он находил, что они злоупотребляют убежищем и тем сами упраздняют его неприкосновенность; и соответственно действовал с убеждённой решимостью. Это ему со временем всё больше вменяли в ужасное злодеяние, и так он стал тем языческим пугалом, в виде которого фигурирует у Дози и Мюллера.

Нить, привязанную к кусту гаркад, Дози прядёт дальше в 1, 108. «Сирийские арабы свели счёты с сыновьями фанатичных сектантов, которые залили Аравию кровью их отцов.

[105]Это смешение сирийца Хусайна ибн Нумайра ас-Сакуни с куфийцем Хусайном ибн Тамимом ат-Тамими, отчего счёт первого отягощается ещё больше. О Шамире ср. «Шиа», с. 70.
[106]Аналогично аль-Хаджжадж, Таб. 829, 15.
[107]Как полагает Дози 1, 107. Ср. против этого Таб. 418, 18.

Старая знать уничтожила новую. Как представитель старой мекканской аристократии Язид отомстил и за убийство халифа Усмана, и за поражение, которое мединцы под знаменем Мухаммада нанесли его деду Абу Суфьяну. Реакция языческого начала против мусульманского была жестока и неумолима. Ансары никогда не оправились от этого удара, их сила была навсегда сломлена. Их почти опустевший город на время остался собакам, округа — диким зверям; ибо большинство жителей искали себе новой родины вдали и уходили в африканскую армию. Остальные были весьма достойны сожаления: Омейяды пользовались всяким случаем, чтобы дать им почувствовать свою ненависть и презрение, оскорбить их и отравить им жизнь». Мюллер 1, 368 сл. усваивает эти представления. Они сплошь кривы и большей частью совершенно ложны.

Настоящий удар постиг Медину тогда, когда старый законный халифат прекратился с убийством Усмана, а новый переселился в провинции; нынешний удар не вызвал существенных перемен. Медина не опустела, изгнанные Омейяды вскоре вернулись, чтобы позднее быть изгнанными ещё раз. Она оставалась, как и прежде, весёлым городом, местопребыванием не только благочестивого предания, но и тончайшего и знатнейшего арабского общества, и потому её предпочитали те, кто хотел удалиться от дел и жить в удовольствие, — местом встреч певцов, музыкантов и прихлебателей. Все относящиеся сюда статьи «Китаб аль-Агани» дают тому подтверждения; выделить можно, например, статью об Абу Катифе, об Ашабе и особенно о Сукайне, озорной и остроумной правнучке пророка. Далее, ошибочно представление, будто последствия битвы при Харре затронули лишь ансаров. Ансаров нельзя просто приравнивать к мединцам. Медина давно уже не была их городом. Они жили там вместе с мухаджирами, которые равнялись им числом и превосходили силой. Среди последних первое место занимали курайшиты: с 8 года они переселялись туда толпами, столица царства стала их подлинной родиной. В восстании против Язида они участвовали так же, как и ансары. Различие между исламской и доисламской знатью, которое среди них, конечно, существовало, при этом мало принималось в расчёт. У Язида среди них вообще не было партии; он не был представителем их старой аристократии, хотя и принадлежал к ней. В Хиджазе они сплошь стояли фронтом против него, как уже против его отца. Знатные махзум, например, были настроены вполне зубайридски. Даже Омейяды Медины были с Язидом не в лучших отношениях; они не хотели портить отношения с восставшими и кокетничали с Ибн аз-Зубайром; у Муслима ибн Укбы были основания гневаться именно на них. За Язида были лишь сирийцы. Из них он набрал войско в несколько тысяч человек — однако за необычно высокое жалованье. Как сам он не был исполнен мстительности к восставшим, а скорее старался привлечь их добротой и выказывал к ним великое долготерпение, так и его сирийцы не рвались в бой. Они были бы удивлены, узнав, что их привела в ярость глубокая ненависть «к фанатичным сектантам, залившим Аравию кровью их отцов». Ненавидеть мединцев по этой причине гораздо больше права имели бы иракцы, происходившие от *ахль ар-ридда* (вероотступников). Или, может быть, именно сирийцам, например кальб, пустили кровь сильнее всех? Дози, напротив, просто дал волю своей фантазии и риторике и тем смутил головы и своим последователям. Трезвый факт состоит в том, что сирийские арабы, как и все прочие, должны были подчиниться исламу. Но речь при этом шла гораздо меньше

о религиозной, чем о политической перемене. Пусть даже переход и был им поначалу, может быть, неприятен, — это скоро забылось, ибо он принёс им величайшие выгоды. Ислам дал им участвовать в своём *господстве*, он положил мир к их ногам; без ислама они никогда не достигли бы того положения, которое теперь занимали. Не могли же они всё ещё быть глубоко ожесточены против тех, кто помог им взобраться на ту зелёную ветвь, на которой они сидели. Менее всего можно говорить об их глубокой ненависти *к староверам*, как А. Мюллер называет мединцев. В учениях веры и права, в обрядах общественного и частного культа они полностью совпадали с мединцами, которые хотя и ревностнее исполняли религиозные обязанности и особенно больше о них говорили, но в целом тоже не были ни унылыми старыми чудаками, ни фанатичными сектантами. Современное выражение «староверы» может привести к весьма превратному пониманию отношения враждебных партий. Противоположность была, по нашим нетеократическим понятиям, просто политической. Речь шла о вопросе, кому принадлежит право на халифат. Члены исламской знати, сыновья шести старейших и знатнейших сподвижников пророка, как Хусайн и Ибн аз-Зубайр, притязали на него для себя, и на их стороне были общественное мнение и большинство курайшитов. И ансары, как и при мятеже против Усмана, вероятно, работали на них, исходя из того, что речь идёт о возвращении старой столице царства утраченного господствующего положения; есть следы того, что восстание в Медине было раздуто Ибн аз-Зубайром: Муслим ибн Укба так и смотрел на дело. Суфьяниды в Дамаске считались узурпаторами. Лишь сирийцы, защищая первенство своей провинции, держались власти, у которой была сила, и не заботились о правовом вопросе. Правовой вопрос, который для нас чисто политический, для теократического ислама, правда, принадлежал к религии. Притязания претендентов опирались на религиозные основания, и Язид по религиозным основаниям объявлялся недостойным халифата. Но в устах руководителей движения эти основания были лишь предлогами. Их действительным мотивом были честолюбие и властолюбие; они хотели свергнуть Язида не потому, что он пил вино и развлекался, а потому, что надеялись занять его место. Сирийцы постольку имели основание видеть в правовом вопросе лишь лицемерное прикрытие вопроса о власти. К этому относится и этим ограничивается выдвигавшийся ими упрёк в лицемерии, на который противная партия отвечала упрёком в нечестии.

Об осаде Мекки в 64 году главный свидетель — Авана у Таб. 2, 424 сл. После битвы при Харре «вся Медина» пришла в Мекку; названы лишь несколько курайшитов (404, 20; 426, 10; 528, 12). Ещё раньше хариджиты Ямамы под началом Наджды ибн Амира поспешили на помощь священному дому против нападения сирийцев[108]. Хусайн ибн Нумайр с сирийцами подошёл к городу ещё в мухарраме 64 года. Первый бой окончился неудачно для защитников. В субботу 3 раби I 64 года, то есть в субботу 31 октября 683 г., сирийцы, по Аване, обстрелом подожгли Каабу.

Это последнее указание Аваны неверно. Кааба тогда действительно загорелась, священный камень треснул и почернел. Но виновниками были не сирийцы. Абу Михнаф

[108]Дата Абу Михнафа у Таб. 401 сл. слишком ранняя. Ср. «Хариджиты», 29; «Шиа», 75; «Хамаса» 319, 22.

(528, 17; 529, 4) употребляет страдательный залог и умалчивает о подлежащем. По аль-Вакиди (427), один из людей Ибн аз-Зубайра взял огонь на остриё копья, и ветер отнёс его на Каабу. По аль-Мадаини («Агани» 3, 84), этим несчастливцем был сам Ибн аз-Зубайр. Стих, на который опирается Авана (426, 15), не говорит об огне и, по «Хамасе» 319, относится к другому случаю — к осаде Мекки при аль-Хаджжадже (Таб. 2, 844 сл.; 1542, 3), когда сирийцы действительно обстреливали Каабу, правда лишь камнями. Авана, следовательно, по-видимому, допустил смешение, при котором, впрочем, тенденция не исключена.

Осада продолжалась, пока весть о смерти Язида, последовавшей 14 раби I, не дошла до Мекки. Это случилось, по аль-Вакиди, во вторник 1 раби II 64 года, через двадцать семь дней[109] после пожара Каабы. По Абу Михнафу же (529, 7) — лишь 15 раби II, а по Аване (429, 18) — даже лишь через сорок дней после смерти Язида. Самое краткое указание заслуживает предпочтения. По Аване, Ибн аз-Зубайр получил известие первым; сирийцы сначала не хотели ему верить, пока оно не подтвердилось им с другой стороны. Тогда Хусайн вступил в переговоры с Ибн аз-Зубайром; он был готов *faute de mieux* признать его халифом, если тот оставит без последствий кровь, пролитую в Медине и Мекке, и отправится с ним в Сирию, так чтобы средоточие власти осталось там. На первое условие Ибн аз-Зубайр в конце концов согласился, второго не уступил, да и не мог уступить, не совершив самоубийства. Так переговоры расстроились, и Хусайн ушёл. Его солдаты были обескуражены, потому что после смерти Язида у них больше не было имама и они уже не знали, за кого сражаются, — столь лично обусловлено было присягой политическое самоопределение. Омейяды Медины будто бы ушли с ними в Сирию, так как больше не чувствовали себя в безопасности в Хиджазе. Но этому противоречит сам Авана (469, 3), а также Абу Михнаф (481, 10) и аль-Вакиди (467, 10). Омейяды ушли не добровольно: их лишь изгнал из Медины Ибн аз-Зубайр. То же говорит и «Продолжение» (Byz.-Arab. § 29): *Marvan insidiose ab ipso Abdella ab Almedinae finibus cum omnibus liberis vel suis propinquis pellitur* («Марван коварно изгоняется самим Абдаллахом из пределов Медины со всеми детьми и родственниками»).

3. Язид умер, по Абу Машару, аль-Вакиди и Илие Нисибинскому, в Хуварине (близ Дамаска) во вторник 14 раби I 64 года, то есть во вторник 11 ноября 683 г.[110] Как незаконный наследник халифата, как виновник убийства Хусайна и осквернения священных городов, он оставил у мусульман дурную память. Но на деле он не был человеком насилия: он держал меч в ножнах, пока только было можно. Он положил конец многолетней войне с ромеями. В чём его можно упрекнуть — это в недостатке энергии и интереса к общественным делам. Особенно в бытность принцем он был к ним весьма равнодушен и тем затруднял отцу стремление добиться для него преемства; лишь по принуждению он в 49 году участвовал в

[109]Таб. 427, 8. День недели не согласуется с числом месяца. Вместо 29 следует читать 27, так как пожар Каабы, по единогласному преданию, произошёл 3 раби I.

[110]Таб. 428, 8; 488, 14. Отклоняющиеся указания 437, 3; 506, 7 ошибочны, 63 год (468, 15; ср. 412, 9) — описка. Его возраст аз-Зухри и аль-Вакиди определяют в 38 или 39 лет, Ибн аль-Кальби — в 35 лет. Ср. Нёльдеке, ZDMG 1901, с. 683 сл.

большом походе на Константинополь[111]. Позднее, правда, став халифом, он, по-видимому, несколько собрался с силами, хотя и не оставил своих старых пристрастий — вина, музыки, охоты и других забав. В «Продолжении» (§ 27) о нём говорится: *iucundissimus et cunctis nationibus regni eius subditis vir gratissime habitus, qui nullam unquam, ut omnibus moris est, sibi regalis fastigii causa gloriam appetivit, sed communis cum omnibus civiliter vixit* («приятнейший и всеми подвластными его царству народами весьма любимый муж, который никогда, как это свойственно всем, не домогался славы ради царского величия, но жил со всеми как равный гражданин»). Никому другому не воздаётся такой похвалы; она идёт от сердца.

«О бану Умайя, конец вашего владычества — труп в Хуварине, что покоится там навеки. Язида настигла судьба, когда у его изголовья стояли кубок и бурдюк, у которого из носа текла кровь». Так пел Ибн Арада в Хорасане (Таб. 2, 488). Со смертью Язида власть его дома, казалось, повсюду рушилась. Даже наместники её не поддерживали: Сальм ибн Зияд в Хорасане и Убайдаллах ибн Зияд в Басре заставили присягнуть себе самим, хотя лишь временно. В Сирии, правда, по крайней мере в Дамаске, был признан намеченный Язидом наследник престола, его ещё очень юный сын Муавия II; при вступлении он сложил «всем провинциям своего царства» третью часть дани[112]. Но он умер после совсем краткого правления. По Аване у Таб. 2, 468 и аль-Балазури 229, 3, он будто бы ещё до смерти отрёкся, тогда как аль-Вакиди у Таб. 577, 1 об этом ничего не говорит. Это указание, вероятно, связано со стремлением затемнить тот факт, что старшая ветвь омейядской династии, Суфьяниды, была неправомерно вытеснена младшей — Марванидами. Этим стремлением объясняется и то, что в нескольких старых списках Муавия II вообще не считается халифом, а Марван следует непосредственно за Язидом; подобно тому как в библейской Хронике правление Иевосфея опущено и Давид прямо примыкает к Саулу[113].

Ещё при жизни Муавии II начались, по-видимому, сирийские смуты, к которым мы теперь переходим. Они исходили от кайс, живших особенно на севере провинции и в Месопотамии по обе стороны Евфрата (Таб. 708, 4) — в Киннасрине, Каркисии, Харране. Они будто бы отказали Муавии II в присяге — они одни из всех сирийцев. Их злило предпочтение, которое оказывали кальб Язид и его сын, оба имевшие матерей-кальбиток («Хамаса» 319, 2, 4). Дядя Язида по матери, Хассан ибн Малик ибн Бахдаль аль-Кальби, занимал в царстве могущественное положение; он был главной опорой Муавии II. Его брат Саид был наместником Киннасрина. Быть управляемыми кальбитом в собственном городе казалось кайс особенно невыносимым; начали они с того, что выгнали его. Это произошло под предводительством Зуфара ибн аль-Хариса аль-Килаби («Агани» 17, 111). Тот прежде сражался за Ибн аз-Зубайра против войска Язида («Хамаса» 319, 22). Значит, он был

[111]«Göttinger Nachrichten» 1901, с. 423. Оказавшись однажды в поле, он проявил себя храбрым и дельным («Агани» 16, 33).
[112]Cont. Byz.-Arab. § 27. Такое ἄφεσις («прощение») при вступлении на престол было старым обычаем.
[113]Ср. Нёльдеке в Epimetrum к изданию «Продолжения» Исидора Моммзеном и в ZDMG 1901, с. 683 сл.

зубайридом, и за ним последовали кайс, после того как Ибн аз-Зубайр был признан и в соседнем Ираке. Но и в других местах Сирии партия Ибн аз-Зубайра делала успехи. Лишь Ибн Бахдаль — так обычно сокращают имя Хассана ибн Малика ибн Бахдаля — и после смерти Муавии II держался потомков своей сестры. Чтобы быть ближе к Дамаску, он перебрался из Палестины, которой управлял, в аль-Урдунн. Напротив, наместник Эмесы, хорошо нам знакомый Нуман ибн Башир аль-Ансари, признал Ибн аз-Зубайра, как и Натиль ибн Кайс аль-Джузами, завладевший Палестиной после того, как Ибн Бахдаль её оставил. В столице царства власть была в руках ад-Даххака ибн Кайса аль-Фихри. Его позиция была колеблющейся и двусмысленной. Но, оказавшись в опасности сесть между двух стульев, он в конце концов был вынужден решительно перейти на зубайридскую сторону.

О развитии событий вплоть до кровавой развязки при Мардж-Рахите сообщения расходятся. По Аване у Таб. 2, 468 сл., изгнанные из Медины Омейяды, а также бежавший из Басры наместник Убайдаллах ибн Зияд отправились в Дамаск — по-видимому, после смерти Муавии II. Господствовавший там ад-Даххак скрывал перед ними своё истинное настроение; в душе он склонялся к Ибн аз-Зубайру. Но Ибн Бахдаль, глава настроенных проомейядски кальб и йеменцев, выгнал лису из норы. Он прислал ему послание для оглашения в мечети, в котором напоминал о заслугах Омейядов и предостерегал от лицемера Ибн аз-Зубайра. Ад-Даххак послания не обнародовал, но гонец, кальбит по имени Нагида, на этот случай получил второй экземпляр и прочёл его сам на еженедельном главном богослужении. За этим последовала сцена, которую называют днём Джайруна[114]. Кайс и кальб в мечети пришли в возбуждение друг против друга; сами Омейяды стояли на разных сторонах: Валид ибн Утба ибн Аби Суфьян одобрил содержание послания, Амр ибн Язид ибн аль-Хакам его не одобрил. По окончании богослужения кальб отколотили последнего. Ад-Даххак же заключил под стражу тех буянов, которые высказались против Ибн аз-Зубайра. Однако кальб тотчас их освободили; лишь Валиду ибн Утбе пришлось ждать, потому что у него не было племени, пока наконец Халид и Абдаллах, двое младших братьев Муавии II, не склонили кальб освободить и его. На другой день ад-Даххак раскаялся в своём поступке. Он извинился перед Омейядами и условился с ними вместе отправиться в Джабию и там вести с Ибн Бахдалем переговоры об избрании одного из них халифом. Однако в последний момент он снова переменился — по увещаниям кайсита Саура ибн Маана ас-Сулами — и расположился со своей свитой лагерем в Мардж-Рахите близ Дамаска. Теперь он открыто объявил себя за Ибн аз-Зубайра, и большинство дамаскинцев, в том числе и йеменцы среди них, последовали за ним. Согласно его призыву, зубайридски настроенные эмиры Эмесы, Киннасрина и Палестины прислали ему вспомогательные войска. Омейяды отправились в Джабию к Ибн Бахдалю. Они были разделены[115]: правившему до тех пор семейству Суфьянидов противостоял остальной,

[114]«*Первый* день Джайруна» — неправильное наименование, ибо то, что представляется как *второй* (471, 13–19), есть лишь вариант. Джайрун было большим старым зданием, где, вероятно, после богослужения и произошла драка. Один из выходов главной мечети называется воротами Джайруна. Ср. «Хамаса» 654, ст. 4.

[115]У Омейядов есть боковая ветвь — *абалат*; сами они делятся на *анабис* и *аяс*. Суфьяниды принадлежат к анабис, большинство прочих семейств — к аяс. Марван ибн аль-Хакам и его

весьма многочисленный род, который в целом стоял за своего старейшину — Марвана ибн аль-Хакама. Ибн Бахдаль, ходатай несовершеннолетних сыновей Язида, в конце концов дал себя склонить и выразил согласие с Марваном; но за ним должен был последовать Халид ибн Язид, а затем Амр ибн Саид, чьё семейство, следовательно, тоже выдвигало притязания и должно было получить отступное. Теперь Марван двинулся к Мардж-Рахиту с кальб аль-Урдунна, с сакасик и сакун и с гассан. Пока вражеские войска стояли друг против друга, гассанид Ибн Аби Нимс завладел Дамаском и поддержал Марвана деньгами и оружием. Бой при Мардж-Рахите длился двадцать дней; наконец кайс бежали, понеся ужасные потери. Ад-Даххак пал, а с ним восемьдесят знатных, носивших почётный плащ (*катифу*) и получавших жалованье в 2000 дирхемов.

К этому рассказу Аваны примыкает рассказ аль-Мадаини («Агани» 17, 111). Аль-Мадаини ничего не говорит о дне Джайруна и сообщает о Марване несколько иначе, но в конце полностью совпадает с Аваной. Когда Марван с мединскими Омейядами пришёл в Дамаск, ад-Даххак сначала склонил его на сторону Ибн аз-Зубайра, и тот согласился лично доставить ему присягу сирийцев. Однако Амр ибн Саид, Убайдаллах ибн Зияд и оба сакунита, Малик ибн Хубайра и Хусайн ибн Нумайр, побудили его решиться принять присягу самому. Узнав об этом, ад-Даххак повернул плащ, извинился перед Омейядами и предложил встретиться в Джабии с Ибн Бахдалем и сообща с ним произвести избрание халифа. Ибн Бахдаль пришёл с людьми аль-Урдунна в Джабию; ад-Даххак и Омейяды с людьми Дамаска тоже отправились туда. Но в последний момент кайситы взяли ад-Даххака в оборот: ты призвал нас присягнуть Ибн аз-Зубайру, повсюду признанному халифу, а теперь хочешь последовать за этим кальбитом, чтобы присягнуть сыну его сестры?[116] Это побудило его повернуть назад и открыто объявить себя за Ибн аз-Зубайра; он расположился лагерем в Мардж-Рахите. Ибн Бахдаль и Марван вступили в Дамаск, где к ним перешли йеменцы, и затем двинулись дальше к Мардж-Рахиту. У них было 7000, у ад-Даххака — 30 000 человек. Дело дошло до битвы; ад-Даххак и знать кайс пали. Зуфар ибн аль-Харис бежал в Каркисию; после битвы при Хазире к нему примкнул и Умайр ибн аль-Хубаб ас-Сулами, до тех пор остававшийся верным Марвану.

Совсем иначе Абу Михнаф у Таб. 2, 479 сл. Марван и изгнанные Ибн аз-Зубайром из Медины Омейяды отправились не в Дамаск, потому что там именем Ибн аз-Зубайра правил ад-Даххак, а в Тадмур (Пальмиру), главное место и средоточие кальб. Марван уже собирался лично отправиться к Ибн аз-Зубайру и просить о милости, когда в Тадмуре появился Убайдаллах ибн Зияд из Басры. Тот предложил ему принять присягу самому; Амр ибн Саид присоединился к этому и одновременно посоветовал Марвану взять в жёны вдову Язида. Так и сделали: Марван принял присягу в Тадмуре и затем выступил с 6000 человек

двоюродный брат Усман ибн Аффан происходят от Абу-ль-Аса, Амр ибн Саид — от аль-Аса. Те же имена с незначительными различиями повторяются в Умайя и Абд Умайя, аль-Ас и Абу-ль-Ас. Ср. «Агани» 1, 8 сл. (84, 10); 10, 103 сл.; 7, 62; Таб. 1, 2586. — Несколько иначе Авана у Таб. 2, 474; ср. 487.

[116]Это не вполне согласуется с предпосылками. Подразумеваемый сын сестры Ибн Бахдаля — Халид ибн Язид.

против ад-Даххака. Тот двинулся ему навстречу к Мардж-Рахиту; туда пришли и Зуфар ибн аль-Харис и другие приверженцы Ибн аз-Зубайра. В битве ад-Даххак пал, его войско рассеялось. Зуфара спасли двое юношей, пожертвовавших собой ради него[117]; затем он укрепился в Каркисии. Натиль ибн Кайс спасся в Мекку. Получив известие о Мардж-Рахите, Нуман ибн Башир ночью бежал с женой и детьми из Эмесы, но был преследуем самими эмесцами и убит. После этого успеха Марван был признан во всей Сирии.

Примерно посредине между Абу Михнафом и Аваной с аль-Мадаини стоит аль-Вакиди, чьи рассеянные у ат-Табари указания можно свести примерно так. Так как Муавия II перед смертью не пожелал назначить преемника (577, 1), в Дамаске временно присягнули ад-Даххаку, пока не состоится окончательное объединение общины Мухаммада (468). Ад-Даххак добивался собственной власти, но курайшиты принуждали его присягнуть Ибн аз-Зубайру (473 сл.). Марван подчинился ему. Побуждаемый Хусайном ибн Нумайром, он хотел отправиться к Ибн аз-Зубайру, прежде чем тот вторгнется в Сирию (467 сл.). Тут, к счастью, в Дамаск прибыл Убайдаллах ибн Зияд и поддержал Омейядов (468). Тогда Марван отправился в Джабию, чтобы заключить союз с Ибн Бахдалем и йеменцами; там он принял присягу себе как старейшему из Омейядов, ибо сирийцы не хотели присягать ребёнку (472 сл.). Затем Марван с йеменцами двинулся на Дамаск; при Мардж-Рахите в конце 64 года кайс были разбиты и понесли такие потери, каких не несло ни одно войско (473, 1).

Важнейшие пункты, в которых расходятся эти версии, следующие.

Только у Аваны, ни у кого другого, встречается день Джайруна, когда напряжение в Дамаске впервые разрядилось. Он непоколебимо удостоверяется «Хамасой» 656, ст. 4. Схолия там неверно указывает повод (ещё при Муавии I); ср. против этого 657, ст. 3. Только Абу Михнаф говорит, что изгнанные из Медины Омейяды ушли в Тадмур и там их застал Убайдаллах, — в противоречии со всеми остальными, которые указывают местом Дамаск[118]. Сцена в Джайруне, правда, во всяком случае разыгралась в Дамаске, и при ней присутствовали некоторые Омейяды. Но что при этом была масса мединского рода, из описания не явствует; Марван и Амр ибн Саид не упоминаются и не появляются там, где их ожидаешь. Тем не менее указание Абу Михнафа во всяком случае неверно обобщено. Ибо у него Тадмур вытесняет не только Дамаск, но и Джабию. Присягу Марвану, которая, несомненно, состоялась в Джабии, он переносит в Тадмур — может быть, потому, что главным местом кальб был Тадмур, а не Джабия.

Перемену в Марване Авана вообще не рассказывает; что её вызвал приход Убайдаллаха, говорят лишь Абу Михнаф и аль-Вакиди. Но оба заслуживают тем большего доверия, что у Таб. 2, 459 с ними согласен и аль-Мадаини.

Ад-Даххак, по Аване и аль-Мадаини, с самого начала был настроен зубайридски, хотя и не показывал этого открыто; по Абу Михнафу, он даже просто был эмиром Ибн аз-

[117]Это засвидетельствовано его собственными стихами и, несомненно, верно. Ср. Anon. Ahlw. 253 сл.
[118]Так и Cont. Byz.-Arab. § 29.

Зубайра над Дамаском. Но его потомки объявили аль-Вакиди (473 сл.), что это ложь семейства Зубайра; он, напротив, хотел остаться нейтральным, чтобы самому встать во главе, и присягнул Ибн аз-Зубайру лишь под внешним давлением. Им можно поверить. Ад-Даххак, как и Муслим ибн Укба, при Язиде, вероятно, сохранил положение, которое занимал при старом Муавии, чьей правой рукой был. Когда престол освободился, он стал временным правителем в Дамаске. Но удержаться над партиями он не смог; после долгих колебаний он в конце концов перешёл на сторону кайс и Ибн аз-Зубайра. Из нейтралитета его вытеснил прежде всего его старый соперник, а теперь опасный противник Хассан ибн Малик ибн Бахдаль, за которым стояли кальб. Тот некоторое время один высоко держал омейядское знамя, и притом так, что выступал *за* право породнённого с ним семейства Язида. Мединские Омейяды в этом к нему не примкнули, но поначалу и не выдвинули претендента из своей среды, а полагали, что волей-неволей должны помириться с Ибн аз-Зубайром. Лишь Убайдаллах заставил их передумать. Когда же он втолковал Марвану, что тот не просто выбирает между несовершеннолетними сыновьями Язида и Ибн аз-Зубайром, а должен сам потянуться к власти, единственным средством для этого было договориться с Ибн Бахдалем; ибо лишь он располагал достаточной силой (Таб. 708, 4). С этой целью состоялась встреча в Джабии, на которую, может быть, обещал явиться и ад-Даххак, и после долгих переговоров она привела к цели. Она, несомненно, историческая, хотя Абу Михнаф её не упоминает. Ибо без Ибн Бахдаля попросту ничего нельзя было сделать. Сорок дней он был предстоятелем на молитве в Джабии, он же был и подлинным победителем при Мардж-Рахите[119]. Феофан говорит (A. M. 6175): καὶ συναχθέντες οἱ Φοίνικες καὶ οἱ Παλαιστίνης ἐπὶ τὴν Δαμασκὸν ἔρχονται καὶ ἕως τοῦ Γαβιθὰ πρὸς Ἄσαν ἀμηρᾶν Παλαιστίνης, καὶ διδοῦσι χεῖρας δεξιὰς τῷ Μαρουάμ καὶ ἱστῶσιν αὐτὸν ἀρχηγόν («и собравшись, финикийцы и палестинцы приходят к Дамаску и до Габифы к Асану, эмиру Палестины, и дают правую руку Маруаму и ставят его вождём»).

Новейшие, с Дози во главе, говорят о коренной вражде кальб и кайс, существовавшей с незапамятных времён и не прослеживаемой до своего корня. В доисламском предании, однако, ничего подобного не обнаружить. Вражды на деле не было до завоевания Сирии мусульманами и переселения туда кайс[120]. Генеалогическое различие между куда‘а и кайс, правда, существовало издавна, но яд оно получило лишь теперь. Противоположность обострилась прежде всего тем, что первые были в Сирии исконными жителями, а вторые — новыми пришельцами; затем особенно тем, что кальб через свойство вступили в близкую связь с правящим домом. Вследствие этого кайс прониклись к ним завистью, ибо считали себя оттеснёнными на задний план. Они положили начало злу. Когда после смерти Язида поднялся Ибн аз-Зубайр, они встали на его сторону, тогда как кальб сохранили верность Омейядам. Так племенная противоположность переплелась с высокой политикой; этнические группы в основном, хотя и не вполне, совпали с первоначально от них

[119]Ср. «Хамаса» 319, 7: люди либо из бахдалевой партии, либо зубайриды. Особенно же «Хамаса» 658, ст. 2: если бы не было Джабии в Джаулане и Ибн Бахдаля, Марван и Абд аль-Малик ничего бы не значили.

[120]Верно говорит Гольдциер («Мусульманские исследования» 1, 78), что соперничество северных и южных арабов по-настоящему выступило лишь в исламе.

независимыми политическими партиями. При Мардж-Рахите, по относящимся к этому старым песням, под началом ад-Даххака за Ибн аз-Зубайра сражались сулайм, амир (хавазин) и зубьян (гатафан) — всё племена группы кайс. Под началом Ибн Бахдаля за Марвана сражались кальб и гассан, сакун и саксак, танух, тайй и кайн. Эта группа, ядро которой составляли кальб[121], главное племя куда'а, была несколько более смешанной. Иногда её обозначают общим именем йемен, но подчинение куда'а йеменцам не старо, и не все йеменцы в Сирии примкнули к кальб. Битва при Мардж-Рахите решила дело в пользу кальб против вдвое и втрое сильнейших кайс. Однако распря между кайс и кальб этим не кончилась, так как кайс должны были мстить за множество своих павших. Именно лишь теперь наступило то стойкое и глубокое ожесточение, которое Дози совершенно неисторично рассматривает как изначальный феномен и отодвигает в вечность. Кровная ненависть возобновлялась при каждом случае, когда находила удовлетворение, и поддерживала вражду в огне, когда политические мотивы давно исчезли и забылись. Виновата в этом битва при Мардж-Рахите — именно в этом и состоит её роковое значение. Она принесла Омейядам победу и вместе с тем потрясла основы их господства.

Марван принял присягу в Джабии в среду 3 зу-ль-када 64 года = среда 22 июня 684 г. После битвы при Мардж-Рахите (конец 64 года) последовала ещё вторая присяга, носившая более общий и торжественный характер, — в Дамаске в мухарраме 65 года = июль/август 684 г.

Без собственной заслуги, даже без того, чтобы сам он этого хотел, Марван благодаря своему изгнанию из Медины пришёл к престолу в Дамаске. Справедливо это показалось удивительным продолжателю (Cont. Byz.-Arab.): *Marvan (insidiose ab Almidina pulsus) post modica temporis intervalla aliquantis de exercitu consentientibus deo conivente provehitur ad regnum* («Марван, коварно изгнанный из Медины, спустя недолгое время, с согласия части войска и попущением Божьим, возводится на царство»). Род Омейядов сохранил власть, но Суфьяниды были вытеснены Марванидами[122]. Брак Марвана с Фахитой, вдовой Язида[123], означал не столько союз, сколько завладение наследством. Этим он оскорбил своего теперешнего пасынка Халида ибн Язида[124]; он и в других случаях намеренно и публично его унижал. В конце концов он отнял у него и обещанное в Джабии право на преемство и велел присягнуть своим собственным сыновьям Абд аль-Малику и Абд аль-Азизу, так чтобы второй наследовал первому[125]. Ибн Бахдаль не воспротивился этому нарушению слова — может быть, потому, что тем самым устранялся и Амр ибн Саид. Ибо по арабскому мнению Халид при скорой, как можно было предвидеть, смерти уже пожилого халифа был ещё слишком молод для власти, и тогда она перешла бы к Амру, который уже считал себя

[121]Сакун (из кинда) причисляли себя к ним (Таб. 476, 2); танух и тайй тоже были тесно с ними связаны (484, 12); гассан (из азд) были старым правящим племенем сирийских арабов. В «Хамасе» 71, ст. 3 кальб названы таглиб, если схолия права.
[122]Ср. выше, с. 106, 112 [оригинала].
[123]Она была не гордой бедуинкой (A. Мюллер 1, 375), а курайшиткой.
[124]Ср. стих у Ибн аль-Асира 4, 275 и к нему 296, 8.
[125]О времени и месте — Anon. Ahlw. 151, 164 сл.

уверенным. Но Фахита отомстила мужу за вероломное обращение с её сыном и задушила его в постели. Так по аль-Вакиди у Таб. 2, 576 сл.

4. Марван умер, по Таб. 577, 17, в рамадане, а именно, по 576, 16, 1-го числа этого месяца, по Илие Нисибинскому — в воскресенье 27 рамадана 65 года = воскресенье 7 мая 685 г. О его возрасте сведения у Таб. 577 сл. колеблются между 61 и 81 годом как крайними пределами. Правил он, по Феофану, девять, по ат-Табари — девять или десять месяцев. В «Продолжении» (Byz.-Arab. § 29) говорится, что он умер после года, полного битв. Я отношу эти битвы к битвам его сына и преемника Абд аль-Малика, так как они составляют лишь начало и границу не везде можно провести уверенно[126].

Главная борьба велась против Ибн аз-Зубайра — по крайней мере против провинций, которые его признали и в которых правили его чиновники[127]. Положение было по существу таким же, как после убийства Усмана: одна Сирия противостояла всему остальному исламскому миру. Только правитель Сирии был не вполне так уверен в этой провинции, как некогда Муавия. Палестина и Эмеса, правда, после Мардж-Рахита без дальнейших слов перешли на сторону победителя, сдался и Киннасрин. Но на Евфрате упорно держались кайс; их предводителем был Зуфар ибн аль-Харис в Каркисии. Тем не менее Марван и Абд аль-Малик с самого начала выступают нападающими на Ибн аз-Зубайра, у которого, впрочем, может быть, было ещё больше хлопот с внутренними смутами, особенно в Ираке[128].

Ещё при Марване был завоёван Египет и отражено нападение Мусаба, младшего брата Ибн аз-Зубайра, на Палестину[129]; попытка же овладеть Мединой окончилась неудачно[130]. В Месопотамию Марван послал Убайдаллаха ибн Зияда, чтобы по этому мосту продвинуться против раздираемого религиозно-политическими партиями Ирака; он будто бы обещал ему наместничество над всей землёй, которую тот завоюет, и трёхдневное разграбление Куфы (Таб. 578, 642). На начало этого похода, когда Убайдаллах ещё стоял у евфратского моста у Манбиджа, приходится избиение куфийских шиитов под началом Сулаймана ибн Сурада у Рас-аль-Айна Хусайном ибн Нумайром, подчинённым военачальником Убайдаллаха, в пятницу 24 джумада I 65 года = пятница 6 января 685 г. (Таб. 559, 4, 20). Затем Убайдаллах почти на год был задержан боями против Зуфара и кайс[131]. После этого он двинулся обычной военной дорогой в Ирак на Мосул — в то время, когда Мухтар уже захватил власть над Куфой, и его наместник Мосула отступил к Тикриту (Таб. 643). Затем он после тяжёлого боя разбил первое войско, высланное против него Мухтаром, 10 и 11 зу-ль-хиджжа 66 года = 9 и 10 июля 686 г. (Таб. 646 сл.). Но вскоре после этого он потерпел поражение от второго

[126]У Таб. 558, 14; 578, 9; 708, 4 она проведена решительно неверно.
[127]О Хорасане ср. Таб. 806, 831 сл. и гл. 8.
[128]Ко всему последующему ср. «Хариджиты», с. 32 сл.; «Шиа», с. 72 сл.
[129]Аль-Вакиди 467, 10; Абу Михнаф 481; Авана 576. Это сделал Амр ибн Саид — ещё до того, как Марван велел присягнуть своим сыновьям, по Anon. Ahlw. 164, 17.
[130]Авана 578 сл., 642; Anon. Ahlw. 155, 2; 180, 2. В этом участвовал отец аль-Хаджжаджа, по Ибн Кутайбе 201.
[131]Таб. 643. Ван Гелдер («Мухтар», с. 96, 152) объявляет это неверным без достаточных оснований.

войска шиитов под началом Ибрахима ибн аль-Аштара в битве при Хазире в начале 67 года[132]; сам он пал, пал и Хусайн ибн Нумайр (Таб. 714, 1). Естественно, теперь снова подняли голову и кайс в Каркисии; их усилили соплеменники под началом Умайра ибн аль-Хубаба, служившие до тех пор в сирийском войске, но отпавшие в битве при Хазире или после неё. Работа, на которую Убайдаллах потратил почти два года, пропала даром, и её пришлось делать ещё раз. Для Абд аль-Малика было счастьем, что Мусаб ибн аз-Зубайр, теперь наместник своего брата в Ираке, в собственном доме был так стеснён шиитами и хариджитами, что не мог и думать о переходе к нападению вовне.

Прошло много времени, прежде чем Абд аль-Малик вновь взялся за задачу, на которой потерпел крушение Убайдаллах, — покорение Ирака, где Мусаб командовал довольно независимо от своего брата. У него были дела дома: Натиль ибн Кайс, по-видимому, ещё раз зашевелился[133]; но прежде всего ромеи нарушили мир и подстрекали мардаитов в Амане против арабов[134]. Лишь в 72 году Мусаб пал, и с 67 года, когда пал Убайдаллах, до 72 года сведения скудны. Всё зависит прежде всего от установления хронологии, которая ещё находится в полном беспорядке. При этом надо иметь в виду, что смена года по мусульманской эре приходилась тогда на лето, и военные действия, обычно прерывавшиеся зимой (Таб. 797, 10), распределялись, следовательно, на два года хиджры, тогда как почти всегда указывается лишь один год.

Понятно, что Абд аль-Малик в 67 году не мешал Мусабу действовать против Мухтара и не препятствовал иракцам истреблять друг друга. В 68 году, по Таб. 2, 765 и Илие, в Сирии был сильный голод; из-за него нельзя было предпринять похода. Говорит о нём и Феофан (А. М. 6179 = 998 г. Селевкидской эры = 68 г. х.). Против этого не может устоять аль-Мадаини («Агани» 17, 161, 26), относящий его значительно позже.

Время, когда Абд аль-Малик впервые выступил в поход против Мусаба, было, по арабам и Илие[135], лето 689 г. н. э., 69/70 г. х. Его лагерем, местом сбора его войска и исходным пунктом операций был Бутнан Хабиб в области Киннасрина — как в этом, так и в последующие годы[136]. Соответствующим лагерем Мусаба была Баджумайра близ

[132]Август 686 г. На точную дату в «Танбихе» 312, 17 обратил моё внимание де Гуе.
[133]Аль-Якуби 2, 321; аль-Масуди 5, 225. Возможно, впрочем, это лишь хронологическая ошибка.
[134]«Göttinger Nachrichten» 1901, с. 428 сл.
[135]У Феофана порядок арабских событий в эти годы так безнадёжно расстроен, что его сведениями о Зияде (= Ибн З.), Мухтаре, Саиде (= Ибн С.) и Мусабе можно пользоваться, лишь отбросив его хронологию.
[136]Указание, будто Абд аль-Малик уже в 67 году был с войском в Бутнане, противоречит предыдущему — что в этом году из-за голода он в поход не выступал. Бутнан упоминается здесь лишь затем, чтобы присоединить анекдот, будто тогда в войске появилось прозвище «Грязный Бутнан» — из-за дождя, выпавшего после засухи. Причина прозвища, вероятно, была скорее хронической, чем острой, как у Грязного Харбурга в Люнебургском ландростстве.

Тикрита[137]. Это были пограничные пункты на большой дороге из Сирии в Ирак. Месопотамия была промежуточной областью, впрочем больше в руках Мусаба, чем Абд аль-Малика; ибо и кайс на Евфрате держались Мусаба. Чтобы ромеи оставили его в покое, Абд аль-Малик согласился сделать им большие уступки[138]. Но теперь ему грозил с тыла Амр ибн Саид, поднявшийся в Дамаске, чтобы отстоять признанное за ним в договоре в Джабии, а затем отнятое нарушением слова право на халифат. Ему пришлось повернуть назад и устранить эту опасность. Он пустил в ход меч и убил своих врагов (Таб. 805), Амра даже собственноручно — вероломно и отвратительно жестоко. Предание (Таб. 783 сл., 796; Anon. Ahlw. 250) относит эти события то к 69, то к 70 году; не следует давать этому сбить себя с толку: они связаны между собой и приходятся на одно и то же лето. Предание колеблется и в том, как далеко Абд аль-Малик уже продвинулся в своём походе на северо-восток. По аль-Вакиди у Таб. 783 и по Илие, он повернул назад от Айн Варды, то есть Рас-аль-Айна; по аль-Вакиди у Таб. 796 же, он ещё не вышел за пределы Бутнан Хабиба. Последнее, по-видимому, предполагает и Авана (Таб. 783 сл.). По нему, Абд аль-Малик был на марше против Зуфара ибн аль-Хариса в Каркисии[139], но вынужден был от этого отказаться, ибо Амр ибн Саид из Бутнана, куда он его сопровождал, тайно ночью с другими отправился в Дамаск и завладел городом. Подобно и аль-Якуби 2, 321 сл.

В следующем году, 70/71 = лето 690 г., поход был повторён. Оба главных противника и на этот раз не сошлись. Абд аль-Малик подстрекнул восстание бакр, или раби‘а, так называемой *джуффрийи*, в Басре, пока Мусаб был в поле (Таб. 798–803). Двое вожаков на свой страх участвовали в борьбе против Мусаба и Зуфара — не столько из любви к Абд аль-Малику, сколько из ненависти к тем: благородный Убайдаллах ибн аль-Хурр аль-Джуфи из Куфы (Таб. 305, 388 сл., 765 сл.) и дикий Убайдаллах ибн Зияд ибн Забьян аль-Бакри из Басры (Таб. 800, 807–810; Ибн аль-Асир 4, 255, 268; «Агани» 11, 62). Результат был нулевой. «Абд аль-Малик двинулся навстречу Мусабу, стоявшему лагерем в Баджумайре, до Бутнана — на весьма почтительном расстоянии, — потом пришла зима, и оба вернулись домой» (Таб. 797). Можно усомниться, не ошибочное ли это повторение того, что произошло уже в 69/70 году. Восстание джуффрийи, которое ат-Табари рассказывает под 71 годом (ср. 813, 11 сл.), по 798, 5 будто бы произошло уже в 70 году. Аль-Вакиди у Таб. 805, по-видимому, относит его к тому же времени, что и выступление Амра ибн Саида в Дамаске; во всяком случае, он датирует 70/71 годом не средний, а последний решающий поход (Таб. 813).

Тогда в целом следовало бы принять лишь два похода. Однако этим не обойтись. Это вытекает, как мы увидим, из расчёта от конца. Но и из прямых свидетельств. К Мусабу в одном современном стихе («Агани» 17, 162; аль-Масуди 5, 241) обращаются так: «Год за

[137]По Якуту 1, 664, Абд аль-Малик обычно проводил зиму в Бутнане, Мусаб — в Маскине. Маскин имеет примерно то же географически-военное значение, что и Баджумайра. Ср. аль-Балазури 149, 8.
[138]«Göttinger Nachrichten» 1901, с. 428.
[139]О нападении кайс на Бутнан, отражением которого обязаны лишь кальб, говорится в «Хамасе» 658, ст. 6.

годом ты в Баджумайре, ходишь с нами в поход и ничего не добиваешься». В другом стихе (Таб. 1038, 4) говорится о *Баджумайрах* во множественном числе — именно во множественном числе времени, а не места. Аль-Мадаини («Агани» 17, 161 сл.) прямо говорит о трёх походах в три следующих друг за другом года. По нему, Абд аль-Малику советовали, раз он уже два года провёл в поле, позволить себе теперь год отдыха и даже удовольствоваться Сирией, оставив проклятый Ирак Мусабу, — но он этого не сделал, и третий год принёс решение в его пользу.

Это было лето 691 г., 71/72 г. х. Абд аль-Малик провёл его большей частью в покорении Месопотамии. После долгой осады Зуфар ибн аль-Харис капитулировал в Каркисии; его сын Хузайль должен был нести военную службу[140]. Подробный рассказ об этом находится у Ибн аль-Асира 4, 275 сл., где говорится и о прежней безрезультатной борьбе Абана ибн Укбы ибн Абу Муайта, наместника Эмесы, против Каркисии. По нему, Зуфар не приполз на коленях перед войском кальб и куда'а, а совершенно добровольно присоединился к халифу. Это, конечно, хвастливое враньё кайситов, которым они задним числом подсластили себе своё покорение. Но кроме Каркисии надо было покорить ещё Рас-аль-Айн, где сопротивлялся Умайр ибн аль-Хубаб[141], а также Нисибин. Здесь до тех пор держались так называемые «дубинщики» — остаток приверженцев Мухтара. Они сдались и были зачислены в войско[142].

Время года было уже позднее, когда наконец произошло решающее столкновение между Абд аль-Маликом и Мусабом. Местом был Монастырь Католикоса, между Маскином, где Абд аль-Малик, как некогда Муавия, разбил лагерь, и Баджумайрой, стоянкой Мусаба (Таб. 805). Месяц был первый или второй джумада; о годе есть колебание между 71 и 72 г. х. (Anon. Ahlw. 8; Таб. 813). Аль-Вакиди и Илия дают 71, другие же — 72[143]; и последняя дата, не говоря об уже сказанном, оказывается верной потому, что к победе Абд аль-Малика в Ираке примыкала отправка аль-Хаджжаджа в Хиджаз, которая без всякого сомнения приходится на 72/73 год[144].

О ходе битвы имеется несколько рассказов (вернее сказать: компиляций рассказов), взаимное отношение которых в виде исключения однажды дало повод к дискуссии. Альварт сообщение изданного им исторического труда — части «Китаб аль-Ашраф» аль-Балазури

---

[140]Anon. Ahlw. 24, 17 сл.; Ибн аль-Асир 4, 265. У Феофана (A. M. 6178) взятие Цирцезия поставлено в неверную связь.

[141]Бар-Эбрей, изд. Беджана, 111: Хубаб — это, конечно, Ибн Хубаб. Ср. Ибн аль-Асир 4, 254.

[142]Аль-Масуди 5, 241. Ср. «Агани» 5, 155; 8, 33; 11, 47 и «Шиа», с. 80, прим. 1; 84, прим. 3.

[143]Так аль-Мадаини у Таб. 813 (1466, 9) и «Агани» 17, 161; Ибн аль-Кальби со слов своего деда и Абу Михнафа в Anon. 26, и аль-Масуди 5, 242.

[144]Правда, в пользу 71 года можно сослаться на указание аль-Мадаини у Таб. 813, что битва была во вторник 13 джумада I или II. Аль-Мадаини называет при этом 72 год, но в этом году 13 джумада I или II не приходилось на вторник, тогда как 13 джумада II 71 года был вторником. Тем не менее мне кажется невозможным и противоречащим твёрдо засвидетельствованным фактам свести три иракских похода к двум и тогда между взятием Куфы, которое было следствием битвы у Монастыря, и взятием Мекки дать пройти целым двум годам. Я ещё вернусь к этому.

— сравнил с сообщением Ибн аль-Асира (4, 263 сл.) и нашёл, что тот заимствовал из него большие куски. Нёльдеке возразил против этого, может быть полагая, что здесь, как и в других случаях, можно обойтись ат-Табари как источником Ибн аль-Асира. Что это невозможно, доказал Брокельман, после того как тем временем вышла соответствующая серия ат-Табари, которой Нёльдеке ещё не знал[145]. Однако этим вопрос решается в пользу Альварта лишь отчасти. Надо принять в расчёт ещё одно сообщение, которое Альварт, Нёльдеке и Брокельман упустили из виду, — сообщение «Агани» 17, 161 сл., которое по содержанию очень близко к сообщению Анонима, но всё же от него не зависит и скомпилировано Зубайром ибн Баккаром. Тогда выясняется следующее. Ибн аль-Асир следует не исключительно ат-Табари, однако Анонима он знал так же мало, как статью «Китаб аль-Агани». В частях, общих у него с этими двумя, он совпадает то больше с одним, то больше с другим, но всегда с такими формальными отличиями, которые исключают прямое заимствование; порой у него есть (не говоря, конечно, о заимствованном у ат-Табари) и содержательный плюс сверх обоих, например в рассказе о поводе вражды Ибн Забьяна к Мусабу. Он, следовательно, по-видимому, пользовался другой компиляцией, которая, впрочем, большей частью восходила к тем же источникам[146]. Цитируемые авторы в Анониме и в «Китаб аль-Агани» отчасти те же, что и у ат-Табари; но лишь он приводит аль-Вакиди, и ему он обязан своим главным рассказом, который с небольшими перерывами идёт с 804, 15 по 808, 2.

Исторически значимых различий почти нет. Время перед боем, пока войска стояли друг против друга на недалёком расстоянии в Маскине и Баджумайре, Абд аль-Малик использовал, чтобы завязать связи во вражеском лагере, — точно так, как некогда в подобном положении с того же места делал Муавия. У иракцев не было охоты к бою, как показывает приведённый на с. 119 стих. Они никогда не были приучены к дисциплине и повиновению, а страшная партийная борьба последних лет их не исправила. Они ничего не знали о политической и военной верности; как девка любовников, они охотнее всего меняли бы своего эмира каждый день («Агани» 162, 17; Ибн аль-Асир 265, 23). Им указывали, что они сражаются не только за Ибн аз-Зубайра и его брата, но и за независимость Ирака, что они не должны пускать голодных сирийцев в свою богатую, роскошную страну; но ничто не помогало (Таб. 806; Ибн аль-Асир 265 сл.; Аноним 14). Свои лучшие войска, под началом аль-Мухаллаба, Мусабу пришлось оставить, чтобы защищать Басру от хариджитов[147]; среди басрийцев, которых он имел при себе, были более чем сомнительные раби‘а, чьё восстание ему пришлось подавлять годом раньше (Таб. 807 сл.; «Агани» 162). Бóльшую часть своего войска он привёл из Куфы, откуда выступил (Таб. 804, 807; Ибн аль-Асир 264 сл.). Симпатии куфийцев были не на его стороне; в своё время партия знати лишь по нужде

[145]Аноним Альварта, предисловие, с. XII сл.; «Göttinger Gelehrte Anzeigen» 1883, с. 1102 сл.; диссертация Брокельмана об отношении Ибн аль-Асира к ат-Табари (Страсбург, 1890), с. 44 сл.

[146]Подробное доказательство здесь дать нельзя, так как вопрос имеет лишь литературный, а не исторический интерес. Решать вопрос об отношении *компиляций* друг к другу — дело всегда несколько щекотливое.

[147]Таб. 806; Ибн аль-Асир 265 сл.; Аноним 14; «Хариджиты», с. 56 сл.

позвала его на помощь против Мухтара; многие ненавидели его за то, что он потоками пролил кровь приверженцев Мухтара. Так что у Абд аль-Малика была лёгкая игра. Он приложил свои рычаги к куфийцам; дошедшие до нас современные стихи (Аноним 11 сл.) выражают опасение перед изменой мужей Куфы. Обработанные им военачальники, насколько они названы по имени, — сплошь куфийцы (Аноним 13, 21–23; 27, 14); область Исфахан, которую он обещал не одному в награду за измену (Аноним 13, 32), относилась к Куфе и управлялась куфийцами. Мусаб не мог решиться на строгие меры против изменников, переписывавшихся с Абд аль-Маликом; он оставил их на их постах, хотя его и предупреждали. Тем, кто его предупредил и советовал их казнить, был Ибрахим ибн аль-Аштар, победитель в битве при Хазире. Письмо, полученное им от Абд аль-Малика, он нераспечатанным передал Мусабу, заметив, что и все другие предводители получили своё письмо, но, верно, оставили его у себя. Он был единственным верным и вместе с тем далеко самым выдающимся человеком Куфы, отрадным явлением в этом окружении, достойным сыном своего отца, победителя при Сиффине. Его гибель в самом начале столкновения с врагом у Монастыря Католикоса решила поражение Мусаба. Аттаб ибн Варка ат-Тамими увёл конницу в сторону; прочие военачальники или вожди племён с дерзкими словами отказали главнокомандующему в повиновении и вовсе не повели свои войска в бой. В конце концов он остался на поле брани почти один; именно из-за этого странного положения битва и знаменита: не нужно никаких тактических и стратегических познаний, чтобы понять её ход. После того как его сын — ещё мальчик, ибо отцу было всего 36 лет, — пал у него на глазах, его самого, уже истекавшего кровью от многих ран стрелами, сразил куфийский сакифит Заида ибн Кудама с криком: вот месть за Мухтара! Убайдаллах ибн Зияд ибн Забьян отрезал у трупа голову.

После этой не слишком почётной победы Абд аль-Малик вступил в Куфу, принял присягу племён и назначил своих чиновников для вновь покорённых провинций[148]. Сорок дней он стоял лагерем в Нухайле, на том же месте, где прежде стоял с сирийским войском Муавия. В это время он и послал аль-Хаджжаджа ибн Юсуфа в Хиджаз против Ибн аз-Зубайра. Так аль-Хайсам ибн Ади у Анонима 18, 1. С этим согласен и аль-Вакиди; он говорит у Таб. 830 и у Анонима 38, что *после* гибели Мусаба аль-Хаджжадж был отправлен с 2000 сирийцев в Мекку, и именно в джумаде, то есть ещё в месяце битвы у Монастыря или месяцем позже, так как это название покрывает два месяца. Годом он называет 72 г. х. Иначе он и не может, так как осада Мекки, по нему, началась лишь поздно в 72 году и продлилась довольно далеко в 73-й. Но как же он может тогда относить предшествующую битву к 71 году? Из дошедших до нас его фрагментов эту загадку объяснить нельзя; тесная связь событий в Ираке и Хиджазе твёрдо установлена, а с нею и 72 год как дата поражения Мусаба.

Аль-Хаджжадж, по аль-Вакиди, двинулся не прямо на Мекку, а сначала пошёл в Таиф, куда прибыл в шабане, и оставался там несколько месяцев[149]. Оттуда он часто вёл мелкие стычки с приверженцами Ибн аз-Зубайра на равнине Арафата, в которых почти всегда

[148]О Хорасане здесь и в других случаях ср. гл. 8.
[149]Аль-Масуди 5, 269; Anon. Ahlw. 139.

побеждал. Затем он попросил у халифа разрешения напасть на сам священный город и одновременно подкреплений. По поручению Абд аль-Малика ему на помощь пришёл Тарик ибн Амр, взявший Медину и изгнавший оттуда наместника Ибн аз-Зубайра (Таб. 818; Аноним 34 сл.). Осада, по аль-Вакиди у Таб. 844 сл., началась 1 зу-ль-када 72 года, то есть 25 марта 692 г. Город и святилище обстреливали камнями[150]; разразившаяся страшная гроза пробудила религиозные сомнения, но аль-Хаджжадж сумел их успокоить. Ибн аз-Зубайра всё больше покидали свои; в конце концов все они сложили оружие и приняли пощаду от сирийцев, среди них и его собственные сыновья. Сам же он, семидесятитрёхлетний человек, этого постыдился. Он простился с матерью, одиноко пошёл в последний бой и нашёл смерть (Аноним 38 сл.; «Хамаса» 319). Это случилось, по аль-Вакиди, через 6 месяцев и 17 дней после начала осады (Таб. 2, 844, прим. f), во вторник 17 джумада I 73 года, то есть 18 сентября 692 г.; день недели не совпадает. По Таб. 851, 10 и Анониму 57, месяц был не первый, а второй джумада. Илия даёт понедельник 17 джумада II; день недели и в этом случае не совпадает.

Падение Мекки[151] было лишь эпилогом: Хиджаз со времени убийства Усмана стал мёртвым углом, и его нельзя было снова сделать средоточием политической жизни. Ибн аз-Зубайр, несомненно, имел такое намерение; он должен был иметь его по характеру движения, которое его вознесло[152]. Одновременно он подчёркивал духовный характер своего халифата, не покидая святилища, в котором укрылся, даже когда мир был ему открыт. Но следствием было то, что он сам в *фитне*, названной его именем, стоял совершенно на заднем плане. Вокруг него по имени вращалась борьба, но он в ней не участвовал, и она решилась без него. Даже в самой Аравии он годами значил меньше, чем хариджит Наджда (Таб. 737, 8; «Хариджиты», с. 29 сл.). В конце концов его настигли и вытащили из постройки, в которой он прятался. Этим великая фитна закончилась и *джамаа* была восстановлена.

[150]См. выше, с. 104 [оригинала].
[151]Поэтическое поздравление с этим — «Хузайлиты» 259, 17 сл.; читай *ва-фадди*.
[152]См. выше, с. 102, 103 [оригинала].

Глава четвёртая. Первые Марваниды

1. С окончанием многолетней войны против Ибн аз-Зубайра бури в Ираке всё же не прекратились; они заполнили, как мы увидим, почти всё время правления Абд аль-Малика. И в Сирии распря кайс и кальб продолжала бушевать. Зуфар ибн аль-Харис в Каркисии, правда, в год гибели Мусаба сложил оружие, но этим не кончилась и племенная вражда; она пережила великую войну. Чтобы рассмотреть её в связи, нужно вернуться к Мардж-Рахиту («Агани» 11, 61, 31). В этой кровопролитной битве расплатились кайс; по арабским понятиям они должны были вернуть свою потерю крови с победителей. Право мести было за ними, и они начали; кальб лишь отвечали. Из кайс участвовали преимущественно амир и сулайм, а рядом с ними гани и бахила[153] — насколько эти племена осели в северной Сирии и в южной Месопотамии, по обе стороны Евфрата. На стороне кальб стояли прочие куда‘а[154], но в действие, по-видимому, вступили лишь кальб. Источниками для отдельных, отчасти далеко отстоящих друг от друга «дней», в которых протекала эта затяжная вражда, служат современные песни и связанные с ними рассказы, сохранившиеся у Ибн аль-Асира и в «Китаб аль-Агани», в «Хамасе» и у аль-Майдани. Сведения большей частью вполне надёжны, но отчасти без связи и без хронологии. Всё же есть зацепки, чтобы привести их в сносный порядок.

Вражду, по «Агани» 20, 120 сл., открыл Зуфар ибн аль-Харис аль-Килаби в Каркисии, предводитель амир, напав на поселение кальбитов в Мусайяхе и убив двадцать человек из них. Кальб, во главе которых встал Хумайд ибн Хурайс ибн Бахдаль, двоюродный брат знаменитого Хассана ибн Малика ибн Бахдаля[155], отплатили, перебив шестьдесят нумайритов, живших среди них в Тадмуре. После этого Зуфар в день Иклиля будто бы перебил пятьсот или даже тысячу кальбитов и после этого великого деяния благополучно укрылся в Каркисии, так что Хумайд не мог его настичь. В другом же месте (122, 17 сл.) нападение у Иклиля приписывается не Зуфару, а Умайру ибн аль-Хубабу, предводителю сулайм. Несомненно, что именно он отныне выступает подлинным вершителем мести кайс против кальб. Зуфара от кровной вражды в пустыне отвлекла великая борьба Сирии и Ирака за халифат. Он первым подвергался нападениям Абд аль-Малика и, как мы видели, несколько лет противостоял им как пограничный страж Мусаба, на которого опирался.

Выступление Умайра даёт хронологическую опору, ибо в битве при Хазире он ещё находился в сирийском войске и лишь затем соединился с Зуфаром, следовательно, не раньше 67 года. Перечисляется целый ряд «дней», в которые он срывал свою злобу; они названы по разным местам Самавы. При Кааба Хумайд едва ускользнул от него на своём быстром коне. Кальб, жившие в районе его набегов, в конце концов очистили эту область и на время переселились в Палестину, в Гор. Тогда и Умайр вернулся за Евфрат и поселился со своими сулаймитами на Хаборе. Это стало поводом к тому, что христиане таглиб, жившие там до Тигра и за ним, столкнулись с кайс. Они обратились к Зуфару с требованием

[153]Ибн аль-Асир 4, 256, 10, 15; 258, 18; 259, 17; 260, 24. В 256, 10 читай *Асур*, как в 266, 15.
[154]Уже в стихе Зуфара у Ибн аль-Асира 256, 18 куда‘а названы йеменцами.
[155]С которым его смешивает схолия к «Хамасе» 658, ст. 2.

приказать сулайм очистить Хабор, так как те позволяли себе захваты и подавали повод к трениям. Зуфар был не в силах это сделать, и так дело дошло до вражды между таглиб и сулайм. Зуфар старался её уладить, так как не хотел толкнуть таглиб в объятия сирийцев; но Умайр, человек злосчастный, ему перечил. Он спрятался за Мусаба, навлёк у него на таглиб как на христиан подозрение в сирийских симпатиях и добился того, что смог выступить против них от имени правительства Ибн аз-Зубайра и дать своей вражде полную волю. У Макиса, или Макисина, он учинил среди них кровавую бойню. На этом рассказ «Агани» 20, 120 сл. обрывается; продолжение стоит у Ибн аль-Асира 4, 255 сл. и в «Агани» 11, 51 сл., 61 сл. Мы узнаём, что и Зуфар был втянут в борьбу — против желания и воли. Последовало множество набегов и столкновений: места, упоминаемые и в песнях аль-Ахталя[156], лежат на Хаборе и Белихе, на Тартаре и в области Тигра. Таглиб большей частью оставались в проигрыше. У Хашака на реке Тартар, которая недалеко от Тикрита с юга впадает в Тигр, они, правда, в 70 году разбили и убили Умайра и послали его голову Абд аль-Малику в Дамаск. Но после этого кайс вынудили Зуфара взять на себя месть за Умайра; он нанёс таглиб тяжёлый удар у города Кухайль на Тигре и казнил двести попавших в его руки пленных. Великие события 71 и 72 годов, ареной которых была Месопотамия, положили затем конец кровавой малой войне там и спасли таглиб.

Но вражда между кальб и кайс вспыхнула и позже в другом месте; ср. «Хамаса» 260 сл.; аль-Майдани 14, 85; «Агани» 17, 113 сл.; Якут 1, 739. Хумайд ибн Хурайс ибн Бахдаль, прежний предводитель кальб в войне с Умайром[157], счёл удобным заставить фазара в собственно Аравии — их главные кочевья лежали к востоку от Медины — расплачиваться за то, что натворили сулайм и амир на Евфрате, которым он ничего не мог сделать. Эти фазара до тех пор вовсе не участвовали во вражде, но и они принадлежали к большой группе кайс, и отдельные из них, члены их старого княжеского дома, обосновавшиеся в Куфе, действительно оказывали помощь Зуфару и Умайру (Ибн аль-Асир 4, 258, 19 сл.). Хумайд добился от Халида, сына халифа Язида, чья бабка была кальбиткой, грамоты на имя Абд аль-Малика, которой ему поручалось взыскать налог со скота с некоторых племён. Как уполномоченный правительства он затем с конной свитой из кальбитских родов абд вадд и улайм прошёл по пустыне и дал фазара, на которых метил, почувствовать свою силу. Под ничтожными предлогами он совершал против них возмутительные насилия; несколько человек были ранены и убиты, особенно у места под названием Ах. Пострадавшие пожаловались Абд аль-Малику; он думал, что сделает достаточно, если заплатит им за пролитую кровь деньгами. Они взяли деньги, но купили на них оружие и коней и снарядились в поход мести. Они напали на стан кальб у колодцев Банат-Кайн в Самаве и убили девятнадцать человек из абд вадд и пятьдесят из улайм. Абд аль-Малик был этим очень разгневан и приказал своему наместнику аль-Хаджжаджу отомстить фазара. Тогда двое главных виновников отвратили грозившую их народу беду, добровольно явившись.

[156]Издание аль-Кутами Барта я ещё не мог учесть.

[157]Ибн Хабиб у аль-Майдани ошибочно называет вместо него его отца Хурайса; см. против этого «Хамаса» 260, ст. 2; «Агани» 17, 113 внизу; 114, 28. — Перевод у Фрайтага оставляет желать многого.

Кальбитам пришлось довольствоваться их казнью. Нападение у Банат-Кайн — самый знаменитый «день» во всей вражде кайс и кальб. Оно произошло лишь тогда, когда аль-Хаджжадж уже был наместником Медины (73 и 74 годы), а повод к нему, кровопролитие у Ах, едва ли следует относить намного раньше[158]. Выступающее во всех версиях рассказа предположение, будто оба враждовавших брата, Бишр и Абд аль-Азиз, сыновья Марвана, находились в день Банат-Кайн и ещё после того в Дамаске, следовательно, ошибочно; они давно уже были — один наместником Куфы, другой — Египта. Разве что они могли временно гостить при дворе.

И вражда между сулайм и таглиб получила ещё эпилог, когда спор за халифат был уже окончен и мир в царстве давно восстановлен; ср. «Агани» 11, 59 сл.; Ибн аль-Асир 4, 261 сл. Её вновь разжёг поэт аль-Ахталь, похвалявшись при дворе Абд аль-Малика великими подвигами своих соплеменников, таглиб, перед сулаймитом Джаххафом ибн Хукаймом, который сам под началом Умайра участвовал в боях против таглиб. Джаххаф поступил теперь так же, как прежде кальбит Хумайд. Он сумел раздобыть грамоту, которой назначался сборщиком налогов в области месопотамских таглиб и бакр. В этом официальном качестве он выступил в Месопотамию со значительным отрядом кайситских всадников. В пути он открыл им своё истинное намерение — пролить как можно больше таглибитской крови — и закончил словами: у вас выбор между адом, если вы последуете за мной, и позором, если нет. Они предпочли ад позору и последовали за ним, напали в 73 году на таглиб у Бишра (или Рахуба) и страшно свирепствовали среди них. При этом они убили и сына аль-Ахталя и поймали его самого, но отпустили, приняв за раба. Затем Джаххаф бежал в область ромеев. По ходатайству кайситов Абд аль-Малик спустя долгое время разрешил ему вернуться, но он должен был заплатить таглиб выкуп за пролитую у Бишра кровь. Так как его средств на это далеко не хватало, он попросил самого могущественного тогда человека среди кайс, аль-Хаджжаджа, заступиться за него и взять уплату на себя; тот некоторое время противился, но в конце концов всё же сделал это. Под конец Джаххаф сделался благочестив, совершил со своими сообщниками в покаянном шествии, с кольцами в носу, паломничество в Мекку и отчаянно молился там о прощении.

Видно, что арабы сирийской и месопотамской степи в новых условиях остались неизменными. Ни ислам, ни христианство не мешали им ставить племя и месть превыше всего; они предпочитали ад позору, а угрызения совести испытывали лишь тогда, когда было уже поздно. Вели они себя даже ещё более жестоко, чем прежде в язычестве и на старой родине; убивали массовее и беспощаднее. Они вспарывали животы пленным женщинам — обычай, не свойственный собственно Аравии, но для Сирии засвидетельствованный уже пророком Амосом. И после того как борьба за царство была решена и мир восстановлен, это дикое бесчинство продолжалось — у ворот столицы, на глазах халифа, порой со злоупотреблением его авторитетом.

[158]Возможность, правда, не исключена абсолютно, что оно пришлось ещё на время до восстановления джамаа, как указывает Ибн Хабиб у аль-Майдани. Но совершенно ошибочно Дози 1, 120 относит день Банат-Кайн ещё ко времени Муавии.

Второй очаг племенной ненависти возник на далёком Востоке. В Басре старое напряжение между тамим и раби‘а обострилось переселением азд Умана, происшедшим в последнее время Муавии и при Язиде I. Раби‘а заключили союз с азд, тамим же — с кайс, так что и здесь возникли две большие группы. Во время междуцарствия после смерти Язида I в городе дошло до вражды. Наместнику Убайдаллаху ибн Зияду пришлось бежать; его пост хотел занять Масуд ибн Амр, глава азд. Внезапным налётом он с помощью азд и раби‘а завладел замком и мечетью. Но когда он стоял на минбаре в мечети, ворвались тамим, стащили его вниз и забили насмерть. Теперь грозила кровная месть за убитого племенного князя. Однако умному предводителю тамим, старому аль-Ахнафу, удалось восстановить мир ценой уплаты большого выкупа. И всё же злоба между партиями осталась, и она разрядилась в Хорасане — по существу басрийской колонии, куда перенеслись племенные отношения Басры. Распри разгорались там всё снова и снова: сперва между тамим и раби‘а, затем, после того как благодаря аль-Мухаллабу и в Хорасане на сцену выступили азд, — между мудар (тамим и кайс) и йемен (азд и раби‘а). Дуализм восточных групп соединился в конце концов с дуализмом западных — особенно по вине кайс, одинаково представленных и на Западе, и на Востоке и повсюду державшихся друг за друга, как смола и сера; он стремился поглотить прочие противоположности и поляризовать весь арабский мир.

Эта тенденция заражала и правящие круги; уклониться от неё было трудно. Что было делать наместнику, если кайс притязали на него как на своего! Если он их отвергал, то лишал себя их поддержки и оказывался между двух стульев. Даже принцы при дворе Абд аль-Малика отчасти страстно примыкали к той или другой стороне — смотря по тому, к какой их тянула мать.

Политическая идея ислама — единство и солидарность общины Мухаммада — оказывала, правда, противодействие. Её прирождёнными представителями были курайшиты; по праву они стояли над племенами и вне их соперничества. Правящие курайшиты, Омейяды, правда, вынуждены были в Сирии броситься в объятия кальб, чтобы удержать власть против зубайридски настроенных кайс. Но кровь всё же связывала их с кайс[159]. Это облегчало им занятие средней позиции. Абд аль-Малик понял свою выгоду и старался держаться над партиями. Когда кайс прекратили сопротивление ему, он обходился с ними дружелюбно и старался их примирить. Зуфар ибн аль-Харис, а после него его сыновья Хузайль и Каусар принадлежали к самым уважаемым и влиятельным лицам при дамасском дворе[160]. Кальб были, естественно, этим недовольны, но их упрёки Абд аль-Малику, что он недостаточно им благодарен («Хамаса» 656 сл.), на деле — похвала ему. Утверждение, будто он перешёл от кальб к кайс, выражает положение дел совершенно криво; и позже мы находим в его окружении влиятельных людей из кальбитской группы,

[159]«Если бы не халиф, куда‘а были бы господами, а кайс — рабами», Таб. 487, 19 сл. Халифа причисляют к кайс (475, 18), так как он по крайней мере, как и они, принадлежал к мудар, а не к куда‘а или йемен.

[160]Ср. Таб. 2, 1300, 1360 сл., 1455; Anon. Ahlw. 173, 253; «Агани» 16, 42, 153 сл. Отсюда видно, как могущественно положение этих кайситских князей оставалось и при Омейядах; но они им не злоупотребляли.

например самого Ибн Бахдаля и Рауха ибн Зинбу. Абд аль-Малик поступал, напротив, так, как должен был поступать халиф и политик. Омейяды опирались на сирийцев, с их помощью подчинили всё мусульманское царство и с их помощью его удерживали. Их власти над царством пришёл бы конец, если бы её фундамент перестал держать, если бы через Сирию прошла трещина. Хорасан тогда ещё стоял совсем на заднем плане, и раздоры в этой далёкой области ещё мало затрагивали центр. Иначе было с Сирией. Чувству, что они должны держаться заодно с династией, чтобы сохранить собственное положение, не могли закрыться и сами сирийские арабы; оно противодействовало племенному дуализму. Прочие провинции были покорены, их страна была господствующей. Весьма материальный интерес к обладанию халифатом и властью всё же давал им чувство политической солидарности, которое проявлялось особенно тогда, когда им как имперскому войску приходилось сражаться с внутренними и внешними врагами монархии, — а для этого им давалось достаточно поводов.

2. Чтобы ещё усилить политический перевес Сирии, была сделана попытка перенести туда и центр тяжести культа. Поводом к этому послужило то обстоятельство, что центральное святилище в Мекке почти десятилетие было занято Ибн аз-Зубайром и тем самым было труднодоступно для сирийцев, поскольку они оставались верны своей династии. Этим Абд аль-Малик воспользовался, чтобы прямо запретить своим подданным паломничество в Мекку и побудить их вместо этого паломничать в Иерусалим. Так, по крайней мере, сообщает Евтихий[161]. Несомненно, что Абд аль-Малик старался придать Иерусалиму как мусульманскому месту культа больший блеск; ибо предание, что он строитель Купола Скалы, подтверждается сохранившейся в древнейшей части здания строительной надписью. Теперь там, правда, строителем назван Аббасид аль-Мамун. Но де Вогюэ заметил, что это имя попало туда лишь путём исправления[162]. Старая дата от исправления ускользнула, и первоначальный текст поэтому можно с уверенностью восстановить так: раб Божий Абд аль-Малик, повелитель правоверных, построил этот купол в 72 году. Сирия владела в Иерусалиме единственным местом на земле, которое могло соперничать с Меккой (Таб. 1666, 3). Это было святейшее место не только иудеев и христиан, но изначально и мусульман; лишь позднее Мухаммад поставил вместо него Мекку вследствие своевременного компромисса с арабским язычеством. Халиф Умар отличил его своим посещением и тем возбудил зависть иракцев. Муавия впервые был провозглашён там халифом и молился при этом на Голгофе, в Гефсимании и у гробницы Марии. Тем не менее Абд аль-Малик отказался от своего намерения поставить Иерусалим на место Мекки, если оно у него вообще было, как только перестал быть ограничен Сирией; для всей общины пророка во всём мире оно казалось неосуществимым[163]. Зато позднее он

[161]Annales, изд. Покока, 2, 365. Евтихий рассказывает то же самое о Марване (2, 362) и нечто подобное о Валиде I (2, 373).

[162]«Le Temple de Jérusalem», 1864, с. 85 сл. Ср. также Гильдемейстер в «Zeitschrift des Deutschen Palästina-Vereins» 1890, с. 14; опечатки в цифрах не на совести автора, умершего ко времени печати.

[163]Правда, ещё Халид аль-Касри будто бы заявлял, что, если халиф прикажет, он разберёт Каабу и вновь построит её в Иерусалиме («Агани» 19, 60).

ещё раз попытался повысить религиозную притягательность Сирии за счёт *Медины*. Уже до него Муавия в 50 году сделал попытку удалить минбар пророка из Медины и перевезти его в Сирию; но так как поднялось всеобщее волнение и солнце затмилось, он оставил это и сказал: я лишь хотел посмотреть, не источен ли он червями. Абд аль-Малик носился с тем же планом, но его отговорил его хранитель печати. Его сын Валид I будто бы попытался сделать это ещё раз, тоже тщетно (Таб. 2, 92 сл., по аль-Вакиди). С Мединой Омейядам не нужно было считаться так, как с Меккой. Город не раз ясно выказывал им свою враждебность и под конец изгнал их всех из своих стен; этого они ему не простили. Абд аль-Малик, по-видимому, отчасти назначал ему наместников в гневе; особой злобностью среди них отличался махзумит Хишам ибн Исмаил (с 82 года).

К исламу у Абд аль-Малика изначально было иное отношение, чем у его предшественников. Он был в нём рождён и воспитан, к тому же в городе пророка, где предание, связанное с ним и продолжавшееся в истории теократии, ревностно культивировалось и стало предметом цехового занятия. В молодые годы он сам усердно предавался этим благочестивым занятиям и мог считаться знатоком Корана. С вступлением на престол в нём будто бы произошла перемена (Anon. Ahlw. 164, 167, 190). Несомненно, с этих пор он всё подчинял политике и даже подвергал Каабу опасности разрушения. Однако именно из политики он остерегался оскорблять религиозные чувства своих подданных так небрежно, как это делал Язид. Он знал их гораздо лучше того и уже потому лучше умел щадить. Благочестивый Раджа ибн Хайва аль-Кинди, о котором мы ещё услышим, уже при нём имел влияние[164]. Одного человека, утверждавшего, что он пророк, несмотря на Мухаммада, он велел казнить (Аноним 253). По Евтихию 2, 365, уже он хотел присоединить к мечети церковь Иоанна в Дамаске, рядом с которой она стояла, но отказался от этого из уважения к христианам. В остальном для суждения о его отношении к христианским подданным нет материала. Таглиб и их поэту аль-Ахталю христианство в его глазах во всяком случае не вредило. Избиение свиней в Сирии, о котором Феофан упоминает под А. М. 6186, было, вероятно, порождено враждой к христианам, но исходило не от халифа.

Там, где ислам шёл рука об руку с арабством, он был удобен властителю и легко поддавался тому, чтобы служить целям царства. Покончив со своими соперниками, Абд аль-Малик сразу же возобновил священную войну против ромеев, бездействовавшую около пятнадцати лет[165]. Юстиниан II был разбит у киликийской Себасты, или Себастополя, в 73 году бегства, который начался в конце мая 692 г. н. э. Полководцем Абд аль-Малика был его брат Мухаммад ибн Марван, наместник Месопотамии и Армении; он и впредь руководил войной в Малой Азии и Армении. Как во времена Муавии, из года в год предпринимались большие и малые походы в Романию; если они и не давали дальнейших результатов, то всё же были полезной школой для сирийских и месопотамских арабов, которые благодаря этому постоянно оставались в военной практике.

[164]Аноним 193. Он будто бы был и казначеем при постройке мечети Скалы в Иерусалиме («Zeitschrift des Deutschen Palästina-Vereins» 1890, с. 21).
[165]«Göttinger Nachrichten» 1901, с. 431 сл. И в Африке война возобновилась (там же, с. 434 сл.).

Мерой, которую связывают с возобновлением военных действий против ромеев и которая равным образом удовлетворяла и религиозный, и национальный интерес, было преобразование монетного дела Абд аль-Маликом. О поводе аль-Балазури (240, 465 сл.) сообщает следующее. Папирус ввозился из Египта к ромеям, а золотые динары, напротив, шли от ромеев к арабам. На листах папируса прежде стояли христианские надписи и знак креста (как водяной знак), при Абд аль-Малике же на них стали ставить изречение Корана: скажи: Он — Бог единый. В отместку ромеи пригрозили поместить на динарах оскорбления пророка. Тогда арабы сами стали чеканить золото; Абд аль-Малик начал это в Дамаске в 74 году, чеканка серебра аль-Хаджжаджем в Куфе началась в конце 75-го. До тех пор в обращении было греческое золото и персидское серебро и немного химьяритских серебряных монет (с аттической совой). По аль-Вакиди у Таб. 2, 939, правда, Абд аль-Малик начал чеканить серебряные драхмы и золотые динары лишь в 76 году. Но если Феофан (A. M. 6183) прав, что отказ Юстиниана II принимать дамасские золотые монеты был одним из поводов к новой вспышке войны между мусульманами и ромеями, то датировку аль-Балазури следовало бы скорее поднять, чем опустить. Новые монеты чеканились от имени Аллаха и несли в качестве надписи изречения Корана, подчёркивавшие Его единовластие и полномочие Его посланника[166]. До Абд аль-Малика арабы тоже чеканили серебро и медь, но по ромейским и персидским образцам. Впрочем, похоже, что уже Муавия пытался сделать то, что провёл Абд аль-Малик. По сирийскому хронисту, изданному Нёльдеке, Муавия чеканил золотую и серебряную монету, но её не принимали, потому что на ней не было креста. И золотые монеты Абд аль-Малика поначалу вызывали возражения, особенно в Медине (аль-Балазури 466 сл.), потому что имели лишь вес *стёртых* старых динаров[167].

Подобной попыткой стать независимее от чужого влияния было введение арабского языка в министерстве, то есть в финансовой канцелярии, ибо административная деятельность правительства по существу ограничивалась финансами. До тех пор официальное счетоводство в Дамаске велось по-гречески, в Куфе — по-персидски. Арабизация, по аль-Балазури 300 сл. («Фихрист» 242), по-видимому, исходила из Куфы. Заданфаррух ибн Пири[168] или его сын Марданшах был последним персидским писцом. Его помощник, Салих ибн Абд ар-Рахман, предложил аль-Хаджжаджу вести счета по-арабски; и он справился с этим, хотя выражение дробей доставляло ему труд — цифры в Куфе, по-видимому, не употреблялись. Повод, по которому и в Дамаске канцелярия была арабизирована, аль-Балазури (с. 193) указывает курьёзный. Один из греческих писцов помочился в чернильницу, потому что под рукой не было воды: тогда Абд аль-Малик решил

[166]Благочестивые упрекали аль-Хаджжаджа в том, что на надписях он ставил своё имя после имени Бога.

[167]Ср. ещё Ибн аль-Асир 4, 337 сл. Что не удалось провести в исламском царстве действительное единство монеты и мер, явствует из приписываемого пророку изречения у Яхьи ибн Адама, «Китаб аль-харадж», с. 52: Ирак упрямо сохраняет свой дирхем и кафиз, Сирия — свой динар и модий, Египет — свой динар и ардеб; вы возвращаетесь к старому разладу и раздробленности, к старому партикуляризму.

[168]Таб. 2, 1034; Anon. Ahlw. 343, 352.

сделать канцелярию арабской. Сулайман ибн Саид, получивший это поручение, управился за год и получил в награду поземельный налог аль-Урдунна на один год, составлявший сумму в 180 000 динаров. Греческая и персидская *система*, естественно, была сохранена, изменён лишь язык. Без сомнения, остались и прежние греческие и персидские чиновники, ведь они знали арабский. Салих ибн Абд ар-Рахман, руководивший переходом в Куфе, сам был иранцем из Сиджистана (аль-Балазури 393, 15); ведь нужно было понимать по-персидски и по-гречески, чтобы переложить это на арабский. В Дамаске грек Сергий и при Абд аль-Малике сохранил влиятельное положение, которое занимал при Муавии и Язиде (Таб. 837, 11). Феофан, приписывающий замену греческого канцелярского языка арабским лишь Валиду I[169] (А. М. 6199), говорит, что греческие числовые знаки арабам всё же пришлось сохранить и что их нотарии всё ещё были христианами, — и в самом деле, христианские тайные советники в аббасидское время, когда писал византийский хронист, были влиятельнее, могущественнее и ненавистнее, чем когда-либо. Впрочем, арабы считались непригодными к податному управлению не только из-за недостатка технических знаний (Таб. 458, 1470).

Создаётся впечатление, что Абд аль-Малик и в других отношениях поставил правление на несколько иную ногу. Оно стало, по-видимому, более техничным и иерархичным, хотя далеко не в той мере, как позднее аббасидское. Некоторые высокие должности впервые упоминаются при нём; из этого, правда, не обязательно следует, что прежде их не было. Но несомненно, что к нему уже не подходит титул πρωτοσύμβουλος, характерный для первых халифов. Он взял строгий и почти грубый тон по отношению к своим чиновникам, даже к высокозаслуженному аль-Хаджжаджу, с которым обращался совсем иначе, чем Муавия со своим Зиядом. И знатным людям, которых он по старому обычаю допускал в своё общество и звал на совет, он уже не позволял такого вольного обхождения с собой, какое позволял Муавия, справлявшийся своим духовным превосходством. Восхваляемая у суфьянидских правителей любезность, которая у них, как у древнеарабского сайида, была, может быть, скорее добродетелью, чем врождённым свойством, не была присуща ни ему, ни его преемникам; он выставлял строгого господина (Аноним 178).

Где дело касалось его халифата, он отбрасывал всякие соображения. Своего двоюродного брата Амра ибн Саида, протянувшего к нему руку, он зарезал собственноручно; от необходимости убрать с дороги брата Абд аль-Азиза, стоявшего на пути преемства его сыновей, его избавила смерть того. В остальном он дал своим омейядским родственникам бóльшую долю в пользовании властью, чем давали им предшественники. Поначалу почти все наместничества были в их руках. В Египте и Африке правил Абд аль-Азиз — может быть, в силу завещательного распоряжения старого Марвана, который велел присягнуть ему и как наследнику престола после Абд аль-Малика[170]. Месопотамию и Армению, пост, важный из-за войн с ромеями, получил

[169]Валид в 87 году ввёл арабский канцелярский язык в Египте, но не вместо греческого, а якобы вместо коптского (аль-Макризи, «Хитат» 1, 98).

[170]*Marvan antequam moreretur... Aegyptum vel ulterioris Aethiopiae partes, Tripoleos Africae et usque ad Gaditana freta adiacentes provincias Habellaziz filio dereliquit* («Марван перед

Мухаммад ибн Марван. Ещё совсем юному Бишру ибн Марвану была поручена Куфа, а затем и Басра; до того Басрой хозяйничал другой Омейяд, Халид, правнук Асида. В придворное общество Омейяды, с тех пор как с Марваном переселились из Медины в Дамаск, поставляли гораздо больший контингент, чем прежде. Играл там роль и Халид, сын халифа Язида; Абд аль-Малик старался утешить его в неправомерном отстранении от престолонаследия, приблизив его к себе и отдав за него свою дочь. Сам он женился на дочери Язида по имени Атика; она стала его любимой женой и могла позволять себе по отношению к нему довольно многое.

Многочисленные анекдоты об этом знаменитейшем халифе омейядской династии преподносятся в Анониме Альварта. Они обогащают наше знание лиц и дают ещё много интересного: о местах, где Абд аль-Малик попеременно жил в зависимости от времени года, о его жёнах и семье, о его регулярных ежедневных занятиях и заботе о воспитании сыновей, о его достоинствах и слабостях, его недугах — у него дурно пахло изо рта — и его прозвищах. Он рано состарился и умер шестидесяти лет, в четверг 14 шавваля 86 года (9 октября 705 г.) в Дамаске[171].

Абд аль-Малика называют отцом царей, потому что четверо его сыновей пришли после него к власти и лишь двое из позднейших омейядских халифов происходили не прямо от него. Его преемником был назначен его брат Абд аль-Азиз Египетский, и ему как таковому даже присягнули. Абд аль-Малик прилагал усилия, чтобы склонить его к отказу от своего права, дабы передать царство собственному телесному наследнику. Тщетно: тот не давал себя ни запугать, ни соблазнить. Но, к счастью, он умер ещё раньше халифа (Таб. 1165; ср. 1171), и теперь престол мог занять старший сын халифа — Валид I. При нём в арабском оружии появился новый размах: после долгой осады была взята Тиана, готовился большой поход на сам Константинополь. Вновь наступил период великих завоеваний: были покорены Трансоксания и Испания. Внутри наконец-то царило спокойствие; Валид пожинал плоды трудов своего отца. Он шёл по его стопам. Он держался столь ненавидимого многими наместника Востока аль-Хаджжаджа, который в известном отношении задавал тон правлению халифов, которым служил. Он придавал значение тому, чтобы выступать господином и повелителем; говорят, он был первым халифом, кичившимся своим величием (Аноним 243); ему вкладывают в уста высказывания, близкие к *oderint dum metuant* (Таб. 1178). Ислам он поощрял как государственную религию; может

смертью... Египет и части дальней Эфиопии, Триполитанию Африки и прилежащие провинции до Гадитанского пролива оставил сыну Абд аль-Азизу»), — говорится в Cont. Byz.-Arab. § 29. Требование сдавать ему подати Египта было вызовом Абд аль-Малика по отношению к Абд аль-Азизу (Аноним 239). Абд аль-Азиз происходил от другой матери (там же, 261).

[171]Аль-Вакиди со слов Абу Машара у Таб. 2, 1172 (ср. Аноним 264) называет днём смерти четверг в середине шавваля; по Вюстенфельду, четверг пришёлся на 14-е число, и такова же дата у Илии Нисибинского. Его возраст аль-Мадаини у Таб. 1173 и Аноним указывают в 62 или 63 года, Абу Машар у Таб. 1173 — в 60, а аль-Вакиди по другим авторитетам — лишь в 58 лет (Таб. 1153; Аноним 165, и так же при правильном чтении Аноним 152). Число 60 лежит в основе указания Таб. 467, 11.

быть, у него было к нему и более глубокое отношение. Притеснениям благочестивых Медины наместником Хишамом ибн Исмаилом он положил конец и поставил на его место своего двоюродного брата Умара ибн Абд аль-Азиза, человека по сердцу книжникам (Таб. 1182 сл.). Он настойчиво требовал от каждого знания Корана (Таб. 1271), хотя, к огорчению отца, уже не говорил на старом арабском языке, которым написана священная книга (Аноним 236 сл., 260). План, который будто бы уже составлял, но оставил его отец, он провёл: он отнял у христиан Дамаска церковь Иоанна, расширил ею примыкавшую главную мечеть и блистательно перестроил её в 84 году (аль-Балазури 125 сл.; Таб. 1275). С христианской церкви в Баальбеке он снял позолоченный медный купол и поместил его на мечети в Иерусалиме, над священной скалой (Евтихий 2, 373). И мединскую мечеть он велел перестроить до основания (аль-Балазури 67). Этим он, правда, рассердил благочестивых, равно как и тем, что при речи с минбара, которую произнёс там в 91 году, не стоял, а сидел, как привык дома (Таб. 1233). У него была страсть к постройкам всякого рода, а также к устройству и мелиорации поместий, и этим он заражал своё окружение (Таб. 1272). Аль-Хаджжадж поставил ему индийских буйволов для болотистой местности у Исского залива. Но он заботился и о беспомощных и обеспечивал прокажённых, слепых и хромых так, что им не нужно было просить милостыню (Таб. 1271). Больше всех выгоду от него получили сирийцы; они считали его лучшим из всех своих халифов (Таб. 1271, 3). Трудно поверить, что внутри Сирии он принимал сторону кайс против кальб; ибо ему это было не нужно, и древние историки этого не передают. Нельзя заключать этого из того, что его мать Валлада была кайситкой (Аноним 172, 191 сл.; «Хамаса» 672), а кайсит аль-Хаджжадж — его правой рукой. Позднейшие склонны помещать всех действующих лиц в ту или иную рубрику, и Дози им подражает. Валид умер в середине джумада II 96 года, в субботу, в возрасте сорока с чем-то лет (Таб. 1269 сл.). Субботой было 13 джумада II = 23 февраля 715 г.[172]

3. Ирак, где и в этот период разыгрывалась собственно история ислама, долгие годы при халифате Абд аль-Малика и Валида находился под властью уже часто упоминавшегося сакифита аль-Хаджжаджа ибн Юсуфа ибн аль-Хакама ибн Акиля, который сначала отличился в Мекке и Медине. При его назначении туда его ждали тяжёлые задачи. Провинция была взволнована до глубины, и не только многолетней борьбой за халифат. В Куфе мощное восстание объединившейся с мавали шиа под началом Мухтара хотя и было подавлено, но оставило в умах жгучий след[173]. Басра всё ещё не была избавлена от хариджитов, годами угрожавших у ворот города[174]. Мусаб не мог с ними справиться. Они сковывали его в борьбе с сирийцами; из-за них ему пришлось для защиты Басры оставить своего лучшего воина. Когда он далеко на Тигре потерпел поражение от Абд аль-Малика и пал, аль-Мухаллаб стоял в поле против азракитов. Он подвёл итог положению и предоставил себя в распоряжение победителя. Тот оценил его по заслугам. Но омейядские

[172]«Середина месяца» в более древнее время, может быть, означала не вполне определённо 15-е число, как её обычно расшифровывают. Илия Нисибинский, однако, даёт днём смерти Валида *воскресенье* 14 джумада II 96 года.
[173]«Шиа», с. 74 сл.
[174]«Хариджиты», с. 32 сл.

принцы, которых он посылал наместниками в Ирак, годились бы разве что для синекуры. Халид ибн Асид, прибывший в Басру, отодвинул аль-Мухаллаба в сторону, сначала сам взял на себя ведение войны против опасных фанатиков, а затем поручил её своему брату. Следствием были тяжёлые поражения правительственных войск. Халифу пришлось лично вмешаться, чтобы вновь поставить аль-Мухаллаба на место, где ему надлежало быть. Тем, однако, что он сместил Халида и пожаловал своему брату Бишру в придачу к Куфе ещё и Басру, он аль-Мухаллабу не помог. Ибо Бишр, тщеславный молодой человек, поступал не лучше своего предшественника. Он ревновал к аль-Мухаллабу, потому что тот имел командование прямо от халифа, а не от него. По высшему приказу он хотя и поддерживал его куфийскими войсками, но прямо подстрекал их предводителей к неповиновению аль-Мухаллабу, и не его заслуга, что тот не дал себя на это подбить, а лишь покачал головой над глупым мальчишкой. К счастью, он умер уже в 74 году[175], и тогда Абд аль-Малик, к радости аль-Мухаллаба, послал в Ирак аль-Хаджжаджа. Тот вступил в должность в начале 75 года[176]. Так в основном рассказывает Абу Михнаф у Таб. 821 сл., 855 сл.

Аль-Хаджжадж представился в Куфе вступительной речью, не менее знаменитой, чем речь его земляка и предшественника по должности Зияда в Басре. Сообщение о ней у Таб. 863 сл. идёт от Умара ибн Шаббы (по Абу Гассану и аль-Мадаини); с ним следует сравнить сообщение у Анонима Альварта 266 сл. и в «Камиле» 665 сл. На минбар взошёл ещё молодой, неизвестный и невзрачный человек и долгое время, казалось, не находил слов. Один из присутствовавших поднял против него горсть гравия[177]; но гравий тихо выскользнул у него из руки, когда мнимо беспомощный оратор открыл рот. Ближайшей задачей нового наместника было восстановить дисциплину ратников Куфы и Басры. Смерть Бишра они сочли сигналом, чтобы без отпуска покинуть лагерь аль-Мухаллаба в Рамхурмузе. Им не нравилось так долго стоять в поле вдали от жён и детей; дома они привыкли жить весьма роскошно (Таб. 865, 12 сл.). Аль-Хаджжадж тотчас объявил куфийцам с минбара: кто из дезертиров через три дня ещё покажется в городе, тот лишится имущества и жизни. Он умел придать угрозе вес, и она подействовала. Так же, как в Куфе, он затем выступил в Басре — и с таким же успехом. Обязанные службой толпились на тигрском мосту, чтобы вернуться в Рамхурмуз. Он сам отправился с ними до сборного лагеря Рустакабад; там в шабане 75 года ему пришлось подавить мятеж из-за урезанного жалованья, который, по Анониму Альварта 280 сл. и Ибн аль-Асиру 4, 309 сл., был гораздо опаснее, чем кажется по краткой заметке у Таб. 879. Теперь войну против азракитов можно было вести с достаточными средствами; правда, прошло ещё больше двух лет, прежде чем они были полностью уничтожены[178].

Азракиты на Востоке ещё не были побеждены, как в начале 76 года на западе Ирака поднялись другие хариджиты, отличавшиеся тем, что большей частью принадлежали к одному племени — гордым бану шайбан из бакр, которые незадолго до того переселились

[175]По аль-Вакиди у Таб. 852, 8; 854, 1 — уже в 73 году, но это невозможно.
[176]Не лишь в рамадане, как сказано у Таб. 872; ср. 944, 9; 876, 3; Anon. Ahlw. 270, 1.
[177]Несколько камней Зияд, значит, всё же оставил.
[178]«Хариджиты», с. 39 сл.

со своих прежних мест на правом берегу Евфрата, в пустыне Куфы и Басры, в северную Месопотамию[179]. Их знаменитейшим и опаснейшим предводителем был Шабиб ибн Язид. Он со своими быстрыми всадниками был везде и нигде. Ещё в 76 году он перешёл из Месопотамии в Ирак, разбил несколько отрядов, высланных против него аль-Хаджжаджем, и даже стучался в ворота столицы. Его излюбленным районом была классическая почва старых хариджитов — область Джуха на Нахраване и горы к северу от неё. После долгой передышки в горной стране Азербайджан, во время которой к нему стеклось много народу, он во второй половине 77 года с значительными силами двинулся на юг, чтобы отважиться на решающее нападение на Куфу. Против него было объявлено всеобщее ополчение, но он жалким образом обратил в бегство всё войско куфийцев. Собственные ресурсы аль-Хаджжаджа были исчерпаны; он был вынужден просить халифа о сирийских войсках. Они пришли как раз вовремя и отогнали Шабиба. Сначала он вернулся в Джуху, но вскоре ушёл оттуда дальше, в далёкий Керман, оплот азракитов. Вновь выступив оттуда, он встретил на Дуджайле (в Ахвазе) посланное за ним сирийское войско и утонул при отступлении через реку в конце 77 года (весна 697 г. н. э.). Сирийцы спасли Куфу; мы увидим, как дорого пришлось заплатить за их помощь. Весьма подробный рассказ о Шабибе у Таб. 881–1002 идёт от Абу Михнафа[180].

В 78 году, когда хариджитская опасность на востоке и западе Ирака была устранена, аль-Хаджжадж получил ещё и власть над Хорасаном и Сиджистаном (Таб. 1032 сл.; Аноним 310 сл.). Провинцию Хорасан он пожаловал покорителю азракитов, аздиту аль-Мухаллабу, который прежде заслужил там свои шпоры (аль-Балазури 432). Аль-Мухаллаб оставался там до своей смерти (конец 82 года) и передал свою власть по наследству семье и племени. В Сиджистан[181] аль-Хаджжадж послал Убайдаллаха ибн Абу Бакру, видного басрийца из известного сакифитского семейства, из которого происходил и Зияд ибн Абихи. Тот в 79 году предпринял поход против зунбиля Кабула и Забула, удерживавшего дань[182]. Зунбиль заманил его глубоко в страну и затем отрезал ему отступление. Лишь с большими потерями, особенно затронувшими куфийский контингент, Убайдаллах пробился и привёл своё войско назад в плачевном состоянии. Вскоре после этого он умер — в 79 (Аноним 320) или 80 году (Таб. 1046). Сиджистан требовал испытанного воина в качестве наместника. Аль-Хаджжадж избрал для этого гордого куфийца из рода древних царей кинда — Абд ар-

[179]Семья Шабиба жила недалеко от Мосула. Но переселилась она туда (через Куфу, Таб. 977) от источника Ласаф в куфийской пустыне («Хамаса» 15); часть родни осталась жить там и ещё не раз принимала у себя родителей Шабиба (Таб. 915, 978). Возможно, переселение шайбанитов было не вполне добровольным, а вызвано Муавией.

[180]«Хариджиты», с. 41 сл.

[181]О предыстории Сиджистана ср. аль-Балазури 392 сл.

[182]Правильным произношением считается *зунбиль* (собственное имя и вместе с тем титул), а не *рутбиль* (Каннингем в Трудах X Международного конгресса ориенталистов 1, 244; Юсти, «Namenbuch» 385; Маркварт, «Эраншахр» 37). Ср. Таб. 1652, 18; 3, 194, 3; йеменский Занкбиль встречается в 1, 1855, 16. Зунбиль называется господином тюрок, Таб. 2, 1032 сл.; 1037, 2; 1042, 12. Местные жители были, правда, иранцами, но династии (и воины) — тюркскими. Ср. аль-Фараздак, изд. Буше, 206, 10.

Рахмана ибн Мухаммада ибн аль-Ашаса, стоявшего в соседнем Кермане[183], — и усилил его многочисленным, полностью оплаченным и великолепно снаряжённым войском куфийцев и басрийцев, так называемым «павлиньим войском».

Таково было положение, в котором вспыхнуло глубоко потрясшее омейядское царство восстание иракского войска в Сиджистане против аль-Хаджжаджа. Ат-Табари даёт о нём преимущественно живой и подробный рассказ Абу Михнафа, стоявшего совсем близко к событиям; также весьма подробное сообщение у Анонима Альварта 308 сл. следует разным поручителям. Абд ар-Рахман, по деду обычно называемый Ибн аль-Ашасом, избрал иной образ действий, чем предшественник: он предпринял не набег, а правильный поход. Он занимал то, что завоевал, и учредил почтовую службу, чтобы обезопасить свои сообщения. Покорив часть страны, он пока остановился, чтобы его солдаты сперва привыкли к горной природе, и известил об этом аль-Хаджжаджа. Тот же, нетерпеливый и стремительный, как обычно, грубо его одёрнул и в повторных письмах настаивал, чтобы он немедля продвигался или иначе сдал командование своему брату Исхаку. Тогда Ибн аль-Ашас собрал начальников, сообщил им содержание писем и в заключение сказал: если вы хотите идти вперёд, пойду и я; если же не хотите, не хочу и я. Иракцы ненавидели аль-Хаджжаджа; перспектива затяжной и тяжёлой войны в далёких краях была им противна, всякий случай вернуться домой — желанен. Ибн аль-Ашас был уверен в их ответе. «Мы не повинуемся врагу Божьему; он как фараон принуждает нас к дальнейшим походам и держит здесь, так что мы не видим жён и детей; он всегда в выигрыше: победим мы — завоёванная земля его; погибнем — он от нас избавится». Все они присягнули Ибн аль-Ашасу с тем, чтобы он прогнал аль-Хаджжаджа; ревностнее всех были йеменцы Куфы, к которым принадлежал и он сам[184]. Его братья, однако, не были на его стороне (Аноним 326 сл.).

Заключив мир с зунбилем и поставив заместителей-наместников в Бусте и Заранге, главных городах Сиджистана, войско в 81 году двинулось в путь и по дороге присоединило к себе ещё ополчения Куфы и Басры, стоявшие гарнизонами в провинциях. Придя в Фарс, поняли, что отделить аль-Хаджжаджа от Абд аль-Малика невозможно; поэтому отреклись и от последнего и присягнули Ибн аль-Ашасу для борьбы против халифа и сирийцев. Ему не нужно было подгонять — подгоняли его самого, и он не смог бы снова заклясть вызванных им духов. Словно катилась лавина и сметала всё.

---

[183]По Абу Убайде (Аноним 320 сл.; Таб. 1046), ему пришлось там подавить мятеж бакрита Химьяна ибн Ади ас-Садуси (ср. Аноним 342), по другим указаниям (Аноним 318, 2; 320, 10) — сражаться с хариджитами. По Анониму 309, он первоначально отправился в Сиджистан из-за наследства и связался там с куртизанкой Маханош. Та, однако, по Анониму 334 сл., жила в Кермане и опутала не его, а другого знатного араба, так что тот из-за неё заложил своё седло, которое Ибн аль-Ашасу пришлось выкупить, чтобы тот мог ехать вместе со всеми. Ср. аль-Фараздак 209, 12.

[184]Аль-Фараздак признаёт, что раби‘а и мудар не остались в стороне, но главную вину возлагает на йеменцев Куфы, на сабаитов, которые прежде подняли на щит еврея Мухтара (211, 10), а теперь — ткача Ибн аль-Ашаса (208, 9; 209, 16; 211, 11). Йеменцев ругали ткачами, как азд Умана — рыбаками и корабельщиками.

Аль-Мухаллаб в Хорасане к движению не примкнул. Он будто бы советовал аль-Хаджжаджу не останавливать поток иракцев и не нападать на них раньше, чем они снова достигнут родины: когда они вновь окажутся дома при жёнах и детях, с их неодолимостью будет покончено[185]. Аль-Хаджжадж, однако, совету не последовал. Он выступил со своими сирийскими солдатами, усиленными Абд аль-Маликом поспешными подкреплениями, навстречу мятежникам. На старом поле брани на Дуджайле, у Тустара и Рустакабада, произошло первое столкновение; Ибн аль-Ашас перешёл реку и победил вечером 10 зу-ль-хиджжа 81 года = 25 января 701 г. Разбитые бежали в Басру, победители последовали за ними и беспрепятственно вступили в город, где их приняли с распростёртыми объятиями. Аль-Хаджжадж, однако, удержался в предместье Завия; к нему там примкнули некоторые сакифиты и курайшиты Басры. Он был полон решимости скорее погибнуть, чем отступить. Месяц его сирийцы под началом кальбита Суфьяна ибн аль-Абрада[186] выдерживали натиск иракцев, стоявших лагерем в Хурайбе (Аноним 355); в конце концов они нанесли им решительное поражение, ещё в мухарраме 82 года (начало марта 701 г.). Вследствие этого Ибн аль-Ашас с *куфийцами*[187] ушёл в Куфу, собственно средоточие восстания, куда со всех сторон стекались иракские гарнизонные войска из провинций. Своим заместителем в Басре он оставил курайшита Абд ар-Рахмана ибн Аббаса аль-Хашими, который продолжал борьбу, но лишь несколько дней, так как масса басрийцев приняла пощаду аль-Хаджжаджа (Аноним 349, 5) и впустила его в город. В начале сафара 82 года (середина марта 701 г.) аль-Хаджжадж смог начать наступление на Куфу; Ибн Аббас аль-Хашими остался рядом с ним с теми отрядами, что не хотели складывать оружие.

В Куфе Ибн аль-Ашаса опередил офицер из аль-Мадаина, Матар ибн Наджия ат-Тамими, изгнавший сирийский гарнизон и завладевший замком. Он и ему не уступил добровольно и присягнул лишь по принуждению, после того как хамдан взяли замок штурмом и захватили его в плен. Может быть, отчасти по этой причине (Аноним 348, 355) Ибн аль-Ашас счёл нужным ускорить свой уход из Басры. Но с соперником он справился ещё до того, как за ним последовал аль-Хаджжадж. Тот шёл через пустыню по правому берегу Евфрата и расположился в Дайр-Курре близ Куфы, где имел открытую связь с Сирией, хотя для подвоза был предоставлен лишь Айн ат-Тамру и аль-Фаллуджам. Восставшие иракцы по арабскому обычаю вышли из города и встали против сирийцев укреплённым лагерем у Дайр аль-Джамаджима[188] в начале раби I 82 года (середина апреля 701 г.); их будто бы было 100 000 человек и столько же слуг. Месяцами ежедневно происходили стычки. Но решения они не приносили. Абд аль-Малик встревожился. Он послал новое сирийское войско под началом своего брата Мухаммада и сына Абдаллаха[189],

[185]Так Таб. 1059. По Анониму 343, совет был дан аль-Хаджжаджу лишь при позднейшем случае — его персидским писцом Заданфаррухом или Аббадом ибн Хусайном.
[186]Победителем Шабиба. Ср. Аноним 338, 342.
[187]По Анониму 349, 1, их было лишь 1000 человек. Тогда большинство куфийцев в его войске должно было вернуться в свой город ещё раньше — что весьма вероятно.
[188]Монастырь Голгофы?
[189]Этим он обнажил границу с ромеями, и те воспользовались этим; см. «Göttinger Nachrichten» 1901, с. 438.

но одновременно велел сделать иракцам предложения на случай их подчинения: их жалованье будет поднято до уровня сирийского, аль-Хаджжадж отозван, а Ибн аль-Ашасу пожизненно отведена любая провинция. Однако, несмотря на уговоры своего предводителя, они на это не пошли, а вновь отреклись от Абд аль-Малика. Они надеялись, что у сирийцев скоро кончится провиант.

Они просчитались. Сирийцы стойко держались, а сами они бросили борьбу, продолжавшуюся сто дней. В середине джумада II 82 года (конец июля 701 г.) они очистили поле без настоящей причины: их воодушевление не продержалось так долго, как дисциплина противника. Один из их начальников обратился в бегство перед Суфьяном ибн аль-Абрадом, который и теперь решил дело. Это вызвало подозрение в измене и всеобщую панику. Ибн аль-Ашас не смог остановить бегства, а аль-Хаджжадж ускорил его уже испытанным в Басре средством: через глашатаев он обещал пощаду всем, кто вернётся в свой дом и свой гарнизон, и запретил сирийцам преследование. Так он без большого кровопролития достиг цели и смог победителем вступить в Куфу. Там он принял присягу тех, кто сложил оружие. При этом они должны были признать, что своим возмущением отреклись от ислама. Лишь очень немногие не пожелали купить жизнь такой ценой самоуничижения.

Однако многие рассеянные под Куфой иракцы вновь собрались в других местах. Ибн аль-Ашас сначала вернулся в город Басру, который вновь отвоевал для него курайшит Убайдаллах ибн Абд ар-Рахман аль-Абшами. Но пробыл он там недолго, а отошёл дальше, к Маскину на Дуджайле[190]. С многочисленными войсками, стекавшимися к нему со всех сторон, он там ещё раз выдержал наступление шедшего за ним аль-Хаджжаджа — в шабане 82 года (сентябрь/октябрь 701 г.). Бой был упорным и длительным; по Таб. 1123 сл., его в конце концов решило то, что сирийский отряд под водительством знающего местность старика обошёл иракцев через болота и напал на них ночью. Они бежали за Дуджайль, и при этом утонуло гораздо больше, чем пало от меча.

Ибн аль-Ашас продолжил отступление на восток. Сирийцы под началом Умары ибн Тамима аль-Лахми, следовавшие за ним, ещё дважды настигали его — у Суса и Сабура. Однако он удачно от них отделался и через Керман, где задержался надолго, добрался до Сиджистана (конец 82 или начало 83 года). Его наместник в Заранге закрыл перед ним ворота, наместник в Бусте даже взял его в плен, чтобы выдать аль-Хаджжаджу. Тогда его освободил зунбиль, обязавшийся в случае нужды предоставить ему убежище, взял его вместе с большой свитой в Кабул и оказал ему большие почести. Тем временем вслед за бежавшим предводителем пришло ещё множество иракцев; они собрались под началом уже известных нам курайшитов Убайдаллаха ибн Абд ар-Рахмана аль-Абшами и Абд ар-Рахмана ибн Аббаса аль-Хашими в Сиджистане и призвали его назад. Он и пришёл, взял столицу Заранг и наказал там своего неверного наместника. Но когда против его воли его войска из страха перед сирийцами, подходившими теперь наконец под началом Умары,

[190]Это не лежащий совсем в стороне Маскин между Мосулом и Тикритом, как полагают Вейль и Мюллер, а другой — в Изкубазе (Таб. 1099, 1123; Якут 4, 529, 531).

перешли на хорасанскую территорию в надежде, что там их не тронут, он воспользовался этим, чтобы вернуться к зунбилю и бросить их. Тогда они поставили во главе себя хашимита Ибн Аббаса, завладели городом Гератом и убили тамошнего чиновника Язида ибн аль-Мухаллаба, который в конце 82 года наследовал своему отцу. Этим тот, весьма против своей воли, был вынужден выступить против них; после краткого боя он их рассеял. При этом ему в руки попали несколько знатных людей; своих йеменских соплеменников среди них он отпустил, остальных отправил к аль-Хаджжаджу, находившемуся тогда в ещё строившемся городе Васите (83 год). Аль-Хаджжадж учинил над ними кровавый суд. Так по рассказу Абу Михнафа (Таб. 1101–1106); аль-Мадаини (1106–1110) несколько отличается.

Сирийский военачальник Умара тем временем подчинил себе Сиджистан, склонив оставшийся там остаток иракских мятежников сдаться на выгодных условиях. Лишь сам Ибн аль-Ашас всё ещё оставался опасностью. Тогда аль-Хаджжадж угрозами и обещаниями стал склонять зунбиля выдать своего подзащитного. В конце концов он добился этого, предложив освободить его от дани на семь или десять лет. Однако врага он получил в руки не живым, а лишь его отрезанную голову. Тот будто бы прежде умер или убил себя. Это было в 84 или 85 году (Таб. 1138).

Хронология этих событий не вполне надёжна. Некоторые дни и месяцы, правда, прочно удержались в памяти: так, для битвы при Тустаре — день Арафата в конце года, в котором началось восстание, а в следующем году — месяц мухаррам для боёв у Басры, месяцы раби и джумада для боёв у Куфы, шабан — для битвы при Маскине[191]. Но в отношении годов предание колеблется. Я следовал хронологии, по которой восстание вспыхнуло в 81 году, бои у Басры, Куфы и Маскина пришлись на 82 год, а бои в Сиджистане и Хорасане — на 83 год. Другая хронология ставит даты на год позже — на 82, 83 и 84[192]. Тогда смерть Ибн аль-Ашаса в 84 или 85 году непосредственно примыкает к завоеванию Сиджистана сирийцами. Но это лишь мнимое преимущество, ибо между обоими событиями вполне мог пройти и больший промежуток. Против этого же говорит то, что по согласному преданию Ибн аль-Ашас уже в 80 году прибыл в Сиджистан, сразу после этого предпринял поход против зунбиля и как раз в этом походе получил от аль-Хаджжаджа то оскорбление, которое побудило его к возмущению. Возмущение, следовательно, едва ли могло вспыхнуть лишь на второй год после 80-го. Принимается во внимание и то, что пленных из Герата доставили в Васит, когда этот город ещё не был достроен, как прямо отмечается (Таб. 1119 сл.). Но аль-Хаджжадж поселился в нём ещё в 83 году, а в 84 году он во всяком случае там жил. Значит, бои в Сиджистане и Хорасане могли происходить в 83, но не в 84 году. Из

[191]Против этого едва ли может устоять то, что аль-Вакиди относит битву при Дайр аль-Джамаджиме к шабану 82 года, а начало восстания — к тому же году (Таб. 1070, 1052). Особенно твёрдо установлен день Арафата для Тустара.

[192]Абу Михнаф, по-видимому, смешивает разные счёты, когда относит начало восстания и битву при Тустаре к 81 году, а бои у Завии (Басра), по Таб. 1011, — лишь к 83 году, и соответственно — бои у Куфы.

неоднократно передаваемых дней недели, к сожалению, решения не получить. Ибо они не совпадают с указанными числами месяцев ни для 81 и 82, ни для 82 и 83 годов[193].

Альфред фон Кремер поставил восстание Ибн аль-Ашаса в новый свет и тем ослепил других, например А. Мюллера и Г. ван Флотена («Recherches sur la domination arabe», Амстердам, 1894). Именно, он связал его со стремлением мавали, то есть перешедших в ислам подданных в Куфе и Басре, добиться изополитии с господствующей знатью, то есть с арабами, быть освобождёнными от подати подданных и внесёнными в список жалованья, который до тех пор был арабским дворянским матрикулом. Чтобы предотвратить сокращение государственных доходов, которое должно было возникнуть или уже возникло вследствие распространения податной свободы и выплат жалованья на неарабских мусульман, аль-Хаджжадж будто бы снова наложил на многочисленных перешедших в ислам мавали подушную подать, которую они как мусульмане по праву уже не должны были бы платить, и тем раздул пожар. «Аль-Хаджжадж приказал, чтобы перешедшие в ислам, то есть весь большой класс новообращённых мусульман, платили подушную подать, как до своего обращения: мера, имевшая следствием страшное восстание новообращённых и их клиентов[194]; в нём участвовало особенно много людей из Басры — старых воинов, клиентов и чтецов Корана. Есть указание, что из этих мятежников 100 000 человек были внесены в регистр ежегодных выдач, то есть, говоря современным языком, принадлежали к ландверу, и столько же других к ним присоединились. Аль-Хаджжадж рассеял восставших[195] и решил раз и навсегда разбить весь класс клиентов, чтобы он больше не мог собраться в единодушную оппозицию. Он велел позвать их к себе и сказал им: вы жалкие чужаки и варвары, и вам лучше подобает оставаться в своих деревнях. Затем он отдал приказ распределить их по деревням и разбил их партию самым полным образом. А чтобы никто не мог уйти из деревни, куда был интернирован, он велел каждому выжечь на руке название деревни». Так высказывается Кремер в «Culturgeschichte des Orients» (1875) 1, 172 и в «Culturgeschichtliche Streifzüge» (1873), с. 24. Он опирается особенно на одно указание аль-Джахиза в его книге о мавали и арабах, приводимое в «Икде» Ибн Абд Раббихи (изд. Булак 1302, 2, 93)[196].

---

[193]По Анониму Альварта, битва при Тустаре произошла в *пятницу* 10 зу-ль-хиджжа 81 года (340, 10), а в *четверг* 28 зу-ль-хиджжа 81 года аль-Хаджжадж занял лагерь в Завии (342, 10). Дни недели не совпадают с числами месяца ни для 81, ни для 82 года, но совпадают для 80 года, который не назван ни в одном предании и о котором едва решаешься думать. По Абу Михнафу у Таб. 1094, стодневные бои у Куфы начались во *вторник* 2 раби I 83 года и окончились в *среду* 14 джумада II 83 года. И здесь дни недели не совпадают с числами ни для 83, ни для 82 года; скорее всего — для 81 года, где разница составляет лишь один день: такая разница, по-видимому, не предосудительна и объясняется колебанием относительно начала месяца или начала суток (вечером или утром). Так может быть, правильно всё же не 82/83 и не 81/82, а 80/81? Феофан (A. M. 6192) не говорит против этого.

[194]Что должна означать прибавка «*и их клиентов*», я не знаю.

[195]Кремер поступает ещё суммарнее, чем аль-Хаджжадж.

[196]«Ибн аль-Ашас и Абдаллах ибн аль-Джаруд восстали против аль-Хаджжаджа, и он имел дурной опыт с иракскими благочестивыми. Опаснее всех для него были басрийцы — их знатоки религии, их воины и мавали. Поскольку они были многочисленнее и

Что падение Мухтара не положило раз и навсегда конца стремлению новообращённых наверх, что аль-Хаджжаджу приходилось иметь дело с трудностями, возникавшими из перехода мавали в ислам для их политического положения и обложения, — в этом нет сомнения. Несомненно и то, что подлинный очаг восстания Ибн аль-Ашаса находился в Куфе, как и восстания Мухтара[197]. Но того, что оно по своей тенденции просто продолжало восстание Мухтара, первичные источники у ат-Табари и в Анониме Альварта никак не показывают. Мавали не определяли его характера. Их, правда, было там много; Абу Михнаф (Таб. 1072) указывает, что в лагере у Дайр аль-Джамаджима рядом со 100 000 имевших право на жалованье арабских ратников (мукатила) находилось столько же мавали. Но они выступают в сопровождении арабских господ. Был обычай, что те брали своих клиентов, если они у них были, с собой в поле и заставляли сражаться пешими, тогда как сами были на конях, — отношение, подобное отношению между рыцарями и кнехтами в Средние века. То, что в нём участвовали мавали, следовательно, не определяет характера борьбы. У них, может быть, был и собственный интерес враждовать с сирийским правительством, составлявшим хребет арабства, но они лишь вторили; восстание исходило не от них, а от «павлиньего войска» иракцев в Сиджистане, к которому примкнули гарнизоны прочих провинций и которому открыли ворота столицы Куфа и Басра. В нём участвовали знатнейшие и уважаемые арабы: главы племён, как Ибн аль-Ашас из кинда, Джарир ибн Саид ибн Кайс из хамдан (Аноним 340), Абд аль-Мумин ибн Шабас ибн Рибъи из тамим (Таб. 1056), Бистам ибн Маскала ибн Хубайра из бакр (Таб. 1088, 1099); курайшиты, как Мухаммад ибн Саад ибн Аби Ваккас (Таб. 1099), Убайдаллах ибн Абд ар-Рахман аль-Абшами, Абд ар-Рахман ибн Аббас аль-Хашими; учёные, как кади аш-Шааби и историк Мухаммад ибн ас-Саиб аль-Кальби, друг Абу Михнафа (Таб. 1096). Названо имя лишь одного-единственного мавла — богатого Файруза Хусайна из Сиджистана, который, может быть, тождествен с сыном Сибухта (аль-Фараздак 206). Арабская аристократия взбунтовалась против властного и оскорбительного поведения представителя государственной власти — плебея аль-Хаджжаджа. «Бог и гордость Ибн Мухаммада (ибн аль-Ашаса) и его происхождение от царского рода, что древнее самуда, не позволяют

могущественнее всех, он пожелал отменить их право на жалованье и раздробить их, чтобы они больше не держались тесно и не составляли общности. Поэтому он сказал мавали: вы варвары и чужеземцы, ваше место в ваших городах и деревнях. Так он раздробил их и сломил их союз, как и хотел, и отправил их, куда хотел, и велел каждому нанести на руку название *места*, куда он был выслан». Отсюда следует, что высылка мавали в их деревни была одной из мер, которые аль-Хаджжадж принял, чтобы сломить опасную для него по прежнему опыту мощь непомерно большого города Басры. Одним из этих опытов было восстание Ибн аль-Ашаса, другим — на несколько лет более ранний мятеж Ибн аль-Джаруда (Аноним 280 сл.; Ибн аль-Асир 4, 309 сл.). Более ничего не говорится. По Таб. 1122, 1435, высланные аль-Хаджжаджем мавали, правда, держались вместе с *чтецами*, сочувствовавшими им, Ибн аль-Ашаса. Но и там ничего не сказано о том, что восстание исходило от них.

[197]Поэтому аль-Фараздак может бранчливо говорить, что куфийцы, как прежде были приверженцами Мухтара (сабаитами), так теперь снова — приверженцы нового мятежника, Ибн аль-Ашаса.

привыкнуть к власти ничтожеств, происходящих от рабов[198]. Сколько отцов Ибн аль-Ашаса носили корону на блистающем челе! Родина чести и славы лежит между Мухаммадом (ибн аль-Ашасом) и Саидом (ибн Кайсом), между Ашаджжем и Кайсом[199]; за их знаменем следуют хамдан и кинда. Нет Кайса, как наш Кайс, и нет Саида, как наш». В этих стихах поэт аль-Аша из хамдан выражает настроение руководящих кругов («Агани» 5, 153). За своими главами следовали арабские племена, полки войска, — тем охотнее, что им вообще была ненавистна долгая военная и гарнизонная служба в отдалённых краях и они всегда тосковали по дому. Особенно многочисленно были представлены йеменцы Куфы — кинда, хамдан и мазхидж. В Куфе у них был перевес, и Ибн аль-Ашаса они считали своим. Но и прочие племена и басрийцы не остались в стороне. Страстнее и громче всех участвовали чтецы, благочестивые знатоки и чтецы Корана; при всяком подобном случае они были впереди словом и делом[200]. Ибо в теократии неправота господствующей власти и право восстания против неё всегда должны были подтверждаться религией. По существу же восстание при Ибн аль-Ашасе не имело религиозных побуждений. Это была скорее новая, отчаянно мощная попытка иракцев сбросить с себя сирийское иго. Аль-Хаджжадж сделал его ещё невыносимее, оставив в стране сирийских солдат, которых призвал против Шабиба, — для защиты не столько от внешнего, сколько от внутреннего врага. Они воплощали чужеземное владычество[201]. Иракские ополчения должны были довольствоваться скудным жалованьем и при этом содержать сирийцев; их использовали в экспедициях и гарнизонах в далёких краях, а те стояли на квартирах при своих семьях. Природу борьбы, следовательно, нельзя не узнать. Это была не борьба мавали против арабов, а борьба иракских арабов против сирийских (Таб. 1089). Это была борьба двух издавна соперничавших провинций арабского царства; всё иракское, какого бы происхождения ни было, держалось здесь заодно. И сирийские имперские войска чувствовали себя на чужбине солидарными. Преимущественно они принадлежали, правда, вероятно, к кальб и куда‘а; «акк и ашар» как *pars pro toto* (Таб. 1102), по-видимому, бранное слово, чтобы назвать их варварами. У Таб. 1393 их называют коптами и набатеями — то есть кафрами и ботокудами.

Результатом было то, что сирийское военное господство в Ираке ещё ужесточилось. Аль-Хаджжадж в 83 году построил укреплённый город Васит, на полпути между Куфой, аль-Мадаином, Ахвазом и Басрой, и сделал его местопребыванием правительства. Туда же он перевёл и массу сирийских солдат. Якобы он сделал это, чтобы не дать им бесчинствовать в гражданских кварталах Куфы и Басры. Но главной причиной, вероятно, было то, что он хотел изолировать их от иракцев[202] и сосредоточить вокруг себя, чтобы

[198]Сакифитов, как аль-Хаджжадж.

[199]Под *Ашаджжем* здесь, по-видимому, разумеется аль-Ашас; ср. Аноним 335. Кайс — отец знаменитого Саида из хамдан, чей внук Джарир действовал заодно с внуком аль-Ашаса.

[200]Их заслуги охотно подчёркиваются. Абу Михнаф у Таб. 1086 сл. делает вид, будто гибель благочестивого Джабалы была важнейшим событием при Дайр аль-Джамаджиме. Ср. «Хариджиты», с. 9 сл.

[201]И в Африке и Испании позднее введение сирийцев вызвало большое волнение.

[202]По этой причине он держал сирийцев и вдали от Хорасана, чтобы их не заразили иракцы, и посылал их в Индию, где иракцев не было (Таб. 1257, 1275).

иметь их под рукой как послушное орудие. Он перенёс свою резиденцию из средоточия общины в военную главную квартиру и тем показал, что чувствует себя как во вражеской стране. Он оторвал правление от патриархальной основы, на которой оно выросло, и открыто опёр его на силу. Иначе было нельзя, если господство Омейядов над Ираком должно было сохраниться.

После падения Ибн аль-Ашаса весь Восток без сопротивления лежал у ног аль-Хаджжаджа. Лишь Мухаллабиды в Хорасане ещё держали голову высоко. Они опирались на своё племя — азд Умана, пришедших благодаря им в Хорасан и добившихся того, что теперь там, как и в Басре, азд с раби‘а составляли одну группу (йемен), а тамим с кайс — другую (мудар). Главой Мухаллабидов и йеменской группы был правящий наместник Язид ибн аль-Мухаллаб. Он, правда, был подчинён аль-Хаджжаджу, но у того, по-видимому, всё же не было власти сместить его, как ни основательны были поводы, которые тот ему давал. Он лишь неохотно взялся добить сторонников Ибн аль-Ашаса в Герате и затем ещё проявил мягкость к пленным зачинщикам — по крайней мере к йеменцам среди них. Приказ выгнать мятежных кайситов, укрепившихся под началом Мусы ибн Абдаллаха ибн Хазима в Тирмизе (близ Балха), он отложил в долгий ящик, рассуждая, что пока они опасны, аль-Хаджжадж оставит его и не поставит на его место кайсита. Повторным вызовам в Васит он не следовал, отговариваясь неотложными делами. Лишь сильным давлением на халифа аль-Хаджжадж в 85 году наконец добился разрешения устранить его. Он взял его под стражу и постепенно удалил и его братьев, но это лишь после смерти Абд аль-Малика (86).

Абд аль-Малик ещё, бывало, выставлял перед аль-Хаджжаджем господина и повелителя; Валид I, за престолонаследие которого тот ревностно выступал, предоставил ему полную свободу. Даже в своей собственной сфере правления он уступал ему и удовлетворял его желания; по его настоянию он отнял у Умара ибн Абд аль-Азиза пожалованный ему пост, потому что при его управлении Хиджаз стал убежищем политических преступников, особенно религиозных подстрекателей (Таб. 1254). В Мекку в 89 или 91 году прибыл Халид ибн Джарир ибн Абдаллах аль-Касри, в Медину в 93 или 94 году — Усман ибн Хайян аль-Мурри; оба с основательным усердием занимались выкуриванием подозрительных. При Валиде аль-Хаджжадж пожинал плоды тяжёлой работы, которую ему пришлось исполнить при Абд аль-Малике. В Ираке царил глубокий покой; он воспользовался им, чтобы залечить раны, нанесённые благосостоянию страны двадцатилетней войной. Он был таким же великим сельским хозяином, как Валид. Он уделял заботу системе каналов, от которой зависит плодородие болотистой низменности по нижнему Евфрату и Тигру[203]; посреди главной болотной области он заложил свой город

[203]Персидские цари усердно старались осушать болота и устраивать там домены; отвоевавший у болота участок земли называл его своим именем. При Кубаде произошёл большой прорыв плотины у Каскара, затопивший много земли и остававшийся в запустении, пока Ануширван отчасти не исправил ущерб. В 7 или 6 году хиджры вновь произошли тяжёлые прорывы плотин, против которых всё усердие Парвиза оказалось тщетным. В смутах времени арабского завоевания болотистая земля (*аджам ар-рабба*) распространилась ещё дальше; дихканы (землевладельцы и старосты округов) собственными силами ничего не могли против этого сделать. Лишь при Муавии и затем

Васит. Обезлюдению сельской местности из-за стекания жителей в большие города он старался противодействовать. Якобы он запретил и крестьянам резать быков, чтобы сохранить их для плуга[204]. Войны он вёл теперь лишь с внешними врагами, и притом с блестящим успехом. Кутайба ибн Муслим аль-Бахили, преемник Мухаллабидов в Хорасане, завоевал при нём Трансоксанию, Мухаммад ибн Касим ас-Сакафи — страну Инда. Заслугой аль-Хаджжаджа было то, что он поставил этих людей на правильное место; он дал им и действенную опору своим именем, внушавшим страх до далёкого Востока[205]. Сам он в поход не ходил, но добросовестно заботился о снаряжении и нуждах войск до последней мелочи (аль-Балазури 436). Деньги, которых он при этом не жалел, щедро возвращались ему пятой частью добычи. Главная экспедиция в Индию стоила ему, по аль-Балазури 440, шестьдесят миллионов и принесла прибыль в сто двадцать миллионов.

Двадцать лет он оставался на своём посту. Он умер, как и желал, ещё раньше Валида, в конце рамадана (Таб. 1217) или в шаввале (1268) 95 года = июнь или июль 714 г., в возрасте 53 или 54 лет. Валид дал ему тех преемников, которых тот сам предложил, и утвердил всех его чиновников. Его семья и позднее пользовалась уважением в Куфе[206].

Зияд ибн Абихи и аль-Хаджжадж были двумя великими вице-королями Омейядов в Ираке, за которых Аббасиды справедливо им завидовали. Оба чувствовали себя не обладателями сытной синекуры, а представителями государственного порядка, *султана*, и вознаграждали доверие своих государей, дававших им большую власть и оставлявших её за ними до конца жизни, верным исполнением своих служебных обязанностей, не заботясь о благосклонности или неблагосклонности общественного мнения. Их естественно сравнить. Зияд достиг высокого положения ещё до того, как Муавия завербовал и приобрёл его как союзника; аль-Хаджжаджа можно было считать креатурой Абд аль-Малика. Зияд умел держать местные племена в шахе друг другом и заставлять их работать на себя, и этим обходился; Умар ибн Абд аль-Азиз («Камиль» 595) восхищался им за то, что он держал Ирак в узде, ни разу не прибегнув к помощи сирийцев. Аль-Хаджжадж мог удержаться лишь средствами чужеземного владычества, опираясь на сирийские войска. Впрочем, это,

---

особенно при Валиде I и Хишаме положение изменилось. Аль-Хаджжадж построил два канала — Нил и Заби, ввёл в болотистой местности индийских буйволов, которых поставлял и в Киликию. Лишь ограниченность его средств помешала ему сделать ещё больше. Он требовал три миллиона на восстановление плотин; Валид нашёл это слишком много, но позволил своему брату Масламе исполнить план на собственный счёт, и тот получил при этом большую прибыль. Техником, производившим работы при аль-Хаджжадже и Хишаме, был Хассан ан-Набати. Неправдоподобно сообщение, будто аль-Хаджжадж намеренно не исправил ущерба, причинённого в его время большим наводнением, чтобы наказать дихканов, которых подозревал в симпатиях к Ибн аль-Ашасу. Ср. Таб. 1, 960 сл.; аль-Балазури 292 сл.; аль-Масуди 1, 225 сл.; Ибн Хордадбех 240 сл.; Якут 3, 174 сл.

[204]Аль-Балазури 290, 375; Ибн Хордадбех 15, 241; «Агани» 15, 98; Якут 3, 178.

[205]Ср. аль-Балазури 400 сл., 435 и Райске, Adnot. 194 к Абу-ль-Фиде 1, 427. Об индийских курк, которых Райске не может определить, ср. Таб. 3, 359, 370 и де Гуе, «Bijdrage tot de geschiedenis der Zigeuners», с. 5.

[206]Таб. 1699, 5; 1711, 7–10; 1712, 7.

вероятно, зависело от обстоятельств: напряжение между Сирией и Ираком тем временем сильно обострилось. По своим свершениям аль-Хаджжадж не уступал предшественнику. И после смерти он определял политику: за него или против него — таков был вопрос. Его административные меры в монетном деле, в мерах и податях и в подъёме земледелия составили эпоху[207]. Ему было трудно удерживать государственные доходы на высоте в истощённом и расстроенном вечными войнами Ираке, но касса у него всё же всегда была (Таб. 1062; Аноним 217). Слово было ему послушно; изяществом своего арабского стиля он гордился и неохотно позволял себя в этом превзойти (Таб. 1132), так что не без основания передатчики уснащают его вступительную речь в Куфе изысканными оборотами. Духом он не падал ни при каких обстоятельствах; в несчастье он только и показывал своё величие. Однако было в нём нечто слишком стремительное, и он легко становился нетерпелив к исполнителям своих приказов. Свою железную руку он не прятал в бархатную перчатку и не обладал располагающими манерами. Он был резок и порой жёсток, но не жесток, а также не мелочен и не ограничен. Одного взятого в плен знатного мятежника он милостиво отпустил, потому что тот не пытался оправдываться, а сказал правду (Таб. 1112). Он признавал величие лжепророка и антихриста Мухтара и осмеливался открыто им восхищаться. Гром, ударивший, когда он обстреливал священный город, и явно возвещавший божественный гнев на нечестивое предприятие, он без раздумий истолковал как сулящий победу салют небес. Он был менее скован суеверием и преданием, чем его современники, но от этого не был безбожником и уж наверняка не лицемером; в жизни и в смерти у него была чистая совесть. То, что он без стеснения разорил гнездо в Мекке и не признал благочестие подстрекателей Куфы и Басры оправданием для них, общественному мнению Хиджаза и Ирака, разумеется, было достаточным доказательством его нечестия. Другие злодеяния, которые ему приписывали, — выдумки, порождения ненависти его врагов, не утихавшей и после его смерти. Так, в Басре он, по одному безымянному сообщению у Таб. 1123, после битвы при Завии будто бы перерезал 11 000, а то и 120–130 000 человек. Кремер и ван Флотен, по-видимому, верят этой бессмыслице; в угоду своей теории они ищут жертв его кровожадности среди мавали. Но древнее и подлинное предание говорит как раз обратное. И в Басре, и в Куфе он сразу после победы велел объявить всеобщую пощаду тем, кто прекратит борьбу, и тревожно старался предотвратить бесчинства сирийских солдат в завоёванных городах. Лишь упорных, не принявших пощады и затем попавших ему в руки, он отчасти казнил, как в Васите нескольких курайшитов и других знатных зачинщиков, выданных ему Язидом ибн аль-Мухаллабом. Но и при этом он уважал частное право и не посмел, например, конфисковать имущество богатого мавла (Файруза Хусайна), который ещё в последний момент сделал о нём завещание[208].

4. За Валидом I последовал его брат Сулайман, которому уже Абд аль-Малик велел присягнуть как наследнику престола после того, — в джумада II 96 года, в конце февраля 715 г. Он пошёл по стопам предшественника в том, что исполнил его намерение нанести

[207]Яхья ибн Адам, «Китаб аль-харадж», passim, особенно с. 99 сл.
[208]До нас дошли хвалебные песни аль-Хаджжаджу Джарира и аль-Фараздака.

большой удар по ромейской столице — огромными средствами, хотя и без счастливого исхода[209]. Но в другом отношении он поступал наперекор ему. Он был недоволен влиянием, которое тот давал аль-Хаджжаджу; уже как наследник престола он, должно быть, противился ему в этом пункте. В 90 году Язид ибн аль-Мухаллаб бежал из темницы аль-Хаджжаджа в Рамлу в Палестине, где держал двор Сулайман. Сулайман предоставил ему защиту, взял на себя уплату требовавшейся с него большой суммы и так настойчиво заступился за него перед халифом, что тот приказал аль-Хаджжаджу от него отступиться. Девять месяцев он держал его при себе, совершенно подпал под его влияние и дал ему ещё больше восстановить себя против аль-Хаджжаджа. Тот знал, как обстоит у него дело с Сулайманом. Он поддерживал намерение Валида передать преемство собственному сыну и тем усилил ненависть Сулаймана к себе[210]. У него были основания опасаться от него самого худшего, если тот придёт к власти. Его горячей молитвой было — быть взятым из жизни раньше Валида (Таб. 1272), и она была услышана. Сулайман уже ничего не мог сделать ему самому, а мог лишь излить гнев на его друзей и чиновников. Усман ибн Хайян аль-Мурри в Медине и Халид ибн Абдаллах аль-Касри в Мекке были смещены (Таб. 1282, 1305). Кутайба ибн Муслим, могущественный наместник Хорасана, хотел предупредить грозившую ему судьбу. Полагаясь на своё победоносное прошлое, он пытался увлечь свои войска к восстанию против нового халифа. Но тщетно: тамим, которых он оскорбил, обратились против него, и он погиб от них, так как другие ему не помогли. Завоеватель страны Инда Мухаммад ибн Касим ас-Сакафи не восстал, хотя его сирийцы были готовы ему помочь (Таб. 1275, 3). Его отвели в Васит, некоторое время держали там в заключении, а затем казнили.

Язид ибн аль-Мухаллаб, злейший враг аль-Хаджжаджа, занял его место. Этим главным образом и отмечено правление Сулаймана в противоположность правлению Валида. Дози понимает эту смену как следствие противоположного отношения обоих халифов к большим племенным партиям: Валид будто бы был всецело кайситом, а Сулайман настроен пройменски[211]. «Правление Валида довело могущество кайситов до вершины; с его смертью непосредственно последовало их падение, и оно было ужасно». Язид ибн аль-Мухаллаб, правда, решительно принял сторону *йемен*, к которым принадлежал как аздит, против кайс. Аль-Хаджжаджа же лишь он, а прежде Ибн аль-Ашас, вынудили встать против йемен и постольку на сторону кайс. Своего происхождения от сакиф, которых можно было причислять к кайс, он изначально, конечно, не отрицал; своё окружение он охотно подбирал из этого круга знакомых. Но это разумелось само собой, и это нельзя обобщать и заострять до принципиального кайситства. Из того, что кайс сами притязали на него как на своего, так же мало следует, что он вёл кайситское партийное правление; ибо арабские племена

[209]«Göttinger Nachrichten» 1901, c. 439 сл.

[210]По обычному предположению, это было *причиной* ненависти Сулаймана к нему. Но, по-видимому, это было скорее её *следствием*. Ибо о том намерении Валида речь заходит лишь в конце его правления (Таб. 1274, 1283 сл.), а напряжение между Сулайманом и аль-Хаджжаджем было старше и предполагается уже в 90 году как причина бегства Язида в Рамлу.

[211]«Histoire des Musulmans d'Espagne» 1, 211, 216.

цеплялись за всякого могущественного человека, к которому могли отыскать отдалённое отношение. И уж тем более причиной, по которой Абд аль-Малик назначил аль-Хаджжаджа, а Валид его удерживал, было не его кайситство — он ведь и происходил из незнатной семьи, — а его личная дельность. Значение ему придавала его личность, а не его племя. Так и Сулайман направил свою ненависть против его *личности* и его *личного* влияния; кроме того, ему, может быть, внушили, что аль-Хаджжадж — не тот человек, чтобы успокоить иракцев, а напротив делает им омейядское господство одиозным (Таб. 1337). И наместников аль-Хаджжаджа он смещал потому, что они были его креатурами, а не из-за их кайситских настроений. Халида аль-Касри, напротив, йеменцы считали принадлежащим к ним («Агани» 19, 61). Кутайба принадлежал к бахила, нейтральному племени; в Хорасане его главными противниками были не йемен, а мудар, тогда как в Сирии он находил сочувствие у месопотамских кайс, среди которых жили бахила (Таб. 1300). Муса ибн Нусайр в Испании был йеменцем: будто бы поэтому Валид дурно с ним обошёлся[212]. Но Сулайман поступил с сыном ещё гораздо хуже, чем Валид с отцом, — факт, весьма неудобный для Дози и его учеников (А. Мюллер 1, 429 сл.). Столь выраженной йеменской позиции, как Язид ибн аль-Мухаллаб, Сулайман во всяком случае не занимал. Ни малейший след не указывает на то, что он и в Сирии принимал сторону йемен против кайс. Он сожалел, что своим поведением по отношению к Кутайбе задел сирийских кайс. Мать у него была та же, что у его брата Валида, — кайситка из абс; едва ли он отрёкся от своей крови. Поляризация арабского мира через племенной дуализм тогда ещё только возникала; личная вражда могущественных людей весьма существенно ей способствовала. Нельзя переносить результат истории как некий принцип в доисторические начала.

Зунбиль Сиджистана с тех пор, как умер аль-Хаджжадж, больше не платил дани и открыто давал понять, сколь ничтожными кажутся ему его преемники (аль-Балазури 400 сл.). Иракцы вздохнули с облегчением, когда тот умер, а вскоре после него и Валид; однако им вскоре пришлось понять, что со сменой лиц смены системы не произошло. Язид хотя и дурно обходился с родственниками аль-Хаджжаджа (Таб. 1359), но в управлении не избрал иных путей, чем тот. Он тоже пребывал в Васите и оставил сирийцев в стране. Он понимал также, что ничего не может изменить в способе обложения, которым аль-Хаджжадж сделал себя ненавистным арабам, если доход должен оставаться на прежней высоте. Чтобы, однако, переложить с себя одиозность, он попросил халифа снять с него управление податями и передать его другому. Это обернулось иначе, чем он думал. Ибо Сулайман сделал теперь самостоятельным старого финансового чиновника аль-Хаджжаджа, служившего до тех пор в канцелярии, и поставил его во главе податного дела[213]. Это был мавла из Сиджистана, Салих ибн Абд ар-Рахман, тот самый, кто сделал арабский письменным языком канцелярии. В Васите у него было в распоряжении 400 сирийских

[212]Ср. аль-Балазури 231; Contin. Isid. Hisp. § 76.

[213]Так по рассказу Абу Михнафа у Таб. 1306 сл. Как Дози умеет использовать его в своём смысле, пусть читатель прочтёт у него самого (указ. соч. 1, 226). По Таб. 1268 (Ибн Кутайба 183), однако, уже в промежутке между аль-Хаджжаджем и Язидом финансовое управление было отделено от наместничества. Значит, отделение было бы отменено при вступлении Язида и затем по его почину введено снова. Этому предположению ничто не препятствует.

солдат, и он был совершенно независим от Язида. Он сухо отказывался принимать на государственную казну расточительные расходы, которые делал Язид. Такой мелочностью тому отбили охоту оставаться в Ираке. Он сумел добиться того, что ему поручили и Хорасан и позволили поселиться в этой своей старой провинции, где никто не смотрел ему на пальцы[214]. Но и там он не нашёл своего расчёта: роскошествующий и безобразно толстый человек не выдерживал сравнения с Кутайбой. Он хотел затмить его покорением Джурджана и Табаристана, но это удалось ему лишь очень несовершенно, а тем, что из хвастовства сильно преувеличил размер захваченной добычи, он на будущее собственной рукой вырыл себе яму.

Сулайман и став халифом сохранил свою резиденцию в Рамле в Палестине, и в том краю его очень любили (Таб. 1331). Но часто он находился в сборном лагере в Дабике в Северной Сирии, откуда велась огромная война против Константинополя. Там он и умер после правления менее чем в три года в сафаре 99 года (сентябрь 717 г.), а именно, по Илие Нисибинскому, во вторник 8-го, по Абу Михнафу (Таб. 1336) — в пятницу 10 сафара[215]. Если при Валиде темами разговоров в знатном обществе были постройки и устройство поместий, то при Сулаймане настала очередь гастрономии и женщин. Сам он был распутен, но всё же отдал приказ выступить против распущенности в Медине; может быть, впрочем, лишь по недоразумению тамошний наместник оскопил развратных мальчиков, вместо того чтобы их переписать («Агани» 4, 59 сл.). Его чувственность не исключала того, что он склонялся к благочестивым. Это видно уже из того, что он кокетничал с иракской оппозицией против аль-Хаджжаджа, всегда выступавшей во имя Бога и Его владычества против силы властителей. Далее — из того, что он ласкал Алидов (1338, 7) и что в Медине сделал наместником ансара, к тому же внука Амра ибн Хазма, сильно замешанного в мятеже против халифа Усмана. Яснее же всего — из того, что он преклонял слух к придворному богослову Радже. Положение, которое омейядские халифы позволяли этому человеку, есть мерило их собственного отношения к исламу. При Абд аль-Малике его влияние началось, при Валиде выросло, при Сулаймане достигло высоты. Раджа побудил его передать халифат Умару ибн Абд аль-Азизу. Об этом у нас есть рассказ аль-Вакиди[216] у Таб. 1340 сл.

Абд аль-Малик назначил халифом после Валида и Сулаймана своего сына Язида и обязал обоих первых соблюдать это распоряжение. Не считаясь с этим, Сулайман назначил сначала своим преемником собственного сына Айюба. Но тот умер ещё раньше него, и прежде чем он успел передать преемство второму сыну, Дауду[217], стоявшему под Константинополем, он сам слёг на смертное ложе (Таб. 1335, 1341). Тогда Раджа приложил

[214]97 год. Он сохранил, однако, верховное командование и в Ираке.
[215]По Вюстенфельду, вторник был бы 9-м, а пятница — 11 сафара. Такие расхождения на один день встречаются часто и, по-видимому, мало что значат.
[216]Его дядя ребёнком присутствовал в Дабике и при вступлении Умара на престол поймал несколько золотых монет (Таб. 1361).
[217]Библейские имена, которые он давал сыновьям, может быть, тоже свидетельствуют о благочестии этого халифа; в это время они вообще редки у Омейядов. Его собственное имя Сулайман, правда, было дано ему без его участия.

свои рычаги и побудил его составить богоугодное завещание. Минуя ближайших наследников, он назначил в нём халифом своего благочестивого двоюродного брата Умара ибн Абд аль-Азиза, и лишь после него — Язида ибн Абд аль-Малика. Раджа оставался при умирающем халифе, обратил его лицом к кибле и закрыл ему глаза. Не говоря, что тот умер, он затем велел созвать Омейядов в мечеть Дабика и потребовал от них присяги халифу, которого Сулайман назначит по завещанию, не называя его имени[218]. Лишь после того, как они её принесли, он объявил о смерти Сулаймана и об имени назначенного им преемника. Это было неожиданностью. Умар происходил из оттеснённой Абд аль-Маликом боковой линии, а теперь сын Абд аль-Малика предпочёл его многочисленным принцам главной линии! Никто об этом и не думал — сам он, может быть, меньше всех. Однако серьёзной оппозиции против него не возникло; Раджа, по-видимому, хорошо принял свои меры. Хишам ибн Абд аль-Малик, правда, несколько упирался при присяге, но образумился, когда ему пригрозили мечом. Абд аль-Азиз, сын Валида I, не был в Дабике; услышав о смерти Сулаймана, он подумал, что его время пришло, но успокоился, узнав, что халифом стал Умар.

[218]По рассказу аль-Вакиди, умирающий Сулайман уже лично сделал то же самое, что Раджа затем повторил в мечети после его смерти, — явный дублет.

Глава пятая. Умар II и мавали

1. Умар II был сыном многолетнего вице-короля Египта Абд аль-Азиза ибн Марвана; по матери он происходил от Умара I, чему придавал значение. Он родился в Медине ещё при Язиде I (Таб. 1361) и провёл там бóльшую часть юности. Он питался преданием города пророка. После смерти отца (84 или 85 год) Абд аль-Малик взял его в Дамаск и отдал ему в жёны свою дочь. Валид I послал его наместником Хиджаза в Медину с тем, чтобы изгладить дурную память его предшественников и примирить мединцев. Он вступил в тесные отношения с мастерами книжной учёности и науки предания, процветавшей там, и не находил предосудительным то, что они многое порицали в образе действий омейядского правительства, особенно аль-Хаджжаджа. Следствием было то, что революционеры Ирака искали убежища в Хиджазе. Этого аль-Хаджжадж, конечно, не потерпел. По его настоянию Умар был отозван из Медины. Однако в немилость он от этого не впал: он был братом жены Валида и оставался у него в чести. Не меньшим уважением он пользовался и у Сулаймана.

Ислам, как мы видели, делал успехи в правящем семействе; Муавия, Абд аль-Малик, Валид, Сулайман образуют в этом смысле восходящий ряд — Умар II стоит во главе. Но его благочестие всё же не походило на благочестие его предшественников; оно совсем иначе пронизывало его жизнь и определяло его общественные действия. Сулайман был роскошествующим распутником, Умар — почти аскетом. Первому власть давала неограниченные средства для наслаждения, на второго она возлагала тяжкую ответственность. Во всём, что он делал, перед его глазами стоял суд, и он всегда боялся не дотянуть до требований Бога.

Завоевательных войн он не любил; он хорошо знал, что их ведут не ради Бога, а ради добычи. Был ли мусульманский флот и войско отведены от Константинополя лишь им, правда, неясно. Не мог он и принципиально положить конец джихаду против императора. Но он оставил выдвинутые вперёд посты и сосредоточил гарнизоны в тылу. Он охотно оставил бы и Трансоксанию, если бы ислам не укрепился уже в некоторых городах. Он по крайней мере запретил там дальнейшее расширение границ[219]. Главное его внимание было обращено на внутреннюю политику. И тут с ним наступил поворот, иного рода и гораздо большего значения, чем между Сулайманом и Валидом.

Важнейшие должности он заместил заново. Неприятного ему Язида ибн аль-Мухаллаба он взял под арест за долг, потому что тот не мог уплатить пятую часть каспийской добычи, размер которой хвастливо указал слишком высоко. В Хорасан был назначен аль-Джаррах ибн Абдаллах аль-Хаками, в Басру — Ади ибн Артат аль-Фазари, в Куфу — Абд аль-Хамид ибн Абд ар-Рахман аль-Курашийи из семьи Умара I; в Месопотамию — Умар ибн Хубайра аль-Фазари, в Индию — Амр ибн Муслим, брат Кутайбы. Аль-Джаррах (Таб. 1354) и Амр были из школы аль-Хаджжаджа, Ади и Ибн Хубайра — кайситы. Но Умар назначил этих людей не для того, чтобы в противовес предшественнику переменить партию, не из пристрастия к кайс и аль-Хаджжаджу, а потому, что считал их дельными и честными (Таб.

[219]Из Испании, правда, при нём была завоёвана и укреплена Нарбонна.

1383, 3). В Испанию он назначил ас-Самха ибн Малика аль-Хаулани, йеменца, а в Африку — Исмаила ибн Абдаллаха, потому что знал, что они беспристрастны и имеют сердце для угнетённых. Он, однако, не довольствовался выбором казавшихся ему подходящими лиц, чтобы затем давать им хозяйничать как угодно, лишь бы они сдавали нужные деньги. Он везде чувствовал ответственным себя самого. На сердце у него было не столько умножение могущества, сколько восстановление права. Книжная учёность, независимая от правительства и до тех пор довольно враждебная ему правовая партия, при нём получила влияние. В связи с этим, по-видимому, и кади, судья, при нём получил более самостоятельное и весомое положение. В письме к хорасанцу Укбе ибн Зуре он называет столпами правления: 1) *вали*, носителя исполнительной власти, 2) судью, 3) управляющего податями, 4) халифа. Знаменитый аль-Хасан был при нём кади в Басре, Амир аш-Шааби — в Куфе; наместнику Абд аль-Хамиду он дал в писцы правоведа Абу-з-Зинада.

Управление провинциями в мусульманском царстве сводилось к их финансовой эксплуатации, и её реформа стояла на первом плане стремлений Умара II. Но разобраться в характере его мер в области податного дела нелегко. Выдвинутые об этом Альфредом фон Кремером и перенятые Августом Мюллером представления страдают фактическими ошибками.

По Кремеру и Мюллеру, к своим податным реформам Умара II побудило лишь намерение идеальной реставрации[220]. Образцом ему будто бы был первый Умар, к системе

[220]«Вследствие своей богословской предубеждённости он был закрыт для всякого политического понимания, и если нельзя отрицать, что некоторые его указы значительно способствовали исламу как таковому, то всё же почти всё, что он делал, вело к основательнейшей дезорганизации государства, в главном уже обмирщённого. Самый способный к большой политике народ, какой когда-либо существовал, — римляне — не без основания установили правило, что всякое царство может сохраняться лишь теми же средствами, какими было основано. Умар же хотел вместо более чем реалистичных принципов правления преемников Муавии утвердить идеальные точки зрения, которые выкроил себе из Корана и предания. И если бы ещё это само по себе похвальное предприятие осуществлялось хотя бы с умеренным знанием действительных отношений! Но благочестивый халиф так опутался лозунгами своего богословского окружения, что даже не пытался с некоторым разумом применить руководящие мысли Корана к злому миру. Его простая логика гласила лишь, что Бог желает вещей так-то и так-то и что поэтому они и осуществимы. А как Бог желал, чтобы управлялся халифат, Он наглядно показал верующим, когда руками своих рабов Абу Бакра и Умара подчинил исламу сперва мятежных арабов, затем всю Персию, Сирию и Египет. Так что его идеалом была не что иное, как механическая копия организации, которую дал государству первый Умар и которую недостойные преемники исказили в важнейших пунктах безбожными изменениями. Если же вспомнить, что эти изменения были вынуждены отнюдь не субъективным произволом, а тяжестью грубых фактов, то само собой понятно, что к государству Абд аль-Малика и аль-Хаджжаджа старые принципы подходили как кулак к глазу. Но ни одна искра такого понимания не озаряла трогательно благочестивой уверенности этого удивительного человека. И вот вскоре после восшествия на престол он декретировал отмену введённого аль-Хаджжаджем предписания, по которому переходившие в ислам подзащитные в интересах казны должны были продолжать платить старую подушную подать. Так как вследствие этого иноверцам вновь стало выгодно переходить в ислам, благочестивый государь, одновременно организовавший во всех

которого он хотел вернуться, устранив искажения, которые ей пришлось претерпеть от прежних омейядских правителей и чиновников. Тогда возникает предварительный вопрос — о характере образца, который он хотел копировать. Рассматриваются особенно две меры, возводимые к первому Умару. Он будто бы не позволял арабам приобретать земельную собственность в завоёванных провинциях; и будто бы распорядился, чтобы при переходе подданных, то есть покорённых неарабов, с новообращённых снималась лишь подушная подать, а поземельная оставалась на пашне. На деле он не сделал ни того, ни другого.

По Божьему праву вся завоёванная земля вообще должна была бы быть разделена между арабскими воинами, которым она принадлежала по праву добычи. По практическим причинам она, правда, осталась неразделённой и стала либо землёй казны, либо землёй мусульман. Казне, или государю, достались покинутые прежними владельцами и доставшиеся без боя имения династии, знати и мёртвой руки, например почты и храмов огня; эти домены (*савафи*) имели особенно большой объём в той провинции, которая

провинциях ревностную миссионерскую деятельность, имел блаженное удовлетворение в короткое время увидеть, как толпы верующих на Востоке и Западе возросли на миллионы. Если это поначалу были лишь мнимые обращения, то не следует забывать, что за отступничество по мусульманскому праву с самого начала полагалась смерть, и возвращение однажды приобретённых для Корана было исключено: так что впоследствии по крайней мере второе поколение уже большей частью состояло из добрых мусульман, и перевес исповедников Аллаха над иноверцами действительно значительно увеличился благодаря эдикту Умара. Очень плохо при этом приходилось государственной казне, и этот ущерб был несоразмерно увеличен вторым указом. Столько, правда, было ясно даже Умару, что восстановить старый запрет земельной собственности для верующих по крайней мере в той форме, чтобы потребовать от всех, кто за более чем семьдесят лет приобрёл имения в провинциях, отказаться от них, невозможно. Это было по разным причинам попросту технически неосуществимо; так что по крайней мере от этого опаснейшего эксперимента отказались. Но в то время как с 100 года мусульманам была запрещена всякая дальнейшая покупка земли, халиф, чтобы устранить предосудительное для его ортодоксии уравнение верующих с подзащитными, облагал те всё же неправомерно занятые имения мусульманских владельцев уже не хараджем, который с них до тех пор продолжали взимать, а лишь гораздо более низкой десятиной с урожая. Это, естественно, повлекло за собой ещё гораздо больший недобор государственных доходов и было непрактично ещё и потому, что эта льгота по отношению к тем, кто до тех пор не приобрёл земли и теперь уже и не должен был, прямо принимала характер *privilegium odiosum*. То, что для последних одновременно путём более точного проведения системы годового жалованья должно было быть создано своего рода возмещение, не имело значения; ибо эти жалованья были всё же сравнительно недостаточно велики, хотя при массовом росте обращений стоили правительству несметных сумм. И ко всем этим мерам, чувствительнейшим образом вредившим казне, прибавился наконец ещё внушённый гуманным, но непрактичным чувством справедливости приказ, чтобы все деньги, которые незаконными вымогательствами были взысканы с подданных сверх должного, возвратили обделённым. Произошло ли это хотя бы в отдельных случаях, мы не знаем; но лучшего случая для безнаказанного разграбления общественных касс не мог бы пожелать себе самый неверный чиновник». Так А. Мюллер, «Geschichte des Islams» 1, 439 сл., вольно по Кремеру, «Culturgeschichte des Orients» 1, 174 сл.

вообще больше всего значила для финансов[221], — в Ираке (Саваде). То же, что было добыто арабскими воинами в бою, считалось общим достоянием мусульман. Его оставляли за дань во владении покорённых. Дань, собственно, должна была бы ежегодно распределяться как рента между правомочными собственниками капитала. Но государство наложило на неё руку и выплачивало мусульманским воинам лишь определённое жалованье по своему усмотрению. Тем самым стёрлось различие между доменной и данной землёй; доходы с обеих одинаково текли в государственную казну. Это развитие совершилось в период великих завоеваний; Умар I руководил им или узаконил его задним числом. Но так далеко он не заходил, чтобы вообще не допускать на данной земле подлинной частной собственности на землю. Всеобщего запрета земельной собственности для арабов в провинциях никогда не существовало[222]. Как сам пророк, так и его преемники, не исключая Абу Бакра и Умара, свободно распоряжались государственным имуществом и дарили части его (*катаи*) заслуженным и знатным людям — не как лен, а как аллод; Али, Тальха и Зубайр пришли вследствие этого к большому богатству[223]. Далее, в *мусурах* все арабские воины, разумеется, были землевладельцами: у них были не только дом и двор, но и поместья в деревнях округи. Во время правления Умара I они, правда, думали преимущественно о бое и добыче. Но в следующие, более спокойные времена стало иначе; склонность к приобретению земли пробудилась у них ещё в языческое время, при Мухаммаде и исламе она не была подавлена, а поощрялась и, несомненно, участвовала в побуждениях к завоевательным войнам. Старое право, по которому ещё не занятая земля становилась собственностью того, кто её возделал, действовало не только в Аравии, но и в провинциях и использовалось там вовсю. Но и перед даннических участками покорённых крестьян жажда земли не останавливалась: они во множестве переходили покупкой или худшими средствами во владение арабских господ. Нигде не видно, чтобы законодательство с самого начала этому препятствовало. У Умара I не было повода противодействовать процессу, который в его время едва начался и во всяком случае ещё не привёл к вредным последствиям.

Точно так же уже Умар I не устанавливал правила, что *харадж* лежит на участке, всё равно, мусульманин ли владелец или нет, и что переход в ислам освобождает лишь от *джизьи*, потому что та как подушная подать сообразуется с сословием и есть личный признак покорённого в противоположность мусульманину. И то и другое изначально

[221]«Площадь Савада составляет 10 000 квадратных фарсахов, фарсах — по 10 000 обычных или по 9000 хашимитских локтей. Квадратный фарсах содержит 22 500 джарибов, 10 000 квадратных фарсахов — следовательно, 225 миллионов джарибов. Из этого по оценке отпадает на долины, холмы, солончаки, болота, дороги, русла рек, окрестности городов и деревень и т. д. треть = 75 миллионов, так что (для полей) остаётся ещё 150 миллионов. Из них (поочерёдно) половина лежит под паром, а половина возделывается. Добавляются же (для обложения) рассеянные по всему (по всем трём третям) пальмы, лозы и прочие деревья (которые облагаются не по площади полей)». Так Кудама у аль-Маварди, изд. Энгера, с. 301. Что оценка общей площади неверна и вышла слишком большой, показал Герман Вагнер, «Göttinger Nachrichten» 1902, с. 224 сл.

[222]Ср. Юйнболл в «Indische Gids», февраль 1899.

[223]Яхья ибн Адам, «Китаб аль-харадж», с. 42, 56 сл., 61, 67.

совершенно одинаково считалось *данью*, которую должны были платить рабы гражданам теократии, «сынам царства» (Мф. 17, 25); эти последние не должны были облагаться ни за свою личность, ни за землю своих полей, а лишь отдавать с урожая *десятину* — и притом не людям, а Богу. Мысль о том, что мусульманина бесчестит лишь обязанность вносить в дань с личности, а не с земельного владения, была далека. В более древнем словоупотреблении между хараджем и джизьей вообще не делается различия; оба означают одно и то же — дань немусульман. Часто говорится о джизье с земли, но не реже и о харадже с лица[224]. Под каким наименованием отдельные данники должны были вносить свою долю, арабам было тем более безразлично, когда дань как паушальная сумма твёрдого размера возлагалась на солидарную общину, — что поначалу, по-видимому, было скорее правилом, чем исключением.

Изначальная практика, следовательно, была такова, что ислам освобождал от всякой обязанности вносить дань и что участок с хараджем становился свободным от подати, если его приобретал мусульманин-араб[225] или если неарабский владелец становился мусульманином. Но этим назначалась премия, во-первых, за сгон крестьян арабскими господами и, во-вторых, за переход данников в ислам. В обоих случаях стиралось различие между сословиями и родом их владения, которое было предпосылкой финансовой системы Умара I; и возникали трудности и неустройства. Если дань снижалась соразмерно выпавшим вследствие обращений взносам, то ущерб несла государственная казна. Если же она по-прежнему взималась как паушальная сумма в прежнем размере, то возрастало бремя общины, ставшей из-за обращений менее податеспособной. Неблагоприятно было и то, когда новообращённые, как это очень часто и, может быть, большей частью бывало, бросали общину и пашню и переселялись в арабские города. Страна лишалась тем самым рабочей силы, так что ей грозило отчасти запустеть. А приток в города был нежелателен. В Куфе и Басре — обо всех этих отношениях мы лучше всего, даже почти исключительно, осведомлены по Ираку — и без того было довольно новых мусульман, или мавали; первоначально это были отпущенные на волю военнопленные большей частью иранского происхождения. Они стояли посредине между арабскими господами и неарабскими подданными: не платили ни поземельной, ни подушной подати, но не вносились в *диван* мукатила и не получали жалованья, хотя и сражались на войне в свите своих бывших господ, которым были нравственно обязаны всякого рода услугами. Их положение на полпути, естественно, их не удовлетворяло; ислам делал их притязательными. Они стремились к полному равноправию. Их восстание при Мухтаре показало, какой опасностью они грозили арабскому царству. Его, правда, потопили в их крови. Но брешь, пробитую мечом в их рядах, легко заполнили вновь стекавшиеся из деревень и сельских городков новые мусульмане, которые, может быть, были настроены мирнее, но имели те же

[224]Ср. де Гуе в глоссарии к ат-Табари, далее аль-Балазури 65, 7 с 66, 15; 351, 1 с 351, 5, 13. В Хорасане всегда говорили «джизья», а не «харадж», который преобладает в других местах (Таб. 1354, 1364 сл., 1507 сл.). Ещё в податной книге Яхьи ибн Адама встречается неразличающее употребление; «*джизья с земли*» говорится там совершенно обычно.

[225]Так у нас некогда крестьянский двор становился свободным от оброка, если его приобретал дворянин, который как дворянин был изъят от подати.

сословные интересы. Брешью в системе Умара I было и то, что военные и правительственные города очень скоро утратили свой специфически арабский характер.

Эта довольно примитивная и ограничивавшаяся крупными чертами система управления Умара I оставляла простор для развития, которое грозило её разрушить, но которого он не предвидел. При нём неудобства ещё не давали себя знать; стремление арабов к наживе тогда в среднем ещё двигалось в ином направлении, чем погоня за поместьями и крупным землевладением, а платившие дань неарабы ещё не переходили в ислам в таком объёме, чтобы от этого страдала государственная казна, которая к тому же в то время была переполнена постоянно возобновлявшейся добычей и далеко не должна была удовлетворять таких больших притязаний, как позднее. В следующем поколении, особенно при Омейядах, стало иначе. Но лишь аль-Хаджжадж, по преданию, решился вмешаться в установившуюся практику, чтобы устранить ущерб, который терпела от этого казна. Арабов, приобретших землю на хараджной земле, он не освобождал от хараджа и вновь наложил его и на тех, кто прежде был от него освобождён. Не иначе, вероятно, он поступал с новообращёнными в отношении их обязанности вносить дань, если они оставались в деревне и сохраняли свою пашню. *Хиджру* же, переселение в центральные места ислама и арабского господства, он им запретил; при надобности он силой возвращал их на родину. Его образ действий был нов, не соответствовал тому, что до тех пор повсеместно считалось правом, и вызвал единодушный крик затронутых им арабов и мавали, будто это пощёчина исламу. Но он на это не обращал внимания.

Умар II своими убеждениями был вынужден избрать другой путь. В цели он вовсе не так уж расходился с аль-Хаджжаджем; он лишь старался достичь её способом, который не противоречил бы исламскому правосознанию. Он, следовательно, оставил по-старому то, что мусульманин, всё равно первого или второго класса, араб или мавла, не должен платить дани — ни подушной, ни поземельной. Но чтобы предотвратить уменьшение государственных доходов, он вывел из истории — несомненно, в согласии с книжниками Медины, — что хараджная земля в первую очередь есть общее достояние мусульман, а во вторую должна рассматриваться как общее владение соответствующих общин, которым мусульмане предоставили её в пользование за дань, и что, следовательно, нельзя изымать её части из общего владения и делать их через переход во владение мусульман свободной от дани частной собственностью. Соответственно он объявил продажу хараджной земли арабам и мусульманам с 100 года недопустимой, не придавая, однако, запрету обратной силы. Для случая перехода в ислам землевладельца-данника он, по-видимому, постановил, чтобы его имение отходило обратно к деревенской общине. Он мог тогда остаться на нём, скажем, арендатором — аренда не была данью. Но он мог также (чего не хотел позволить аль-Хаджжадж) переселиться в город, и это, наверное, было правилом. Становился ли он через хиджру и правомочным на жалованье — вопрос, на который нельзя ответить однозначно.

Если признание иммунитета мусульман от подати подданных лишь восстанавливало в силе старый, ещё не искоренённый обычай, то запрет дальнейшего отчуждения данной земли был новой законодательной мерой, глубоко затрагивавшей отношения. Она

опиралась, правда, на историческое происхождение данной земли, она была следствием того, что во время завоевания земля рассматривалась не как добыча, а осталась неразделённой; но в то самое время этот практический вывод ещё не делался.

Умар II не добился своего; тем способом, каким он пытался, ущерб финансам нельзя было устранить. Принцип неотчуждаемости данной земли нельзя было провести, а смену владения — так же мало остановить, как смену веры. Позднейшая практика вернулась к образу действий аль-Хаджжаджа, однако с изменением, которое по существу значило мало, а формально — много. Именно, стали делать различие между хараджем и джизьей, которого прежде не было. Джизья по этому различию лежала на личности, касалась лишь немусульман и снималась с их головы, когда они обращались. Харадж же лежал на пашне и не бесчестил личность; его можно было и нужно было платить и мусульманам, владевшим данной землёй. Так как пашня во всяком случае была главным объектом обложения, то подушной податью в действительности жертвовали немногим[226]. Так недорогой ценой государственная казна разделалась с притязаниями ислама. Это была юридическая тонкость, выход, к которому пришли лишь по нужде: ибо для простого здравого смысла ведь платила подать не пашня, а владелец.

Мы слышим о податной реформе последнего омейядского наместника Хорасана — Насра ибн Сайяра. Он установил порядок, при котором дань в твёрдом, раз навсегда наложенном на отдельные податные округа размере покрывалась исключительно поземельной податью. В неё должны были вносить все землевладельцы соразмерно своему владению — будь они мусульманами или немусульманами, арабами или иранцами. Подушная же подать была от неё отделена и взималась лишь с зороастрийцев, иудеев и христиан, но не с мусульман, и не с новообращённых тоже. Что её доход вследствие возраставших обращений уменьшался, было предвидено и не имело значения ввиду того, что одна поземельная подать уже давала казне необходимый твёрдый доход[227]. Это устройство было новым и прежде не существовало. Оно, как и в Хорасане, раньше или позже утвердилось и в остальном исламском царстве, потому что ловко примиряло финансовый интерес с принципом свободы граждан теократии от дани. Без сомнения, юристы оказали тут повивальные услуги. Но то, что в действительности было результатом сложного процесса, посредничавшего между противоречащими притязаниями, они затем рассматривали как само собой разумеющееся, изначально действовавшее право. Если бы это право действительно действовало с самого начала, никаких трудностей и не возникло бы.

2. Мусульманские юристы обыкновенно повсюду переносят постепенно сложившееся, вызванное мало-помалу выступавшими потребностями или тенденциями, в начала и освящают его примером (*сунной*) пророка и первых халифов. Так и форму, которую

[226]И от новых мусульман, мавали, в Куфе и Басре никогда не требовали подушной подати; они чувствовали себя ущемлёнными лишь тем, что их не вносили в диван мукатила и не допускали к жалованью; к равноправию в этом отношении и были направлены их стремления.

[227]Подробнее об этом говорится во вставной главе 8 о Хорасане, к которой отсылаю.

податное или административное право в конце концов приняло после долгих колебаний, они возводят к первому Умару, сделавшему лишь первые, основополагающие шаги. Нужно остерегаться их исторической догматики, чтобы правильно судить об образе действий аль-Хаджжаджа и второго Умара. Нужно, напротив, прежде всего держаться настоящих историков, разумеется древнейших, которые больше уважают факты, отчасти опираются на документы и сообщают не столько принципы правителей, сколько отдельные решения, которые нельзя необдуманно обобщать. Под таким контролем можно затем привлечь и исторический доказательный материал юристов, среди которого есть кое-что, собственно, не идущее им на руку и независимое от их тенденции. Мой взгляд на этот трудный и спорный предмет прояснялся постепенно и невольно; данные, из которых он исходит, я не собрал своевременно. Те, что у меня под рукой, я сопоставлю здесь. При этом представится случай дополнить то и другое, о чём не было речи в предпосланном резюме.

Об аль-Хаджжадже мы узнаём (аль-Балазури 368), что он вновь наложил харадж на те участки в Месене, которые были от него освобождены обращением прежних владельцев или переходом во владение арабов. По приведённому на с. 153 месту из «Икда» Ибн Абд Раббихи, аль-Хаджжадж также вернул мавали из мусуров в их сельские городки и деревни. «Он сказал мавали: вы варвары и чужеземцы, ваше место в ваших городах и деревнях. Так он отправил их, куда хотел, и велел каждому нанести на руку название места, куда он был выслан, руками иджлита Хираша ибн Джабира. Отсюда стих: "ты тот, кому иджлит пометил руку, и твоя старость искала убежища у Хакама[228]". И в других стихах: "девушку, не знающую, что значит гнать верблюдов[229], аль-Хаджжадж вырвал из её укрытия и тени; будь здесь Амр и Ибн Хабаль, её (девушки) руки не были бы помечены без жестокого спора"». Когда позднее один мавла, Нух ибн Даррадж, стал кади Басры, о нём сложили стихи: «Видно, настал Судный день, раз Нух стал кади! Будь ещё аль-Хаджжадж, его рука не избежала бы его метки»[230]. Факт засвидетельствован также у Таб. 1122, 1425 и у Анонима Альварта 336. Чтобы воспрепятствовать сокращению дани, говорится здесь, аль-Хаджжадж написал в Басру и другие города, чтобы те мавали, что переселились туда из сельской местности, возвращались в свои деревни. Тогда высланные, не знавшие, куда идти, собрались в Басре и с плачем взывали к имени пророка. Благочестивые чтецы были на их стороне; поэтому они в свою очередь примкнули к чтецам, перешедшим к Ибн аль-Ашасу, когда тот пришёл в Басру.

По аль-Балазури 368, Умар II отменил введённое аль-Хаджжаджем привлечение к хараджу также и мусульман. И притом не только в Месене, но повсюду. В письме наместнику Куфы, приведённом у Таб. 1366 сл., он устанавливает принцип: на перешедших в ислам харадж не лежит. По Феофану (A. M. 6210), он освободил от подати христиан, принимавших ислам.

[228]Хакам ибн Айюб ас-Сакафи был заместителем аль-Хаджжаджа в Басре.
[229]То есть ещё ни разу не путешествовавшую.
[230]И аль-Хасан аль-Басри, кади во времена Умара II, был мавла.

Другая мера Умара II — то, что он на будущее запретил продажу хараджной земли мусульманам, — засвидетельствована местом из «Истории Дамаска» Ибн Асакира, которое Альфред фон Кремер сообщает в арабском тексте в «Culturgeschichtliche Streifzüge», с. 60 сл., и частично переводит в «Culturgeschichte des Orients» 1, 76. Оно касается Сирии и важно именно потому, что показывает, что там поступали по аналогичным принципам, как и в Ираке, о котором мы осведомлены преимущественно.

«Умар I и знатные сподвижники пророка согласились оставить покорённым их земли с тем, чтобы те их возделывали и платили с них мусульманам харадж. Если затем кто-либо из них переходил в ислам, то харадж снимался с его головы[231], а его земля и дом распределялись между односельчанами, так чтобы те платили с них харадж, тогда как деньги, челядь и скот оставались ему. Тогда его вносили в войсковой и жалованный список мусульман[232] и уравнивали с ними в правах и обязанностях. Они (Умар и сподвижники) полагали, что как мусульманин он не имеет права на свой участок прежде односельчан[233], потому что угодья в целом перешли в общее достояние мусульман. Тех, кто остался в своей христианской вере и в своих деревнях, называли подзащитными (*зимма*) мусульман. Они (Умар и сподвижники) полагали далее, что ни один мусульманин не вправе, применяя принуждение, покупать участок у подзащитных, потому что те могли сослаться на то, что воздерживались от борьбы против них и не поддерживали их врагов (то есть ромеев)[234]. Поэтому сподвижники и правители остерегались применять против них силу[235] и отнимать у них их земельное владение. Но они не одобряли и покупку мусульманами добровольно предлагаемых участков — потому, что у владельцев не было на них подлинного права собственности, и ещё потому, что хотели сохранить землю как замкнутое общее владение для мусульманских воинов будущего, как средство ведения войны против ещё не побеждённых язычников, чтобы её не продавали и не наследовали как частное владение. Ибо они были полны решимости соблюдать повеление Кор. 2, 189; 8, 40.

Тем не менее[236] некоторые мусульмане уже рано имели в Сирии частную земельную собственность, особенно так называемые *катаи*. Они происходят от земель патрициев, бежавших при завоевании Сирии, и павших в боях. Их изъяли как домены (*савафи*), и доходы с них поначалу шли в государственную казну, как и харадж. Но когда Муавия был наместником Сирии и не мог как следует покрыть свои расходы своими доходами, Усман по его просьбе передал ему эти домены, по крайней мере большую часть. Став халифом,

[231]И здесь для поземельной и подушной подати ещё употребляется одно и то же выражение.
[232]Само собой разумеется, что новые мусульмане переселялись в один из арабских военных городов. Лишь *pagani* оставались при своей старой вере.
[233]Читай *‘ала* вместо *‘ан* [мелкая поправка арабского текста].
[234]Непостижимым образом Кремер переводит: «Полагали, что не подобает мусульманину покупать что-либо из земель, оставшихся во владении прежних жителей, из опасения перед доводами, которые те приводили: что земельное владение удерживает их от борьбы и вынуждает отказаться от поддержки врагов мусульман против них».
[235]Поправка арабского текста [у Кремера ошибочное чтение].
[236]Последующее передано лишь в сокращении. Текст у Кремера в нескольких местах не в порядке, но смысл в целом понятен.

Муавия определил их как неотчуждаемый фонд для нуждающихся из своей собственной семьи и для других нуждающихся мусульман. Домены же, которых Усман ему в своё время ещё не дал, он раздал курайшитам и другим арабам, просившим о том, как *катаи* — не в лен, а в свободную собственность, которую они могли продавать и передавать по наследству. С оставшимся затем остатком так же поступил Абд аль-Малик. Он изымал и хараджную землю, владельцы которой вымерли, и раздавал её мусульманам как десятинную землю, так что харадж отпадал. Но Абд аль-Малик и двое его ближайших преемников, правда, не позволяли себе насильственно отнимать хараджную землю у владельцев и отдавать её мусульманам. Однако они позволяли им её покупать. Цена шла тогда в государственную казну, и харадж деревни снижался на соответствующую долю; новые владельцы-мусульмане платили лишь десятину.

Иначе поступил Умар II. Того, что было сделано до 100 года, он, правда, не отменил, а постановил, что на перешедшей до тех пор покупкой в руки мусульман хараджной земле лежит не джизья[237], а лишь десятина. Но на будущее он объявил такие покупки недействительными, и этого держались и двое его преемников — Язид II и Хишам. Вследствие этого 100 год назывался *сроком*. Однако прошло немного времени, и старая торговля снова пошла в ход, и с проданных мусульманам участков платили не джизью, а лишь десятину. А так как харадж от этого падал, вмешался аль-Мансур. Собственно, он хотел вернуть проданные вопреки закону Умара II имения первоначальным владельцам; но это представляло слишком большие трудности. Поэтому он постановил, чтобы катаи и проданные из хараджной земли до 100 года участки платили лишь десятину, а проданные после того — харадж. В 141 году он послал в Сирию чиновников, чтобы разграничить участки и обложить их по этой мерке».

Ибн Асакир — писатель VI века хиджры и находится во власти давно тогда повсеместно утвердившегося воззрения, что первый Умар и сподвижники, после смерти Мухаммада авторитетные устроители вновь возникших через завоевание отношений, с самого начала во всех вопросах установили норму на будущее и что раздача доменов и отчуждение данной земли — злоупотребления, противоречившие норме и появившиеся лишь со времени отступничества, наступившего с Усманом и Омейядами. Но поскольку его указания не находятся под влиянием этого воззрения, нет причин сомневаться, что он почерпнул их из древних источников; они слишком положительны, чтобы быть высосанными из пальца. Мы можем по ним поверить, что Умар II начал с реакции против раскрошения и распыления государственного и общего достояния, укоренившегося при его предшественниках, запретив продажу хараджной земли. Того, что он и домены держал вместе и ничего из них не дарил, Ибн Асакир, правда, не отмечает; но это можно, пожалуй, предположить[238].

---

[237]И здесь *джизья* употребляется в значении поземельной подати.

[238]Сказанное Ибн Асакиром об убыли доменов дополняется примечательным сообщением, которое мы находим у аль-Балазури 272 сл. и Яхьи 45. «Доменом Умар ибн аль-Хаттаб сделал в Саваде землю павших, землю бежавших, землю персидского царя и его близких, землю почты и болота; доход с них составлял семь миллионов дирхемов. Но во времена

Если же этот халиф противился тому, чтобы данная земля изымалась у государства *продажей*, то он, вероятно, не хотел и того, чтобы это происходило через *смену веры*. По-видимому, он принял меры, благодаря которым принцип, что ни один новообращённый не может привлекаться к дани, утратил вредное для казны острие и имел скорее идеальное, чем материальное значение[239]. У Яхьи ибн Адама 44 говорится, что Умар II отказался превращать для переходящих в ислам харадж в десятину и, напротив, объявил, что кто из них останется при своём канале[240], будет платить по-прежнему, а кто переселится в город, того земля отойдёт к деревенской общине. Что оставшийся при своём канале новый мусульманин должен был бы продолжать платить харадж, правда, не согласуется с тем, что мы знаем из других мест; противоречие, однако, исчезает, если предположить, что платёж рассматривался уже не как дань, а как аренда[241]. Несомненно верно, когда в приведённом месте говорится, что халиф считал учреждение данной земли и проистекающего из неё государственного дохода весьма благодетельным. Если он и не мог отменить уже совершившееся умаление, то на будущее он хотел сохранить состав *фай* нетронутым. И хотя он в принципе не посягал на свободу мусульман — новых так же, как и старых, — от дани, он всё же не хотел, чтобы последующими изменениями наносился ущерб старому историческому праву и чтобы в свободное частное владение переходили пашни, которые в действительности принадлежали к неотчуждаемой собственности всей совокупности.

В провинциях, завоёванных уже почти столетие назад, податное дело которых было раз и навсегда урегулировано актом завоевания по, правда, несколько видоизменённому закону ислама о добыче, Умар II в основном отстаивал покоившийся на этой исторической основе статус и защищал его от грозивших ущемлений. Иначе было в землях, которые в его время ещё только подвергались нападению, по крайней мере ещё не были полностью и надёжно покорены: в Трансоксании и Индии, в Африке и Испании. Образ действий, избранный им здесь, нужно непременно рассматривать отдельно и нельзя смешивать с другим; он стоит не под той же точкой зрения. Прежде чем начать военные действия против языческого народа, ему следовало направить призыв принять веру и покориться Аллаху; если он следовал призыву, то вступал в теократию полноправным и не должен был платить дани. Так предписывал ислам, но к этому не относились серьёзно. Джихад должен был приносить деньги и добычу; это стало целью, а не распространение веры. Умар II ненавидел такой

аль-Хаджжаджа, после битвы при аль-Джамаджиме, люди сожгли диван (архив с документами о владении и кадастром), и каждый взял то, что было к нему близко». Значит, доменам грозила опасность не только оттого, что халифы дарили их части. В людях сидела всеобщая ярость против латифундий государства, государей и вельмож. Они старались уничтожить или затемнить исторические титулы, на которых покоилось ненавистное им право владения.

[239]Для утверждения, будто вследствие освобождения от подати при Умаре II в ислам перешли миллионы, трудно было бы найти доказательства.

[240]Хараджная земля в Ираке совпадает с землёй, орошаемой каналами. Лишь вне аллювия была десятинная земля.

[241]По Яхье 48, Али будто бы сказал одному новообращённому землевладельцу из Айн ат-Тамра: твоя земля отходит мусульманам; если хочешь, переселись в город и получай жалованье, а нет — оставайся управителем (*кахраман*) на земле и сдавай нам часть урожая.

джихад, желал, напротив, мирного присоединения народов к исламу и в этом случае не требовал дани: об отказе от фай здесь не было речи, потому что фай не существовало.

По аль-Балазури 441, он призвал царей страны Инда к исламу и обещал им полное уравнение; тогда они обратились и приняли арабские имена. По аль-Балазури 426, некоторые трансоксанские цари при нём приняли ислам, после чего не должны были платить дани и получали жалованье. По Таб. 1354, ему жаловались, что мавали в хорасанском войске, хотя они в числе 20 000 человек сражались вместе с арабами против язычников, всё же исключены из жалованья и даже должны платить дань: он навёл порядок. Одновременно он вообще приказал снимать дань с каждого, кто исповедует ислам: тогда до тех пор языческие согдийцы хлынули в общину господствующей религии. По аль-Балазури 422 и Таб. 1364 сл., он, однако, не вернул согдийцам столицу Самарканд, хотя признал, что арабы завладели ею лишь вероломством; того, что произошло годы назад, он не исправлял.

И берберов, по аль-Балазури 231, 225, Умар II призвал к исламу, и они толпами последовали призыву. Вследствие этого он освободил их от дани, состоявшей в поставке детей. Относительно девушек, поставленных ещё прежде, он распорядился, чтобы их господа либо взяли их в законном порядке в жёны, либо вернули родителям.

Иной и весьма своеобразной была мера, принятая, по Contin. Isid. Hisp. § 186, в Испании, — правда, не самим Умаром, но несомненно в его духе и по его поручению наместником ас-Самхом, которого он избрал для этой страны. *Zama ulteriorem et citeriorem Iberiam proprio stilo ad vectigalia inferenda describit. Predia et manualia vel quidquid illud est, quod olim predaviliter indivisum retentabat in Spania gens omnis arabica, sorte sociis dividendo partem ex omni re mobili et immobili fisco adsociat*[242] («Самх собственным пером описывает дальнюю и ближнюю Иберию для взимания податей. Имения и движимость или всё то, что некогда весь арабский народ в Испании держал как добычу нераздельно, он, разделив по жребию между товарищами, часть из всего движимого и недвижимого присоединяет к казне»). Итак, тогда как часть завоёванной земли оставалась за подать прежним жителям, другая, до тех пор зарезервированная часть была за вычетом пятой доли разделена между войском. Какого рода была эта зарезервированная часть, неясно; может быть, она состояла из таких участков, какие в Ираке и Сирии были конфискованы как домены[243]. В Испании у Умара II ещё были до некоторой степени развязаны руки. Без сомнения, своим образом действий он руководился намерением привязать арабских воинов к Испании земельной собственностью. Он будто бы ссылался на пример Умара I: если бы тот не дал солдатам в Индии недвижимых имений, защита страны была бы невозможна[244]. Правда, Умар I не имел никакого отношения к Индии, а в целом он, напротив, подавал пример как можно более широкой фискализации земельной добычи: но он всегда должен играть роль прецедента, пусть даже двигаясь при этом зигзагом. Впрочем, стоит отметить, как мало древнее

[242]Я изменил пунктуацию Моммзена и превратил *preda* в *predia* по последующему: *res mobilis = manualia*; *res immobilis = predia*.
[243]Ср. примечание на с. 182 [оригинала]. Пятой долей это во всяком случае не было.
[244]Дози, «Recherches» (1881) 1, 76.

предание разделяет новое мнение, будто арабы в провинциях вообще не смели иметь земельной собственности.

Присоединю ещё несколько сведений о прочих финансовых мерах Умара II, и прежде всего о тех, что касались мусульман.

Оазис Фадак близ Медины до тех пор считался собственностью правящего государя; Умар II же, как частное владение Мухаммада, передал его его семье — Алидам. Этим он отменил противоположные решения обоих первых халифов, к которым, следовательно, отнюдь не был рабски привязан (аль-Балазури 30–32). Он вернул и семье Тальхи её отнятую собственность в Мекке (Таб. 1483 сл.).

В Йемене брат аль-Хаджжаджа, ведавший там управлением, взимал надбавку к десятине; Умар II это исправил (аль-Балазури 73). В Омане десятина сдавалась в государственную казну Басры; Умар II восстановил обычай, по которому она должна оставаться в стране и раздаваться тамошним бедным (аль-Балазури 77 сл.). Обычай этот не по всей Аравии был таким, а местами различался в зависимости от более или менее благоприятных условий, на которых племена и земли изначально присоединились к исламу[245]. И распоряжение Умара II, чтобы *харадж Хорасана* оставался в стране и расходовался там (Таб. 1366), нельзя обобщать; у него особые причины.

В отношении жалованья мусульманских воинов в военных городах и гарнизонах правительство издавна поступало весьма произвольно. Оно вычёркивало неугодные имена из списка и вписывало вместо них другие, уменьшало и увеличивало сумму по усмотрению. Это давало постоянный повод к жалобам; ибо доход с фай, из которого шло жалованье, по праву добычи всецело принадлежал наследникам завоевательных войск, и никогда не умолкало их требование, что, собственно, вся масса должна быть роздана им. Что в этом им уступил Умар II, как до него будто бы Али, конечно, поверить нельзя. От слишком необдуманных шагов он вообще давал себя удержать (аль-Балазури 458 сл.). Но в удовлетворении притязаний, которые предъявлялись к государственной казне, он всё же заходил очень далеко. Он расширил круг правомочных на жалованье за пределы арабов в большей мере, чем это делалось прежде. Всем мавали Хорасана, состоявшим в войске и участвовавшим в походах против язычников, он пожаловал не только податную свободу, но и довольствие (*ризк*) и жалованье (*ата*); он изъявил готовность доплачивать из главной государственной казны, если хараджа Хорасана не хватит: но это не понадобилось (Таб. 1354). Верно ли, однако, что каждого новообращённого, переселявшегося из сельской местности в Куфу или Басру, он считал мухаджиром и давал ему равное право с наследниками арабских завоевателей, — в этом надо сильно усомниться: юридически это едва ли можно было бы оправдать, а практически имело бы самые дурные последствия. Обычай давать жалованье также детям и семье мукатила был уже ограничен Муавией и совсем прекращён Абд аль-Маликом; Умар II вновь его ввёл (аль-Балазури 458 сл.; Таб. 1367). Он поддерживал также мусульманских бедных, особенно нуждающихся паломников в Мекку, и некоторых больных твёрдыми денежными суммами; и притом свои благодеяния

[245]«Skizzen» 4, 95.

он не ограничивал Сирией, как Валид I, а оказывал их и в Ираке, и в Хорасане, как он вообще не делал различия между провинциями (Таб. 1337, 1364, 1367, 1354).

Что касается его образа действий по отношению к иноверцам, то Феофан сообщает под А. М. 6210 следующее. «Когда в том же году в Сирии случилось великое землетрясение[246], Умар запретил вино в городах и принуждал христиан переходить в ислам. И тех, кто это делал, он освобождал от подати, других же убивал и сотворил многих мучеников. И он установил, чтобы свидетельство христианина против сарацина не принималось. Он написал также догматическое письмо императору Льву, надеясь склонить его к принятию ислама». В этих указаниях ложное смешано с верным. Верно, что Умар II был ревностным мусульманином и что христиане это почувствовали. Но под страхом смерти он не принуждал их к переходу[247]. Ибо тогда он согнул бы действующее право, а этого он не делал — именно как добрый мусульманин. И по отношению к христианам он держался вполне в пределах права, хотя им самим это, может быть, казалось иначе. Он охранял их во владении старыми церквами, обеспеченном им капитуляцией, и лишь не позволял строить новые (Таб. 1371). Неправомерно отнятую у них Валидом I церковь Иоанна в Дамаске он хотел вернуть им, если они взамен откажутся от церквей за воротами, особенно от церкви св. Фомы, которыми владели лишь фактически, а не по договору, потому что местность за стеной была завоёвана силой, а не сдана по капитуляции. Так как они на это не согласились, он компенсировал одно другим (Таб. 1275; аль-Балазури 125). Право, которое он здесь применил, было, конечно, формальным, юридическим правом; но иначе он не мог, не отрекшись от ислама. Где речь шла лишь о деньгах, он был великодушнее. Христианам в Айле и на Кипре дань с течением времени под какими-то предлогами была повышена; он снизил её до первоначально условленной суммы (аль-Балазури 59, 154 сл.). На наджранцев в Йемене пророк возложил ежегодно платить 2000 кусков ткани стоимостью по 40 дирхемов, и за это позволил им как христианам оставаться в своей стране и при своём владении. Умар I нарушил договор вопиющим правонарушением, которое приукрашивают по-разному. Он вынудил христиан-наджранцев вместе с их иудейской роднёй очистить Аравию и переселиться в Ирак или в Сирию, выкупив у них их земли или отведя им взамен другие на новых местах. Их главной колонией стала Наджранийя близ Куфы. Свою подать они должны были платить в прежнем размере; их глава в Наджранийи отвечал за это и собирал её и с поселённых в Сирии товарищей. Преемник Умара Усман уменьшил сумму на 200, а Муавия — ещё на 200 кусков ткани, так как число наджранцев из-за смертей и перехода в ислам уменьшилось. Аль-Хаджжадж же снова повысил её на 200 кусков, потому

[246]Землетрясение было 15 джумада I 99 года = 24 декабря 717 г. н. э. В сафаре (сентябрь 717 г.) Умар пришёл к власти.

[247]Диль («Histoire d'Afrique», 1896, с. 591) утверждает, что он приказал в Африке католикам либо обратиться, либо покинуть страну. Он ссылается на Monum. Germ. Epist. 3, 267. Но там папа Григорий лишь наставляет Бонифация, чтобы тот *Afros passim ad ecclesiasticos ordines praetendentes nulla ratione suscipiat, quia aliqui eorum Manichaei, aliqui rebaptizati saepius sunt probati* («ни в коем случае не принимал африканцев, повсюду домогающихся церковных степеней, ибо некоторые из них не раз оказывались манихеями, некоторые — перекрещенными»). Неужели этого достаточно как доказательства приказа Умара, который совершенно противоречил бы исламскому праву?

что якобы подозревал их в симпатиях к Ибн аль-Ашасу. Когда же к власти пришёл Умар II, они пожаловались ему на свою беду: их число растаяло, а вечные войны их разорили. Действительно оказалось, что из 40 000 душ они уменьшились до 4000. Чтобы помочь им, он объявил, что их подать не лежит в неизменном размере на их земельном владении (которое ведь у них было отнято или по крайней мере изменено), а должна сообразовываться с числом голов, за вычетом умерших и перешедших в ислам. По этому принципу, так как их состав сократился до десятой части, он и подать их снизил до десятой части и брал лишь 200 кусков ткани вместо 2000, или 8000 дирхемов вместо 80 000. Может быть, он хотел этим и несколько загладить несправедливость Умара I (аль-Балазури 67 сл.).

В уже упомянутом письме к Абд аль-Хамиду в Куфе (Таб. 1366 сл.) Умар II наставляет наместника и с немусульманскими подданными обходиться справедливо и снисходительно, не взыскивать дань с жёсткостью и не взимать её одинаково с возделанной и невозделанной земли. Он запрещает все сверх дани поборы, издавна угнездившиеся в некогда персидских землях: подарки к празднику Навруз и Михрган, сборы в пользу низших чиновников, брачные деньги, гербовый сбор с актов и *айин*, то есть дословно «обычай», по смыслу, возможно, «пошлина», как английское *custom*[248]. Эти злоупотребительные и трудно контролируемые поборы, вероятно, большей частью не шли в государственную казну: тем труднее было их упразднить. Наместники охотно допускали, чтобы к ним на Новый год и при других случаях являлись не с пустыми руками (Таб. 1635 сл.).

К запрету отчуждать хараджную землю Умара побудили фискальные соображения; он хотел помешать тому, чтобы она через переход в мусульманское, свободное от подати владение изымалась из дани и та от этого падала. Но тем самым он вместе с тем поставил засов сгону крестьян; он защитил землевладельцев-данников от земельной жадности арабских господ, для которых земля была ценнее, чем для тех, потому что им не нужно было платить за неё дань. Подобно этому в северо-западной Германии, например в Брауншвейг-Люнебурге, князья из финансовых соображений противодействовали переходу крестьянской земли во владение дворянства, потому что она тогда становилась свободной от податей; ненамеренно же они тем самым спасли крестьянское сословие. Такого успеха у Умара, правда, не было. Да и отношения на Востоке были иными. Там было мало крестьян в нашем смысле; и неарабские землевладельцы большей частью были помещиками или деревенскими господами (дихканами), а феллахи — их зависимыми людьми.

3. Как ни многое остаётся неясным, одно всё же довольно ясно: смешон тот, кто третирует этого халифа с высокомерной насмешкой, к чему сигнал подал уже Дози. Может быть, он находился под более сильным влиянием богословия — то есть в данном случае юриспруденции, — чем хотелось бы. Его добросовестность, может быть, не раз приводила его к парализующим сомнениям. Однажды он будто бы закончил проповедь словами: я

[248]Мусульманское податное законодательство не знает понятия пошлины, а лишь понятие хараджа и десятины, которое, впрочем, умеет применять и к обложению странствующих торговцев.

делаю вам эти внушения, нисколько не считая себя оттого лучше вас. У него не было ненадломленного сознания своего личного авторитета, которым его одноимённый прадед внушал уважение миру. Но он заботился не только о своей душе, но и о *salus publica*; благочестие побуждало его вести правление хорошо и справляться с трудными задачами, которые оно ставило.

Его умение, правда, могло и не соответствовать его доброй воле. Главным доказательством его политической неспособности приводят то, что он расстроил финансы. Мы видели, как с этим обстоит дело. Если он не налагал дани на народы и царства, вновь переходившие в ислам, то он лишь препятствовал грабительским походам, но не отказывался ни от каких государственных доходов: ибо рыба ещё не была поймана. В давно завоёванных и облагаемых по праву завоевания провинциях, например в Саваде и в Египте, он отстаивал историческое право и противился умалению государственного имущества и государственного дохода; вредному действию, которое освобождение от дани всех мусульман могло оказать здесь на финансы, он старался предупредить. Упразднением злоупотребительных подарков и поборов он, наверное, задел лишь чиновников, которые их загребали. В упрёк ему можно поставить разве то, что он требовал от общественной кассы несколько много пособиями и доплатами, которые раздавал из неё во все стороны или готов был раздавать. Но для себя он ничего из государственных денег не употреблял и не копил, и не расточал их на экспедиции против Константинополя — в резкой противоположности своим предшественникам. Точно так же он следил за тем, чтобы наместники не использовали свою должность преимущественно как случай для собственного обогащения. Этим недобор, который могли повлечь его реформы, вероятно, возмещался вдвойне. Есть ли утверждение, будто при нём деньги государства исчезли как по волшебству и доход от податей вдруг сильно упал (Мюллер 1, 441), нечто большее, чем следствие заблуждения, — оставим открытым. Верным оно во всяком случае не является. В беспокойные времена Абд аль-Малика и аль-Хаджжаджа финансы были плохи, при Умаре II они вновь оправились. Впрочем, ведь и фискальный интерес — не единственный интерес государства. У кого хватило бы духу порицать Умара за то, что он отменил детскую дань берберов или облегчил бремя наджранцев, что он защищал подданных от чиновников и не рассматривал управление провинциями исключительно как средство их финансовой эксплуатации!

Кремер и Мюллер полагают, что он, лишь в угоду своим благочестивым утопиям, без всякой практической необходимости вмешался в финансы, нарушил их естественный ход и выбил их из колеи, предначертанной им прежним развитием. Будто бы о действительных отношениях он не имел никакого представления. На деле, напротив, наоборот: это его современные критики неверно представляют себе действительные отношения того времени; они были хаотичны и нуждались в новом упорядочении. Не Умар сам впервые создал путаницу в податном деле — она существовала и не могла оставаться. Задача, за которую он взялся, была не воображаемой, а действительной и насущной. Первым всерьёз за неё взялся аль-Хаджжадж, но так, что восстановил против себя общественное мнение. Умар пытался иным путём, бережно щадя чувствительность, основанную на исламе или по крайней мере опиравшуюся на него. Но у обоих была одна и та же проблема, поставленная

временем и необходимо требовавшая решения. Она возникала оттого, что данная земля всё больше переходила в руки свободных от дани владельцев.

Тем самым в главном опровергнут и упрёк, будто Умар II потряс основу омейядского царства. Она колебалась и прежде, она с самого начала была несколько ненадёжной. Параграф римской мудрости, на который А. Мюллер ссылается против отступления Умара от традиции его предшественников, — что всякое царство сохраняется лишь средствами, которым обязано своим возникновением, — с равным правом можно обратить против самих Омейядов. Их господство отнюдь не продолжало прямолинейно господства пророка и его сподвижников. Ислам, на почве которого оно хотело стоять и от которого не смело отрекаться, не поддерживал его, а скорее подкапывал. Омейядам постоянно приходилось подавлять оппозицию, поднимавшуюся против них во имя Аллаха и религии. Далее, им грозила непримиримая вражда Ирака, время от времени прорывавшаяся гигантскими восстаниями против ненавистной сирийской тирании. Но величайшей опасностью для них было социальное движение, направленное не только против них, а против арабского господства вообще. Умар I устроил исламское государство по праву завоевания как империю арабов над покорёнными; он основал его на различии двух сословий, разделённых в равной мере религией и национальностью, — арабов-мусульман и неарабов-иноверцев, арабской военной знати и неарабского платящего дань плебса. Но этим он строил не на твёрдой почве. Ибо перегородка между господами и рабами пробивалась тем, что последние всё больше принимали ислам и проникали в арабские военные города. Прогрессирующая исламизация покорённых, естественный и неудержимый процесс, ставила под вопрос систему старого Умара — ещё не в его время, но во время Омейядов, которые её унаследовали. По теократическим принципам по крайней мере политическое положение должно было сообразовываться с религией, и ислам, а не национальность давал право гражданства в теократии.

Мавали стучались в ворота и требовали равноправия с арабами; ислам был за них, и их обхаживала революция, опиравшаяся на ислам. Умар II старался справедливо удовлетворить их притязания. Исходил он при этом, может быть, не столько из государственных, сколько из религиозных соображений. Но одно другому не мешало. Ислам нельзя было сломить, с ним надо было считаться; его вражда грозила царству Омейядов гибелью. Омейядский правитель, следовательно, не действовал вопреки интересам своего дома, если ставил себя с исламом в добрые отношения и старался лишить оппозицию его союза, устраняя обоснованные жалобы и удовлетворяя осуществимые притязания. Такова, вероятно, и была программа Умара II. Он искал в исламе общую почву для правительства и поднимавшихся против него враждебных сил. С этой точки зрения он вёл политику взаимопонимания и примирения. Не только по отношению к мавали. Он старался устранить и недовольство провинций и особенно избавить иракцев от чувства, что они находятся под сирийским чужеземным владычеством; ко всем он относился с одинаковой заботой. Он даже думал удовлетворить хариджитов, входя в их доводы, и по крайней мере добился того, что они, пока он был жив, держали меч в ножнах. Политических преступлений он не карал, тогда как против других был строг. Он был милостив к Алидам,

вернул им конфискованное имущество — как и наследникам Тальхи — и вычеркнул проклятие их предка из молитвы с минбара[249]. Но что он в глубине души признавал законными и их притязания на халифат, из этого не следует[250] и неправдоподобно. Он был мусульманином старого склада. Старый ислам по существу не сочувствовал легитимизму шиитов; он мирился бы и с омейядской династией, несмотря на её незаконное происхождение, если бы она не была ему противна в других отношениях. Аббасид аль-Мансур дал Умару II свидетельство, что тот хотя в целом правил похвально, но всё же был Омейядом и держался преимущественного права своего дома (Таб. 3, 534).

Hamer in exercitibus nihil satis prosperum nec quicquam adversum peregit, tantae autem benignitatis et patientiae fuit, ut hactenus tantus ei honor lausque referatur, etiam ab externis, quantus ulli umquam viventi, regni gubernacula praeroganti, adlatus est («Умар в войнах не совершил ничего ни особенно удачного, ни неудачного, но был столь благосклонен и терпелив, что поныне ему воздаётся, даже от чужих, такая честь и хвала, какая когда-либо воздавалась кому-либо из живших, державших кормило царства»). Таково суждение арабско-византийского продолжателя Исидора (§ 38) об этом халифе. Его намерения во всяком случае были добрыми и, может быть, не неразумными; чего бы он добился, сказать нельзя, так как правил он едва два с половиной года. Он умер тридцати девяти лет в пятницу 24/25 раджаба 101 года (9 февраля 720 г.) в Хунасире близ Дамаска. По Абу Убайде, его отравили Омейяды, потому что боялись, что он уступит хариджитам и отстранит от престолонаследия как недостойного Язида ибн Абд аль-Малика, назначенного Сулайманом халифом после него. Но надёжные древние историки ничего об этом указании не знают. В нём, вероятно, выражается лишь разочарование от того, что реформатор был преждевременно взят у мира и что затем вновь началось прежнее хозяйничанье.

[249]«Агани» 8, 153; аль-Якуби 2, 366. Сомнения Вейля в этом факте необоснованны. И после смерти Умара официальное проклятие Али не было восстановлено (Таб. 1482 сл.).
[250]Статья «Китаб аль-Агани» об Умаре старается изобразить его тайным шиитом. Но точно так же его будто бы считали своим единомышленником и хариджиты, которые ведь были диаметрально противоположны шиитам.

Глава шестая. Поздние Марваниды

1. Язид II был внуком Язида I через его дочь Атику, на которой женился Абд аль-Малик; его часто называют по гордой матери Язидом ибн Атикой[251]. Он считал себя знатнее прочих Марванидов, хвалился своей суфьянидской кровью. Жилка деда по матери, по имени которого он был назван, действительно в нём несколько проступала, хотя его мягкости и обходительности он не унаследовал.

Сразу после его восшествия на престол произошло событие, определившее его правление и последующее время. Он был в близких отношениях с аль-Хаджжаджем и женился на его племяннице, родившей ему ещё при жизни дяди сына Валида, будущего халифа; их первый, рано умерший сын носил имя аль-Хаджжадж. Соответственно он был предубеждён против фаворита Сулаймана Язида ибн аль-Мухаллаба, который как наместник в Ираке дурно обходился с семьёй аль-Хаджжаджа. Тот не ждал от него ничего хорошего, когда он взошёл на престол. Он бежал из долговой тюрьмы, в которой его держали, — по аль-Вакиди лишь после смерти Умара, по Абу Михнафу, главному рассказчику у ат-Табари, уже раньше, при известии о его тяжкой болезни. Его целью была Басра, родина его семьи, Мухаллабидов, и его племени, азд Умана. Он ускользнул от преследовавших его кайситов и от куфийцев, которые должны были его перехватить, и с небольшим отрядом появился перед Басрой, где тем временем его братья и двоюродные братья, кого удалось схватить, были взяты и содержались пленниками в замке. Наместник Ади ибн Артат вышел с басрийскими племенами за город, чтобы не дать ему войти. Но едва он подъехал, все дали ему дорогу; одного предводителя всадников из семьи аль-Хаджжаджа, хотевшего поднять на него руку, мягко отодвинули в сторону. Беспрепятственно он смог войти и занять свой квартал. Новому халифу, очевидно, не предшествовала добрая слава. Сирийских войск ни в Басре, ни в Васите, по-видимому, не было в достаточном числе; может быть, Умар II их отвёл.

Сын аль-Мухаллаба сначала вступил в переговоры с наместником, чтобы склонить его освободить пленников в замке. Не добившись этого, он решился на силу. За ним были йемен, то есть азд и раби‘а, союзные как в Басре, так и в Хорасане; богатыми подарками он укрепил их верность. Тамим и кайс, издавна соперничавшие с йемен, держались наместника. Но так как тот скупился на гроши, потому что из добросовестности не решался глубоко запускать руку в государственную казну, они были вялы и при первом столкновении партий разбежались. Он бежал и был осаждён в замке; задержанные там Мухаллабиды забаррикадировались, так что он ничего не мог им сделать. Через несколько дней замок пал, и он был взят в плен. Он весело покорился своей судьбе, потому что был уверен, что из страха перед «воинствами Божьими (то есть правительственными войсками) в Сирии» ему и волоса не тронут.

[251]Рождению от знатной матери тогда ещё придавали большое значение. Маслама ибн Абд аль-Малик происходил от рабыни; поэтому он не шёл в расчёт для власти, хотя был весьма дельным и в омейядской семье пользовался высочайшим уважением.

Выхлопотанное у халифа для Язида помилование пришло слишком поздно. Он зашёл уже слишком далеко. Теперь он открыто призвал во имя Книги Божьей и сунны пророка к священной борьбе против сирийцев, которая, мол, насущнее и заслуженнее, чем против тюрок и дейлемитов. Он хотел запрячь ислам в свою колесницу. Но в Басре нашёлся человек, осмелившийся громко поднять против этого голос, — старый аль-Хасан, друг Умара II. В этих гражданских войнах, сказал он, речь идёт не о Боге, а о мире и его выгодах. Его бранили сирийским прихвостнем, изменником и лицемером: «если бы сосед выдернул у него тростинку из хижины[252], он разбил бы ему нос в кровь, а нас упрекает за то, что мы ищем своего блага и защищаемся от несправедливости!» Он так же не дал себя сбить, как некогда Иеремия в подобном положении, а продолжал удерживать тех, кто хотел его слушать, от участия; влияние он имел особенно на неарабских жителей некоторых селений вблизи Басры. Но своим отделением религии от политики на почве теократии он всё же занимал исключительное положение, и его приверженцев было немного: иначе его едва ли оставили бы в покое. Средние благочестивые Басры, с чтецами во главе, дали Язиду себя приманить; а за ними в большом числе последовали мавали. Его сторонников от этого стало огромное множество, но массе не соответствовала боеспособность, а ислам оказался строптивым союзником.

И относившиеся к Басре земли — Ахваз, Фарс и Керман — перешли к мятежнику; лишь не его старая любимая провинция Хорасан, потому что там азд сдерживались тамим. Ему советовали укрепиться в Фарсе, где ему легче всего было бы удержаться. Но он не хотел оставлять Ирак наступавшим сирийцам, а по возможности опередить их в Куфе. В конце 101 года (лето 720 г.) он отправился туда через Васит, которым овладел, и через канал Нил. В месте, где этот канал впадал в Евфрат, он остановился у селения, носившего часто встречающееся имя Акр («замок») и лежавшего близ древнего Вавилона[253]. Путь на Куфу пытался преградить ему тамошний наместник, ставший на другом берегу у Нухайлы. Он, правда, не мог помешать тому, что многие куфийцы перебежали к Язиду, среди них наследники знаменитейших имён, и не только йеменцы и рабииты, но и тамимиты.

Вскоре на сцене появился и Маслама ибн Абд аль-Малик, многолетний руководитель походов в Малой Азии и Армении, с главным сирийским войском. Язид допустил, что тот

---

[252]Обычные дома Басры были из тростника.

[253]По стиху в «Танбихе» 322, 1, битва произошла между Вавилоном и Акром. Значит, подразумеваемый Акр, как и Вавилон, лежал на восточном берегу Евфрата, и это был не Акр у Кербелы, который нужно искать к западу от Хиндийи. Трудность при этом составляет лишь описание пути, которым шёл Маслама, у Таб. 1395: «он шёл вдоль Евфрата и остановился у Анбара, затем навёл мост через реку (*‘алайхи*) против деревни Фарит и двинулся дальше, пока не остановился перед Язидом (у Акра)». Так как Анбар лежал на восточном берегу, Масламе пришлось бы оттуда сначала у Фарита перейти на западный, а потом снова назад на восточный — подобно тому как позднее сделал Кахтаба. О вторичной переправе, однако, ничего не слышно. Но говорится о мосте, по которому сирийцы пришли к Акру и который они сожгли за собой. Нёльдеке отождествляет Акр (ἄκρα) с Каср (castra) — вероятно, справедливо, так как старый Нил впадает между Касром и Вавилоном, а поле битвы лежало у впадения Нила между Акром и Вавилоном. — Топографические указания у Таб. 1397 неясны и не становятся яснее и по Ибн Серапиону.

перешёл к нему через Евфрат и спокойно разбил лагерь поблизости. Ибо два вождя сект, имевших большое влияние на массу, — Самайда и Абу Руба — возразили против того, чтобы он ни с того ни с сего, да ещё ночью, напал на сирийцев, которые ведь тоже мусульмане, не дав им прежде призывом к Корану и сунне возможности обратиться[254]. Он покорился, как некогда Али при Сиффине, но потерял всякий остаток доверия к своим войскам и громко выразил отчаянное желание: если бы вместо несметной массы у него были его аздиты из Хорасана!

В пятницу (субботу) 14 сафара 102 года (24 августа 720 г.) Маслама, сжёгши за собой мост, начал наступление. Иракцы не устояли, и первыми обратились в бегство тамим Куфы. Словно волк ворвался в овечье стадо. Язид не удивился; совет отступить с верными людьми в Васит, куда путь ему был открыт, он отверг. Он искал смерти на поле битвы и нашёл её. С ним пали двое его братьев и благочестивый Самайда. Было взято несколько сот пленных, особенно при штурме лагеря. Затем бóльшая часть их была казнена, среди них и несколько тамимитов, тщетно надеявшихся на благодарность за то, что своим бегством облегчили сирийцам победу. В свою очередь и сын Язида в Васите предал мечу наместника Ади ибн Артата с тридцатью другими басрийцами из противной партии, бывшими в его руках.

Масса бежавших рассеялась на все четыре стороны. Преследование было направлено лишь против Мухаллабидов; их травили, как дичь. Сначала они собрались в Басре, а с ними и несколько знатных йеменцев из Куфы, потомков аль-Ашаса и Малика аль-Аштара. Там они сели на корабли и высадились на побережье Кермана. Изгнанные оттуда, они искали убежища в индийском Кандабиле, но и там не нашли. Все способные сражаться мужчины среди них, за исключением двоих, пали от меча преследователей; их отрезанные головы были присланы в Сирию и выставлены в Халебе. Одиннадцать взятых в плен юношей привели к халифу и казнили. Остальных пленных, женщин и детей, вопреки всякому исламскому обычаю выставили на продажу в Басре; но аль-Джаррах ибн Абдаллах аль-Хаками, один из самых дельных и верных чиновников Омейядов, знал, что прилично, и выкупил их. Имущество семьи, естественно, было конфисковано[255].

---

[254]Так, вероятно, обстояло дело; Абу Михнаф не рассказывает, что Масламе пришлось переходить через Евфрат, см. предыдущее примечание. Самайда был бывшим хариджитом, Абу Руба — мурджиитом. Мурджииты сламывали острие у старых партий и стремились к сближению с джамаа, с кафоличностью. Омейядское правление и они отвергали, но вопрос «Али или Усман?» предоставляли Богу. Они полагали, что и те, кто следовал ложному имаму, могли от этого всё же быть добрыми мусульманами. Они протестовали против того, что хариджиты считали мусульманами лишь себя, что они вообще о вероисповедном состоянии каждого всегда имели твёрдое суждение и тем предвосхищали суд Божий. «Мы, мусульмане, в противоположность идолопоклонникам все исповедуем одного и того же Единого Бога и связаны исламом: хариджиты заблуждаются в своей противоположной теории, как бы благочестивы и серьёзны они ни были в остальном. Я не знаю, чтобы решение спора между Али и Усманом было открыто в каком-либо стихе Корана; оба они рабы Божьи, и Бог будет судить их в Судный день по их делам». Таков смысл неверно переведённого ван Флотеном (ZDMG 1891, с. 163) исповедания одного мурджиита.

[255]Ср. стихи Джарира в «Абу-ль-Фиде» Райске 1, adn. 207. В египетском издании 1313 г. х. их нет.

Ирак был сначала поручен победителю при Акре Масламе ибн Абд аль-Малику, который назначил новых чиновников в Куфе, Басре и Хорасане. Но вскоре он был смещён, потому что не отсылал излишек провинциальных касс в Дамаск[256]. На его место вице-королём над Ираком и Востоком стал Умар ибн Хубайра аль-Фазари из Киннасрина, при Умаре II управлявший Месопотамией. Он был кайситом чистейшей воды и соответственно правил[257]. Азд и йемен вообще, особенно в Хорасане, страдали от этого; их оттесняли и унижали, мухаллабидски настроенных или заподозренных в таком настроении пытали и выжимали. Кайс же торжествовали; на всём Востоке они могли чувствовать себя господами. Хотя они могли сыграть друг с другом злые шутки, по отношению к чужим племенам они верно держались вместе. Весьма поучительна в этом отношении история, вообще-то не слишком надёжная, рассказанная у Таб. 1453 сл. Наместник Хорасана Саид ибн Амр аль-Хараши, кайсит, наказал другого кайсита, Макиля ибн Урву в Герате, который считал, что не обязан ему повиновением, потому что был поставлен над Гератом не им, а прямо Ибн Хубайрой. Ибн Хубайра принял сторону против аль-Хараши и выдал его на месть его противнику, который должен был замучить его до смерти. Когда же он однажды обратился к обществу, по обычаю регулярно собиравшемуся у него вечером, с вопросом, кто знатнейший человек среди кайс, и получил ответ, что это он сам, он сказал: вот ещё! Знатнейший — Каусар ибн Зуфар ибн аль-Харис: если он велит трубить в рог, придут 20 000 человек и не спросят, зачем он их созвал[258]; величайший же благодетель кайс — это, конечно, я, всегда старающийся лишь приносить им пользу; а храбрейший из них — тот осёл, которого я велел убить. Тогда простой бедуин возразил: как же ты можешь быть величайшим благодетелем кайс, если убиваешь их храбрейшего? Тотчас по этому слову он приказал оставить аль-Хараши в живых. Впоследствии обстоятельства переменились. Ибн Хубайре пришлось бежать от Халида аль-Касри, и его враг аль-Хараши был послан его преследовать. Настигнув беглеца на его корабле, он спросил его: как ты думаешь, что я с тобой сделаю? Я думаю, гласил ответ, что ты как кайсит всё же не выдашь меня касриту. Тут ты прав, сказал тот, — убирайся!

Тень аль-Хаджжаджа действовала и за пределами его могилы — так, что он едва ли этому порадовался бы. Отравленная его враждой с Ибн аль-Ашасом и Ибн аль-Мухаллабом противоположность кайс и йемен после его смерти обострилась ещё больше. Этого добились пристрастия халифов — всё равно, на чью сторону они становились. С противоположной точки зрения Язид II бил в ту же точку, что и Сулайман, после того как в промежуточное правление рана лишь немного зарубцевалась. Под влиянием аль-

[256]И Абд аль-Азиз ибн Марван в Египте этого не делал и не должен был делать. Маслама, может быть, был назначен с тем же преимуществом — в награду за победу.

[257]Поэт аль-Фараздак, хотя сам принадлежал не к йемен, а к мудар, всё же насмехался: недоставало только, чтобы Ираком правил человек из ашджа. Фазара были головой, а ашджа — хвостом кайситских гатафан.

[258]Зуфар ибн аль-Харис, глава месопотамских кайс, везде изображается как особенно благородный и возвышающийся над политическим карьеризмом человек. Его сыновья Хузайль и Каусар унаследовали его авторитет и пользовались большим уважением и у халифов. Ср. Таб. 1300, 1360 сл.; «Агани» 16, 42 и изданные теперь Бартом стихотворения аль-Кутами.

Хаджжаджа он не доверял Мухаллабидам и таил на них в сердце злобу. Недоверие к их устремлениям на востоке царства было обоснованным, а злобу они сами вызвали наружу своим мятежом. Но проскрипция всего знатного и могущественного рода, мера, неслыханная до тех пор в истории Омейядов, была равносильна объявлению войны йемен вообще, и следствием было то, что правление выродилось в кайситское партийное правление. Виноват в этом был халиф: он назначил Ибн Хубайру и дал ему хозяйничать в своей огромной области как угодно. Его мотивом была, правда, вероятно, лишь месть; государственным человеком он не был, и политического значения своего образа действий не взвешивал. В Сирии он не отдавал кайс предпочтения перед куда'а. Куда'а были ядром войска, победившего при Акре; кальбит сразил Язида ибн аль-Мухаллаба, когда тот бросился на Масламу, кальбиты преследовали бежавших Мухаллабидов и уничтожили их.

От примирительной политики своего непосредственного предшественника Язид II далеко отошёл. По Ибн аль-Асиру 5, 50, он отменил то из его правительственных действий, что ему не нравилось. Сразу по вступлении он назначил новых чиновников в Медине и Африке, не производя, однако, тотчас систематической и всеобщей смены. Он велел взимать дань с согдийцев, присоединившихся к исламу на обещании свободы от дани. Так же поступил с берберами его наместник Язид ибн Аби Муслим, но они убили его, вновь поставили его предшественника и вполне по порядку донесли об этом халифу[259]. Тот изъявил своё согласие. Он больше допускал, чем распоряжался; он был слаб и равнодушен. В противоположность Умару II он встал не из политики и не намеренно; если он когда-нибудь принимал добрые решения, то будто бы даже брал его за образец («Агани» 13, 157). Но он был совсем иной натурой. Основной чертой его существа была не пуританская серьёзность, а аристократическое легкомыслие; он был больше кавалером, чем правителем. Провинции он предоставил наместникам и посвящал своё время не делам, а благородным страстям. Изгнанные при его предшественнике бродячие люди при нём вновь вошли в честь. С достоинством фирмы, которую ему приходилось представлять, он мало считался; соблюдать видимость он себе труда не давал. Две певицы, Саляма и Хабаба, играли при его дворе большую роль. Кто хотел чего-нибудь от него добиться, прятался за них: сам Ибн Хубайра будто бы этим путём достиг своего высокого положения (Ибн аль-Асир 5, 75 сл.; «Агани» 13, 157). Смерть Хабабы привела его в такое исступление, что Маслама просил его в таком неистовом настроении хотя бы не показываться публично. Он умер семь дней спустя, как полагали, от горя по утрате любимой девушки. В нём была некоторая романтика, у него было чувство поэзии и музыки; этим он отличался от Сулаймана.

Феофан рассказывает, что Умар II надеялся обратить в ислам императора Льва. Он рассказывает далее, что Язиду II некий иудей из финикийской Лаодикеи предсказал, что он пробудет у власти сорок лет, если уничтожит изображения в христианских церквах своего царства. Побуждённый этим, он будто бы издал общий эдикт против святых икон, но из-за скоро последовавшей смерти тот не был приведён в исполнение и даже не стал известен более широким кругам. Но император Лев будто бы разделял злую ересь и был укреплён в

[259]Таб. 2, 1435. По аль-Балазури 231, наместника убили его берберские телохранители, потому что он велел наносить им на руку слово «телохранитель».

ней христианином с арабским именем Бишр, который, будучи военнопленным в Сирии, принял ислам и после освобождения как следует от него не отказался. Против существования дьявольского декрета халифа вызывает серьёзные сомнения то, что он будто бы вообще стал известен лишь немногим. Простое сообщение, что иудей обещал ему сорокалетнее правление, встречается и у ат-Табари. Но пророчество не сбылось. Язид II правил лишь четыре года и умер в среду 24 шабана 105 года (26 января 724 г.) в Арбаде в Заиорданье. Сведения о возрасте, которого он достиг, колеблются между 33 и 40 годами.

2. Наследником царства он назначил сначала своего брата Хишама, а после него собственного сына Валида. *Talis enim inter Arabes tenetur perpetim norma, ut nonnisi cunctas regum successiones prerogative a principe percipiant nomina, ut eo decidente absque scandala adeant regiminis gubernacula* («Ибо у арабов неизменно соблюдается такое правило, что все преемники царей заранее получают от государя свои имена, дабы по его кончине без смуты принять кормило правления»). Так замечает испанский продолжатель Исидора. Порядок престолонаследия по завещанию действительно примечателен.

Хишам ибн Абд аль-Малик был назван по отцу своей матери, махзумиту Хишаму ибн Исмаилу, и благоволил братьям своей матери. Знаки власти — посох и перстень — он получил в Русафе[260], римском сооружении на краю Сирийской пустыни недалеко от Ракки, которое он обновил и как халиф предпочитал для пребывания, так как считал Дамаск нездоровым. Присягу он принял в столице. На своего покойного брата он походил мало. Он был осторожен и благопристоен, а прежде всего — деловой человек насквозь. Но и от Умара II он отличался не меньше: идеализма в нём не было ничего.

Первым его делом было сломить наглое кайситское правление на востоке царства, сместив Умара ибн Хубайру. На его место пришёл Халид ибн Абдаллах аль-Касри — в шаввале 105 года (март 724 г.). Тем самым Ирак вновь получил правителя, который рядом с Зиядом и аль-Хаджжаджем мог до некоторой степени показаться. Его личность привлекает наше участие сильнее, чем личность самого халифа, хотя о его чреватом последствиями падении мы узнаём больше, чем о его правительственной деятельности.

Он начал свой путь при аль-Хаджжадже и по его настоянию в 91 году прибыл в Мекку, чтобы не дать политическим преступникам Ирака найти там убежище. Эту задачу он решил, сделав домовладельцев ответственными за своих жильцов. Кроме того, он оказал священному городу услугу водопроводом, который, правда, принёс ему так же мало благодарности, как некогда Пилату иерусалимский. Как креатуру аль-Хаджжаджа его затем сместил Сулайман, и с тех пор он не принимался на службу, пока Хишам не извлёк его и не доверил ему важнейший пост в царстве. Как и аль-Хаджжадж, он пребывал в Васите. Он посвятил себя делам мира. По натуре он, по-видимому, был мягок, хотя в энергии у него недостатка не было[261]. Воином его не считали; он слыл трусом, и над ним насмехались за

[260]По Таб. 1468, 16 же — в Химсе (Эмесе).

[261]Что Халид жестоко обходился со своим предшественником и в конце концов убил его, утверждает Вейль 1, 620, ссылаясь на ат-Табари. Но в лейденском издании об этом ничего нет. По нему, Ибн Хубайра, напротив, ускользнул от преследования Халида и затем у себя на родине в Киннасрине попал в руки халифа, который велел дать ему сто ударов и тем не

то, что он испуганно потребовал стакан воды, когда на минбаре получил известие о шиитском путче в Куфе, на который, как потом выяснилось, сбились всего восемь иранцев. Однако у него и мало было поводов вынимать меч из ножен. К концу его управления случилось несколько шиитских и хариджитских выступлений, но лишь одно из них приняло несколько больший размах[262]. В целом же Ирак при нём пережил непривычно долгое время покоя и экономически расцвёл (Таб. 1778, 13 сл.). Несмотря на это, его не любили, а самым горьким образом враждовали с ним. Куча злобных сплетен сметена в статье о нём в «Китаб аль-Агани» (19, 52 сл.), но и у ат-Табари её довольно.

Род каср, из которого происходил Халид, был ветвью баджила. Баджила в языческое время были раздроблены тяжкими внутренними распрями и опустились до ничтожества, и лишь благодаря исламу снова несколько поднялись. У Халида, следовательно, не было за спиной родовой силы — могущественного и уважаемого племени, на которое он мог бы опереться. Если это было невыгодой, то, напротив, выгодой для него в управлении могло казаться то, что баджила не принадлежали ни к мудар, ни к йемен. Происхождение не отводило ему заранее определённого места в дуализме племенных групп. Но кайс естественно должны были видеть в нём врага, так как он был послан, чтобы вытеснить их благодетеля Ибн Хубайру и устранить их господство. По-видимому, и прочие мудар приняли его без благожелательства; одному знатному тамимиту в Басре, строптивому против его тамошнего наместника, потомка Абу Мусы аль-Ашари, это стоило жизни. Даже если он сам пришёл с намерением соблюдать нейтралитет, его всё же затянуло в партийный водоворот; вражда мудар волей-неволей толкала его на сторону йемен. В предании он с самого начала предстаёт закоренелым йеменцем, исполненным ненависти и презрения к мудар и к принадлежавшим к ним курайшитам, даже к самым высокопоставленным; и как гордый баджилит — смешно сказать — он будто бы давал этим чувствам открытое выражение. Это, наверное, сильно преувеличено. С Язидом ибн аль-Мухаллабом, признанным вождём азд, его в этом отношении и сравнивать нельзя. Йемен шумно подняли его на щит лишь после его смещения и ещё больше после его смерти и сделали предлогом мятежа — без его воли и против неё. Сам он вполне ясно сознавал свою полную зависимость от Омейядов (Таб. 1656) и чувствовал себя их слугой, а не главой племени или

менее потом очень обиделся на Язида ибн Ибн Хубайру за то, что тот не захотел иметь его тестем своей дочери. Точно так же Халид мягко обходился с некоторыми мятежниками и сжёг их лишь по прямому приказу сверху (Таб. 1628). Поэту аль-Кумайту он, правда, якобы лишь потому дал ускользнуть, чтобы тот попал у Хишама из огня да в полымя.

[262]Восемь иранцев, из-за которых Халид будто бы потребовал воды, были так называемые *васифа* в Куфе под началом аль-Мугиры «Колдуна» и Баяна; они, может быть, были связаны с аббасидской пропагандой. И Вазир ас-Сахтияни («торговец сафьяном», ср. Яхья ибн Адам 34, 18), который со своим отрядом делал небезопасной округу Куфы, был, по-видимому, иранским мавла и принадлежал к шиитской секте. Напротив, Сахари и Бахлуль были арабскими хариджитами. Первый, сын знаменитого Шабиба, с тридцатью бакритами из Джаббуля на Тигре напал на поместье Халида Мубарак. Бахлуль ибн Бишр поднял более значительное восстание из Мосула, дважды разбил высланный против него отряд, но затем потерпел поражение в битве при Кухайле. Рассказчик об этих мятежниках у ат-Табари — Абу Убайда.

партии. Доказательство своей верности династии он дал тем, что решительно отговаривал Хишама нарушать завещание Язида II и отстранять его сына от преемства, хотя ему не могло быть неизвестно, чего ему самому ждать от того. И после своего падения он сохранил свою благородную лояльность; именно тогда она проявилась в блестящем свете.

Кроме вражды кайс Халид навлёк на себя и вражду ислама. Его мать была и осталась христианкой; он построил для неё церковь в Куфе. Он вообще разрешал христианам строить новые церкви[263], и к иудеям выказывал подобную же терпимость. Некоторых зороастрийцев он брал на службу финансовыми и административными чиновниками. Хариджит Бахлуль упрекал его в том, что он разрушает мечети, строит церкви и синагоги, позволяет зороастрийцам править верующими и разрешает христианам или иудеям владеть мусульманскими женщинами. О нём умели рассказывать ужасные вещи. Он будто бы происходит от иудеев, если не прямо от рабов из Хаджара. Он вырос будто бы среди распутного сброда в Медине и служил там поэту-волоките Ибн Аби Рабии в качестве *postillon d'amour*. Он — *зиндик* (вольнодумец), неверный и порочный. В Мекке он будто бы назвал колодец Замзам, который осмеливался сделать ненужным своим новым акведуком, солоноватой водой с гадами и изрыгал подобные же хулы на Каабу, на пророка и его дом, даже на саму Книгу Божью. Направленное против тупости благочестивого цеха высказывание, что никогда разумный человек не знал Корана наизусть, он, может быть, и сделал. По-видимому, он обладал чувством своего духовного превосходства и не всегда держал в узде свой красноречивый язык, так что давал поводы, которые можно было использовать против него.

Он давал и другие поводы. Он выделялся своим рвением к земледелию и соперничал в этом с Хишамом. Он продолжал то, что начал аль-Хаджжадж; техником, руководившим при нём осушительными работами в области Васита, в болотах нижнего Тигра, был тот же Хассан ан-Набати, что служил ещё тому. Но при этом он работал больше, чем следовало, на себя. Осушением болот он приобрёл весьма обширную и плодородную площадь; его главные имения перечислены поимённо у Таб. 1655. Из доходов с них он получал огромные поступления. На деньги ему не нужно было смотреть; он проявлял расточительную щедрость, особенно по отношению к своим слугам и доверенным, которых этим привязывал к себе. Ему доставляло удовольствие выступать гранд-сеньором. На своих трапезах он, однако, не угождал обжорству гостей, которое ему было невыносимо («Агани» 19, 62).

Понятно, что на это роптали. Вообще досадовали на постройку каналов, то есть на занятие больших участков девственной земли привилегированными, у которых было разрешение и средства её возделывать. Это дело велось тогда с размахом, в крупнейшем масштабе принцами правящего дома и особенно самим Хишамом. Но к нему подступиться было не так легко. Держались его наместника, и без того ненавистного в широких кругах. Самого дела — того, что он использовал средства власти своего служебного положения в

[263]Но в Хире, христианском городе близ Куфы, христиане при его падении нарочито приняли сторону против него (Таб. 1653).

личных интересах, — ему, может быть, не ставили в упрёк прямыми словами; ибо таков уж был стиль, лишь бы при этом уважалась частная собственность и излишек податей в достаточном размере отсылался в Дамаск. Но его упрекали в том, что он, долго выжидая с продажей своего зерна, взвинчивает цену. Полагали также, что деньги, которыми он сорит, происходят не только из доходов с его имений: он, мол, утаивает большие суммы из государственной казны. Его мамона возбуждала зависть, а то, как он старался приобрести ею друзей, восстановило против него гораздо больше врагов.

Тем не менее он оставался почти пятнадцать лет во главе Ирака — дольше любого другого наместника, за единственным исключением аль-Хаджжаджа. Халифу придётся поставить в заслугу, что он так долго его держал. Но в конце концов он всё же уступил натиску его врагов. Знатные курайшиты и Омейяды, которых Халид задел, действовали против него заодно с кайситами (Таб. 1642, 1655 сл.); Хассан ан-Набати, который мог быть осведомлён, был вовлечён в интригу против него. Хишам, правда, не считал его, собственно, политически подозрительным. Но он испытывал к нему своего рода ревность и мог действительно видеть в нём своего хозяйственного конкурента. Он ставил ему в упрёк и его гордый, свободный нрав и непочтительные высказывания о нём самом, которые ему передавали. Итак, он решил сместить его и дать ему в преемники кайсита — сакифита Юсуфа ибн Умара, родственника аль-Хаджжаджа, уже много лет управлявшего провинцией Йемен. При такой смене часто бывало, что смещаемого заставали врасплох совершившимся фактом и он узнавал о своём смещении лишь тогда, когда преемник представлялся ему и требовал от него отчёта; у него не должно было быть времени для приготовлений. Но таинственность, с которой Хишам действовал в этом случае, была всё же необычной; об этом у Таб. 1640 сл. рассказывается забавная история. По его приказу Юсуф ибн Умар с немногими спутниками внезапно появился в Куфе в джумада I 120 года (май 738 г.). Христиане в Хире и сакиф вместе с другими мудар в Куфе предоставили себя в его распоряжение, и никто не оказал ему сопротивления. Сам Халид был в Васите; он спокойно дал себя арестовать и заключить. Его темница была в Куфе; Юсуф избрал резиденцией не Васит, а Хиру. Небольшой христианский город, по-видимому, больше подходил для гарнизона, чем соседний многолюдный мусульманский город Куфа; Хишам и прямо запретил Юсуфу размещать сирийских солдат на постой у куфийцев.

Восемнадцать месяцев Халид с сыновьями сидел в темнице. Ни один йеменец не раскрыл рта; лишь один абсит, человек из кайс, поэтически выразил ему сочувствие (Таб. 1816). Он должен был дать отчёт в государственных деньгах, то есть признаться в утайке крупной суммы и взять на себя её уплату. Испытанным средством для этого была пытка. Но лишь после долгих просьб Хишам дал на это разрешение, и то лишь условно. Самому истязателю он пригрозил смертью, если его жертва не вынесет мук; он нарочно послал телохранителя, который должен был присутствовать при пытке. В шаввале 121 года (сентябрь 739 г.) он распорядился освободить пленника, так как из него ничего нельзя было выжать. Халид отправился тогда к нему в Русафу, но не был им допущен и должен был ограничиться письменными сношениями с его доверенейшим советником, кальбитом аль-Абрашем. В сафаре 122 года (январь 740 г.) он уехал в Дамаск и с тех пор жил там. Юсуф

ибн Умар не переставал преследовать ускользнувшую из его когтей добычу и в конце концов добился от сопротивлявшегося халифа хотя бы приказа выдать ему сына Халида Язида, который, однако, бегством уклонился от ареста. Заодно с Юсуфом действовал префект Дамаска Кульсум ибн Ияд аль-Касри, хотя он и не обязательно был с ним в сговоре; он был двоюродным братом Халида и, вероятно, по должности должен был вести за ним надзор. Может быть, по добросовестности, из служебного рвения, он заподозрил его, пока тот летом 122 года (740 г.) участвовал в походе в Малую Азию, в соучастии в больших поджогах, от которых в то время несколько кварталов Дамаска обратились в пепел[264]; Хишам прислушался к нему, так как не считал его способным на злую волю против своего родственника, и велел арестовать всю челядь Халида; но вскоре выяснилось, что тот не имел с поджигателями никакой связи, хотя они и были иракцами. Когда Халид вернулся домой, он был вне себя, разразился изменническими речами и прибавил, что их смело можно донести тому, против кого они направлены. И в другой раз, когда Хишам через аль-Абраша потребовал от него объяснений, потому что тот будто бы на большом собрании позволил одному хвалителю прямо-таки богохульную лесть, он вспыхнул ярким негодованием и при этом забыл всякое уважение к государю. Тот спокойно проглотил оскорбления и лишь заметил, что он не в своём уме и не знает, что говорит. Он всегда лишь неохотно давал подтолкнуть себя к одиозным шагам против старого слуги, в чьей верности, собственно, сам не сомневался, и потом каждый раз имел повод в них раскаиваться. К его чести служит то, что он чувствовал себя пристыженным и не обижался на открытый гнев Халида, а узнавал в нём свидетельство его чистой совести. В последние годы своего правления он оставлял его в Дамаске в покое, хотя популярность, которую тот там приобрёл, едва ли могла быть ему желанной.

Если при Халиде долгие годы в Ираке царил покой, то при его преемнике очень скоро дело дошло до восстания в столице, открывшего тревожные перспективы. Алид Зайд ибн Али ибн Хусайн ибн Али весьма невольно попал из Медины, местопребывания семьи, в Куфу, но затем там застрял, потому что попал в руки шиитов, которые его удерживали. Они говорили ему, что время исполнилось, что господство Омейядов над Куфой держится лишь на немногих сирийских солдатах, которые не устоят против ста тысяч куфийских ратников. Он дал себя обольстить; осторожен он был лишь в том, что постоянно менял квартиру. Его пребывание длилось в общей сложности около десяти месяцев. За это время он готовил восстание и вербовал также в Басре и Мосуле; в Куфе 15 000 человек вписались в его войсковой список; в присяжной формуле говорилось, что Книга Божья и сунна пророка будут взяты за руководство, неправедные властители будут побеждены, слабые защищены, жалованье возвращено лишённым его, государственные доходы (*фай*) поровну распределены между правомочными, обиженным в их праве доставлено удовлетворение, посланные в далёкие походы возвращены домой, а семья пророка поддержана против всех, кто ей противится и не признаёт её права. Юсуф ибн Умар долгое время не имел ясности о движении. Но наконец ему удалось получить точные сведения о деятельности Зайда от двух соучастников заговора, которых он арестовал. Он узнал затем и то, что тот вследствие этих

[264]Об этом деле упоминает и Феофан (A. M. 6232); значит, оно вызвало немалое волнение.

арестов ускорил восстание и назначил срок на среду 1 сафара 122 года (6 января 740 г.). По его приказу в предшествующий вторник мужей Куфы вызвали во двор мечети, заперли там и поставили под охрану нескольких сирийцев. Они, по-видимому, были вполне довольны этой защитой от собственной неосторожности. Когда Зайд с 218 людьми, которых он всё же собрал в тёмную ночь на среду при сильном холоде, хотел их освободить, они сами почти не шевельнули рукой, и ему вскоре пришлось отойти от мечети, потому что против него из Хиры двинулись 2000 сирийцев. В среду он их отбил и устоял против них ещё и в четверг. Но с наступлением ночи его немногим верным пришлось отступить в город перед киканскими стрелками; сам он был смертельно поражён стрелой. Его труп попал в руки сирийцев; тело распяли в Куфе, голову выставили в Дамаске и в Медине. Его ещё совсем юный сын Яхья бежал в Хорасан, несколько лет скрывался в Балхе, но затем был обнаружен и гоним с места на место, пока при Валиде II не пал в бою со своими преследователями.

Хотя это восстание кончилось так жалко, оно всё же важно, потому что к нему примкнули дальнейшие шиитские восстания, от которых в конце концов пало дамасское царство. Вскоре после гибели Яхьи Абу Муслим выступил его мстителем и убил его убийц.

3. Мы составили бы себе ложное представление о халифе Хишаме, если бы представили его себе интересующимся лишь управлением и внутренними делами. Он, правда, не был солдатом, но отнюдь не уклонялся от войн и вёл их энергично всеми средствами, снаряжал огромные войска и не жалел ни денег, ни человеческих жизней. У него всегда были полны руки военных предприятий в самых разных местах.

С самого начала своего правления он с силой возобновил войну против ромеев, застопорившуюся после того, как нападение на Константинополь в 98/99 году (716/17) истощило все силы и всё же ни к чему не привело. Он снова выдвинул пограничные укрепления вперёд (аль-Балазури 165–167) и каждое лето велел предпринимать большие набеги, одновременно два или три в сходящихся направлениях. Командование обычно имели его сыновья Муавия и Сулайман, оба страстные воины. Первый, родоначальник испанских Омейядов, погиб в 118 или 119 году (736 или 737) во вражеской стране, упав с коня на охоте; его отец сокрушался: я воспитал его для халифата, а он гоняется за лисой! Главным же героем этих боёв в предании и сказании выступает аль-Баттал («богатырь»). Прилагались большие усилия, и удавались кое-какие завоевания крепостей и городов, которые, правда, зимой едва удерживались. *Nonnulla prospera per duces exercitus a se missos in Romania terra et pelago gessit* («Через посланных им военачальников он достиг кое-каких успехов в Романии на суше и на море»). Но ромеи оборонялись не без успеха. В 122 году (740) они уничтожили арабское войско у Акроина во Фригии; при этом пал аль-Баттал. В следующем году они со своей стороны напали на столицу Мелитены, но отступили, когда на зов осаждённых из Русафы поспешил сам Хишам.

Наряду с боями против ромеев дальше на северо-востоке шли бои с тюрками по эту сторону Каспийского моря, в которых счастье тоже не всегда было на стороне арабов. В 112 году (730) они потерпели тяжёлое поражение; но затем наступил благоприятный поворот благодаря заслугам Масламы и особенно Марвана ибн Мухаммада.

Почти с ещё большей силой, чем с востока, мусульмане одновременно напирали на Европу с запада, беря христианский мир между двух огней[265]. Уже за пару лет до Хишама они напали из Испании на франков. Первым перешёл Пиренеи эмир аль-Хурр, может быть ещё при Сулаймане. При Умаре II ас-Самх завоевал город Нарбонну; она надолго осталась опорным пунктом и убежищем арабов. Но когда он продвинулся дальше до Тулузы, он пал от франков под началом Эда в зу-ль-када 102 года (май 721). Его преемник Анбаса после нескольких набегов, не всегда им самим руководимых, предпринял в 108 году (726) большой поход, во время которого умер. Это было уже при Хишаме. Затем наступила пауза. Эмиры быстро сменялись и имели дела дома; берберы, составлявшие весьма многочисленный контингент войск, чувствовали себя обойдёнными арабами и ущемлёнными в своём праве как мусульмане и воины; сами арабы раздирались фракциями. Перемена наступила лишь тогда, когда Хишам вместо страстного и ненавистного аль-Хайсама сделал наместником Абд ар-Рахмана ибн Абдаллаха. Тому сначала пришлось удалить занозу в собственной плоти: бербер Мунуза отпал от арабов и сделался независимым в испанской Северной марке, заключив союз с Эдом и женившись на его дочери. Покончив с ним, Абд ар-Рахман обратился против Эда, разбил его между Гаронной и Дордонью и погнался за ним в направлении Луары. Тут в рамадане 114 года (октябрь 732) между Туром и Пуатье он встретил Карла Мартелла, которого Эд позвал на помощь. После нескольких дней перестрелок арабы предприняли яростную общую атаку. Но австразийские франки весь день выстояли, а на другое утро с удивлением увидели, что враги очистили перед ними поле, после того как их предводитель пал. Гиббон рисует себе, что случилось бы, если бы арабы победили: тогда, может быть, ныне в Оксфорде толковали бы Коран и с кафедр доказывали обрезанному народу святость и истинность религии Мухаммада. Заслуга франков перед христианской Европой была велика. Но ромеи на Востоке исполнили работу тяжелее, чем они.

Арабы под Туром не были отражены раз и навсегда. Сам халиф ревностно добивался продолжения войны против франков. Преемника Абд ар-Рахмана, Абд аль-Малика ибн Катана (115 = 733), он призвал к ответу, почему тот не нападает на них. Тот соответственно выступил в поход, но не ушёл далеко. Христиане в Пиренеях его не пропустили и отбросили обратно на равнину. Тогда Хишам поставил на его место Укбу ибн аль-Хаджжаджа (117 год), чьё имя у испанского хрониста мило латинизировано в Aucupa. Но и тот сначала долгое время был занят внутренними делами. Когда же он затем двинулся в Галлию, в Сарагосе его настигли письма, вызывавшие его в Африку, чтобы помочь подавить вспыхнувшее там восстание берберов. Тогда он повернул назад и у Трансдуктинского

[265]Богатейшие и лучшие сведения об этом содержатся в испанском «Продолжении» Исидора; к сожалению, из-за варварской латыни их очень трудно понять. Они собраны и упорядочены д-ром Людольфом Швенковым в гёттингенской диссертации 1894 года под заглавием «Критическое рассмотрение латинских источников по истории завоевания Испании арабами». Ценности этой в высшей степени тщательной работы не вредит то, что автор в собственно восточных вопросах нередко следует превратным представлениям.

мыса[266] переправился с испано-арабским войском через пролив. Решив, что исполнил свою работу в Африке, он вернулся в Испанию и умер в 122 году (740).

Берберы против своей воли оказались ценными союзниками франков. Они были возмущены тем, что, хотя они добрые мусульмане и ревностные участники джихада, арабские чиновники после того, как Умара II не стало, обращались с ними как с платящими дань рабами. Некоторым хариджитским эмиссарам из Ирака, главой которых называют суфрита Майсару, они дали благодатную почву для посева. По Сайфу у Таб. 1, 2815 сл., они сначала вполне лояльно обратились к Хишаму с просьбой устранить их жалобы; но их послы вовсе не были им допущены, и, когда у них кончились деньги, они после некоторого ожидания разочарованно уехали, оставив свои имена в письменном виде — как бы свои визитные карточки. Теперь они убедились, что хариджиты справедливо утверждают, будто притеснения чиновников происходят по приказу самого халифа, который своей жадностью к деньгам принуждает их высасывать кровь из подданных. Вследствие этого они под хариджитским руководством поднялись в страшном восстании, распространившемся от Марокко до Кайравана. Африканские эмиры оказались против него бессильны; и помощь Укбы из Испании значила мало. Дело дошло до триариев: сирийские правительственные войска пришлось двинуть и сюда, как в Ирак. Посланные Хишамом, они в 123 году[267] (741) в очень большом числе появились на театре войны в Марокко под командованием префекта Дамаска Кульсума ибн Ияда аль-Касри[268]. Но даже хорошо вооружённые и опытные в бою сирийцы пали перед полуголыми берберскими всадниками. В большой битве на реке Науам, живописно описанной испанским хронистом, пал Кульсум, и лишь с третью войска его племянник Бальдж смог спастись в Сеуту, а оттуда дальше в Испанию. Это было худшее поражение, какое до сих пор вообще претерпели арабы, — несравненно худшее, чем при Туре. Берберы во имя ислама нанесли арабам на Западе тягчайший удар, хотя в следующем году те одержали победу, вследствие которой смогли удержать за собой Кайраван.

И в вечно беспокойных землях по Оксу, совсем на другом конце царства, при Хишаме было ещё бурнее, чем обычно. Следуя своим князьям, согдийцы при Умаре II присоединились к исламу на условии, что как мусульмане они не должны будут платить дани. Но впоследствии наместники не считали себя связанными этим условием; они делали, как хотели, а так как они часто сменялись, — один так, другой иначе. У всех, однако, сила шла впереди права; если кто-либо однажды признавал свободу от дани, то это была особо

[266]У этого мыса, по испанскому «Продолжению», произошла и битва, в которой пал готский король Родерих; по-видимому, вблизи Гибралтара.

[267]Так верно аль-Балазури 232. По Таб. 1716 (Феофан, А. М. 6231) — уже в 122 году; но в этом году, когда Халид аль-Касри участвовал в походе в Малую Азию, Кульсум ещё был префектом Дамаска. У Феофана (6231) он называется Λαμκακηνός.

[268]Его обычно называют *аль-Кушайри* — так везде у аль-Балазури и Ибн аль-Асира, также у Таб. 1716, 1871. Но *аль-Касри*, как он называется у Таб. 1814 сл., правильно; ибо он был двоюродным братом Халида. «*Разумеется*, кайсит», — замечает Мюллер 1, 449, словно знает это a priori в силу своего знания арабской этнопсихологии и правительственных принципов Хишама (1, 445 сл.). На деле Кульсум был так же мало кайситом, как Малик аль-Аштар (1, 325). Смешение *аль-Касри* с *аль-Кушайри* встречается часто; ср., например, Таб. 1456, 7.

вызванная милость, которую вскоре отменяли. Раздражённые и возмущённые этим, согдийцы бросились в объятия своих старых врагов, тюрок, и призвали их в страну; на их стороне было и сочувствие благочестивых мусульман, выражавшееся не только на словах. Господствующим арабам было очень трудно держаться против этой коалиции; их войска не раз оказывались в опаснейшем положении и должны были быть довольны, если могли спастись с большими потерями. Насколько халиф привык к печальным вестям из Хорасана, видно по тому, что он вовсе не хотел верить, когда однажды к нему действительно пришло известие о победе. Его главное средство исправить положение — смена лиц в командовании — часто не удавалось и всегда имело дурные побочные следствия. Но в конце концов он всё же сделал удачный выбор. После смещения Халида аль-Касри его преемник в Ираке Юсуф ибн Умар надеялся, что ему будет подчинён и Хорасан. Он поставил бы там кайсита чистейшей воды и ещё усилил бы партийную распрю, и без того достаточно злую. Хишам воспрепятствовал этому, по собственному почину назначив старого Насра ибн Сайяра аль-Кинани, опытного офицера и чиновника, не принадлежавшего ни к одному из могущественных в Хорасане племён. Тот показал себя наилучшим образом, но стоял на потерянном посту.

Хишам умер в Русафе в среду 6 раби II 125 года (6 февраля 743 г.). Он был ещё не стар — лишь в середине шестого десятка; но молодым он никогда не был. Внешность его не располагала; он косил. Хотя он, конечно, умел внушить к себе уважение, он не обладал качествами, которые непосредственно производят впечатление на людей, привлекают их или им импонируют. В нём было нечто мещанское. Но он был умён и рассудителен. Благочестивым он лично не давал повода к соблазну; он был корректным мусульманином старого направления; друг традиционалистов аз-Зухри и Абу-з-Зинада и враг новомодных *кадаритов*, поднимавших догматические вопросы и утверждавших свободу воли (Таб. 1777; ср. 1733). Но к своим христианским подданным он от этого не был нетерпим; он разрешил им (мелькитам?) вновь занять кафедру Антиохии, чему им сорок лет препятствовали, правда с условием, чтобы они избрали патриархом не учёного и знатного человека, а простого монаха, его друга Стефана, — на что они и согласились[269]. Своего сына Мухаммада он строго отчитал за то, что тот велел избить христианина, которым считал себя оскорблённым, вместо того чтобы подать на него жалобу кади. Как правитель он стремился держаться над партиями; если бы он только мог изменить и сердца арабов и наместников! Публичности он несколько чуждался; он охотно уединялся на заднем плане в одинокой Русафе и в общении с людьми, посещавшими его там, предпочитал посредничество своего alter ego, кальбита аль-Абраша, на которого мог положиться (Таб. 1, 2816; 2, 1813). Тем не менее нити были у него в руках, он знал своё ремесло и всё время посвящал работе. Его диван, то есть финансовая канцелярия, был в образцовом порядке; Аббасид аль-Мансур восхищался им за это. Он пресёк злоупотребление, при котором военное жалованье жаловалось знатным людям как синекура; никто, даже омейядский принц, не получал его, если не нёс военной службы сам или не выставлял за себя заместителя; свою собственную

[269]Феофан, А. М. 6234; ср. 6236. Казнь ромейских пленных, если их не выкупали и они не принимали ислам (А. М. 6232), не была чем-то особенным, а была старым военным правом.

долю он отдавал своему мавла Якуту, который должен был ходить в поход вместо него. В анекдотах, которые о нём рассказывают так же многочисленно, как об Умаре I, Муавии и Абд аль-Малике, он выступает прежде всего как весьма бережливый и хозяйственный.

Это качество, само по себе, может быть, оправданное противоположным поведением его предшественников, выродилось у него, однако, в роковой порок. Он стремился наполнить свою сокровищницу. Феофан характеризует его словами: κτίζειν κατὰ χώραν καὶ πόλιν παλάτια καὶ κατασπορὰς ποιεῖν καὶ παραδείσους καὶ ὕδατα ἐκβάλλειν («строить по стране и в городе дворцы, разводить посевы и сады и проводить воды»). Это он делал в собственных интересах и вызвал этим такое недовольство, что Аббасиды в своей правительственной программе думали лучше всего зарекомендовать себя подданным обещанием, что не будут строить ни замков, ни каналов: канал — это поместье, а замок принадлежит к нему. Как крупный землевладелец он конкурировал с Халидом и запретил ему продавать своё зерно раньше него, чтобы не сбивались цены. Ещё хуже было то, что он и само государство рассматривал как домен, из которого надо выхозяйничать как можно больше денег. Его мудрость в конце концов свелась к выраженному фискализму. Его наместники должны были сдавать ему как можно большие суммы, а о средствах, которыми они их выжимали, он не заботился. Он повысил дань Кипра и удвоил дань Александрии; он доводил подданных в Трансоксании, в Африке и в Испании до отчаяния. *Cupiditate praereptus tanta collectio pecuniarum per duces Oriente et Occidente ab ipso missos est facta, quanta nullo umquam tempore in reges qui ante eum fuerant extitit congregata: unde non modicae populorum catervae cernentes in eo improbam manere cupiditatem ab eius dicione suas dividunt mentes* («Охваченный алчностью, он через посланных на Восток и Запад военачальников собрал столько денег, сколько никогда не было собрано ни у одного из бывших до него царей: отчего немалые толпы народов, видя в нём неуёмную алчность, отвратили свои умы от его власти»). Так говорится о нём в испанском «Продолжении» (§ 94), с обычным преувеличением в оценке собранных денег. Альфред фон Кремер и его последователи могут считать, что он вернулся к старым здоровым принципам Омейядов после мнимого потрясения государственного хозяйства Умаром II. Во всяком случае конец его сравнительно долгого и трудолюбивого правления был настолько несчастлив, насколько возможно. Нигде он не был популярен и повсюду терпел тяжёлые неудачи. Обширное царство он оставил в гораздо более безотрадном состоянии, чем нашёл его. Не случайно пропаганда Аббасидов вошла в силу именно в его время.

4. Язид II в завещании, которым передал халифат своему брату Хишаму, назначил ему в преемники собственного сына Валида. Валид II походил на отца, только превосходил его во всех мерах. У испанского продолжателя он зовётся Красивым. Он был хорошо сложён и необычайной телесной силы, к тому же полон жизни и большого духовного дарования, которое пробудил и направил его учитель, филолог Абд ас-Самад. Он вырос при дворе своего дяди. Но его юность не была счастливой. Он делал то, что хотелось, и больше ничего. Его будущее ведь было обеспечено; с ранних лет он чувствовал себя наследником власти, и в этом его укрепляло легкомысленное окружение. Хишаму не хватало в нём серьёзности и достоинства; он хмурил лоб из-за того, что тот проводил время на охоте и за вином в

вольном обществе и что музыка и поэзия были ему милее Корана. Он пытался его исправить, но взялся за это не так, как надо, и не достиг цели. Валид не видел благожелательного намерения в поведении брюзгливого старика, а объяснял его тем, что тот не желает ему преемства. Может быть, он в этом и не вполне ошибался; дело было слишком естественным. Во всяком случае поведение неисправимого в конце концов дало халифу повод добиваться его лишения наследства и передать власть одному из собственных сыновей — Масламе ибн Хишаму.

Однако он натолкнулся на решительное противодействие у агнатов и знатных чиновников, тем более что сам Маслама тоже был весельчаком. Прежде всего сам Валид не давал склонить себя к отказу от своего права. Разнообразные обиды, которые ему вследствие этого причиняли Хишам и придворная челядь, лишь ещё больше толкали его к упрямству и ненависти. В конце концов он больше не мог выдержать при дворе. После смерти старого уважаемого Масламы ибн Абд аль-Малика, который ещё до некоторой степени держал его сторону, он покинул Русафу[270] и удалился в отдалённое место пустыни к востоку от Палестины[271]. Там он продолжал свою прежнюю жизнь, только ещё необузданнее, чем прежде. В посетителях, рассчитывавших на его щедрость и на его будущее и находивших у него свой расчёт, недостатка не было. Он подстерегал смерть Хишама и вовсе этого не скрывал. Своим чувствам он никогда не делал насилия и высказывал их в стихах, которые не держал при себе.

Пару лет ему пришлось ждать; тогда наступило событие, которого жаждал не только он. Хишам правил людям слишком долго; они вздохнули с облегчением, когда он закрыл глаза. Едва он умер, как корреспондент Валида в Русафе, до тех пор содержавшийся под стражей, получил свободу и временную власть; он так основательно опечатал наследство, что не осталось ни котла для омовения, ни ткани, чтобы обернуть тело, которое по его приказу тотчас убрали с ложа в комнате, где тот умер. Валид получил известие об этих событиях вместе со знаками власти[272]. Он отпраздновал момент по-своему, в жажде, и сочинил к этому песню, в которой для приправы к своему наслаждению представлял себе плач дочерей покойного. Затем он дал поручение описать имущество Хишама в Русафе и арестовать его близких и чиновников, за исключением, однако, Масламы ибн Хишама; ибо тот, хотя и был его собственно соперником и некогда жестоко им высмеян под вымышленным именем, всегда вёл себя по отношению к нему добродушно и благородно. Сам он отправился на время в Дамаск, чтобы принять присягу в столице («Агани» 111, 12). Из всех провинций явились депутации, наместники письменно засвидетельствовали своё почтение, сообщили о произведённой ими в своих резиденциях присяге и описывали, какое воодушевление вызвала смена на престоле. Было громкое ликование. Новый халиф показал

[270]Это, по-видимому, следует из «Агани» 6, 103; что это случилось лишь в последние годы Хишама, явствует и из другого. Маслама умер в 122 году.

[271]В аль-Абрак или аль-Азрак у вод аль-Агдаф между областью балькайн и фазара («Агани» 6, 104; Таб. 1743), в Аммане (Таб. 1795, 11). Из Таб. 1754, 11 можно было бы заключить, что это место лежало близ Зизы; но это слишком южно.

[272]Сам он в «Агани» 109, 1 (в шестой книге) говорит лишь о перстне; затем (109, 18) называются перстень, посох и свиток; свиток (*тумар*) — несомненно, акт о смерти.

себя и признательным: ожидания, которые с ним связывали, он мог удовлетворить средствами, накопленными для него предшественником. Он повысил жалованье повсюду на десять, а в Сирии на двадцать дирхемов и вернул его гражданам Медины и Мекки, у которых Хишам его отнял, чтобы наказать их за сочувствие Алиду Зайду ибн Али. Он удвоил гостевой подарок Омейядам, приезжавшим его навестить. Он щедро позаботился о содержании немощных и слепых в Сирии и об уходе за ними. Женщинам и детям людей он дарил благовония и одежды.

Но своим врагам он мстил. Прямо против семьи предшественника он, правда, её не направил, потому что тем восстановил бы против себя Омейядов: лишь Сулаймана ибн Хишама он велел высечь и затем держать в заключении в Аммане. Но махзумиты Ибрахим и Мухаммад должны были поплатиться за то, что принимали против него сторону сына Хишама, происходившего от их сестры. Сначала их выставили у позорного столба в Медине, где они сделали себя весьма ненавистными, и отдали на поругание всякому (суббота 17 шабана 125 года = 14 июня 743 г.), затем отправили в Куфу к Юсуфу ибн Умару, чтобы он запытал их до смерти, что тот добросовестно и исполнил. Подобной была участь бану кака из абс, которые тоже укрепляли Хишама в его намерении лишить наследства племянника в пользу сына (Ибн аль-Асир 5, 198). Они были отстранены от власти в Киннасрине и Химсе и выданы на месть фазариту Язиду ибн Умару ибн Хубайре, отца которого двадцать лет назад по приказу Хишама они бичевали: старая братская вражда абс и фазара нашла здесь кровавый эпилог. Как в Химсе и Киннасрине, так и в Медине и Дамаске он сместил наместников Хишама и поставил новых. В Медину он прислал брата своей матери Умм аль-Хаджжадж, Юсуфа ибн Мухаммада ибн Юсуфа ас-Сакафи; в Дамаск — человека из той же семьи, прямо происходившего от аль-Хаджжаджа, Абд аль-Малика ибн Мухаммада ибн аль-Хаджжаджа ибн Юсуфа. Через родство матери он был связан с кайситами.

На двух главных постах, однако, в Ираке и Хорасане, он оставил тех, кого застал, — Юсуфа ибн Умара и Насра ибн Сайяра. Даже аль-Абраша аль-Кальби он до конца держал при себе в том же доверенном положении, какое тот занимал при Хишаме. Его противоположность Хишаму была чисто личного свойства. И в религии он лично хотя и весьма отклонялся от его образца, но в принципах гораздо меньше. Из двух богословских друзей предшественника он ненавидел одного, выразившего недовольство им; к другому, благоразумно молчавшему, был благосклонен. Против еретиков-кадаритов он выступал так же враждебно, как Хишам; он вполне одобрял ссылку их глав на остров Дахлак (близ Массауа) и сохранял её в силе. Религия не должна была переходить за пределы обычая к размышлению. Что он преследовал христиан, можно было бы вывести из некоторых указаний Феофана; но это на него не похоже. Действительно, к мерам против митрополита Петра Дамасского и финансового чиновника Петра Майумского он, по-видимому, вовсе не приложил руки; оба вызвали своё мученичество хулой на ислам и пророка. Переселение киприотов в Сирию с религией ничего общего не имело.

В целом Валид II лишь играл своей властью. Свою правительственную деятельность он рассматривал как спорт, серьёзно и усердно ею не занимался. И как халиф он сохранил своё

пребывание в пустыне Заиорданья (Таб. 1795, 11). Порождённое его юностью горькое и презирающее людей настроение его не покидало. И после смерти Хишама он держался вдали от сферы, к которой, собственно, принадлежал, и отчуждался от круга родственников и равных себе («Агани» 137, 6). С общественным мнением он вовсе не считался и не подпускал его к себе. Теперь у него, разумеется, была канцелярия при дворе, но кони и охотничьи собаки, певцы и певицы, поэты и литераторы по-прежнему составляли окружение, в котором ему было хорошо. Днём он рыскал по пустыне; физическое напряжение было для него потребностью и детской игрой: вскакивая в седло, он мог вырвать из земли кол, к которому была привязана его нога. Ночи он пропивал. Его отличает бьющее через край, безумное чувство силы; он желал, чтобы все женщины были львицами, дабы к ним отваживались подступиться лишь сильные и смелые. Но в пошлой дикости он не тонул целиком. Связи с девками уживались у него с мечтательной любовью к благородной женщине, которой он долго тщетно добивался и которую затем тотчас потерял через смерть. Всякий повод побуждал его к маленьким песням, в которых он изящно и легко, в оригинальной форме, удерживал настроение мгновения. Из них можно было бы почти составить его биографию, если бы они сохранились полнее; но так как он был халифом, его поэзию нельзя было собирать и издавать, а лишь похищать. Порой он даже проповедовал в стихах. Он мог всё, но всё у него было лишь прихотью, а прихоть его менялась в мгновение ока. Он углублялся в учёную богословскую беседу, а затем снова пил и глумился над святым. Он не мог никому отказать в просьбе и при этом мог быть не только вспыльчив, но и жесток, как ребёнок. Было проклятием, что у него была власть[273].

С деньгами Хишама он покончил быстрее, чем думал. Его регулярных доходов ему не хватало; ему нужны были чрезвычайные. Этим воспользовался Юсуф ибн Умар, чтобы купить себе Насра ибн Сайяра, ставшего от него независимым. Он предложил большую сумму, если ему снова подчинят Хорасан, и получил согласие. Халиф вызвал Насра со всей семьёй к себе и поручил ему привезти всякое: охотничьих соколов и коней, музыкальные инструменты, золотую и серебряную утварь. Чтобы раздобыть желаемое, а сверх того много красивых девушек и богато вооружённых рабов, Наср не жалел расходов, но и времени тоже. Когда он наконец отправился в путь, он получил известие об убийстве Валида и повернул назад.

Зато дьявольскому Юсуфу после долгих тщетных усилий удалось теперь заполучить в свою власть Халида аль-Касри. Валиду было за что быть благодарным этому человеку; ибо тот при Хишаме заступался за него и после смерти Хишама никакими соблазнами не дал склонить себя нарушить ему верность. Но он не доверял ему, потому что тот знал больше, чем смел сказать. Он арестовал его и пытался выжать из него разное, чего тот не хотел выдавать, чтобы не погубить других. Не сумев сломить его никаким насилием, он в конце концов продал его за много миллионов его лютому врагу. Юсуф самым жестоким образом перевёз его в Куфу и там замучил до смерти, не сломив его гордости и даже не добившись

[273]Ср. статью о нём в «Агани» 6, 101 сл. Многое в ней ненадёжно. Халид аль-Касри, когда его хотели восстановить против халифа, сказал, что не знает, правдивы ли толки о нём (Таб. 1776 сл.).

того, чтобы он вскрикнул и исказил лицо. Он умер под пыткой в мухарраме 126 года (ноябрь 743 г.) и был похоронен в Хире.

Ещё несколько раньше (Таб. 1820) был убит Яхья ибн Зайд ибн Али; халиф выставил присланную ему голову перед нарочно приглашённым знатным обществом и усилил ожесточение, которое его образ действий вызвал в широких кругах Востока, приказом поступить с иракским тельцом, как некогда с идолом евреев, — сжечь его и развеять пепел по воде. Понятно, однако, что впечатление, произведённое медленной казнью Халида, в тот момент было ещё хуже. Её можно было понять как оскорбление йемен: Юсуф против Халида означал кайс против йемен, а халиф, казалось, отождествлял себя с Юсуфом и другими хаджжаджидами. Чтобы её действительно поняли так, позаботились поддельные и подлинные стихи. Впервые возникло общее политическое возбуждение в Ираке и Сирии; оно связало йеменцев здесь и там. Сирийских йеменцев, преимущественно кальбитов, оно захватило сильнее всего, потому что Халид провёл свои последние годы у них в Дамаске и приобрёл там много друзей. Но возбуждение было направлено не столько против кайс вообще, сколько именно против халифа. И его разжигали личные враги последнего и использовали как средство для своей особой цели. Участие в возникшем из этого фракционном восстании было отнюдь не всеобщим; и если оно и исходило от йеменцев, то на одной стороне стояли не исключительно йеменцы, а на другой — не исключительно кайситы. Кайситские абс приняли сторону *против* халифа, потому что он рассердил их своим поведением в отношении бану кака; с другой стороны, ему пришли на помощь не только бахраниты из Химса (которых А. Мюллер неправильно делает кайситами), но и кальбиты из племени амир и рода Сулайма ибн Кайсана. Огонь вспыхнул не сразу со стихийной силой, а охватил широчайшие круги лишь после убийства Валида. Любой повод был достаточен, чтобы пробудить дремлющую опасность и вызвать вспышку болезненного предрасположения; всякая распря стремилась выродиться во всеобщую племенную вражду. Разумеется, участвовал и ислам; благочестивые были возмущены против безбожного халифа (Таб. 1837), особенно кадариты, у которых для этого было больше всего оснований.

Ещё ко времени, когда Халид аль-Касри жил в Дамаске, восходит то, что против Валида был задуман заговор. Во главе встали его собственные агнаты, омейядские принцы, хотя, может быть, и не они были его интеллектуальными зачинщиками (Таб. 1823). Они были его прирождёнными советниками, но он уклонялся от их общества, их влияния и их контроля и грозил промотать наследие своих отцов, на которое ведь и у них было право. Он задел их и тем, что назначил своими преемниками двоих своих сыновей без промежуточного звена — устройство, с которым в юности имел дурной опыт, — хотя они были ещё несовершеннолетними и вдобавок детьми рабыни, и по обеим причинам по арабским и исламским понятиям неспособными к правлению[274]. Особенно тяжело задетыми этой мерой почувствовали себя многочисленные (Таб. 1794) сыновья Валида I. Их отец был первенцем Абд аль-Малика; уже при смерти Сулаймана они рассчитывали на преемство (Таб. 1345),

[274]Ср. оба письма Валида к Насру у ат-Табари 1755–1764, от вторника 22 раджаба 125 года (21 мая 743 г.) и от четверга 15 шабана 125 года (13 июня 743 г.), написанные Самалем и Надром. Халид аль-Касри отклонил требование заранее присягнуть обоим детям, Таб. 1776.

но всё ещё не дождались своей очереди, а теперь их даже должны были вытеснить потомки Язида II. С ними держались вместе сыновья Хишама и прочие Марваниды; они не были в милости у своего правящего двоюродного брата и рассказывали друг другу, будто он держит для них наготове сто ошейников. Их помощниками, а может быть, и подстрекателями были знатные кальбиты[275] в Дамаске, недовольные и обойдённые офицеры и чиновники, которые будто бы уже подступались к Халиду аль-Касри, чтобы его подстрекнуть. Их имена перечислены у Таб. 1778; больше всего потом заставил говорить о себе Мансур ибн Джумхур. Разумеется, участвовали и сыновья Халида аль-Касри; Язид ибн Халид вынырнул из своего укрытия и сыграл видную роль. Зато на стороне Валида II стояли Суфьяниды, к которым он постольку принадлежал, что через бабку происходил от Язида ибн Муавии ибн Абу Суфьяна; среди них больше всего выступает Абу Мухаммад (Зияд ибн Абдаллах ибн Язид ибн Муавия) ас-Суфьяни. И один Марванид держался его и пользовался его доверием — Аббас ибн Валид ибн Абд аль-Малик.

Антихалифом дал поднять себя на щит Язид ибн Валид ибн Абд аль-Малик, честолюбивейший из братьев, сын пленной согдийской царевны. Он вербовал себе сторонников, рассыпая много денег (Феофан, 6235). Своими речами и поведением он умел расположить к себе и благочестивых (Таб. 1837, 1867). В условленное время он переодетым, верхом на осле, с немногими спутниками отправился в Дамаск и оттуда вошёл в связь со своими приверженцами, большей частью жившими не в самом городе, а по соседству в сельской местности. С их помощью он в пятницу[276], день главного богослужения, охотно избиравшийся для таких выступлений, ворвался в главную мечеть, где находились большие запасы оружия. Он схватил чиновников в городе и велел арестовать также отсутствовавшего наместника[277] и эмира Баальбека. Через открытые ворота к нему пришли 1500 кальбитов из Миззы, а из других соседних селений — люди из гассан, лахм, кинда и т. д., преимущественно из южноарабских племён. Нигде не возникло серьёзного сопротивления; заметного числа солдат у правительства в Сирии, очевидно, не было на ногах; они стояли далеко в провинциях. Уже утром следующего дня Язид III принял присягу дамаскинцев. Он был в добром расположении духа и напевал песенку, к удивлению своих благочестивых спутников; прежде у него на устах всегда был лишь Коран.

Но когда он призвал добровольцев на борьбу против законного халифа, откликнулись немногие. Ему пришлось сильно поднять предлагаемую плату, чтобы собрать 2000 человек. Командование он поручил своему двоюродному брату Абд аль-Азизу.

Валид II велел дать гонцу, принёсшему ему первое известие о возмущении, в благодарность сто ударов плетью. Совет своих верных бежать в Химс, или в Тадмур, или в более близкие крепости он поначалу отверг. Лишь в последний момент, когда войско Абд аль-Азиза уже приближалось, он покинул аль-Агдаф и бросился в недалёкий укреплённый замок аль-Бахра. С ним было двести человек; несколько отрядов всадников спешили к нему

[275]С кальб были связаны несколько настоящих южноарабских родов, живших в округе Дамаска.
[276]Точная дата не указывается.
[277]Он боялся дурного воздуха в Дамаске и жил в Катане.

издалека и поблизости — кальбиты из Тадмура (под началом племянника аль-Абраша), бахраниты из Химса и другие. И Аббас ибн Валид со своими тридцатью сыновьями поспешил ему на помощь, но был вовремя перехвачен Абд аль-Азизом и принуждён примкнуть к его войску.

Гонец за гонцом доносили Валиду о всё более близком приближении врагов; он не обращал на это внимания, пока не увидел их перед собой. Его немногочисленные войска по арабскому обычаю стояли лагерем перед замком. Так как наличные деньги у него кончились, они получили от него лишь вексель на будущее и находили настоящее безнадёжным. Переход Аббаса на сторону противника подал им опасный пример. К тому же кальбиты из Тадмура не хотели сражаться против кальбитов из Дамаска. При этих обстоятельствах у Абд аль-Азиза была лёгкая игра, когда он на восходе солнца перешёл в наступление. Валид, сам участвовавший в бою и сражавшийся храбрее всех, вскоре оказался покинут всеми. Тогда он отступил в замок, сел во внутренней комнате и читал Коран, чтобы умереть, как умер Усман. Так он и принял смертельный удар[278]. Кусок его кожи величиной с ладонь был вручён наследнику Халида аль-Касри как доказательство совершённой мести. Голову отрезал человек по прозвищу «Грошовое лицо» и доставил Язиду. Тот велел её выставить и носить повсюду; лишь через месяц он передал её брату убитого, который, однако, из трусости не посмел её похоронить, сославшись на религиозные причины. День катастрофы — четверг 27 джумада II 126 года, то есть четверг 17 апреля 744 г.[279] Если верить Язиду III, то он был призван к власти волей народа, а Валид II убит в порядке самообороны, поскольку на мирное предложение предоставить решение назревшего спора *шуре* (совещательному собранию) ответил мечом и стал зачинщиком кровопролития (Таб. 1843 сл.).

Когда совершённое стало известно в Химсе, жители разрушили дворец Аббаса ибн Валида, которого считали изменником, и двинулись на Дамаск в убеждении, что суфьяниду Абу Мухаммаду, которого они поставили над собой, стоит лишь показаться перед городом — и тот ему подчинится. Но вышло иначе. Сулайман ибн Хишам вблизи Дамаска разбил их наголову, и они были бы уничтожены, если бы не вмешались Язид ибн Халид аль-Касри и кальбиты. Абу Мухаммаду пришлось отправиться в аль-Хадру, темницу столицы, где лежали ещё двое других Суфьянидов и оба сына Валида II. И выступления в палестинских областях без большого труда были подавлены силой и добром.

5. При торжественной присяге в Дамаске Язид III произнёс содержательную вступительную речь, взяв за образец святого Омейядов — Умара II. Он обязался не возводить построек, не проводить каналов, не копить сокровищ, поступающие в провинции деньги употреблять главным образом для неё самой, не держать военнообязанных слишком долго в поле, дабы ни они, ни их жёны не впали в искушение, не обременять немусульманских землевладельцев так, чтобы они от отчаяния покидали дом и двор, и во

[278]Имена тех, кто ворвался к нему и напал на него, перечислены у Таб. 1830; ср. Таб. 1778.
[279]У Таб. 1810, 6 («Танбих» 324) 27 джумада указывается как четверг, а в 1836, 14 — как среда. Феофан (А. М. 6235) называет четверг 16 апреля, Илия Нисибинский — четверг 25 джумада II.

всякое время выслушивать жалобы слабого на сильного. «Если я этого не сделаю, вы можете сместить меня или призвать к покаянию; если вы знаете человека, более пригодного, чем я, поставьте его во главе, и я первым ему присягну; безусловное повиновение подобает лишь Богу, а не человеку». Халиф говорил этим, вероятно, от души кадаритам, которые в своих политических принципах, должно быть, сходились с мурджиитами, с которыми он тоже кокетничал (Таб. 1867, 1874). Благочестивый демагог Кайс ибн Хани аль-Абси, взявший слово после него, громко похвалил его за столь прекрасное и верное понимание должности государя и одновременно напомнил, чтобы теперь он и слово держал и при надобности охотно дал себя сместить. Далее он обещал своевременно платить жалованье в начале года и довольствие каждый месяц: это, значит, было так же мало само собой разумеющимся, как сегодня в Турции. Но размер жалованья, повышенный предшественником, он снова понизил. За это он получил прозвище *ан-Накис*, ὁ λειψός («Убавитель»).

Он открыто опирался на йемен и особенно на кальб; в его окружении не было ни одного кайсита (Таб. 1837). Наместником Ирака был назначен кальбит Мансур ибн Джумхур, отчаянный и беспощадный человек. Сразу после убийства Валида II он отправился в свою провинцию. Пятьсот кайситов, которые должны были преградить ему путь, спокойно дали себя разоружить, хотя у него было с собой лишь тридцать или даже всего семь человек. Юсуф ибн Умар не нашёл поддержки у сирийских правительственных войск в Хире и Куфе; на местных ратников тогда уже ничего не приходилось. Его попытка отделить кайситов от кальбитов не удалась; они сказали ему: мы тоже из людей Сирии и присягаем халифу, которому присягают они. После смерти Валида II у них больше не было имама, и они не знали, за кого сражаться. Маленький длиннобородый гном колебался между упрямством и малодушием; на миг он вставал на цыпочки, а затем снова погружался в себя. Он попал бы в руки Мансура, метившего в его особу, если бы его не спас начальник сирийцев в Хире, кальбит Сулайман ибн Сулайм, побудивший его бежать и сделавший это для него возможным. Он укрылся в аль-Балке, в Заиорданье. Но там он недолго оставался скрытым: один кальбит вытащил его из женской половины, а затем его бросили в дамасскую аль-Хадру, где человечек выставил себя на посмешище бессмысленным страхом и своей длинной бородой дал повод к грубым шуткам на свой счёт. Жабу держали на верёвке.

Мансур ибн Джумхур уже в начале раджаба 126 года (конец апреля 744 г.) вступил в Хиру и Куфу, завладел кассой, выплатил задержанное жалованье и выпустил заключённых. Города Васит и Басра без сопротивления приняли его чиновников. Но высшую власть в Ираке он удерживал недолго; уже в рамадане или в шаввале 126 года (июль 744 г.) Язид поставил на его место Абдаллаха ибн Умара, о котором мог полагать, что тот особенно приятен иракцам как сын своего отца, халифа Умара II.

Провинция Сиджистан и Синд тоже признала нового халифа и получила наместником кальбита. Точно так же подчинился ему и Египет, по Феофану. Но всё же неверно, когда испанский продолжатель утверждает: *omnes suae patriae (eum) ocius recognoscunt* («все его земли быстро его признают»). Наср ибн Сайяр в Хорасане и Марван ибн Мухаммад в Армении и Месопотамии не чувствовали себя его чиновниками и заняли выжидательную

позицию. Ждать им пришлось недолго: Язид умер в пятницу 12 зу-ль-хиджжа 126 года (25 сентября 744 г.), через 162 дня[280] после своего вступления на престол. Своим преемником он назначил брата, Ибрахима ибн Валида, и притом, как подчёркивается, по настоянию кадаритов, которые, следовательно, оказывали на него не только религиозное влияние.

[280]Так верно Илия Нисибинский.

Глава седьмая. Марван II и третья гражданская война

1. Насилие над Валидом II дало сигнал к гибели омейядской династии. Правящая семья совершила политическое самоубийство. С её законным авторитетом, со святостью её халифата теперь было покончено и в Сирии. И Сирия, краеугольный камень существующего порядка, была теперь втянута в водоворот революции. И там революционное благочестие стало на ноги и приобрело силу. Сами кальбиты, до тех пор лояльнейшие из лояльных и основные войска правительства, нарушили верность и дали склонить себя к возмущению против законного государя. Как потрясение в центре царства подействовало на периферию, можно себе представить. Повсюду развязывались узы, сдерживавшие центробежные силы; повсюду зашевелились многообразные виды оппозиции. Из хаоса всплывали сменяющиеся образования; элементы сбегались вокруг какой-нибудь точки, затем снова разделялись и вступали в другие соединения. Это было самое время для авантюристов и хватов: в одно мгновение они приобретали огромную силу, а затем снова канули в ничто.

Против потомков Абд аль-Малика, особенно против сыновей Валида I и Хишама, на которых лежала вина за убийство Валида II и которым досталась от него выгода, поднялся бастард[281] из боковой ветви правящей семьи — Марван ибн Мухаммад ибн Марван, тогда человек между пятьюдесятью и шестьюдесятью годами (Таб. 1940). Его насмешливо прозвали *Ослом*, потому что он любил пион, который назывался «ослиной розой»[282]. Его отец Мухаммад, брат Абд аль-Малика, долгие годы управлял Месопотамией и Арменией и на этом посту руководил войной против ромеев. Затем на его место встали Маслама ибн Абд аль-Малик и другие. Лишь в 115 году поднялся Марван: он получил по крайней мере Армению и Азербайджан. Пост требовал солдата, и Марван проявил себя таковым, энергично защищая кавказскую марку от тюрок и предпринимая удачные набеги на их территорию. Это положение, на котором он оставался двенадцать лет, было для него военной школой.

Военное дело тогда постепенно изменялось и становилось более техничным. Старые ополчения, мукатила, оказывались довольно непригодными для затяжных и дальних походов и для интересов, им чуждых; их вытесняли и заменяли сирийскими правительственными войсками. Постоянное жалованье каждому способному носить оружие арабу мало помогало для военных целей; если хотели иметь людей, исполнявших приказы и шедших туда, куда их вели, их приходилось вербовать. Уже Язид I платил каждому, кто был готов идти на Медину и Мекку, сверх полного годового жалованья ещё 100 динаров. Язид III предлагал вызвавшимся сражаться против Валида II по 2000 дирхемов; Валид II со своей стороны — своим защитникам по 500 дирхемов. Сирийцы, выступившие в 130 году (748) против южноарабских хариджитов, получили каждый по 100

[281] Anon. Ahlw., c. 26.

[282] Так по сирийским хронистам. А. Мюллер 1, 453 объясняет прозвище по собственному произволу как похвалу и ссылается на «Илиаду» 11, 558. Марвана называют также *аль-Джади*; причины я указать не могу. Ср. Таб. 1912.

динаров, верхового коня и вьючное животное. Даже хариджит ад-Даххак привлекал своих людей высоким жалованьем, которое платил (Таб. 1939). На место племён, старых кадров войска, как собственно отборные войска всё больше вступали настоящие полки, на место глав племён в качестве командиров — профессиональные полковники (*каид*), по которым полки отчасти и получали названия, как ваддахийя и закванийя — по Ваддаху и (Муслиму) Ибн Заквану. Рука об руку с этим шло тактическое улучшение. Прежде сражались по древнеарабскому, освящённому примером самого пророка способу — *суфуфом*, длинными рядами; в промежутке между стоявшими друг против друга линиями происходили тогда поединки, от исхода которых во многом зависело, наступали ли массы или бежали. Теперь старые неповоротливые суфуфы были расформированы и заменены *карадисами* — меньшими подразделениями, одновременно более сплочёнными и подвижными. Введение этих карадисов приписывают Марвану ибн Мухаммаду, и если оно в своих началах, может быть, восходит и выше, то провёл его всё же он. То обстоятельство, что его считали его автором, показывает, сколь велика была его слава как военного организатора.

Вдобавок он знал толк и в интригах политики. Он поддерживал связи во все стороны и был точно осведомлён обо всём, что где-либо замышлялось. Когда вступил Валид II, он от всего сердца его поздравил и одновременно порицал Хишама, которому ведь был обязан своим положением. Заговор против него он осудил в серьёзном письме, но рядом с этим высказывался и совсем иначе (Таб. 1853). Во всяком случае, убийство Валида пришлось ему кстати; он мог выступить против его виновников мстителем и под хорошим предлогом отбить у них добычу. По получении известия о событии он отказал Язиду III в повиновении, двинувшись из Армении в Месопотамию; его сын Абд аль-Малик уже занял для него эту провинцию, так как наместник вследствие смены на престоле решил её оставить. Но у него в тылу взбунтовались сирийские йеменцы под началом Сабита ибн Нуайма аль-Джузами, которых он оставил для защиты от тюрок у Кавказских ворот, потому что не вполне им доверял; они не хотели присягать никакому иному халифу, кроме того, кому присягали их братья в Сирии, и требовали, чтобы их отвели на родину. Это побудило его ещё раз повернуть назад. Они сдались ему и выдали Сабита, но их требование было удовлетворено. Марван велел им вместе с месопотамскими кайситами, составлявшими ядро его войска, двигаться до Харрана; оттуда он их отпустил. Сам он остался в Харране, сочтя за благо присягнуть Язиду III, тем более что тот был готов уступить ему всю область, некогда при Абд аль-Малике подчинённую его отцу, — Месопотамию, Мосул, Армению и Азербайджан.

Но Язид III умер уже через полгода после вступления, и против назначенного им преемника, Ибрахима ибн Валида, признанного лишь в южной части Сирии, Марван тотчас вновь взялся за свой первоначальный план. Он перешёл Евфрат и вступил в Сирию; к нему примкнули кайситы Киннасрина под началом Юсуфа ибн Умара ибн Хубайры, перешли на его сторону и арабы Химса[283]. Лишь у Айн аль-Джарра, у ручья Антиливана, соединяющегося с Литой, он встретил сопротивление; там стояло войско южных сирийцев

[283]У Феофана (A. M. 6235) следует, разумеется, читать *Эмеса* вместо *Эдесса*.

под началом Сулаймана, сына халифа Хишама[284]. Этот Сулайман ибн Хишам провёл всю свою юность в войне против ромеев и лучше всего чувствовал себя в поле во главе своих войск; его лейб-корпусом были закванийя. Марвану, с которым он теперь столкнулся впервые и потом ещё часто, он был не по силам; он был разбит и бежал обратно в Дамаск. Его большое войско распалось; победитель проявил мягкость. Он казнил лишь двух попавших ему в руки кальбитов, участвовавших в убийстве Валида. Остальных пленных он одарил и отпустил; но прежде они должны были присягнуть обоим сыновьям Валида, лежавшим в дамасской темнице. Марван благоразумно выступал не от собственного имени, а как поборник наследников Валида II. Это стоило им жизни, так как они были во власти врагов. Ибо если бы они пришли к власти, можно было с уверенностью предвидеть, что они жесточайшим образом отомстят убийцам своего отца и не пощадят и сыновей Абд аль-Малика. Поэтому Сулайман велел их казнить, как только прибыл в Дамаск. Поручение исполнил Язид ибн Халид аль-Касри; он убил и Юсуфа ибн Умара в темнице, тогда как Абу Мухаммаду ас-Суфьяни удалось ускользнуть и спрятаться. Затем Сулайману как раз вовремя, до прибытия Марвана, удалось улизнуть с таким количеством сокровищ, какое он мог второпях захватить. С Ибрахимом он ушёл в Тадмур, главное место кальбитов.

После того как оба сына Валида II были благополучно убраны с дороги, Марван II велел присягнуть себе самому в Дамаске — в понедельник 26 сафара 127 года, то есть 7 декабря 744 г.[285] Первым, кто принёс ему присягу, был Абу Мухаммад ас-Суфьяни; он утверждал, что сыновья Валида II, умирая, сделали завещание в пользу Марвана, и горько сетовал, что по матери связан с мерзкими кальбитами и тем лишён права на халифат. По Феофану, Марван, взяв Дамаск, убил многих знатных и соучастников убийства Валида и его сыновей, а других изувечил. Едва ли это верно. Он мог, пожалуй, наказать нескольких настоящих убийц Валида, если схватил их. По-видимому, он строго выступил и против религиозных революционеров: он казнил того Кайса ибн Хани аль-Абси, который при присяге Язиду III говорил столь вольно, и преследовал взлелеянных его предшественником кадаритов[286]. Но по арабскому преданию он в первый раз вступил в Дамаск без удара меча и отнюдь не выступил мстителем. То, что труп Язида был вырыт и затем повешен, произошло не по его приказу. Он даже позволил арабам четырёх больших сирийских областей[287] самим избрать себе *вали*; и допустил, что таким образом вали Филастина стал Сабит ибн Нуайм — тот самый человек, что руководил выступлением сирийских солдат на Кавказе против него. Он хотел возбудить доверие и успокоить умы. Когда по завершении дела он вернулся в Харран,

[284]Место описывает Феофан; он называет его Гарис и переводит Лита, будто это значит «Проклятая». По-сирийски место называется Эн-Гара; ср. ZDMG 1897, с. 581. Айн аль-Джарр лежит на пути из Баальбека в Дамаск, Таб. 3, 48.

[285]Так верно Илия Нисибинский; только названный им вторник следует исправить на понедельник по «Танбиху», у которого, в свою очередь, неверно указано число месяца.

[286]Как противник учения о свободе воли он, по Феофану (6241), был фаталистом. На деле он, конечно, следовал не догматическим, а политическим соображениям.

[287]Филастин, аль-Урдунн, Дамаск и Химс. Киннасрин как кайситский объединяется с Месопотамией и отделяется от Сирии.

у него явились даже оба его главных противника и были приняты в милость — Сулайман ибн Хишам и халиф Ибрахим.

Борьба Марвана против сыновей Абд аль-Малика была борьбой против кальб и куда‘а. Кайс держались его и сражались за него. Теперь он и резиденцию свою поставил посреди кайс — в месопотамском Харране. Там жил его отец, там он сам вырос и там чувствовал себя дома[288]. Все его предшественники, говорится в «Танбихе», жили в Дамаске; некоторые, правда, предпочитали пребывание в пустыне. Во всяком случае, если они держались вдали от Дамаска, то не по политическим причинам и не с намерением лишить город звания столицы. Но такое намерение у Марвана, по-видимому, действительно было. Он перенёс правительство в Харран и, как говорит Феофан, перевёз туда все вещи и сокровища из Дамаска. Это имело для него опасные последствия. Вся Сирия, кроме разве северных частей, почувствовала себя вместе с Дамаском лишённой власти. Различие партий в этом чувстве всё больше исчезало; желали возвращения прежнего времени. Естественно, и сочувствие к свергнутой законной семье, имевшей повсюду связи и отношения, нельзя было так легко искоренить и перенести на чужеземного узурпатора, чья мать была рабыней.

Ещё в 127 году Сирия поднялась против Марвана[289]. Восстание, по-видимому, исходило из Филастина, ибо его душой был Сабит ибн Нуайм. Но оно распространилось во все стороны и охватило даже город Химс, державшийся до тех пор Валида II и Марвана. 2 шавваля 127 года, то есть 7 июля 745 г.[290], Марван появился перед Химсом. Тогда жители упали духом, впустили его и выдали тысячу кальбитских всадников, поспешивших им на помощь из Тадмура[291]. Теперь Марван выслал сильный корпус в Дамаск, чтобы выручить город, осаждённый арабами области под началом Язида ибн Халида аль-Касри. Осаждавшие были рассеяны, Язид убит, кальбитское гнездо Мизза сожжено. Затем двинулись на главный город аль-Урдунна, Тивериаду. Осаждавший его Сабит ибн Нуайм был отогнан, затем ещё раз разбит в Филастине и в конце концов[292] взят в плен. Его и его

[288]Феофан объясняет его фатализм тесной связью с оставшимися язычниками арамеями Харрана.

[289]Аль-Вакиди у Таб. 1742 называет 123 год, Илия Нисибинский — даже 129-й. Я следую Феофану (А. М. 6236) и главному рассказу у ат-Табари (1890 сл.); основания для этого выяснятся в ходе последующего изложения. Путаница легко была возможна, потому что Химс дважды осаждался Марваном — в 127 и 128 годах.

[290]Через два дня после праздника разговения 127 года (Таб. 1893).

[291]По Феофану (6236), он велел повесить 120 кальбитов (Χαλβηνοί), но по ат-Табари это были лишь трупы павших. В Химсе жил Аббас ибн Валид I. Эмесцы в 126 году разрушили его дворец, потому что он перешёл к врагам Валида II. Но затем он, по-видимому, вновь приобрёл на них влияние, вызвал у них политическую перемену настроения и склонил их к восстанию против Марвана. Ибо тот после взятия Химса велел его схватить и умертвить в темнице: негр должен был сунуть ему голову в мешок с известью, которую довели до кипения. Этому радовались христиане, которых Аббас, мусульманский ревнитель, восстановил против себя. Их тогда ещё было много в Химсе, и они, может быть, внесли свою лепту в сдачу города Марвану, далёкому от фанатичного ислама. Ср. Феофан, А. М. 6236; его точные указания заслуживают предпочтения перед данными сводки у Таб. 3, 43.

[292]По аль-Вакиди у Таб. 1942, лишь в шаввале 128 года. Что Нуайм ибн Сабит — не кто иной, как Сабит ибн Нуайм, явствует из нисбы аль-Джузами.

сыновей казнили, предварительно отрубив им руки и ноги; изуродованные трупы выставили в Дамаске. Последним настала очередь Тадмура, одного ещё мятежного средоточия кальбитов; туда двинулся сам Марван. Но аль-Абрашу удалось отвратить худшее и выхлопотать мир. Главы города явились к Марвану; лишь немногие, не доверявшие ему, бежали в пустыню.

Марван велел присягнуть своим двум сыновьям в Дамаске и женил их на дочерях Хишама; он собрал на свадьбу весь дом Омейядов. Она была государственным актом; и теперь ещё он думал примирить и связать семью с собой. Для задуманного им похода на ещё не покорный ему Ирак он призвал и сирийцев; он набрал из них 10 000 человек, снабдил их оружием и конями и приказал им соединиться с 20 000 месопотамцев и киннасринцев, которые под началом (Язида) Ибн (Умара ибн) Хубайры в начале 128 года (осень 745 г.) уже спускались вниз по Евфрату. Когда эти десять тысяч проходили мимо Русафы, они уговорили Сулаймана ибн Хишама, жившего там в резиденции отца, встать во главе них как халиф. Хотя Марван обошёлся с ним весьма милостиво и у него были основания сохранить ему верность, беспокойный, воинственный человек всё же не смог устоять перед соблазном, который к нему подступил. Он завладел городом Киннасрином, лишённым войск; со всех сторон к нему туда стекались сирийцы, так что в конце концов под его знаменем будто бы было 70 000 человек. Тогда Марван оставил меньшую часть войск, бывших на пути в Куфу, под командованием Ибн Хубайры у Дурина, а бóльшую лично повёл назад против мятежника, поднявшегося у него в тылу. Он атаковал Сулаймана в его лагере у Хуфафа, недалеко от Киннасрина, и разбил его наголову. К пленным арабам он не проявил милости; их предавали мечу, если они не выдавали себя за рабов и как таковые не получали пощады. Ат-Табари говорит о 30 000 убитых пленных; Феофан же — лишь о 7000 павших всего. Сулайман с остатками войска бросился в Химс, но при приближении врагов бежал оттуда в Тадмур и дальше в Куфу. Войско осталось в Химсе под командованием его брата Саида. Этот город теперь во второй раз был осаждён Марваном и на этот раз лишь через 4 месяца и 22 дня[293] принуждён к сдаче. Нескольких своих злейших врагов Марван казнил; Саида ибн Хишама и его сыновей он заключил под стражу[294]. Когда он схватил и заточил Абу Мухаммада ас-Суфьяни, не говорится: но сам факт твёрдо установлен Таб. 3, 43 и интересен, потому что показывает, что и этого Омейяда увлекло всеобщее течение. Стены Химса были срыты, так же как стены Баальбека, Дамаска, Иерусалима и других видных сирийских городов, кроме лишь Антиохии, где жили преимущественно христиане[295]. Отсюда видно, что Марван, по-видимому, и в этих местах тогда натолкнулся

[293]Так Илия; ср. Феофан 6237. Ат-Табари 1912 даёт десять месяцев; но для этого нет места: может быть, столько длился весь поход 128 года.
[294]По Феофану, он истребил всех родственников и клиентов Хишама; но это неверно, ср. Таб. 3, 43 с 2, 1912. Убийство прославляемого как поборник сирийцев Саксаки у Таб. 2, 1912 один и тот же рассказчик передаёт дважды по-разному. Возможно, следует различать Муавию ас-Саксаки и Абу Илаку ас-Саксаки; последний называется также аль-Кудаи, хотя саксак лишь примкнули к куда‘а, а не принадлежали к ним собственно.
[295]Феофан 6237, 6241.

на сопротивление[296]. Летом 128 года (746) он покончил с Сирией; она лежала, раздавленная, у его ног.

2. Тем временем на востоке царства всё пошло вверх дном. В Ираке Язид III в рамадане или шаввале 126 года (июль 744 г.) сделал наместником сына благочестивого халифа Умара II вместо кальбита Мансура ибн Джумхура, сохранившего, впрочем, влиятельное положение в Куфе. Местопребыванием правительства и стоянкой сирийских солдат была и оставалась Хира. Она была в некотором роде крепостью-цитаделью Куфы; кроме того, столицу держали в узде замок, где у городского префекта была в распоряжении *шурта* (полицейская команда). Куфийцы, понятно, не были в дружелюбных отношениях с чужим войском. Ибн Умар добивался их благосклонности. Может быть, постоянная смена городского префекта, которую он производил (Таб. 1902), отчасти должна была служить этой цели; главным же его средством были деньги. Он вернул арабским ратникам Куфы жалованье, которого их лишили, потому что фактически они не несли военной службы и брались за оружие разве что для мятежа; после смерти Язида III, при вступлении Ибрахима, он ещё и повысил сумму. Сирийцы роптали на это: «ты раздаёшь *наш* фай этим людям, которые ведь наши враги». Но куфийцы в мнимой доброте увидели лишь его слабость. Когда умер Язид III, они сочли его положение настолько поколебленным, что предприняли против него попытку восстания.

У них тогда находился человек, которого можно было причислить к семье пророка, — Абдаллах *ибн Муавия* ибн Абдаллах ибн Джафар, правнук брата Али Джафара. Он пришёл с братьями к Ибн Умару, чтобы выпросить у него денег, а затем застрял в Куфе и вошёл через брак в знатную семью. В силу своего происхождения он казался пригодным в претенденты и был готов дать себя выставить. Зайдийя, то есть шииты, поднявшиеся за пару лет до того под началом Зайда ибн Али против правления Хишама, составили ядро его приверженцев; они ввели его в замок и выгнали оттуда префекта; среди них было много мавали. Но и прочие куфийцы присягнули Ибн Муавии. Затем они вместе с ним двинулись против Ибн Умара в Хире. Тот отнюдь не был деятелен; только ничто не могло вывести его из душевного равновесия. Если воды не хотели спадать, он плыл по течению и убеждался, что и так получается. Пока сам он ел и пил, отражение атаки он предоставил своим сирийским солдатам. Это было нетрудно. Куфийцы разбежались, когда дошло до драки, в мухарраме 127 года (октябрь–ноябрь 744 г.). Лишь зайдийя сражались храбро и продолжали бой ещё несколько дней в замке и на улицах Куфы, пока им не была дарована безопасность, а Ибн Муавии — свободный уход.

Тот ушёл тогда через аль-Мадаин в Мидию. Он ещё не отыграл своей роли; его сторонников не убавлялось, а прибавлялось. Множество людей из Куфы и других мест сбегалось к нему, особенно мавали и рабы, то есть иранцы. Сначала он укрепился в Исфахане, но в 128 году (745/6) перебрался в Истахр в Фарсе. Большие части Мидии, Ахваза, Фарса и Кермана подчинились ему, так как он по своему происхождению казался

[296]Значит, может быть, аль-Вакиди и не неправ, относя пленение и наказание Сабита ибн Нуайма лишь к этому времени.

призванным к власти. Другие выскочки, одновременно появившиеся в той же местности, признавали его, чтобы он их легитимировал; так Мухариб ибн Муса и Сулайман ибн Хабиб[297]. Омейяды и Аббасиды, не чувствовавшие себя в безопасности дома, укрывались под его крылами и надеялись выклянчить у него должность или подарок. Шиизм, благодаря которому он поднялся, был для него потом совершенно второстепенным делом; вокруг него собиралось пёстрейшее общество. Так на бесхозном Востоке внезапно возникло эфемерное царство широкого охвата — характерный знак времени.

От Ибн Муавии Ибн Умар благополучно избавился (мухаррам 127 года); Марвана II (сафар 127) он не признал. Напротив, после того как прежнее правительство в Сирии было свергнуто, он продолжал его в Ираке, не провозглашая, однако, себя халифом. Его опорой были сирийские йеменцы (куда‘а и кальб), которые, правда, держались его лишь за неимением лучшего. Они уже давно как главная составная часть правительственных войск образовывали своего рода колонию в Куфе и Хире, но теперь, когда их собственная родина стала им немила или закрыта, выступили больше. Их усилили эмигранты, которые не могли или не хотели помириться с Марваном, — братья и сыновья Халида аль-Касри, кальбитские офицеры вроде Мансура ибн Джумхура и другие главы побеждённой в Сирии партии, приводившие, естественно, и своих людей. Под йеменцами, играющими у ат-Табари роль в военных событиях этого времени, обычно следует понимать именно этих сирийских йеменцев Куфы.

Против Ибн Умара Марван поначалу ничего не мог сделать, кроме как противопоставить ему одного из его собственных начальников — ан-Надра *ибн Саида аль-Хараши*. Тот был кайситом, сыном видного офицера и чиновника из школы аль-Хаджжаджа, и ему удалось перетянуть к себе мударитов сирийского войска. Но йеменцы, прежде всего кальбиты, бывшие в большинстве и к которым принадлежал и верховный предводитель Асбаг ибн Зуала, один из убийц Валида II, остались верны старому наместнику, и он смог удержаться в Хире, тогда как Ибн аль-Хараши укрепился в Дайр-Хинде. Четыре месяца оба соперника вели между Хирой и Куфой бои, в которых, впрочем, вряд ли дошло до настоящей кровавой рукопашной. А затем общая опасность побудила их помириться.

Именно, на сцену и на время на передний план выступили хариджиты. Прежде они всегда были очень немногочисленны и потому вынуждены ограничиваться малой войной. Этим они доставляли немало хлопот даже такому наместнику, как аль-Хаджжадж, но сами едва ли всерьёз стремились к власти, а вели совершенно неполитическую политику — с целью спасти свою душу, а не приобрести исламский мир, с которым они, напротив, не хотели иметь ни малейшей общности. Теперь их маленькие кучки разрослись в огромные массы; они отказались от своей резкой исключительности и принимали всякую помощь. От перебегавших к ним они, правда, ещё требовали исповедания своей формулы веры, но не отвергали никаких союзников, желавших сражаться на их стороне. Цель, к которой они

[297]Это, без сомнения, не одноимённый кади, служивший в Сирии при Валиде I, Сулаймане и Хишаме.

стремились, была на деле уже не рай, а земное царство. Они соперничали в драке за брошенную в общую свалку власть теми же средствами, что и другие. Ещё немного — и они бы её добыли. Тогда, правда, они перестали бы быть хариджитами.

Движение началось в Месопотамии, родной провинции Марвана, — правда, не среди кайс на юге, а среди раби‘а на севере. Раби‘а всегда держались несколько обособленно от прочих мусульманских арабов, особенно от своих старых соперников мудар, перед которыми им пришлось очистить свою прежнюю область и которым они не желали ни пророчества, ни халифата. В особенности шайбан из бакр, сидевшие в округе Мосула по обе стороны Тигра, со дней Шабиба были передовыми бойцами хариджизма. Среди них после убийства Валида II поднялся Саид ибн Бахдаль как халиф хариджитов. Устранив у себя соперника, он отправился к Куфе, где его ждали лучшие перспективы, чем в области Марвана. Когда он в пути умер, его место занял другой шайбанит — ад-Даххак ибн Кайс из знатного рода мурра, к которому принадлежал и Шабиб. К нему примкнули хариджиты Шахразура, Армении и Азербайджана; под его знаменем было несколько тысяч человек, и с ними он подошёл к Куфе. Оба вцепившихся там друг другу в волосы наместника объединились против него, но не смогли ему противостоять. В раджабе 127 года (апрель 745 г.) они были разбиты так решительно, что им пришлось очистить Куфу. Ибн аль-Хараши отправился к Марвану в Сирию, Ибн Умар бросился в Васит[298], куда частью уже раньше ушли его кальбиты. В шабане 127 года (май 745 г.) ад-Даххак ибн Кайс последовал за ним туда и осадил его. В борьбе против хариджитов отличился Мансур ибн Джумхур; но он же первым перебежал к ним и выдержал их испытание веры, пообещав принять ислам[299] и повиноваться слову Божьему. После некоторого колебания, в конце шавваля 127 года (начало августа 745 г.), капитулировал и Ибн Умар и присягнул ад-Даххаку ибн Кайсу. «Разве ты не видишь, что Бог дарует победу своей религии и что курайшиты молятся позади бакр ибн ваиль!» Этими словами поэт выражает своё изумление тем, что Омейяд признал хариджита из шайбан своим имамом; ибо политический переход был вместе и религиозным. Переворот был действительно изумительным. К тому же Ибн Умар не погнушался остаться в Васите хариджитским наместником над Каскаром, Месеной, Ахвазом и Фарсом, на каковом посту он столкнулся со своим восточным соседом Ибн Муавией.

[298]Так по Таб. 1899. По Абу Убайде (Таб. 1902), оба бежали в Васит, не только Ибн Умар, но и Ибн аль-Хараши, возобновили там свой старый спор и помирились лишь тогда, когда появились хариджиты. Однако и по Абу Убайде Ибн аль-Хараши в Васите не участвовал ни в бою, ни в капитуляции перед хариджитами. Тогда он должен был вскоре исчезнуть и уйти из Васита в Сирию (Таб. 1913). При этом он мог бы убить хариджитского наместника Куфы, как сообщает Абу Убайда у Таб. 1903, 1914. Но по Таб. 1899 сл., 1938 это сделал скорее таглибит Абу Атийя, когда с 70 или 80 людьми пробивался из Васита через Куфу в Сирию.

[299]Хариджиты присваивали имя *мусульмане* лишь себе и называли кафолических мусульман *язычниками*.

Сам ад-Даххак вернулся в Куфу и правил оттуда западной половиной своего царства. Будто бы после двадцатимесячного отсутствия[300], во всяком случае не раньше середины 128 года (весна 746 г.), он был отозван в свою месопотамскую родину — в то время, когда у Марвана были полны руки дел в Сирии. Он пришёл и завладел городом Мосулом, откуда изгнал правительственного чиновника. Всё сбегалось к нему, тем более что он платил очень высокое жалованье; его войско будто бы выросло до 120 000 человек. Число, разумеется, основано на народной оценке, но и по Феофану у ад-Даххака была огромная военная сила. С ним были кальбитские эмигранты и авантюристы; к ним можно причислить и Омейяда Сулаймана ибн Хишама, который спас свой полк, закванийю, из поражения при Хуфафе и с 4000 человек присоединился к хариджитам.

Пока Марван покорял Сирию, он оказался в опасности потерять Месопотамию — опору своей власти. Однако он не снял осады Химса, которой был как раз занят, а поручил пока своему сыну Абдаллаху, оставленному им в резиденции Харран, выступить против ад-Даххака и не дать ему продвинуться дальше от Мосула. Абдаллах дошёл до Нисибина; там после неудачной стычки ему пришлось остановиться и отступить за стены города. Там его осадили; попытка ад-Даххака стремительным ударом захватить переправу через Евфрат у Ракки не удалась. Тем временем Марван наконец покорил Химс и теперь лично двинулся через Ракку против хариджитов. Войска встретились у Кафартуты. Ад-Даххак, имевший обыкновение безоглядно подвергать себя опасности, пал в передовой стычке. Его преемник аль-Хайбари после паузы возобновил атаку, прорвался до самого вражеского лагеря, но был при этом охвачен с флангов и забит дубинами обозными слугами в лагере. Это случилось к концу 128 года, около сентября 746 г.[301]

Но лишь в следующем году (A. M. 6239 у Феофана, 129 г. х.) хариджиты были побеждены. Их всё ещё было 40 000 человек; своим халифом они сделали яшкурита Шайбана ибн Абд аль-Азиза (Абу Дулафа). По совету Сулаймана он отвёл их на восточный берег Тигра, напротив Мосула; но город они удерживали в своей власти и были связаны с ним наплавным мостом. Марван стал лагерем напротив, на правом берегу; так он провёл долгие месяцы 129 года (746/7), не добившись решающего успеха. Лишь после того, как тем временем Ирак был вырван из их власти, хариджиты не могли больше держаться и на Тигре. Им не удалось отбить войско, которое теперь могло поспешить на помощь Марвану из Куфы, и, чтобы не оказаться между двух огней, они очистили свою позицию у Мосула примерно в конце 129 года (август 747 г.) и ушли через горы на восток.

[300]Так Таб. 1938. По Абу Убайде (Таб. 1914), ад-Даххак ушёл в Месопотамию уже в зу-ль-када 127 года (август–сентябрь 745 г.); и тоже в зу-ль-када 127 года, по нему же (Таб. 1913), Марван покончил с Химсом и получил свободу действий против ад-Даххака. Обе датировки связаны; в обеих неверен год, во второй месяц, вероятно, верен.

[301]С изложением главного рассказа у ат-Табари (Абд аль-Ваххаб) Феофан в основном согласен. По нему, ад-Даххак поднялся в 127 году (A. M. 6236) в Персиде, то есть в Ираке; в 128 году он появился в Месопотамии. Марван сначала выслал против него сына; после взятия Химса пришёл сам и убил мятежника.

Чиновником Марвана, вырвавшим Ирак у хариджитов и тем сделавшим их позицию на Тигре невозможной, был кайсит Язид ибн Умар *ибн Хубайра* из Киннасрина, чей отец при Язиде II владел наместничеством Куфы. Он отправился туда ещё в начале 128 года, но затем долгое время должен был стоять на границе у Каркисии и смог напасть лишь в конце года или в начале 129-го. После нескольких удачных стычек с хариджитским наместником аль-Мусанной ибн Имраном, под началом которого сражался Мансур ибн Джумхур, ему удалось в рамадане 129 года (май или июнь 747 г.) вступить в Куфу[302]. Затем он завладел городом Васитом и взял в плен Ибн Умара. Мансур ибн Джумхур со своими кальбитами бежал в область Ибн Муавии. Туда же отступили и хариджиты, сражавшиеся до тех пор с Марваном на Тигре. Ибн Муавия, сам по себе весьма незначительный, на миг был высоко вознесён обстоятельствами; прежде ему это, наверное, и не снилось. Шииты, хариджиты, кальбиты, Аббасиды, Омейяды объединились у него; все различия, казалось, сглаживались в фанатической вражде к Марвану. Правда, прошло немного времени, и согнанные нуждой вместе остатки перестали ладить друг с другом.

Марван вернулся в свою резиденцию в Харран. Он мог позволить себе отдых[303]. Важнейшие провинции царства — Месопотамия, Ирак, Сирия и Египет — были теперь ему подвластны; и в Аравии хадрамаутские хариджиты, завоевавшие Сану, Мекку и Медину, были уничтожены в 130 году (748). Три года он почти беспрерывно провёл в поле и в борьбе против целого мира врагов совершил необычайное. Своей личной работоспособностью он превосходил всех своих предшественников.

Войну на Востоке против хариджитов и против Ибн Муавии он предоставил своему иракскому наместнику Ибн Хубайре. Войском, которое тот послал ему на помощь против хариджитов, пока они ещё стояли на Тигре, командовал Амир ибн Дубара. Ему теперь поручили и их преследование, и он проник в область Ибн Муавии; вместе с ним действовал другой военачальник Ибн Хубайры, Нубата ибн Ханзала. Ибн Муавия потерпел поражение в бою с Ибн Дубарой у Марв-аш-Шазана в 130 году, бросил своё царство и бежал от врагов в Хорасан: там его прикончили его друзья. Хариджитский вождь Шайбан ибн Абд аль-Азиз аль-Яшкури ушёл на восточное побережье Аравии и в конце концов пал в борьбе с князьями

[302]Так по Абу Михнафу (Таб. 1946), который хотя и не был, как аль-Вакиди, учёным хронологом, но в этом случае должен был знать точно, потому что тогда сам жил стариком в Куфе. Абу Убайда (Таб. 1914 сл.) даёт другие даты, но доверия не заслуживает. Он знает интересные подробности и превосходно рассказывает, но как историк с Абу Михнафом вовсе не сравним.

[303]Было ли у него такое намерение, впрочем, сомнительно. Ромеи воспользовались арабской гражданской войной и выдвинули свою границу на восток. Может быть, он хотел теперь обратиться против них. Из Египта он велел напасть на Кипр, однако тщетно.

Омана, издревле там сидевшими бану джуланда, в 134 году[304]. Сулайман ибн Хишам и Мансур ибн Джумхур уплыли морем в Синд[305].

Но когда начальники Ибн Хубайры взорвали эту авантюрную коалицию и были на лучшем пути к тому, чтобы окончательно подчинить западный Иран власти Марвана, перед ними возникли совершенно новые, зловещие противники — хорасанцы под чёрным знаменем Аббасидов. Тщетно Наср ибн Сайяр, старый многолетний наместник Омейядов в северо-восточной марке, предупреждал об опасности, грозившей оттуда, и настоятельно просил помощи, чтобы её задушить. У Марвана было слишком много дел в центре, и он был рад, что сумел там победоносно удержаться. И вот на вершине успеха перед ним внезапно во плоти предстал чёрный призрак, на который он не обращал внимания. Хорасанцы сделали его тяжкую работу тщетной, когда он, казалось, как раз достиг цели; с Абу Муслимом над ним одержал верх сильнейший.

[304]Так по Таб. 3, 78; ср. 2, 1945, 1949, 1979. Абу Михнаф у Таб. 2, 1948 говорит, что Шайбан ибн Абд аль-Азиз пал уже в 130 году, и именно в Сиджистане. Вероятно, он смешивает его с харуритом Шайбаном ибн Саламой, который одновременно играл роль в Хорасане и действительно пал в 130 году, правда не в Сиджистане, а в Серахсе.
[305]Об их конце см. «Агани» 4, 96; аль-Якуби 2, 430; ат-Табари 3, 72, 80.

Глава восьмая. Арабские племена в Хорасане

1. Окончательное падение Омейядов вызвало восстание иранцев-шиитов в Хорасане. Но это восстание было подготовлено предшествующей историей провинции, особенно постоянной племенной враждой тамошних арабов, которая в свою очередь брала начало в Басре: ибо Хорасан был колонией Басры. Чтобы понять положение в Хорасане, нужно, следовательно, вернуться к отношениям, которые существовали или складывались уже прежде в Басре.

В Куфе в начале омейядского времени ревность племён друг к другу хотя и вела к напряжённости, но не к насильственным вспышкам; там до крови разбивали друг другу головы *политические* партии. Напротив, в Басре поначалу всё выглядело почти как в доисламское время. Там скрыто и открыто царила племенная вражда, только велась она не столько между отдельными племенами, сколько между группами племён. Самой значительной группой были тамим с рибаб; к ним примкнули персидские асавира, и индийские зутт и сайабиджа тоже искали их защиты — именно потому, что они были сильнейшими[306]. Тамим издавна недружелюбно противостояли раби‘а; к бакр в Басре прибавились абд аль-кайс, лишь скудно представленные в Куфе. Йемен были представлены азд, тогда как в Куфе господствовали более знатные и более чистые арабы — мазхидж, хамдан и кинда[307].

Азд стали в Басре могущественны лишь благодаря позднейшему переселению, происшедшему в последнее время Муавии и при Язиде I (Таб. 450; аль-Балазури 373). Находили неуместным, что эти новички, не участвовавшие в великих завоеваниях во времена Умара и Усмана, теперь притязают на равные права со старыми племенами (Таб. 779). Они тотчас сместили прежнее соотношение сил, хотя полной высоты достигли лишь благодаря аль-Мухаллабу и его сыновьям. Тамим поначалу собирались привлечь их на свою сторону и вступить с ними в клятвенный союз, но не сделали первого шага, потому что их влиятельнейший и умнейший советник аль-Ахнаф сказал, что тот, кто себя предлагает, всегда играет в союзе вторую роль. Так их опередили раби‘а и со своей стороны связали себя клятвой с азд (Таб. 450, 1497). А так как тамим держались вместе с *ахль аль-алия*, то есть с кайс, возникло теперь двоечленное деление. Объединённым азд (йемен) и раби‘а противостояли мудар (тамим и кайс). Но не следует думать, будто все азд пришли в Басру лишь около 60 года. Аздиты были там и прежде, и притом они, как и в Куфе, принадлежали к западной ветви, родиной которой были горы Сарат, — преимущественно к даус. Но они мало что значили, пока их не усилило гораздо более многочисленное пополнение. Оно

[306]Аль-Балазури 372 сл.; «Камиль» 82, 16 сл.

[307]Куфийским *арба* («четвертям») соответствуют в Басре и Хорасане *ахмас* («пятины»), а именно: 1) бакр, 2) абд аль-кайс, 3) тамим, 4) азд, 5) ахль аль-алия (= ахль аль-Медина, преимущественно кайситы, Таб. 461, 21; 1382). В Куфе арба — действительно четверти, а в Басре ахмас — действительно пятые части; в остальном же эти выражения, подобно нашему «квартал», употребляются и для других делений, знаменатель которых произволен и не обязательно равен четырём или пяти. К большим племенам, по которым были названы ахмас, были присоединены обломки меньших, например к бакр в Басре — кинда и тайй.

притекало из восточноаравийского прибрежья Оман. Азд Умана в отличие от азд Сарата назывались *мазун*, но, правда, неохотно слышали это имя. В нём, по-видимому, заключался намёк на их смешанное происхождение; в Омане жило много неарабов. Их дразнили и их старым ремеслом — рыболовством, так же как западных аздитов — ткачеством.

В 38 или 39 году Муавия послал Ибн аль-Хадрами в Басру, чтобы с помощью тамим поднять там восстание против власти Али. Ему, должно быть, удалось привлечь на свою сторону большую часть тамим. Заместитель наместника Басры, молодой Зияд ибн Абихи, попросил защиты у бакр; но они не смогли сговориться. Тогда он обратился к азд (Сарата) и нашёл для себя и государственной казны надёжное пристанище у их главы Сабиры ибн Шаймана аль-Худдани (из даус). Али тем временем предпринимал попытки через преданных ему тамимитов отвлечь басрийских тамим от Ибн аль-Хадрами. Первый эмиссар, которому он это поручил, был убит. Второй же, Джария ибн Кудама, имел успех. Тамим выдали Ибн аль-Хадрами, Джария осадил его в Дар-Сунбиле и сжёг вместе с приверженцами. Насмешливые стихи аздита Аранда на это событие до нас дошли; оно долго лежало на тамим как позорное пятно (аль-Мадаини у Таб. 1, 3414 сл.).

Таково начало дружбы азд с Зиядом и его семьёй. Зияд всегда сохранял к ним благодарность (Таб. 2, 80) и указывал на них и своим сыновьям, если те когда-нибудь окажутся в беде (2, 440). По отношению к соперничавшим тамим и бакр они изначально были нейтральным элементом и потому годились в опору правительству.

Настоящая вспышка племенной вражды в Басре последовала лишь после переселения азд Умана и после смерти халифа Язида I, из-за которой омейядское господство повсюду зашаталось. Сообщение об этом у Таб. 2, 433 сл. очень подробно, но несколько запутанно. Стоит распутать узел и изложить простые нити, тем более что иначе об этих чреватых последствиями событиях почти не прочтёшь ни слова, и нигде — правильного. Главный авторитет ат-Табари — Абу Убайда, великий собиратель арабских племенных историй. Его рассказ хотя и дошёл не вполне полностью, но может быть восполнен. С ним в основном совпадает Вахб ибн Джарир.

Абу Убайда 435, 17; 436, 15[308]. Убайдаллах ибн Зияд, наместник Ирака, был в натянутых отношениях с Язидом I, который находил, что убийство Хусайна принесло ему не выгоду, а лишь вред. И вот однажды вечером в Басру прискакал постоянный гонец, которого он держал при дворе в Дамаске, и сообщил ему о внезапной смерти халифа. Он тотчас созвал общее собрание в мечеть, объявил о событии, побранил покойного и подчеркнул свои собственные заслуги перед Басрой. При его вступлении в диване Басры было записано 70 000 ратников (арабов) и 90 000 ремесленников (мавали); теперь — 80 000 ратников и 150 000 ремесленников. Все подозрительные — под этим он разумел особенно хариджитов — сидят под замком. «Вы сильнейшие, сирийцы в раздоре; итак, изберите себе эмира, а когда сирийцы сойдутся на халифе, присоединитесь к ним или нет — ибо вы можете обойтись без других, а они без вас не могут!» Его намерением было предложить себя временным эмиром, так как со смертью халифа совершенно лично понимаемая

[308]Параллельно Вахб 433, 12.

обязанность повиновения правительству отпала. Басрийцы и избрали его и присягнули ему рукопожатием. Но выйдя наружу, они вытерли руки и свою присягу о двери и стены и насмехались, что он думает, будто они последуют за ним во времена раздора и сомнения так же, как во времена единства и порядка. Прошло немного времени, и он уже не находил повиновения[309].

Абу Убайда 437, 15. Сигнал к открытому возмущению подал тамимит Салама ибн Зуайб. Однажды он появился верхом на верблюжьем рынке, в полном вооружении и со знаменем, и призвал признать халифом Ибн аз-Зубайра[310]. Тогда Убайдаллах собрал басрийцев и упрекнул их: ведь они сами добровольно избрали его эмиром, а теперь мешают его органам исполнять его приказы и спокойно смотрят, как провозглашается мятеж. Аль-Ахнаф, глава тамим, обещал привести Саламу, но его сторонники были уже слишком сильны, и аль-Ахнаф не вернулся.

Абу Убайда 439, 10[311]. Убайдаллах был в скверном положении. Даже полицейские солдаты[312] не хотели действовать по его приказу, а лишь по приказу своих офицеров. Братья говорили ему: нет халифа, за которого ты сражаешься и в котором имеешь опору; мы в опасности потерять наше имущество в Басре и даже жизнь. Тогда он решил по примеру и совету отца отдаться под защиту азд против мятежных тамим. С наступлением темноты он отправился со своими сокровищами к Масуду ибн Амру аль-Атаки, предводителю азд, за которым они все следовали[313]. Днём он на это не решился; даже ночью ему грозила опасность быть застреленным стражами, выставленными против хариджитов; одна стрела застряла у него в тюрбане. Когда он наконец благополучно добрался до Масуда, тот испугался: он не хотел из-за него ввязываться во вражду с прочими басрийцами. Однако его удалось успокоить: от него ничего не требуется, кроме как принять пока эмира, а затем переправить его в безопасное место за пределами Басры[314].

---

[309]Поначалу он сделал себя популярным тем, что велел своим финансовым чиновникам день и ночь раздавать государственные деньги — по Таб. 439 восемь миллионов, по Таб. 443 девятнадцать миллионов — племенам и ратникам, которым, собственно, принадлежали доходы с завоеваний (фай), взимавшиеся правительством и за вычетом жалованья накапливавшиеся. Но когда они стали строптивы, он прекратил это и при бегстве взял с собой остаток казны; драгоценности ещё позднее были во владении его семьи. Абу Убайда 439, 10.

[310]Брюннов по собственному произволу делает его эмиссаром, а А. Мюллер — даже доверенным лицом Ибн аз-Зубайра. Предание ничего об этом не знает, и его нельзя невольно приукрашивать. Что оппозиция обратилась к Ибн аз-Зубайру, разумелось само собой. Вербовщик и не появляется верхом со знаменем на рынке. Ср. 452, 15; 465, 2.

[311]Параллельно Вахб 441, 20.

[312]У Таб. 443 они называются *бухарцами* (ср. 464 и особенно аль-Балазури 411), иначе — *хассат ас-султан*, то есть частные войска правительства в противоположность ополчению, ратникам.

[313]Атик — знатнейший род азд Умана, старым главным местом которого была Даба. К атик принадлежал и аль-Мухаллаб.

[314]Вариант Абу Убайды 445, 7 сл. По Вахбу 441, 10 сл., Масуд сразу был готов.

Абу Убайда 446, 3[315]. Тогда басрийцы поручили двоим доверенным лицам предложить им нового эмира. Один из двух предложенных курайшитов рекомендовал себя родством с пророком и с Муавией и был избран. Его звали Абдаллах ибн аль-Харис ибн Науфаль ибн аль-Харис ибн Абд аль-Мутталиб, и у него было прозвище Бабба. Он вступил в замок 1 джумада II 65 года (25 января 684 г.).

Абу Убайда 447, 12; 449, 20. Затем случилось, что один бакрит в мечети хвалился пощёчиной, которую его соплеменник дал знатному курайшиту, а тот спокойно её снёс. Присутствовавшие даббиты (из тамим), принявшие сторону курайш как принадлежащих к мудар, за это едва не забили его до смерти. Тогда все бакр рассвирепели и поднялись против тамим. Во главе их встал Малик ибн Мисма, так как Ашьям ибн Шакик не захотел[316]. Ради нападения на тамим он возобновил ранее заключённый союз с азд, причём Убайдаллах ибн Зияд крепко поддержал его своими деньгами[317]. Азд было уступлено, чтобы их глава, Масуд ибн Амр, имел верховное руководство. Тот сказал тогда Убайдаллаху: пойдём, мы вернём тебя в замок. Но он остался сидеть у дома Масуда, держал перед собой навьюченных и осёдланных верблюдов и каждую минуту давал себе докладывать о положении дел. Масуд пошёл в мечеть и взошёл на минбар; Бабба спокойно предоставил ему действовать. Малик тем временем разорял некоторые кварталы тамим — пока не услышал, что Масуд убит.

Абу Убайда 452, 6. Тамим донесли аль-Ахнафу: раби‘а и йемен ворвались в мечеть. Через некоторое время прибавили: теперь они ворвались в замок. Он не шевельнулся; лишь «волки тамим» под началом Саламы ибн Зуайба поднялись на ноги, а с ними несколько сот мавали под началом Мах-Афридуна. Но когда приходили всё худшие вести, аль-Ахнаф наконец счёл позволительным применить силу; раздался клич: тихая тётушка пришла в движение! Он повязал знамя Абсу ибн Талку, так как Аббада ибн Хусайна не было на месте. Вскоре тот пришёл, но со своими шестьюдесятью всадниками повернул назад, так как не хотел сражаться под началом Абса.

Исхак ибн Сувайд 454, 6[318]. На стороне тамим ревностнее всех сражался Мах-Афридун со своими людьми, каждый из которых выпускал разом пять стрел. Перед таким дождём стрел противники не устояли; тамим ворвались в мечеть, стащили Масуда с минбара и убили его. Ашьям ибн Шакик из бакр ускользнул. Это случилось в начале шавваля 64 года. Ту же дату Абу Убайда (455, 16) даёт для бегства Убайдаллаха, которое, по нему (439, 10), последовало за убийством Масуда.

---

[315]Вахб 444, 6; 444, 17.

[316]Тот же парализующий дуализм предводителей виден уже в 1, 3414; ср. 2, 448. По 455, 5 сл., наоборот, предводителем был Ашьям, а не Малик.

[317]Один из двух документов был отдан на хранение Сальту ибн Хурайсу аль-Ханафи (Таб. 449, 17; ср. «Камиль» 627, 10).

[318]Рассказ Абу Убайды о столкновении у ат-Табари отсутствует; из него приведено лишь (455, 9) ироническое высказывание аль-Хасана аль-Басри: «Масуд проповедовал сунну и запрещал фитну; разве не сунна в том, чтобы удерживать руку от насилия? Но прошло немного времени — и они стащили его с минбара и убили». В пробел вступает Исхак ибн Сувайд, в основном (и в датировке) примыкающий, в мелочах расходящийся. Например, у него предводитель бакр не *Малик*, а Ашьям.

Абу Убайда в «Камиле» 81[319]. Месть за Масуда взял на себя его брат Зияд ибн Амр аль-Атаки, ещё молодой человек. На следующий день он вышел на Мирбад (главную площадь Басры) и построил там своё войско: справа бакр, слева абд аль-кайс, в центре азд. Аль-Ахнаф выстроил тамим: против азд стояли саад и рибаб под началом Абса ибн Талка, против бакр — ханзала под началом Харисы ибн Бадра, против абд аль-кайс — амр ибн тамим. Но до боя не дошло. Ибо аль-Ахнаф велел сказать азд и раби‘а: как басрийские сограждане вы нам милее, чем наши соплеменники-тамимиты в Куфе; вчера начали вы, нарушили домашний мир и подожгли, мы лишь оборонялись, но всё же хотели бы теперь испробовать всё, чтобы найти выход. Зияд предложил на выбор три мирных предложения, после чего войска разошлись. На другое утро аль-Ахнаф решил принять предложение, по которому тамим не засчитывают собственную пролитую кровь, а платят выкуп за кровь азд и раби‘а и за Масуда — особо большую виру. До уплаты тамим дали заложников, добровольно предложивших себя. Стихи аль-Фараздака и Джарира это подтверждают. Аль-Ахнаф и вообще, и особенно в этом случае в необычайной мере исполнил главную задачу арабского *сайида* — сохранение мира[320]. Рядом с ним большую славу стяжал богатый тамимит Ияс ибн Катада, взявший на себя главную часть выкупа (Anon. Ahlw. 187).

В некоторых пунктах Абу Убайду можно исправить по сообщённым фрагментам других рассказчиков. Бегство Убайдаллаха произошло не после убийства Масуда, в шаввале 64 года (455, 18). Напротив, из стиха 463, 5 явствует, что Масуд ещё сам велел проводить его в Сирию. Это говорит и Вахб ибн Джарир (456). Так же и Авана (461), у которого Убайдаллах уходит в Сирию уже в середине джумада II 64 года, через девяносто дней после смерти Язида. Значит, он не был немым зрителем кровавых событий, а вовсе уже отсутствовал. И выбор нового эмира состоялся не ещё в его присутствии — так долго и единения едва ли можно было бы достичь, — а лишь как результат мирного соглашения племён после грозившего разрыва. Так Авана (463): после смерти Масуда и улаживания распри басрийцы сговорились и сделали эмиром сначала Абд аль-Малика ибн Абдаллаха ибн Амира, затем Баббу, пока через три месяца Ибн аз-Зубайр не поставил им наместника. Тогда объясняется и то, почему Бабба у Абу Убайды совершенно пассивен при вторжении азд в мечеть и замок: его как эмира ещё вовсе не было.

Авана говорит далее (461), что Убайдаллах при бегстве оставил Масуда своим заместителем в Басре. Во всяком случае, выступление Масуда произошло *во время междуцарствия* после бегства Убайдаллаха. Он хотел узурпировать вакантный пост эмира (456, 16). Он двинулся не против тамим, а в замок и в мечеть и демонстративно занял место эмира на минбаре; с минбара его и стащили. Тамим изгнали Убайдаллаха; азд не хотели оставить им бразды и решили их опередить, и из-за этого дошло до боя. Отсюда одновременно явствует, что Масуд действовал сам по себе и в собственных интересах, а не был лишь подтолкнут раби‘а. История с пощёчиной — совершенно побочное дело.

[319]И это заключение Абу Убайды у ат-Табари не сохранилось; он ставит на его место вариант Аваны (461, 18).

[320]Заслуга аль-Ахнафа, впрочем, вероятно, несколько преувеличена. По аль-Мадаини (465, 5, 6), посредниками мира были два курайшита.

Из Аваны становится ясна мораль всего: попытка одного *племени* и его главы, может быть уполномоченного ушедшим эмиром, встать во главе целого полностью разбилась о сопротивление соперничающего племени. Возможны в качестве эмиров были лишь стоявшие вне племенного строя курайшиты. Но в том Авана (461) ошибается, что утверждает, будто Масуда стащили с минбара и убили несколько объединившихся с тамим *хариджитов*. По другим, это были, напротив, *персы* под началом Мах-Афридуна, точнее *асавира* (465), издавна примкнувшие к тамим. Хариджиты были общим врагом для всех басрийских племён, в том числе и для тамим; эта опасность главным образом и побудила их не продолжать вражду и сойтись на эмире; а избранный эмир именно потому вскоре должен был отречься, что не исполнил цели, ради которой был избран, и не взялся всерьёз за хариджитов. Решающим является указание аль-Мадаини (465), по которому хариджиты были подсунуты путём фальсификации истории *азд*: азд не хотели, чтобы на них лежал позор того, что тамим убили их князя и откупились от мести деньгами. Замечание Аваны (461, 10), что хариджиты, убившие Масуда, жили на канале *асавира*, выдаёт нечистую совесть.

2. Так из определённого, датируемого повода возникла вражда между азд и тамим, йемен и мудар, как явствует из только что изложенной истории, которая именно поэтому и важна. Мирное соглашение не устранило напряжения. Через два года оно было готово разрядиться вновь, когда Мухтар пытался вести подрывную работу в Басре (Таб. 680 сл.). Однако в боях против хариджитов, оказавших целительное действие, оно превратилось в соревнование; тамим не хотели отставать от азд под началом аль-Мухаллаба. Но если в самой Басре племенная вражда ослабела, то тем опаснее она стала в Хорасане, куда перенеслись племенные отношения Басры, потому что он был завоёван оттуда. Хорасанские арабы были иракцами, большей частью басрийцами, и, как последние, в военном отношении были разделены на пять дивизий. Наместник, как правило, зависел от иракского наместника, но, правда, нередко назначался самим халифом и порой подчинялся прямо ему.

Хорасан был грозовым углом царства, с гораздо более значительным обратным воздействием на центр, чем, скажем, Африка или Испания. Провинция никогда не была умиротворена и никогда не имела твёрдых границ. Арабы находились здесь в постоянной борьбе с тюрками и иранцами. Паузы же они использовали, чтобы терзать друг друга. Как ни были они подвергнуты опасности, вели они себя столь же неполитично, как некогда на своей старой родине; им было хорошо и вольготно в обширной, во многом пустынной стране, хотя отчасти они пришли туда не добровольно. Внешняя опасность их не объединяла, а раздражала и ожесточала, и ислам лишь умножал факторы беспокойства и возбуждения. Хорасан стал вторым Аравией — с той разницей, что он лежал во вражеской области, имел более сложные и грандиозные отношения и позволял анархическим влечениям выражаться беспощаднее и необузданнее. Рассказы аль-Мадаини, которому ат-Табари в хорасанских делах следует почти исключительно, отчасти напоминают эпические повествования об арабской старине, известные из «Китаб аль-Агани». Часто он даёт лишь рыхлую ткань племенных преданий, собрание «дней» (1516, 16), с преобладающим

интересом к героическому или разбойничьему. Хорасанские арабы, и особенно тамим, гордо держались своей национальности и продолжали на далёком Востоке старую племенную жизнь и старые песни и сказания о собственных делах и переживаниях. Правда, им недостаёт той интимной трезвой реалистичности, которая накладывает печать на остатки подлинного древнего арабства.

Завоевание иранского Востока из Басры произошло при наместничестве Омейяда Абдаллаха ибн Амира во времена халифа Усмана. Это был ряд одновременных предприятий в разных местах; они удались не одним ударом и не в один год; обычно заключались договоры, по которым персидские марзбаны в несколько изменённом и ограниченном виде сохраняли своё прежнее положение. Рядом с большими походами с известными предводителями, которыми наносились первые удары, шла безымянная малая война, в которой племена действовали сами по себе, чтобы осесть там, где удастся. На западе, где столицей был Абаршахр (Нишапур), преобладали кайс, особенно позднее (Таб. 1929). На востоке земли бакритов и тамимитов перемешивались; на некоторые области оба племени предъявляли притязание, которое давало первое занятие. Они соперничали не только в Хорасане, но и в Сиджистане. Обе эти соседние провинции составляли одно целое, хотя часто управлялись раздельно. Центр тяжести, лежавший сначала в Сиджистане, позднее переместился в Хорасан; столицей Сиджистана был Заранг, Хорасана — Мерв.

Военачальников по старому обычаю награждали управлением областями, завоевание которых им удавалось. Аль-Ахнаф тогда и в военном отношении играл блестящую роль, но недолго оставался губернатором в завоёванной стране. Как племенной князь тамим Басры он был, может быть, для этого слишком горд. Древнейшими наместниками Хорасана (или частей страны), о которых мы слышим, были Кайс ибн аль-Хайсам и Абдаллах ибн Хазим, оба из *сулайм*, кайситского племени. Смуты после убийства халифа Усмана нашли отклик и на крайнем востоке царства. Марзбан Мерва Махуйя, предатель последнего шаханшаха, добился от Али права, чтобы дихканы платили дань сначала ему; несмотря на эту уступку, он, однако, не поддержал авторитета Али[321]. Как было восстановлено арабское правление, мы не узнаём (ср. аль-Балазури 409). При Муавии наместником снова стал Кайс ибн аль-Хайсам, затем его соперник Абдаллах ибн Хазим[322]. Когда Зияд ибн Абихи в 45 году пришёл в Басру, ему были подчинены и Хорасан и Сиджистан, так что он должен был назначать тамошних чиновников. Он разделил Хорасан на четыре самостоятельных округа — Мерв, Абаршахр (Нишапур), Мерверруд (с Фарьябом и Таликаном) и Герат (с Бадгисом, Кадисом и Бушангом), — но в 47 году объединил их под началом аль-Хакама ибн Амра аль-Гифари, умершего в 50 году. За ним последовал ар-Раби ибн Зияд аль-Хариси, длинный рыжеватый широкоротый человек, завоеватель Сиджистана, который после битвы у ворот Заранга принимал марзбанов для переговоров о капитуляции на поле брани, где он и его арабы сидели, удобно расположившись, на трупах павших. Он был благочестивым

[321]Одновременно арабские хабатат, выдававшие себя за усманидов (то есть нейтральных), завладели столицей Сиджистана; лишь через два года их подчинил офицер Али Хусайн ибн Малик, по которому назван знаменитый Фируз Хусайн, его мавла.
[322]Против аль-Балазури 408 ср. Таб. 2, 65 сл.

мусульманином, и горе от казни Худжра ибн Ади будто бы разбило ему сердце. Тогда в Хорасане были поселены 25 000 басрийцев и 25 000 куфийцев — может быть, не самые спокойные головы. После смерти Зияда (53 год) Восток, казалось, на время стал богадельней для его сыновей. В последнее время Муавии и при Язиде I в Хорасане правили Убайдаллах ибн Зияд, затем после перерыва Абд ар-Рахман ибн Зияд и наконец Сальм ибн Зияд; в Сиджистане — Аббад ибн Зияд и Язид ибн Зияд. Это были сплошь совсем молодые люди. Делами же занимались старые, знающие страну офицеры и чиновники, как Кайс ибн аль-Хайсам ас-Сулами, Аслам ибн Зура аль-Килаби и другие, которые, правда, не жаловали друг друга и, когда у них была власть, злобно друг другу вредили.

Со смертью Язида I и здесь начались племенные смуты. Зунбиль Кабула зашевелился, разбил наместника Сиджистана Язида ибн Зияда и взял в плен его брата Абу Убайду. Тогда место Язида занял Тальха ат-Талахат, богатый хузаит; он заключил мир с зунбилем и за высокую цену выкупил пленного Абу Убайду. Но вскоре он умер, а бакриту, которого он оставил своим преемником, тамим не подчинились, а изгнали его, после чего вспыхнула вражда между мудар и раби‘а, и зунбиль извлёк из неё выгоду (Ибн аль-Асир 4, 84; аль-Балазури 397). Это отразилось на Хорасане. Правивший там Сальм ибн Зияд пытался скрыть смерть халифа и несчастье своих братьев (в Сиджистане и Басре). Когда это стало уже невозможно, он призвал арабов присягнуть ему как временному эмиру на время междуцарствия. Они это и сделали, но вскоре отреклись от него. Он улизнул, оставив своим наместником в столице Мерве аздита аль-Мухаллаба, которого привёл с собой из Басры. Но этим арабские вожди не были довольны. Бакрит Сулайман ибн Марсад вынудил у него пожалование Мерверрудом; другому бакриту, Аусу ибн Абдаллаху ибн Зуфару, ему пришлось пожаловать Герат. А когда он при своём отъезде добрался до Нишапура и встретил там Абдаллаха ибн Хазима ас-Сулами, тот призвал его к ответу за то, что он раздаёт Хорасан бакр и мазун (= азд Умана), и вынудил его дать ему грамоту наместника всего Хорасана. Аль-Мухаллаб ушёл из Мерва, так как за ним не стояло племени; ибо азд тогда ещё были немногочисленны в Хорасане. Своим заместителем он оставил тамимита. Тот, правда, оборонялся против Ибн Хазима, но потерпел поражение в бою и умер от ран (Таб. 488–490).

В целом тамим поддерживали Ибн Хазима, который хотя и не принадлежал к ним, но всё же принадлежал к мудар и был враждебен бакр[323]. С ними он начал теперь борьбу против бакр. Сначала он двинулся из Мерва в Мерверруд против Сулаймана ибн Марсада и убил его, затем против его брата Амра в Таликане и убил и того. Беглецы ушли в Герат к Аусу ибн Саалабе. К нему теперь вообще собрались все бакриты; они были в высшей степени возмущены потерей Герата и хотели изгнать всех мудар из Хорасана. Переговоры, к которым тамим принуждали Ибн Хазима, провалились, как он и предвидел: «Раби‘а всегда гневаются на Бога с тех пор, как Он воздвиг пророка из мудар». Бои под Гератом будто бы длились больше года[324]. Бакр опирались спиной на город и с фронта были

[323]По аль-Балазури 414, Ибн аз-Зубайр утвердил его.

[324]Эпизод Таб. 493, 6 — 494, 17 (от Сулаймана ибн Муджалида, современника Абу Михнафа, часто им цитируемого) принадлежит не к этому месту, а к гораздо более

защищены рвом. Так они противостояли всем атакам Ибн Хазима, пока тот не задел их честь и не крикнул им: вы хотите иметь весь Хорасан для себя — разве этот ров и есть весь Хорасан? Побуждённые этим, они оставили свою укреплённую позицию, в сражении в открытом поле потерпели поражение и понесли большие потери; всех их пленных, доставленных до заката солнца, предали мечу. Аус ибн Саалаба ускользнул в Сиджистан, бывший тогда в руках зунбиля, но умер там от ран. Эта племенная вражда между бакр и тамим на Востоке была одновременна с враждой кальб и кайс на Западе и пришлась на 64/65 год (Таб. 490–496); её следствием было длительное ослабление бакр.

С помощью тамим Ибн Хазим подчинил Герат. Однако он не хотел, чтобы они теперь как завоеватели обосновались там. Он пожаловал город своему юному сыну Мухаммаду, дал ему в помощь Букайра ибн Вишаха[325] как командира постоянного правительственного отряда и поручил ему не впускать тамим. Букайр предложил им много денег, если они уйдут. Но эта попытка от них избавиться имела следствием лишь их ожесточение. Они силой ворвались в город, связали Мухаммада, всю ночь мочились на него, пируя, и утром убили его. В такой форме они расторгли дружбу с его отцом. Затем они пошли в Мерв, усилились тамошними соплеменниками и сделали Хариша ибн Хиляля аль-Курайи своим верховным предводителем во вражде против Ибн Хазима. Ибо это была вражда в старом стиле: сражений не давали, отдельные богатыри, каждый из которых стоил больше эскадрона, совершали набеги и выдерживали приключения. Зухайр ибн Зуайб аль-Адави (из тамим) убивал каждого, кого встречал на соловом коне, потому что его брат Ашас был убит неизвестным всадником на соловом коне; вследствие этого масть стала непопулярной. Это характеризует события этой войны. Когда она затянулась, тамим рассеялись и тем ослабили себя. Шаммас ибн Дисар аль-Утариди ушёл в Сиджистан (Таб. 546, 1026), Хариш ибн Хилял ушёл в Мерверруд, некоторое время держался там[326], но в конце концов должен был покинуть Хорасан (Таб. 593–598). Другие тамимиты под началом Зухайра ибн Зуайба бросились в крепость Фартана недалеко от Мерверруда. Там Ибн Хазим осадил их, принудил к сдаче и без пощады казнил (Таб. 696–700). Теперь он, по-видимому, некоторое время спокойно правил в Мерве; но через несколько лет ему пришлось бороться с новым восстанием тамимитов в Абаршахре, которым руководил Бахир ибн Варка ас-Сарими (596, 9). Мерв он доверил Букайру ибн Вишаху, но своего сына Мусу из страха перед тамошними тамимитами в столице не оставил, а велел ему со своими сокровищами уйти за Окс и искать убежища у какого-нибудь царя или в крепости. Затем он двинулся на Абаршахр. Пока он там сражался с Бахиром, в конце 72 года[327] его настигло письмо Абд аль-Малика с

позднему времени. Зато предание Абу-ль-Хасана аль-Хорасани 494, 18 — 495, 7 заполняет пробел в главном рассказе аль-Мадаини.

[325]Он тоже был тамимитом, и именно саадитом; то, что у Таб. 495, 7 он назван ас-Сакафи, — описка. Ср. 860, 10 сл.; 1022, 1; 1030, 13, 20 сл.; 1047, 18.

[326]Он говорит (Таб. 598, 3), что два года спал на камне вместо подушки, подложив руку под голову. Отсюда не обязательно следует (595, 14), что он два года воевал против Ибн Хазима; он мог включить сюда и войну против бакр. Ибо уже в 66 году мы находим его вне Хорасана; ср. «Хариджиты», с. 34. Он пал в 82 году (1066, 15).

[327]Позднейшее указание времени — Таб. 834 сл.

обещанием оставить ему на семь лет наместничество Хорасана, если он признает его халифом. Он воспринял это лишь как оскорбление, так как хотел властвовать собственной силой, и заставил гонца съесть письмо. Тогда его заместитель в Мерве Букайр ибн Вишах получил предложение наместничества от Омейяда и принял его. Против Букайра и Бахира вместе Ибн Хазим теперь не мог удержаться; он пытался пробиться к своему сыну Мусе в Термез. Но Бахир настиг его, и он пал после упорного сопротивления; умирая, он ещё плюнул в лицо Ваки ибн ад-Даурáкийе[328], который его зарезал. Его отрезанную голову наместник Букайр силой забрал себе и послал Абд аль-Малику, выдавая, будто это он сам одолел и убил тирана. С настоящим победителем, Бахиром, он дурно обошёлся и на время заключил его в тюрьму (Таб. 831–835).

Это стало поводом к братской вражде среди самих тамим, и притом особенно среди *саад тамим*, которые в Хорасане и особенно в Мерве преобладали ещё больше, чем в Басре, и к которым принадлежали и Букайр, и Бахир. Мукаис и бутун приняли сторону Бахира, аус и абна — Букайра. Но так как хорасанским арабам в конце концов стало ясно, что власть над страной для них неизбежно будет потеряна, если её не изъять из их борьбы за власть и не узаконить высшим авторитетом, они в 74 году по собственному почину попросили у Абд аль-Малика наместником курайшита, который стоял бы над ненавистью и завистью племён. Он послал члена своего дома — Умайю ибн Абдаллаха ибн Халида ибн Асида, жизнерадостного и щедрого человека. Когда тот прибыл в Абаршахр, Бахир принял его и пытался восстановить против Букайра. Однако успеха в этом он не имел; Умайя утвердил всех чиновников Букайра и предложил ему самому командование постоянным правительственным отрядом. Лишь когда тот отказался от этого поста, с которым было связано заместительство наместника, он пожаловал его его противнику (Таб. 859–862).

Букайр досадовал, что ему пришлось уступить курайшиту, и когда тот был в отлучке в походе, воспользовался случаем, чтобы подняться у него в тылу в Мерве[329]. В его руках были семьи выступивших войск, поэтому Умайя, поспешно вернувшийся, вступил с ним в мирные переговоры. Он уплатил его долги и разрешил ему в течение сорокадневного срока безопасности переселиться в любой город Хорасана, если захочет. Однако Букайр остался в Мерве и продолжал подрывную работу. Обвинениям Бахира против него Умайя не придавал значения, пока их не подтвердили с другой стороны. Тогда его арестовали и, несмотря на запирательство, признали виновным, так как свидетели казались неуязвимыми. В одну из пятниц он был казнён собственным мечом, и притом, так как никто другой не нашёлся, Бахиром, который при этом сказал: один из нас двоих должен умереть, если бану саад должны успокоиться (Таб. 1022–1031).

Последний акт вражды среди бану саад закончился, однако, лишь в 81 году. Семнадцать мужей из *абна*, рода Букайра, поклялись против Бахира. Но они действовали не сообща, а каждый на свой страх. Покушение удалось одному из них — Сасе ибн Харбу. Он добыл у

[328]Названного так по матери, военнопленной, происходившей из Даурака в Хузистане.
[329]Едва ли лишь в 77 году, последнем году Умайи. С Таб. 1053 ср. 1028, 4 сл. и вместе с тем аль-Балазури 416.

родственников Бахира в Сиджистане рекомендацию к нему, вкрался к нему в доверие и затем заколол его закалённым в ослином молоке кинжалом — публично, перед людьми, как подобало, — с криком: вот месть за Букайра! Его арестовали, и он радостно принял смерть. Абна приходили к нему в тюрьму, чтобы поцеловать ему голову; они пришли в большое волнение из-за его казни, так как он ведь лишь исполнил свой долг и совершил законную месть. Однако их удалось успокоить, уплатив им виру за казнённого, после того как некоторое время казалось, что распря между ними и бутун вспыхнет снова (Таб. 1047–1051).

Остаток мятежа кайсита Абдаллаха ибн Хазима всё ещё не был подавлен; отросток его власти сохранялся ещё двенадцать лет после его гибели. Его сын Муса Безбородый вовремя спасся из Мерва и с несколькими сотнями людей переправился за Окс. Разные попытки где-нибудь обосноваться ему не удавались. Наконец он укрепился в Термезе, ниже Балха на другом берегу Окса, а именно в цитадели, лежавшей на выступающей скале. Кайситы собирались к нему, так что у него в распоряжении было около 1100 человек. С ними он совершал набеги во все стороны; соседи страшно боялись его и его конных чертей. Экспедиция, посланная против него наместником Умайей, окончилась безуспешно. Преемник того, аль-Мухаллаб, и его сын Язид оставили его в покое. Присоединением рассеянных остатков войска Ибн аль-Ашаса его войска увеличились до 8000 человек, и он начал простирать руки дальше. При этом его поддерживали два иранских офицера, перебежавших к нему со своей свитой из арабского войска, — Хурайс ибн Кутба и его брат Сабит. Они с давних пор были в отношениях с местными династами страны, особенно с тарханом Самарканда, и с их помощью подняли на ноги войско, чтобы вместе с Мусой сражаться против господствующих арабов. Однако Муса не хотел протягивать руку для нападения на Язида в Хорасане, а лишь изгнать его чиновников из Трансоксании. И действительно, удалось полностью очистить Трансоксанию от остатков арабского господства. Но лучшее при этом сделали Хурайс и Сабит и стали вследствие этого так могущественны, что Муса почувствовал к ним ревность. Тут последовало вторжение тюрок вместе с хайталами и тибетцами в Трансоксанию. Муса уже однажды прежде удачно отразил их нападение. Он и теперь сильно отбил их от Термеза, затем сам перешёл в наступление и нанёс им у Кафьяна поражение, рассеявшее их. При этом пал Хурайс ибн Кутба. Муса не опечалился этим; он охотно избавился бы и от другого брата, Сабита. Но о вероломном покушении с этой целью Сабиту донёс шпион. Он бежал в Хушварагх[330]; к нему собралось много арабов и иранцев, и тархан Самарканда пришёл ему на помощь с большим войском. Вместе они двинулись к Термезу и сильно стеснили Мусу. Но одному арабскому Зопиру удалось втереться к Сабиту и убить его. После этого Муса отважился на ночное нападение на лагерь врагов и добился того, что они ушли. Однако вскоре аль-Муфаддаль, брат Язида и его преемник по наместничеству Хорасана, заключил против него союз с тарханом согдийцев и сабалем хутталян. Против этой коалиции он не смог

[330]Так следует читать; ср. Таб. 1594, 9.

удержаться и при попытке бегства был убит. Термез капитулировал, пленных воинов казнили. Это произошло в 85 году.

3. В то время, когда сила хорасанских арабов истощалась в кровавом раздоре, прежние завоевания в Трансоксании полностью пришли в упадок[331]; наоборот, тюрки отваживались вторгаться в Хорасан и простирали свои грабительские набеги до Нишапура (аль-Балазури 415). Когда вернулись покой и порядок, возобновились и старые нападения. Наместник Умайя был первым после долгого перерыва, кто снова перешёл Окс. Но воином он не был. Своим позорным бегством от хариджита Абу Фудайка он сделал себя невозможным в Ираке и не реабилитировался в Хорасане. После первоначальных успехов (аль-Балазури 426, 10 сл.) он в конце концов потерпел решительное поражение, лишь с величайшим трудом спас себя и войско за Окс и навлёк на себя насмешливый стих: кто назвал его девчонкой (*умайя*), тот попал в точку. Вследствие этого в 78 году ему пришлось уйти. На его место аль-Хаджжадж, получив в придачу к Ираку ещё Хорасан и Сиджистан, поставил аздита аль-Мухаллаба. Тот в середине 78 года покончил с хариджитами в Кермане, но лично пришёл в Мерв лишь в 79 году. В Трансоксании он добился не больше, чем его предшественник. В последний год он безуспешно осаждал город Кеш[332]. Он был рад, что жители обязались к уплате, если он уйдёт; на обратном пути он умер в Загуле (близ Мерверруда) в зу-ль-хиджже 82 года, январь 702 г. Своей воинской славы в Хорасане он не умножил. Тем не менее его приход туда имел огромное значение: он привёл с собой своё племя, сражавшееся до тех пор под его началом против хариджитов[333]. Азд и в Хорасане вступили в союз с бакр и раби‘а[334], и из-за этого мудар (тамим и кайс) утратили свой перевес — по крайней мере пока наместник одновременно бросал на другую чашу вес своего служебного положения.

Главой своей пёстрой семьи и временным преемником в должности аль-Мухаллаб назначил сына Язида, утверждённого аль-Хаджжаджем. Язид воевал в Фергане и Хорезме, а также по эту сторону Окса в Бадгисе; но тоже без всякой, по крайней мере без всякой длительной выгоды. Несмотря на свою роскошь и тучность, он был предприимчив, но больше честолюбив и заносчив, чем дееспособен. Свою зависимость от аль-Хаджжаджа он ощущал тем болезненнее, что он был главой азд, а тот выскочка — кайситом. Весьма неохотно взялся он добить иракских мятежников, бежавших после разгрома Ибн аль-Ашаса

---

[331]Уже при Ибн Амире предпринимались экспедиции за Окс. Их повторяли Убайдаллах ибн Зияд, приведший в Басру отряд пленных бухарцев; его преемник Саид ибн Усман, убитый своими согдийскими рабами; и Сальм ибн Зияд, которому жена родила в Самарканде сына.
[332]Аль-Мадаини рассказывает осаду Кеша *дважды*, с теми же обстоятельствами, под 80 и 82 годами (Таб. 1040 сл., 1077 сл.). Сглаживание хронологического расхождения видно в том, что осада будто бы длилась два года (с середины 80-го по 82-й).
[333]Поэты Сабит Кутна и Кааб аль-Ашкари, оба из азд, пришли в Хорасан из Фарса и Кермана, арены войн против хариджитов. Отдельные аздиты, может быть, и поселились раньше; но лишь благодаря аль-Мухаллабу племя возвысилось там. В прежней вражде между тамим и бакр не заметно ни малейшего следа союза азд и бакр.
[334]О численном соотношении дивизий (*ахмас*) см. Таб. 1291. Тамим выставляли в войско 10 000, азд — 10 000, кайс (ахль аль-алия) — 9000, бакр — 7000, абд аль-кайс — 4000 человек. Круглая сумма — 40 000 способных носить оружие; отсюда общая численность арабов в Хорасане едва ли превышала 200 000.

в его провинцию; из попавших к нему в руки зачинщиков он отпустил йеменцев и выдал лишь мударитов. Аль-Хаджжадж не обманывался насчёт его настроений. В раби II 85 года (апрель 704 г.) он сместил его и поставил на его место аль-Муфаддаля ибн аль-Мухаллаба, интриговавшего против своего единокровного брата Язида. Он, правда, охотнее всего сразу изъял бы провинцию из-под власти Мухаллабидов и азд вообще, но не решался на это, пока Муса ибн Ибн Хазим ещё держался в Термезе и Трансоксании. По крайней мере так полагали, и вряд ли без основания. Аль-Мухаллаб и Язид были убеждены, что против Мусы кайситский наместник непригоден, так как Муса сам был кайситом и пользовался симпатиями кайс. Поэтому они щадили его как полезного врага, чтобы его устранением не сделать излишними самих себя. Аль-Муфаддаль же отошёл от этой семейной политики и взялся за Мусу всерьёз. Этим он действительно подпилил сук, на котором сидел. Ибо как только он покончил с Мусой, его удалили с поста, который он занимал девять месяцев. Хабиб ибн аль-Мухаллаб и Абд аль-Малик ибн аль-Мухаллаб тоже были отстранены от должностей, а сам Язид заключён под стражу. Наместником Хорасана теперь был назначен Кутайба (85 или 86 год), сын преданного омейядскому правительству Муслима ибн Амра из Басры. Тем самым перевес азд и раби‘а в Хорасане, называемых *a potiori* йемен, был сломлен; арабы во времена Кутайбы назывались просто мудар (Таб. 1185, 5). Сам он принадлежал к раздробленному и неуважаемому племени бахила, стоявшему вне больших групп и с трудом находившему место в этнической генеалогии, но по обстоятельствам примыкавшему к кайс[335]. Аль-Хаджжаджу было желанно, что у Кутайбы не было сильной родовой опоры и он должен был опираться на правительство.

До Кутайбы ибн Муслима земли, лежавшие к северу и востоку за Хорасаном, были затронуты лишь очень частично и подчинены лишь очень преходяще, как видно из истории Мусы ибн Ибн Хазима. Лишь он положил начало действительному завоеванию. Для лучшего понимания его походов уместно сделать здесь несколько кратких географических и этнологических замечаний. Речь идёт о *саграйн*, то есть о двух марках Хорасана.

Одной был Тохаристан, древняя Бактрия. Это, собственно, горная страна по обе стороны среднего Окса до Бадахшана; у Таб. 1180, 7 сюда включаются и Шуман и Ахрун. Но обычно под ним понимают лишь страну к югу от Окса. Арабы виртуально причисляли её к области Мерверруда, своего самого восточного военного города; ибо Балх (Бактры) они надолго не занимали. Однако Балх всё ещё был подлинной столицей страны. В зоне Балха лежали, дальше к востоку, Хульм, Таликан, Фарьяб и другие города. Южнее и выше по Паропамису (Гур) лежали области Гузган, или Гузистан, и Гарчистан, или Гарджистан (с господствующим над перевалом Бамианом); дальше к западу — Бадгис между долинами Мургаба и Герируда; к юго-востоку Газна и Валиштан относились уже больше к Кабулистану и Сиджистану.

Другой и гораздо более важной маркой Хорасана был Мавераннахр, то есть Трансоксания. В широком смысле к ней как самая восточная часть принадлежит Хуттал‘ян,

[335]Так и в Месопотамии; ср. Таб. 1300; Ибн аль-Асир 4, 250 сл. и выше, с. 125, прим. 2 [оригинала].

горная страна (Соляные горы, 1596) хутталь, простирающаяся от Бадахшана на запад до реки Вахшаб[336]. Затем следует Чаганиан, страна чагана[337]; дальше к западу, между Термезом на Оксе и Самаркандом на Политимете, города Шуман и Ахрун, затем Кеш и Насаф. Последние два у аль-Мукаддаси (267, 282 сл.) связываются с Чаганианом, но обычно причисляются к Согдиане. Согдиана — страна согдийцев по обе стороны нижнего Политимета, «реки согдийцев», которая теряется в оазисе Бухары, не доходя до самого Окса[338]. Старая столица — Самарканд, и под согдийцами преимущественно понимаются жители города и области Самарканда. К востоку от Согдианы лежит, с одной стороны, горная Уструшана на узком верхнем течении Политимета; с другой стороны, к северу от гор, — Шаш и Фергана на Яксарте, при переходе к стране тюрок. Нижнее течение Окса, с тех пор как он поворачивает на север, идёт через пустыни, пока в конце не образует оазис Хорезма. Главная переправа на этом участке — у Амуля, по наплавному мосту.

Население, язык и культура[339] во всей этой обширной области были иранскими. Политически царила большая раздробленность, которая не могла наступить лишь после падения Сасанидской державы. Среди знати *дихкан* над простыми дворянами, помещиками и старостами в деревнях возвышались правящие династы. Повсюду в отдельных областях и больших городах мы находим наследственных князей со своеобразными титулами[340]. Титулы лишь отчасти арийские, рядом встречаются неарийские. Ибо столь сильно раздробленные иранцы не сохранились несмешанными и непокорёнными. В Паретакене над ними наслоились хутталь. Их царь называется *сабаль*[341]. Они, по-видимому, тождественны древним эфталитам, хайталь. Те некогда господствовали во всей Трансоксании, которую поэтому аль-Мукаддаси называет просто страной хайталь. Но во время, о котором идёт речь, они отступили на задний план за тюрками. Собственные места тюрок были к востоку от Яксарта. Во время набегов, которые они совершали оттуда на очень большие расстояния, они во многих местах обосновались в иранских городах, основали там династии и взимали дань с округи. Тюркский титул *тархун*, или *тархан*, встречается как за Оксом, так и по эту сторону; он обозначает князя, подчинённого кагану[342].

---

[336]Ныне Сурхаб. В Вахш-аб сохранилось имя Окса, которое уже не употребляется для главной реки.

[337]Царь называется *чаган-худат*, Таб. 1596, 1600 сл.

[338]Ныне называется Зеравшан. Имя *Политимет* непонятно; уместнее было бы *Политмет* («многорассечённый»), так как река разрезана сплошь на каналы. Древняя оросительная система этой области столь же грандиозна и знаменита, как любая другая.

[339]Наряду с земледелием, основанным на рациональном водном хозяйстве, очень важна была и торговля (меха, шёлк, вода, рабы) на дороге в Китай.

[340]*Худат* — часто, *шах* — в Хорезме, *испахбад* — в Балхе, *ихшид* — в Фергане, *шер* — в Гарджистане. Напротив, *ихрид* и *вик* в Кеше, *ашканд* в Насафе, *афшин* в Уструшане — собственно имена собственные.

[341]Если это не имя собственное; ср. Джайш (Ханаш) ибн Сабаль.

[342]Таб. 3, 647: каган и его тарханы. Ср. *рубхана* Руба, *тусика* (тарсала) Фарьяба, *сахрака* (сахраба) Таликана, *шада* — все в Тохаристане. Верховный владыка тюрок всегда называется каганом, словно он лишь один.

Тюрки были тогда собственно господствующим народом в Трансоксании и Тохаристане. С ними, по существу, и приходилось бороться арабам — по крайней мере в конечном счёте. Из Хорасана они их отбросили и положили конец их грабительским набегам. В Трансоксании и Тохаристане они успешно конкурировали с ними за господство над иранским населением. Правда, и они довольствовались весьма поверхностным подчинением. Они повсюду оставляли местные власти и требовали лишь дани, характерно называемой *фидья*, то есть выкуп от нападения и грабежа. Если дань задерживали — случай, весьма легко наступавший, — враждебные действия начинались снова. Арабам было даже не всегда нежелательно, когда поводы к набегам повторялись.

Систематической перемены в этом не произвёл и Кутайба. Но всё же он распространил арабскую власть на марки гораздо действеннее, чем это делалось до тех пор. Из года в год он предпринимал экспедиции; без призыва каждую весну контингенты Абаршахра, Абиварда и Серахса, Герата и Мерверруда приходили в Мерв на кампанию. В 86 году он осуществил подготовленный ещё предшественником (после взятия Термеза) поход против Ахруна и Шумана; царь согласился на уплату дани. В последующие годы он взялся за города бухарского оазиса. В 87 и 88 годах он завоевал Пайкенд, Тумушкет и Рамитан; в Пайкенде, торговом городе с большими складами товаров[343], он захватил богатый запас оружия и снарядил им своих арабов, которые до тех пор были вооружены недостаточно и имели всего-навсего 300 кольчуг (1180, 15). В 89 и 90 годах он покорил саму Бухару, подгоняемый аль-Хаджжаджем, который велел прислать себе карту местности и составил план войны. В 91 году ему пришлось заниматься Тохаристаном, чтобы подавить широко разветвлённое восстание, душой которого был тархан Незак; он выманил его из крепости близ Ишкамиша[344], куда тот бросился, и вероломно казнил его вместе с другими тарханами и дихканами. Затем он перешёл Окс и завоевал город Шуман, царь которого тоже участвовал в тохаристанском возмущении. Дальше он прошёл через Железные ворота[345], подчинил Кеш и Насаф[346] и поставил в Бухаре новое правительство, произведя необходимые казни. В 92 году он был в Сиджистане; он будто бы принудил зунбиля Кабула к уплате дани. В 93 году он совершенно неожиданно напал на Хорезм. К этому его тайно пригласил сам хорезмшах, и поначалу он и принял его сторону против младшего брата; но потом изгнал его и установил в стране арабское правление. Из Хорезма он двинулся на Самарканд, держа свои войска как можно дольше в неведении о цели. Тамошний тархан в 91 году купил у него мир, но за это унижение был свергнут собственными подданными и вынужден к самоубийству; на его место встал ихшид Гурек. Это дало Кутайбе желанный повод вмешаться. После долгой осады была заключена капитуляция. Гурек обязался платить дань; Кутайба должен был вступить в Самарканд и совершить богослужение во

[343]Этот город, вероятно, имеет в виду Илия Нисибинский (под 87 г. х.).
[344]Аль-Истахри 275. Город лежит несколько севернее 36° широты и несколько восточнее 69° долготы и на английских картах называется Ишкамиш. Ср. Маркварт, «Эраншахр» (1901), с. 219.
[345]Так называется знаменитое ущелье на рукаве реки, ныне называемой Кашка; изображено у Реклю 6, 502.
[346]Под *Фарьяб* у Таб. 1229, 3 имеется в виду *Фирьяб*; ср. 1566, 3.

вновь построенной мечети, но затем сразу же очистить город. Но, однажды оказавшись внутри, он его не очистил, а сделал арабским гарнизонным городом и опорой для дальнейших завоеваний. Оттуда в последние три года своего наместничества (94–96) он проник в верхнюю долину Зеравшана, а также в Шаш и Фергану; он будто бы дошёл даже до Кашгара и соприкоснулся с китайцами[347]. Указания аль-Мадаини у ат-Табари в основном согласуются с указаниями аль-Балазури, только первый умалчивает о Сиджистане и Кашгаре; их многократно подтверждают и современные песни[348].

Как правило, и Кутайба оставлял местных династов за уплату дани; только им часто придавали арабских надзирателей или фогтов. Но несколько очень важных мест всё же, если можно выразиться по-римски, были колонизованы, то есть избраны местопребыванием арабства и ислама, хотя прежние жители не были изгнаны и здесь сохранили известное самоуправление под старыми властями, которые прежде всего должны были распределять и собирать подать. Прежде всего Самарканд должен был стать арабской главной квартирой. Туда был введён сильный гарнизон со всякого рода военным снаряжением, дома огня и языческие храмы были разрушены; якобы ни один язычник не смел оставаться в городе на ночь. Подобные, но, по-видимому, не столь решительные меры были приняты в Хорезме и Бухаре. И в Бухаре язычество было подавлено; ибо указание, будто там был дом огня и святилище, в котором держали павлинов, следует дополнить в том смысле, что эти учреждения отныне исчезли[349]. Эти города должны были стать для своей округи тем, чем для Хорасана были арабские военные города Нишапур, Мерв, Мерверруд и Герат. Их колонизация была, без сомнения, большим шагом вперёд по сравнению со всем, к чему до тех пор стремились и чего достигли в той области. Её длительным следствием было то, что Бухара, Самарканд, а также Хорезм стали выдающимися рассадниками ислама и арабской учёности.

Ликование арабов по поводу своих успехов, выражающееся в многочисленных песнях, было не лишено оснований. Борьба давалась им нелегко. Их было немного, и поначалу они были плохо вооружены. Большие расстояния, трудная местность и климатические условия ставили им большие препятствия; им приходилось возить с собой провиант и тёплую одежду, и в поле они могли стоять лишь в лучшее время года. Враги были не презренные. Осаждённым в большинстве случаев приходили на помощь большие войска, часто издалека. Эти войска водили тюрки, и состояли они большей частью из тюрок. Арабы на

[347]Ср. стихи Таб. 1279 сл., 1302, 8 и указание аль-Балазури 426, 18.

[348]Важнейшие хорасанские поэты — Сабит Кутна аль-Азди («Агани» 13, 49 сл.), Кааб аль-Ашкари аль-Азди («Агани» 13, 56 сл.), Нахар ибн Тауси‘а аль-Бакри («Агани» 14, 115), Зияд аль-Аджам, мавла абд аль-кайс («Агани» 14, 102 сл.), Мугира ибн Хабна ат-Тамими («Агани» 11, 162 сл.). Несколько других, иначе неизвестных, приводятся лишь у ат-Табари. Касаются хорасанских дел порой и аль-Фараздак, аль-Кумайт и ат-Тиримах. Поэты всегда принимают сторону своих племён, по этому определяются их интерес и суждение, вопреки Нахару ибн Таусиа в «Камиле» 538, 15. Ими, следовательно, следует пользоваться с осторожностью, но для голых фактов они всё же полноценные свидетели.

[349]При этом надо помнить, что перехода иранских подданных в ислам вообще отнюдь не требовали и что они могли свободно отправлять свой культ.

деле боролись с тюрками за гегемонию в этих краях и вырвали её у них. Это действительно было свершение и правовой титул для их господства над иранцами, которые не смогли отбиться от тюрок. Бóльшую часть заслуги придётся приписать предводителю, Кутайбе. Он превосходил своих предшественников, и иранские вельможи уважали его гораздо больше, чем аль-Мухаллаба и Язида. Правда, на войне он поступал жестоко и вероломно; ради Бога, то есть ради пользы ислама, он не останавливался перед изменой; своими успехами он нередко был обязан своей неразборчивости. Но этим он мало отличался от обычной породы арабских властителей.

Когда Кутайба стоял на вершине своей славы и могущества, последовало его падение. Событие вызвало в исламском мире большое волнение; аль-Мадаини включил в свой подробный рассказ о нём и куски повествования Абу Михнафа. Халиф Валид I умер в середине джумада II 96 года (конец февраля 715 г.); его преемник Сулайман ненавидел аль-Хаджжаджа и его приверженцев, хотевших вытеснить его из престолонаследия. Аль-Хаджжаджа смерть избавила от его мести; на Кутайбе он мог её выместить. Против того его ещё особо подстрекали Язид ибн аль-Мухаллаб и Абдаллах ибн аль-Ахтам. Кутайба получил известие о смене на престоле, когда стоял с войском в поле в Фергане. Он знал, что ему грозит не только смещение, но гораздо худшее, и не думал спокойно всё это перенести. Однако прошло некоторое время, прежде чем он принял твёрдое решение[350]. План вернуться в Самарканд, укрепиться там и оставить при себе лишь тех воинов, которые окажутся согласны, он отверг; он решил увлечь за собой всё войско в восстание против халифа. В мечети Ферганы он изложил представителям войска, кто такой Он и кто такие Сулайман и Язид, и призвал их выступить за него. Они были в конце нынешней кампании[351], тосковали по жёнам и детям и мало желали столь далеко идущего и опасного предприятия. Поэтому они не сказали ничего. Этого Кутайба не ожидал; он тотчас потерял равновесие. Ещё на минбаре он разразился страстными упрёками против разных племён и выложил всё, что о них говорили в насмешку, не пощадив ни одного. И сойдя с минбара, он не дал родственникам себя успокоить, а повторил свои оскорбления самым резким образом.

Этим он задел всех арабов в войске без исключения; а они обыкновенно мстили за такое оскорбление весьма кроваво. Они начали тайные переговоры о мятеже против государственного изменника. Азд, изначально злые на него как на вытеснителя Мухаллабидов и глубже всех им оскорблённые, снеслись с союзными им раби‘а и предложили руководство бакриту Худайну ибн аль-Мунзиру. Но он боялся соперничества с могущественными тамим: «они, несмотря ни на что, будут держаться Кутайбы, если

[350]Он будто бы отправил Сулайману три письма, но ответа не дождался; гонец Сулаймана получил известие о его восстании уже в Хульване. О двух упомянутых у Вейля (1, 555 сл.) письмах Сулаймана у ат-Табари речи нет; Кутайба в них ошибочно представлен ещё находящимся в Мерве, и ему приказывают выступить в Фергану. — Бахилиты, часто выступающие здесь у аль-Мадаини как носители особого предания, стараются обелить своего соплеменника Кутайбу; например, Таб. 1311.

[351]Раньше июля известие о смерти Валида едва ли дошло до Ферганы, а затем прошло ещё некоторое время, прежде чем Кутайба выступил со своим планом.

восстание против него будет исходить от нас». Так первенство было уступлено тамим. Они гневались на Кутайбу за его действия против принадлежавших к ним бану ахтам. Именно, годы назад, во время похода на Бухару, он оставил Абдаллаха ибн аль-Ахтама своим наместником в Мерве. Тот воспользовался случаем, чтобы интриговать против него у аль-Хаджжаджа, но плохо кончил и был вынужден бежать в Сирию к Сулайману, бывшему тогда ещё фрондирующим претендентом на престол. Вместо него Кутайба заставил поплатиться его братьев и двоюродных братьев и тем навлёк на себя месть тамим[352]. Кроме того, он лично оскорбил их предводителя Ваки ибн Хассана ибн Аби Суда[353], приписав в официальном донесении своему собственному брату честь большой победы над тюрками, принадлежавшую тому, и ещё больше тем, что отнял у него командование дивизией тамим и передал его одному даббиту. Ваки встал во главе мятежа. Его поддержал иранец Хайян ан-Набати[354], по понятным причинам (Таб. 1253) таивший в сердце глубокую злобу на Кутайбу. Это был опасный человек в влиятельном промежуточном положении; через иранскую челядь он повсюду имел связи у арабских господ, так что всё узнавал и знал, и в заговорах понимал совсем иначе, чем арабы. В особенности он был важен как предводитель мавали, то есть перешедших в ислам иранцев, служивших в арабском войске особым корпусом. Они были лично преданы Кутайбе, но Хайян сумел отвратить их от него, внушив им, что внутренний спор арабов их не касается, так как ведётся не за ислам.

Предостережения, которые получал Кутайба, он поначалу считал завистливой клеветой. Наконец ему всё же бросилось в глаза, что Ваки вовсе перестал у него показываться, и он вызвал его к себе. Когда тот сказался больным, выкрасил ногу в красный цвет и обвязал икру шнурком с амулетами, он велел доставить его силой. Но когда поручение хотели исполнить, Ваки срезал волшебный шнурок и прямо с одра болезни, как был, вскочил в седло. Он поскакал совсем один, но в мгновение ока при нём было довольно людей, чтобы напасть на Кутайбу. К тому собрались лишь его братья, немногие соплеменники из бахила и несколько других верных. Иранцы под началом Хайяна, на которых, как он думал, он мог положиться, перешли к нападавшим. Кутайба снова перешёл от упрямства к отчаянию; он был словно парализован. Его конь вздыбился и не дал ему сесть; сидя на стуле перед крепостью Ферганы, он вечером покорно ожидал неизбежного исхода боя. Его братья и помощники пали, и сам он был изрублен; аздит отрезал ему голову. Он обманулся в ожидании, что сможет увлечь за собой войско. Будь за ним племя, родовая сила, всё, может быть, вышло бы иначе (1659, 4 сл.). Но этого не было: бахила были слишком слабы, а кайс, к которым он держался, бросили его так же, как иранцы. И сила движущей массами идеи не вербовала для него сторонников; он хотел лишь обезопасить себя и своё положение. Поддержать против авторитета, его легитимировавшего, человека, пусть даже самого дельного, связанного с ними лишь должностью, — на это арабы нелегко соглашались. Этот опыт уже имели Убайдаллах ибн Зияд в Басре и его брат Сальм в

[352]Аль-Балазури 425 сл.; «Агани» 13, 61; Таб. 817, 1309 сл., 1312.
[353]Его не следует смешивать с одноимённым убийцей Ибн Хазима, который тоже был тамимитом, но из другого рода.
[354]Набатеем его называли лишь из-за несовершенного произношения арабского (Таб. 1291).

Хорасане. Они просчитались, полагая, что могут продолжать правление в своих провинциях независимо от халифата. Наместник, не бывший одновременно главой племени, ничего не мог сделать без халифа и против него; личного престижа было недостаточно. Иранские князья, правда, не могли понять поведения арабов по отношению к Кутайбе; они считали его самоубийством. Постольку они были правы, что его падением господство арабов над основанными им марками получило тяжёлый удар.

Катастрофа произошла, по ат-Табари, ещё в 96 году, по Ибн Кутайбе — лишь в начале 97-го. Ваки, признанный племенами временным преемником Кутайбы, потребовал выдать его отрезанную голову, а когда аздит, у которого она была, подстрекаемый своим племенем, не захотел её отдавать, указал на столб и сказал: вот этот конь (то есть виселица) хочет иметь всадника. Это подействовало. Затем он отправил кровавый трофей халифу, но не через тамимитов — те были для этого слишком хороши. Его вступительная речь в мечети[355] состояла лишь из нескольких сочных пословиц и стихов, которых, однако, было достаточно, чтобы ясно выразить его мнение; в заключение он сказал: марзбан взвинтил цену на зерно, завтра мера на рынке стоит четыре дирхема — и не больше, под страхом смерти. Марзбаном он, по-видимому, называл Кутайбу как вельможу, перенявшего чужие обычаи на иранский манер[356]. Сам он выставлял араба старого покроя. К исламу он относился серьёзно, но ненавидел наказание палками, которое Коран назначает за некоторые проступки, и пьяницу скорее сразу приговаривал к смерти. Он казнил и араба, раздевшего труп одного из павших вместе с Кутайбой бахилитов, и решительно запретил подобное. У этого человека был стиль. Халиф Сулайман поначалу утвердил его, но через девять или десять месяцев на его место пришёл Язид ибн аль-Мухаллаб, не отказываясь при этом от своей прежней провинции, Ирака. В отличие от Кутайбы, за Язидом стояло племя, и это чувствовалось. С ним азд снова пришли к кормилу и к кормушке, тамим были оттеснены, с Ваки дурно обошлись. Впрочем, он привёл с собой и сирийские правительственные войска и тем ввёл их в Хорасан, откуда аль-Хаджжадж намеренно их не допускал (1257), тогда как в Индии использовал исключительно их. Как обычно, он заместил все должности сыновьями и родственниками. В Хорасане он чувствовал себя дома, был там свободнее, чем в Ираке, и имел лучшие случаи для грабежа и вымогательства. Деньги были ему нужны для его дорогостоящих потребностей, например для красивых девушек; он жил на широкую ногу.

Если прежде у Сулаймана заходила речь о великих делах Кутайбы, Язид будто бы всегда вставлял, что Джурджан ведь остался нетронутым, хотя он преграждает путь в Хорасан. Горная страна к юго-востоку от Каспийского моря действительно довольно неудобно вклинивалась в мусульманскую территорию. Однако к нападению на неё Язида побудило не столько обязательство чести, сколько представившийся случай. В Джурджане шла борьба за престол: князь Фируз бежал к Язиду от своего двоюродного брата, марзбана,

[355]Вероятно, всё же Мерва, а не Ферганы.
[356]Был, впрочем, и настоящий марзбан в Мерве, ведавший, может быть, рыночной полицией.

бывшего в союзе с тюрком Сулом в Дахистане, и просил у него помощи. Весной 98 года[357] тот выступил с необычайно большим войском, лишь меньшая часть которого состояла из хорасанцев, а бóльшая — из иракцев и сирийцев. Он восстановил Фируза в Джурджане без удара меча, затем по его рецепту выманил Сула с его тюрками из гор в болото и захватил его там в свою власть: он будто бы убил 14 000 пленных и взял неизмеримую добычу. Покорив Дахистан и Баясан, он двинулся на испахбада Табаристана, мирные предложения которого отверг, так как ожидал от насильственного завоевания большей выгоды. Но он потерпел тяжёлое поражение и одновременно оказался под угрозой с тыла из-за восстания в Джурджане. Тогда посредником выступил Хайян ан-Набати. Он представился испахбаду земляком и побудил его ради дальновидной политики отказаться от сиюминутного преимущества, прекратить борьбу и обязаться уплатить сумму, которую тот прежде предлагал за мир. Избавленный от беды, Язид повернул теперь назад в Джурджан, где вновь поднялся марзбан, и после долгой осады взял горную крепость, в которой тот защищался. Чтобы исполнить клятву мести, он велел пустить кровь казнённых пленных в ручей и ел хлеб из муки мельницы, вращаемой этой водой. Затем он с торжеством донёс Сулайману о своих успехах, в действительности отнюдь не блестящих и во всяком случае совершенно эфемерных, указав при этом пятую часть добычи, подлежавшую сдаче халифу, в 4 или 6 миллионов дирхемов. Этим он уготовил себе участь, которой заслуживал. Ибо Сулайман умер в сафаре 99 года, ещё тем летом[358], когда шёл поход. Его преемник Умар II отозвал неприятного человека и заключил его под стражу за долг, так как тот не мог уплатить указанной суммы пятой доли.

4. С Мухаллабидами азд в Хорасане поднялись и с ними снова опустились; они отошли на задний план и в оппозицию. Умар II, правда, реагировал на пристрастие своего предшественника лишь полным нейтралитетом по отношению к племенам и не выказывал вражды к азд, хотя смещением их предводителя и положил конец их гегемонии. Но при его преемнике наступила *пристрастная* реакция против партийного правления Сулаймана, особенно после подавления большого восстания, поднятого Мухаллабидами в Ираке. Язид II сделал месть Мухаллабидам и их приверженцам лейтмотивом своего правления. Это почувствовали и хорасанские аздиты, хотя они в том восстании вовсе не участвовали. Их удалили со всех должностей, с их главами дурно обошлись, бахилитам позволили мстить им за Кутайбу. Перевес снова получили мудар, во главе их — тамим. Однако тамим никогда не давали наместника, хотя часто — его помощника, начальника постоянного правительственного отряда. Наместники же почти всегда принадлежали к кайс, со времён аль-Хаджжаджа игравшим роль правительственной партии. Но кайситских наместников их племенная и партийная общность не удерживала от вражды и злобы друг против друга.

---

[357]98 год передаётся преданием; что поход начался весной, приходившейся на вторую половину этого года, разумеется само собой. За осень он продлиться не мог, а осенью произошла смена халифа, повлёкшая падение Язида. Если это твёрдо, то осада Сула не могла длиться 6 месяцев, а осада марзбана — 7 месяцев. Верно же, вероятно, то, что Язид выступил через 3 или 4 месяца после прибытия в Хорасан. Оно пришлось тогда на первую половину 98 года; но он выслал вперёд своего сына Мухаллада.

[358]Сентябрь 717 г. Смена 98 и 99 годов пришлась на середину августа 717 г.

Преемник довольно регулярно дурно обходился с предшественником и выжимал из него деньги под предлогом требования отчёта; так же он поступал и с его подчинёнными чиновниками. Такова была арабская форма министерской ответственности. Постоянная, резкая и полная смена правления исключала всякую преемственность; оно было чисто личным и считалось добычей, которую обладатель должен поспешно использовать или, как выражались, съесть. Так было, правда, не только в Хорасане, но там это происходило наглее всего и там было опаснее всего, потому что эта выдвинутая провинция больше всего нуждалась в твёрдой и постоянной власти. При этих обстоятельствах завоевания Кутайбы очень скоро стали ненадёжны и их приходилось завоёвывать снова и снова. Твёрдые опорные пункты арабства и ислама в Согдиане, основанные им, особенно Самарканд и Бухара, правда, удерживались, и процесс исламизации там продвигался. Но именно отсюда неожиданно возник для господства арабов новый вред, разъедавший всё дальше.

Наместник, посланный Умаром II в Хорасан вместо Язида, аль-Джаррах ибн Абдаллах аль-Хаками, был человеком из школы аль-Хаджжаджа. Он предпринял поход против до тех пор едва затронутых хутталь в Паретакене и донёс об этом халифу. Среди гонцов был благочестивый Абу-с-Сайда ад-Дабби. Тот, хотя и араб[359], по религиозным причинам почувствовал побуждение замолвить доброе слово за перешедших в ислам иранцев. Они, мол, многочисленно представлены в войске и всё же не получают жалованья; они ревностные мусульмане и всё же должны платить подать подданных. Умар приказал исправить это, а когда аль-Джаррах попытался ограничить последовавший теперь натиск в ислам[360] требованием обрезания, он сместил его, после того как тот почти полтора года отправлял свою должность, в рамадане 100 года (апрель 719 г.). На его место он назначил мягкого Абд ар-Рахмана ибн Нуайма аль-Гамиди, который хотя и был аздитом, но не принадлежал к азд Умана, то есть к аздитской партии в Хорасане, и дал ему в надзиратели над податями кайсита — энергичного Абд ар-Рахмана ибн Абдаллаха аль-Кушайри. Ибн Нуайм оставался в должности ещё некоторое время после смерти Умара, но в 102 году был заменён Саидом Худайной[361], омейядским принцем. Тот по поручению халифа Язида II запел по отношению к азд на другой лад и обходился с ними враждебно. К иранцам же он относился бережно, по крайней мере в ведении войны против согдийцев, поднявшихся тогда в округе Самарканда, но не в самой столице, против арабов и примкнувших к вновь распространявшимся тюркам. Именно из-за этой мягкости, казавшейся арабам неуместной, его вскоре отозвали, и на его место в 103 году встал кайсит Саид аль-Хараши[362]. Тот взялся за непокорных всерьёз. Из страха перед ним они решили переселиться в Фергану, где тогда арабы уже не господствовали. Это были особенно жители городов Ки, Иштихан, Байаркет, Бунджикет и Бузмаджан[363] со своими князьями; во главе стоял Карзанг из Ки, который, как

[359]Он не понимал по-персидски (1507). То, что он был мавла, ещё не делает его иранцем.
[360]Некоторые цари в Трансоксании приняли ислам (аль-Балазури 426).
[361]Таб. 1357, 1421, 1867; аль-Балазури 427; «Агани» 13, 52.
[362]Нисба от Хариша ибн Амира.
[363]Иштихан и Бузмаджан лежали недалеко от Самарканда, и тогда и под Бунджикетом следует понимать не город в *Уструшане*, а одноимённый близ Самарканда. И Ки (1422, 16;

и некоторые другие согдийские династы, был, собственно, тюрком[364]. Эмигранты большей частью[365] отправились в город Ходжент на Яксарте. Но Саид последовал за ними и запер их в Ходженте. Обманувшись в надежде на помощь тюркского царя, осаждённые сдались и обещали снова платить дань и вернуться на родину. Вскоре им пришлось раскаяться. Под предлогом Саид велел казнить князя Иштихана. Так как Карзанг ожидал для себя той же участи, он сказал арабу, у которого находился под стражей: не подобает мне идти на смерть в поношенных штанах, вели сказать моему племяннику Джалангу, чтобы прислал мне новые. Это был условленный знак, что тот (оставшийся дома или находившийся в другом месте Ферганы) должен ему помочь. Джаланг пришёл и попытался напасть на мусульманский лагерь. Однако тщетно. Тогда Саид приказал перебить всех согдийских воинов, князей с их свитой. Они защищались дубинами, но это им не помогло. На другой день казнили ещё несколько тысяч крестьян; пощадили лишь 400 купцов. Тем не менее в Фергане всё ещё оставалось много согдийцев, так как не все они поселились в Ходженте (1613 сл., 1717). На обратном пути Саид подчинил ещё несколько отпавших городов, большей частью по капитуляции. Но если ему казалось выгодным, он не соблюдал капитуляции с князьями, а задним числом их казнил. Этим воспользовался его начальник, иракский наместник Умар ибн Хубайра аль-Фазари, как поводом излить на него свой гнев, имевший в действительности другие причины. Дело в том, что Саид не раз его игнорировал, не исполнил его приказа выжать деньги из нескольких мухаллабидски настроенных арабов в Хорасане и велел обрить и высечь назначенного прямо Ибн Хубайрой префекта Герата, потому что тот ему противился. Поэтому его сместили, в цепях отвезли из Мерва в Куфу и там едва не запытали до смерти. Это была домашняя распря полностью господствовавших при Язиде II кайситов между собой — ведь и Саид, и его противник, и прежде всего сам Ибн Хубайра были кайситами — и назидательный пример того, как они отбрасывали всякое уважение друг к другу, когда речь шла о жадности к должностям и деньгам. Тем не менее по отношению к некайситам они держались вместе.

За Саидом аль-Хараши последовал Муслим ибн Саид аль-Килаби, снова кайсит, воспитанный аль-Хаджжаджем. Он взыскивал с богатых иранцев суммы, которые Ибн Хубайра хотел наложить на некоторых арабов: тому в конце концов было безразлично, откуда деньги, лишь бы их получить. Борьбу с согдийцами и тюрками он продолжал. Весной 105 года (724) он снарядил поход на Фергану[366]. Но азд и раби‘а в Тохаристане взбунтовались и отказались идти в поход; во главе их встал Амр ибн Муслим аль-Бахили,

41, 4) лежал близ Самарканда, на канале Зеравшана. К Байар-кату ср. личное имя Байар 1446, 10; *кат* — самое обычное окончание названий городов.

[364]В стихе 1281, 5, стоящем там преждевременно, *Казаранк* описка вместо *Каразанк*; ср. 1446, 10. По Таб. 1423, 25, царь Ки, называемый там тюрк-каганом, изначально был дружествен арабам.

[365]Против этого 1441, 7; 1440 сл.; ср. 1418, 1.

[366]Неясно, при этом ли случае или ещё раньше он завоевал Афшину. Это город, принадлежащий к области Самарканда (1462, 9; 63, 11; 1517, 8); аль-Балазури (428, 3) ставит на его место личное имя Афшин.

брат Кутайбы[367]. Муслим выслал против них своего помощника Насра ибн Сайяра аль-Кинани, и тот разбил их у Барукана, стоянки арабского гарнизона Балха, — что не способствовало заживлению раскола между мудар и йемен. После этого Муслим выступил в путь. Когда он был в окрестностях Бухары, пришла весть, что халиф Хишам, наследовавший Язиду II в шабане 105 года (январь 724 г.), поставил над Ираком вместо кайсита Ибн Хубайры касрита (из баджила) Халида ибн Абдаллаха. После этого многие его воины дезертировали; он всё же продолжал свой марш и проник за Ходжент в страну тюрок. Но тут на него напали и разбили его; с величайшим трудом он вернулся за Яксарт[368] в Ходжент. Там его настигло известие о смещении (106 год, лето или осень 724 г.). Его преемником стал Асад ибн Абдаллах, брат иракского наместника, ещё очень молодой человек.

Асад, как и его брат, склонялся к йеменцам, хотя по племени, собственно, к ним не принадлежал; ибо баджила, как и бахила, стояли вне больших групп. Он велел высечь ряд хорасанских арабов высокого положения: бакрит аль-Бахтари ибн Аби Дирхам (из харис ибн убад) перенёс наказание с радостью, потому что оно одновременно постигло и Насра ибн Сайяра, ненавистного ему из-за дела при Барукане[369]. Чиновники, которых он назначал, были отчасти аздитами. Но радость азд, что они из тени вновь вышли на солнце, длилась недолго. Ибо по почину халифа Асад был в 109 году отозван; хорасанские дихканы, с которыми он был в дружбе, проводили его до Ирака[370].

Его преемник, Ашрас ибн Абдаллах ас-Сулами, был снова кайситом. Он пытался успокоить всё ещё строптивых согдийцев на пути, избранном Умаром II, — побуждаемый, как говорят, своим иранским писцом Умайрой. Он извлёк на свет человека, который некогда будто бы побудил того халифа уравнять иранцев с арабами, если они примут ислам, — Абу-с-Сайду Салиха ибн Тарифа ад-Дабби — и поручил ему призвать согдийцев к исламу, удовлетворив его условие, чтобы с перешедших снималась подать подданных. В сопровождении нескольких единомышленных арабов Абу-с-Сайда отправился в Самарканд. Тамошний префект Ибн Аби-ль-Амаррата аль-Кинди, сын того куфийского шиита, что первым обнажил меч за Худжра ибн Ади, оказывал ему содействие, и его пропаганда имела большой успех. Возникло много новых мечетей, язычники толпами обращались к исламу. Но, как ни странно, оставленные арабским правительством местные князья были этим недовольны. Именно, они отвечали за дань и с трудом могли собрать

[367]Бахилиты меняли свою позицию по отношению к группам племён по обстоятельствам, так как по природе не принадлежали ни к одной.

[368]В забегающем вперёд кратком сообщении у Таб. 1462 (на деле тождественном Таб. 1477 сл.) из *реки*, которая здесь может быть лишь Яксартом, сделан Окс. Арабы часто говорят просто «река» и предоставляют географическому пониманию читателя решить, какая река имеется в виду.

[369]Ср., впрочем, Таб. 1530.

[370]Позднее он ещё раз приходил в Хорасан. Оба его срока службы аль-Балазури отождествляет, и аль-Мадаини у ат-Табари по содержанию их смешивает. Перенос резиденции в Балх несомненно приходится на его второе наместничество — ибо потом резиденцией снова является Мерв, без того чтобы говорилось о переносе обратно, — может быть, и бичевание Насра. О первом вообще известно немного.

предписанные твёрдые суммы, если столь многие прежние плательщики уклонялись от взноса. По этой причине они жаловались Ашрасу, что каждый стал или хочет стать «арабом»; называются дихканы Бухары и особенно Гурек, ихшид Самарканда, с которым мы уже однажды встречались во времена Кутайбы. Тогда Ашрас попытался снова избавиться от вызванных им духов. Сначала он сузил вход в ислам, потребовав обрезания и некоторых религиозных знаний. Так как этого оказалось недостаточно, он поставил вместо Ибн Аби-ль-Амарраты других чиновников и предписал им снова взимать подать в прежнем объёме со всех, кто прежде должен был её платить. Тогда несколько тысяч новообращённых покинули Самарканд и стали лагерем в некотором отдалении от города. Их подстрекали и сопровождали Абу-с-Сайда и его единомышленники из разных арабских племён (тамим, азд, бакр), среди них Сабит Кутна, Абу Фатима и Бишр ибн Джурмуз. Однако этих арабов удалось отчасти силой, отчасти уговорами отвлечь от дела, сторону которого они приняли. Тем самым самаркандские сецессионисты лишились хребта и были возвращены в прежнее подданство. Подати взыскивались с суровостью, а с иранскими дворянами обращались с презрением.

Но этим дело не кончилось. Примирительная мера, будучи отменена, имела следствием то, что согдийцы по всей стране были до крайности раздражены и ожесточены. Чтобы освободиться от арабов, они завязали сношения с тюрками; в этом будто бы участвовал потомок Йездегерда, последнего Сасанида. Очагом возмущения был бухарский оазис; каган пришёл туда с большим войском тюрок и иранцев. В 110 году, вероятно в конце года[371], то есть весной 729 г., Ашрас выступил с арабским войском из Мерва, чтобы встретить опасность. Но у Амуля тюрки помешали ему переправиться через Окс; лишь после долгой задержки он смог это сделать и продвинуться до Пайкенда, где стал лагерем. Тут тюрки отрезали ему воду; семьсот его воинов умерли, остальные от слабости не могли идти дальше. Наконец самопожертвованию нескольких добровольцев, особенно аль-Хариса ибн Сурайджа, удалось снова подвести воду; при этом пал Сабит Кутна. Арабы продолжили марш и после жаркого боя, во время которого Гурек Самаркандский перешёл к тюркам, пробились в Бухару, где стали лагерем и откуда предпринимали экспедиции (например, в Хорезм). Однако несколько отрядов были рассеяны; один из них бросился в Камарджу (близ Пайкенда). Против него прежде всего каган обратился со всей своей силой и запер его в Камардже. Но осаждённые защищались так крепко, что в конце концов он разрешил им свободный выход; только они не смели присоединяться к главному войску в Бухаре, а должны были отойти в Дабусию.

Теперь у кагана были развязаны руки против Ашраса в Бухаре. Тот не мог отвоевать территории и, по-видимому, едва мог уже шевелиться. Поэтому халиф дал ему преемника, который должен был его выручить. Это был аль-Джунайд ибн Абд ар-Рахман аль-Мурри[372],

[371] Асад ушёл лишь к концу 109 года (в рамадане), а миссия Абу-с-Сайды с её последствиями тоже требует некоторого времени.
[372] *Аль-Музани* — часто встречающаяся описка.

бывший до тех пор в Индии и приведший оттуда 500 сирийцев. Сразу по прибытии[373] он поспешил на помощь Ашрасу и после некоторых трудностей соединился с ним в Бухаре. Ему удалось разбить тюрок у Зармана и выручить осаждённый ими Самарканд. Затем он благополучно привёл войско назад в Хорасан — это, может быть, и было главным.

В конце 112 года, весной 731 г.[374], аль-Джунайд разослал арабские войска в разные экспедиции, особенно в Тохаристан. Тут к нему пришёл призыв о помощи от тамимита Савры ибн аль-Хурра из Самарканда, на которого напали каган и союзные с ним князья иранцев. Хотя у него под рукой не было достаточной силы, он тотчас поднялся и прошёл за Окс до Кеша. Оттуда в Самарканд вели две дороги. Дороги через степь он избегал, потому что было уже лето и он боялся, что враги подожгут траву и кустарник. Он избрал дорогу через горы. Но в битве недалеко от Самарканда на него напали, и лишь заслуге Насра ибн Сайяра и особенно храбрости иранских слуг в арабском обозе, которые нарезали себе дубин и ими колотили, он был обязан тем, что не был уничтожен. Однако он всё ещё оставался в опасном положении. Чтобы из него выбраться, он велел Савре выйти ему на помощь из Самарканда. Савра и арабский гарнизон Самарканда при этом погибли, но аль-Джунайд смог спастись и вступить в Самарканд. Каган обратился теперь против Бухары, где командовал сын Кутайбы, и осадил город. Аль-Джунайд последовал за ним кратчайшим путём, разбил его у Таваиса в месяце рамадане и в праздник Михриган вступил в Бухару[375]. Довольный тем, что обеспечил Бухару и Самарканд, он вернулся до наступления зимы; присланные ему Хишамом новые войска из Басры и Куфы, присоединившиеся к нему по пути в Чаганиане, он направил в Самарканд. О 114 и 115 годах о нём ничего не сообщается. В начале 116 года (весна 734 г.) его сместили, и на его место встал Асим ибн Абдаллах аль-Хиляли. Тот хотя тоже был кайситом, как и он, но был его врагом и именно поэтому назначен его преемником, чтобы мучить его; ибо Хишам гневался на него за то, что он женился на дочери архимятежника Язида ибн аль-Мухаллаба (ср. 1633). К счастью, однако, аль-Джунайд умер от водянки, прежде чем Асим прибыл в Мерв, и тот мог лишь пытать его родственников и чиновников.

5. Арабское господство в Трансоксании было тяжело потрясено своим беспринципным колебанием между мягкостью и насилием. Умар II пытался слить иранских подданных с арабами через ислам, предоставив перешедшим в ислам политическое равноправие и сняв с них подать подданных. Но при его преемниках эта мера, по-видимому, тотчас была

[373]111 год, но едва ли до конца года. Ибо путь из Бухары в Сирию, из Сирии в Индию и из Индии в Хорасан был далёк и долог. Ашрас, вероятно, был задержан зимой (111 г.) в Бухаре.
[374]Весну 112 года самое по себе можно понимать как начало или как конец года, но по обстоятельствам здесь вероятнее конец. Годы в последующем колеблются на один — между 112 и 113, 113 и 114; я считаю правильными более высокие числа.
[375]Вероятно, не в 112 году, как указывается, а лишь в 113-м (ноябрь 731 г.). Праздник Михриган (1552, 7; ср. 1550, 13 сл.), следовательно, тогда должен был праздноваться позднее, чем около осеннего равноденствия; и праздник Навруз, по 1846, 16, приходился далеко за весеннее равноденствие. Указание 1635, 18 должно быть, напротив, неверно. При Аббасидах праздничный календарь, по-видимому, упорядочили; в 239 году Навруз совпал с Вербным воскресеньем (Таб. 3, 1420), в 245 году его отодвинули ещё дальше (Таб. 3, 1448). Ср. ещё Таб. 3, 2024, 2143 сл., 2163.

отменена. Хотя об этом прямо не сообщается, это следует уже из того, что сразу после его смерти пришлось применить силу против согдийцев, чтобы принудить их к уплате дани, от которой они, очевидно, как теперь мусульмане, отказывались, и что многие из них, чтобы от неё уклониться, под водительством своих князей покинули страну и отдались под защиту тюрок. При этом следует заметить, что, хотя распоряжение Умара будто бы было общеобязательным, мусульмане-иранцы в *Хорасане* не поднялись, когда его отменили. Они за долгие годы свыклись со своим политическим подчинением и срослись с арабами общим интересом к исламу, да, вероятно, и не могли шевельнуть рукой; последнее относится и к городам Самарканду и Бухаре, где арабы сидели слишком прочно. Восставшими были, напротив, согдийцы вне столиц, подчинённые лишь очень слабо и лишь недавно, только ради материальных выгод, перешедшие в ислам вслед за своими князьями: они, без сомнения, вместе с тем отпали и от ислама, ещё не пустившего среди них корней. Гораздо яснее, однако, недейственность попытки Умара видна из того, что Ашрас предпринял её во второй раз. При этом всё повторилось. Абу-с-Сайда и его единомышленники, вдохновлявшие ещё Умара, были и при Ашрасе её зачинщиками реформы. Она потерпела крушение вновь — по финансовым причинам, которые, без сомнения, были решающими и в первый раз. И опять возмутились из-за этого не хорасанские, а согдийские иранцы. При Ашрасе предложение освободить от подати подданных было, по-видимому, сделано даже не мавали вообще, в том числе и в Хорасане, а лишь новообращённым в Согдиане. Восстание согдийцев в его время было лишь гораздо шире и опаснее, чем после смерти Умара II, особенно потому, что в страну пришли тюрки и взяли на себя руководство. Арабы смогли удержаться лишь в столицах и в нескольких других укреплённых пунктах; движение в самом Самарканде было подавлено без труда[376].

Третья попытка помочь иранским мусульманам получить полное право гражданства в теократии исходила не сверху, а снизу — от тамимита аль-Хариса ибн Сурайджа из Дабусии[377], которого мы уже встречали как бравого воина. В прежние времена его, благочестивого революционера, назвали бы хариджитом. Но он не был заклят на крайние выводы, на которых упорствовали хариджиты; он не принимал присяги себе как халифу и не поднимал на щит другого. Он выступал как мурджиит; его писец Джахм ибн Сафван был известнейшим богословом этой секты; и сам он пускался в речи и диспуты о её принципах. Практически мурджиизм сводился к политике собирания. Спорные вопросы, особенно вечно неразрешимый вопрос о единственно правильном имаме, откладывались и предоставлялись решению Бога; зато подчёркивалось то, в чём различные направления благочестивой оппозиции могли быть едины. Это был протест за теократию против существующей тирании, за священное право против неправды и насилия. В Хорасане кайситские наместники лишили омейядское правительство у друзей и врагов всякого кредита. Особенно их поведение по отношению к согдийцам не только навлекло тяжёлую внешнюю опасность, но и оставило глубокое нравственное возмущение, выходившее

[376]Ср. к этому и последующему Г. ван Флотен, «Recherches sur la domination arabe», в Трудах Амстердамской академии 1894, отд. литературы I 3.
[377]1923, 3; 27, 12; ср., правда, 1890, 7.

далеко за пределы непосредственно затронутых кругов. Вот здесь и вступил аль-Харис. Он поднимал мавали, обещая осуществить положенное им и обещанное освобождение от подати подданных и участие в военном жалованье; дихканы и деревенский люд собирались под его чёрным знаменем. Он, следовательно, шёл по стопам Абу-с-Сайды; и единомышленники того, насколько они были ещё живы, находились в его окружении, например Абу Фатима аль-Иййади (из азд) и Бишр ибн Джурмуз ад-Дабби (из тамим). Предводителями движения за равноправие перешедших в ислам иранцев в теократии опять были арабы. Но и в остальном в восстании против господствующего режима участвовали многочисленные арабы из тамим и азд, и отнюдь не одни мурджииты. Аль-Харис принимал всякую помощь.

Почвой, на которой он выступил, были «обе марки». Сначала он развернул чёрное знамя в Трансоксании, вероятно уже в последние годы аль-Джунайда, о которых ничего не сообщается. С прибытием Асима он распространился и на Тохаристан. Из Нахуза через Фирьяб он пошёл на Балх, вынудив победоносной стычкой переправу через Окс. Наместники Балха, Мерверруда и Герата не смогли устоять перед ним; весь Тохаристан перешёл к нему, в том числе и сами арабы, состоявшие преимущественно из аздитов и бакритов. Тюркский вице-король в верхнем Тохаристане, ябгу, и князь хутталь сделали с ним общее дело.

Лишь Мерв и Абаршахр (Нишапур), оба западных округа Хорасана, ещё бесспорно оставались во владении омейядского правительства (1582). Войско аль-Хариса после его успехов в Тохаристане огромно разрослось; в нём объединились арабские всадники и иранские пешие войска. С большой силой он двинулся теперь на Мерв, где у него были связи с тамим, так как сам он был оттуда родом (1890). Асим хотел отступить перед ним в Абаршахр, в кайситскую страну, и лишь с трудом его удалось склонить устоять. Первое нападение аль-Хариса он отразил. Но когда он узнал, что его собираются сместить, он хотел перейти к нему. Яхья ибн Худайн аль-Бакри отвратил его от этого. Под водительством этого разумного человека бакр, до тех пор стоявшие с азд в оппозиции, тогда совершили поворот, ибо поняли, что на карту поставлен общенациональный интерес арабов. Они и отличились в борьбе против аль-Хариса больше других. Тот был ещё раз разбит, отошёл теперь за Окс и осадил там важный город Термез.

Как говорят, Хорасан тогда был непосредственно подчинён халифу в Сирии. Асим будто бы навлёк на себя смещение, последовавшее в начале 117 года (735), тем, что просил снова подчинить его наместнику Ирака, так как нуждается в нём как в опоре; этим случаем будто бы воспользовался Халид аль-Касри, чтобы провести на должность своего брата. Но давно пора было прекратить кайситское хозяйничанье в Хорасане. По другому известию, Хишам сам приказал Халиду поставить брата на место Асима. Асад мог вменить себе в честь, что его во второй раз и при столь трудных обстоятельствах послали в Хорасан, и он оправдал оказанное ему доверие. Своим помощником он сделал аздита, Джудайя аль-Кирмани, но от этого не продался партийным интересам йеменцев. Заключённых Асимом чиновников аль-Джунайда он освободил, хотя они как кайситы были его врагами (1581, 15).

Действия против аль-Хариса он начал в Трансоксании и подчинил себе там добром и силой несколько городов, перешедших к аль-Харису, среди них, может быть, и Самарканд[378]. Против самого аль-Хариса, стоявшего под Термезом, он, правда, ничего не добился; но горожане, хотя и иранцы, защищались так храбро, что тот счёл за благо уйти в Тохаристан: его сторонники и союзники таяли.

Тогда и Асад обратился в Тохаристан. Эта страна хотя и была покорена Кутайбой, но, кроме Мерверруда, лишь столица Балх была сколько-нибудь прочным местом арабского господства. Асад вступил в Балх и перенёс туда свою резиденцию из Мерва — доказательство того, сколь важным казался ему Тохаристан. Он расквартировал там и арабский гарнизон, стоявший до тех пор, не смешиваясь с иранскими горожанами, в соседнем местечке Барукан, но поселил членов разных племён не раздельно, а вперемешку, чтобы предупредить их *асабийю*, то есть партийные распри и ревность. Каждому воину он отвёл в Балхе столько земельной собственности, сколько у него было в Барукане. С дихканами, у которых он был любим с прежних времён, он поддерживал добрую дружбу, чтобы через них воздействовать на их простых соплеменников. Перестройку Балха, которую он предпринял, должны были выполнять иранские подданные, но так, что стоимость работы засчитывалась им в подать; надзор за этим он поручил дихкану Бармаку из Новбехара, родоначальнику позднее столь прославившейся семьи Бармакидов. Он стремился к постепенному примирению и смешению враждебных элементов в разумных пределах.

Аль-Харис ибн Сурайдж бежал в верхний Тохаристан, к своим родственникам в крепость Табушкан. Но те не хотели жертвовать собой ради него, выгнали его вместе со свитой и вступили в переговоры с Асадом. Однако тот выведал у посредников, что крепость плохо снабжена оружием и едва способна к обороне, и послал аль-Кирмани напасть на неё. Гарнизон жаждой был вынужден сдаться. Пленных воинов предали мечу (1928), а женщин и детей, хотя они были арабской крови, продали с торгов на рынке Балха.

В 118 году (736) Асад предпринял поход против всё ещё непокорённых хутталь к северу от Окса, напротив Балха, бывших в союзе с аль-Харисом. Их князь, живший в Навакизе, обратился за помощью к кагану тюрок. Но когда тот двинулся от Суйаба через Хушварагх, он известил Асада, чтобы предостеречь его, ибо желал не победы тюрок, а равновесия между ними и арабами. После некоторого колебания Асад счёл за благо повернуть назад. Едва он переправился через Окс, как на другом берегу появились враги; под грохот барабанов и ржание коней они бросились в реку и переправились. Однако они напали не на главные силы под началом самого Асада, а на высланный им вперёд отряд с обозом и захваченным скотом, ниже по Оксу. Обоз попал им в руки, людей Асад едва успел спасти;

[378]Правда, не говорится, что Самарканд отпал к аль-Харису, и не говорится, что Асад вновь его отвоевал, а лишь — что он двинулся туда и отрезал городу воду: последнее едва ли можно понять иначе, как враждебную меру. Вода шла от Варагсара; там был центр системы каналов. *Варагх* означает шлюз, а *сар* (как семитское *рас*) — исходную точку распределения воды шлюзами.

это было в последний день рамадана 118 года[379]. Он должен был радоваться, что вернулся в Балх целым; дети распевали о нём насмешливые песни.

Но каган не давал ему покоя. Он отправился к ябгу аль-Харлухи[380] в восточный Тохаристан, будто бы призванный аль-Харисом ибн Сурайджем, находившимся там. Посреди зимы он выступил оттуда со своими вассалами и союзниками на запад. 10 зу-ль-хиджжа 118 года (19 декабря 736 г.) Асад получил известие. Огненными сигналами он подал жителям сельской местности знак спасаться в Балх, оставил в городе своего помощника аль-Кирмани и сам немедленно выступил против кагана с гарнизонными войсками, которые одни были в его распоряжении, — ибо остальных он в начале зимы отпустил по домам. Каган стоял лагерем недалеко от столицы Гузгана; он разослал во все стороны набеги и имел при себе лишь 4000 человек. Асад атаковал его[381]. Отрядом, который князь Гузгана провёл тайными тропами, он одновременно охватил его с тыла и тем вынудил к поспешному бегству: он бросил свою жену, которую её евнух спас от позора тем, что убил её. В захваченном лагере, где ещё кипели котлы, освободили находившихся там пленных мусульман; много тюркских женщин и неизмеримая добыча скотом попали в руки победителей; Асад сделал из этого подарки дружественным ему дихканам Хорасана[382]. Тюркские летучие отряды, один из которых проник до церкви Мерверруда, были перехвачены.

Дальнейшее преследование кагана сделала невозможным зима. Он ещё некоторое время оставался в Тохаристане у ябгу, а затем через Уструшану вернулся в свою страну в сопровождении аль-Хариса ибн Сурайджа. Вскоре после этого его убил один из его вельмож, часто упоминаемый Курсуль ат-Тургеши[383]; вследствие этого тюрки перессорились между собой и на время оставили арабов в покое.

Асад повелел в Балхе пост в благодарность Богу за победу. Когда весть об удивительном событии дошла до Сирии, Хишам, подкрепляемый кайситами при своём

---

[379]11 октября 736 г. Числа здесь колеблются на год; для «Дня обоза» передаётся 119-й. Но расчёт от конца показывает, что верное число — 118.

[380]Харлух — тюркское племя (Ибн Хордадбех 31). Ябгу упоминается уже во времена Кутайбы как верховный владыка шада и подчинённого или приданного ему тархана Незака. — Ср. донесение халифу Хишаму у Таб. 1615.

[381]Правое крыло Асада состояло из аздитов, тамимитов, гузганцев и сирийцев из Филастина и Киннасрина, левое — из рабиитов и сирийцев из Химса и аль-Урдунна, авангард (центр?) — из сирийцев Дамаска и шурты, телохранителей и слуг Асада. Сирийские войска, очевидно, постоянно оставались при наместнике и не уходили, как хорасанские арабы, на зиму домой. При кагане находились аль-Харис ибн Сурайдж со своей свитой (согдийцы и бабийя), далее царь согдийцев, князь шашцев, Харабугра из Уструшаны (прадед знаменитого Афшина ибн Кавуса) и ябгу. Царь согдийцев — может быть, владетель Иштихана, который с ашкандом Насафа шёл в поход за каганом в Хутталян, тогда как чаган-худат сражался за Асада. Иранцы сражались на обеих сторонах. По 1613, 2 сл., впрочем, кажется, что Харабугра остался дома в Уструшане; в душе он был враждебен кагану.

[382]Ван Флотен ошибочно толкует это простое замечание (Таб. 1611), указ. соч., с. 26, прим. 2.

[383]Ср. Ибн Хордадбех 31.

дворе, не хотел ей верить: обычно он получал из Хорасана лишь печальные вести. Гонец Асада, Мукатиль ибн Хайян ан-Набати, рассеял сомнения своим достоверным донесением.

Летом 119 года (737) Асад возобновил войну против хутталь. Тюрки им больше помочь не могли, а у них самих, по-видимому, царил раздор; узурпатор из Бамиана, Бадартархан, захватил власть (ср. 1694). Подлым нарушением слова Асад заполучил его в свои руки и передал для казни одному аздиту, у которого была с ним кровная месть[384]. Тем не менее он немногого добился, а ограничился набегами в долины хутталь. Следующей зимой, в начале 120 года, его постигла внезапная смерть, избавившая его, однако, от того, чтобы быть замешанным в падение брата Халида[385]. Арабские и иранские вельможи как раз являлись к нему на поклон и приносили драгоценные подарки; Хорасан, дихкан Герата, произнёс речь и превознёс его до седьмого неба. Асад милостиво бросил ему яблоко, которое держал в руке, — тут у него прорвался внутренний нарыв, и он умер. Так рассказывают, но указанный повод — праздник Михриган — неверен и делает дело сомнительным, в котором и без того есть нечто легендарное.

6. Падение многолетнего наместника Ирака Халида аль-Касри открыло последний роковой период омейядского господства. На его место пришёл закоренелый кайситский партиец из семьи аль-Хаджжаджа, Юсуф ибн Умар. Он посадил бы кайсита и в Хорасане, если бы не вмешался Хишам и не назначил преемником Асада старого Насра ибн Сайяра — одного из очень немногих стариков, выступающих в истории того времени. Годы не повредили свежести его ума, как доказывают не только его дела, но и песни, в которых он высказывался до конца жизни. Он вырос в самой стране и поседел на службе; халифу он был угоден и тем, что не имел родовой силы и должен был опираться на него. Ибо он принадлежал ни к одному из больших племён Хорасана, а к лишь слабо там представленным кинана. Как кинанит он, правда, склонялся к тамим, которые вместе с кинана выводили себя от Хиндифа. Он сместил чиновников враждебного ему предшественника, не обходясь, однако, с ними дурно, и поставил вместо них хиндифитов, то есть преимущественно тамимитов; правительственными местами были тогда, кроме четырёх старых в Хорасане, ещё Балх, Хорезм и Самарканд (1664). Резиденцию он перенёс из Балха обратно в Мерв — с периферии в центр арабского господства.

В первое время он вёл войну против тюрок, и притом нападал на них. Он прошёл через Железные ворота мимо Варагсара к Самарканду. Там ему привели двух пленных дихканов, восставших против арабской и местной власти в Бухаре, потому что считали, что с ними обошлись несправедливо. Он осудил их; тогда они вырвались, один ранил арабского

[384]Асад обещал ему защиту Бога, пророка, халифа и мусульман. Когда же он всё-таки не сдержал слова, Бадартархан бросил камень в воздух и сказал: вот защита Бога! — затем ещё три других камня со словами: вот защита Мухаммада, повелителя правоверных, мусульман!
[385]Халид был смещён в джумада I 120 года (май 738 г.), но был ещё в должности, когда узнал о смерти брата (1650, 12). В раджабе 120 года Наср последовал за Асадом; между ними лежало междуцарствие в четыре месяца (1638). Значит, Асад умер в сафаре 120 года (февраль 738 г.). Указание, что это случилось в праздник Михриган, несостоятельно; ибо он приходился на осень, а ни осень 119-го, ни осень 120-го не являются возможной датой.

префекта Бухары, который за это раскроил ему череп, другой заколол бухар-худата и сам был убит князем Гузгана. Вероятно, несправедливость, на которую оба жаловались, состояла в привлечении к подати подданных; ибо они были мусульманами. Из Самарканда Наср, усиленный иранскими вспомогательными войсками, двинулся в Уструшану и дальше в Шаш. В Шаше тогда находился убийца кагана, Курсуль, князь орды в 4000 кибиток: в одной стычке он попал в руки арабов и был распят. И аль-Харис ибн Сурайдж сражался с тюрками против арабов, но не хотел направлять две метательные машины, которые вёз с собой, против своих особых соплеменников, тамим. Кончилось тем, что Наср даровал шашцам мир при условии, что они изгонят аль-Хариса. Затем он двинулся в Фергану, но и там удовольствовался заключением мира и повернул назад, не продвинувшись за Яксарт. Может быть, действия заняли больше года. Но аль-Мадаини разрывает их бессмысленным образом[386] и выдаёт простые варианты за отдельные события; он сметает в кучу всякую мякину и интересуется преимущественно эпизодическим и анекдотическим. Аль-Баладури упоминает лишь один поход Насра в Уструшану, кончившийся будто бы неудачно[387]. Блестящих подвигов, которые приписывает ему А. Мюллер (1, 412), вольно следуя Вейлю (1, 632), Наср, конечно, не совершал; но всё же он добился того, что тюрки в Шаше отреклись от подстрекателя аль-Хариса ибн Сурайджа, хотя и не выдали его. Тот удалился в Фараб и сидел тихо, пока после смерти аль-Валида II не разразилась гражданская война. Наср позволил также вернуться на старую родину эмигрировавшим согдийцам, которые в смутах после убийства кагана уже не чувствовали себя спокойно в Шаше и Фергане; и хорасанские арабы заставили халифа Хишама дать на это своё согласие.

На внутреннюю политику Насра бросает некоторый свет его податная реформа, о которой сообщает аль-Мадаини у Таб. 1688 сл. Свою программу он будто бы возвестил в речи в мечети Мерва: «Бахрамсис покровительствовал магам, снял с них тяготы и возложил их на мусульман; Ишодад, сын Григория[388], так же покровительствовал христианам, а Акиба — иудеям. Я же вступлюсь за мусульман, сниму с них тяготы и возложу их на неверных; только харадж должен быть уплачен полностью по раз навсегда письменно установленной ставке[389]. Я ставлю надзирателем над податями Мансура ибн Умара; к нему следует приносить жалобы, если мусульманин должен платить подушную подать или слишком большую поземельную, и если неверный не привлечён к соответствующим тяготам». Ещё до конца недели, как говорят, явились 30 000 мусульман, которым приходилось платить подушную подать, и обнаружились 80 000 неверных, которые её не платили; несоответствие было исправлено. Затем была упорядочена поземельная подать и распределены взносы, которые плательщики должны были вносить в раз навсегда оговорённую общую сумму. С Мерва во времена Омейядов взималось 100 000 дирхемов, не считая поземельной подати.

---

[386]По нему, Наср ходил а) к Железным воротам и вернулся, б) к Самарканду и вернулся, в) к Яксарту. Но а) и б) — ведь лишь этапы на пути к в).
[387]Датировка временем Марвана II более чем невероятна.
[388]Так следует понимать трудно распознаваемое в арабском написании христианское имя.
[389]Правильное чтение находится в примечании r) к Таб. 1688 (*мауфир*).

Религиозные общины и податные общины, следовательно, совпадали: главный раввин собирал подать с иудеев, епископ — с христиан, марзбан[390] — с магов, то есть зороастрийцев; последние, разумеется, составляли подавляющее большинство, хотя и число христиан было, вероятно, немалым[391]. Но как могли эти главы общин сваливать подать с магов, христиан и иудеев на мусульман на глазах у арабского правительства? В том виде, в каком известия гласят у аль-Мадаини, они непонятны; совершенно невероятно, чтобы 80 000 обязанных были освобождены, а 30 000 необязанных должны были платить за них. Положение дел, по всем аналогиям, сводилось, вероятно, к тому, что переход неарабских подданных в ислам не освобождал их от принадлежности к своей податной общине. Подать подданных была данью, раз навсегда установленной по размеру историческим актом капитуляции. Если бы многочисленные обращённые перестали в неё вносить, остальным пришлось бы платить за них, и в конце концов сумму уже невозможно было бы собрать. Обязанность взноса, следовательно, переходила по наследству как раз принятое отцами при капитуляции бремя на сыновей, даже если те впоследствии принимали ислам; по этой практике и поступали местные власти с одобрения арабского правительства, ибо впервые предпринятая Умаром II попытка радикального изменения оказалась невозможной. Однако казалось всё же непристойным, чтобы новые граждане теократии оставались обременены так же, как лишь терпимые неграждане. Следовало провести различие между обоими классами, но так, чтобы размер твёрдой суммы дани от этого не уменьшился. Наср решил эту задачу тем же способом, каким она решалась и в других местах. Прежде дань собиралась посредством разнородных податей; в неё стекались и подати землевладельцев, и подати безземельных жителей, и так как все они относились к «дани», то и говорили лишь об *одной* подати, которая называлась харадж или джизья: названия означали одно и то же (1507 сл.). Теперь же было установлено, что дань в твёрдой, раз навсегда наложенной на отдельные города и округа сумме поступает исключительно с земельных участков. Поземельная подать была соответственно заново раскладена и взималась со всех землевладельцев в соответствии с их владением, независимо от того, были ли они подданными или мусульманами[392]; поскольку она лежала не на людях, а на вещах, она не считалась позорной. Рука об руку с этим шло полное отделение поземельной подати, которая теперь называлась исключительно харадж, от подушной, за которой сохранилось название джизья. Подушная подать стала для твёрдой дани необязательной; её

[390]В данном случае не верховный маг, ср. 1462, 13.

[391]Сирийские несториане, как известно, распространились далеко на восток. Митрополит Мерва похоронил тело Йездегерда, последнего Сасанида, в наусе (Таб. 1, 2874 сл. 2881. 2883, ср. 2, 1448, 5; 1543, 1). Монашеские жилища и местечко Св. Сергия близ Мерва упоминаются 2, 1572, 2; 1925, 13; 1957, 14, церковь там же 1569, 14, церковь близ Мерверруда 1612, 11. В деревне Насрания (Христианская деревня) Наср при своём бегстве из Мерва оставил свою жену Марзбану (1995, 10, ср. 1889, 6). Значительное местечко в Тохаристане называлось Яхудия — Иудейский город.

[392]В мусульманское владение земельные участки переходили не только через обращение старого собственника, но и через покупку и приобретение со стороны арабов. По Таб. 1029, 6, кажется, что уже до Насра такие арабы, которые приобрели земельную собственность, должны были платить за неё подать, и притом персидскому главе общины, — что они, правда, делали неохотно.

доход колебался и год от года уменьшался по мере того, как умножались переходы в ислам. Ибо с мусульман она была полностью снята и требовалась лишь с немусульман, и притом со всех, именно с намерением позорящего обременения их неполноценной личности. В отличие от считавшейся в прежнее время законной практики, по которой мусульмане освобождались и от поземельной подати, целесообразность новой организации, закреплённой Насром в Хорасане, очевидна. Различие в обращении с мусульманами и немусульманами сохранялось; мусульмане же, будь то арабы или мавали, принципиально оказывались в равном положении[393]; и при этом всё же избегалось уменьшение твёрдых государственных доходов, так как колебания и постепенное падение незначительной подушной подати не имели большого значения. Весьма вероятно, что распоряжения Насра были сделаны не только для правительственного округа Мерва, но и для всей провинции по эту и по ту сторону Окса. Ибо в них вообще не было ничего особенного, и они проникали повсюду в исламской империи, где обстоятельства были сходны. Они стали действующим правом, которое юристы-систематики впоследствии предполагали существующим изначально, тогда как на деле оно вырабатывалось лишь постепенно. Отсюда и происходит, что аль-Мадаини, находясь в плену позднейших представлений, совершенно не понимает, что Наср застал и что он устранил, и создаёт себе очень странные представления о вкравшихся противозаконных злоупотреблениях. Положительное же он передаёт верно: твёрдая сумма хараджа была разложена на всех землевладельцев, в том числе мусульманских, а джизья с мусульман снята и наложена лишь на немусульман.

На этой основе равноправия в исламе мог бы теперь, пожалуй, состояться прочный компромисс между арабами и иранцами. Но времени на это уже не было. Самоистребление арабов в Хорасане началось снова. На этот раз толчок дала революция в Сирии, наступившая как ответный удар противной партии против разнузданного кайситского режима при аль-Валиде II. Аль-Валид II последовал за Хишамом в начале раби II 125 года (февраль 743 г.). Он сначала утвердил Насра в его должности. Но, побуждаемый вождём кайситов, наместником Ирака Юсуфом ибн Умаром[394], он некоторое время спустя отозвал его и вызвал ко двору с поручением привезти ему всякие музыкальные инструменты и другие красивые вещи. Наср намеренно долго занимался приготовлениями к этому, и вышло так, что он ещё находился в Хорасане, когда его настигла весть об убийстве халифа — в день Навруза 126 года[395]. Мятежника Язида III и его наместника в Ираке он не признал, по крайней мере фактически. Напротив, он склонил племена присягнуть ему самому как временному эмиру Хорасана, пока не кончится гражданская война и снова не появится

[393]Фактически, правда, иранцы должны были платить гораздо больше, так как земельная собственность принадлежала преимущественно им, особенно дихканам, которые со своей стороны обдирали крестьян. Но это не было несправедливостью.

[394]Тот уже при Хишаме интриговал вместе с кайситами против Насра (123 г.), но напрасно.

[395]Аль-Валид II был убит около конца джумада II 126 года (середина апреля 744 г.). Наср тайно получил известие об этом за 10 дней до официального подтверждения через почтмейстера, ибо *сикка* 1845, 21 (1849, 10) — это, вероятно, *сиккат аль-барид* (1709, 5; «Лисан» 4, 53). Но раньше чем через месяц весть едва ли могла до него дойти; значит, Навруз тогда приходился не ранее середины мая; ср. с. 287, прим. 1.

общепризнанный халиф. На это согласились и азд и раби‘а, которые до тех пор были с ним не в ладах; теперь он уже не обходил их, как прежде, при назначении чиновников. Он стремился объединить хорасанских арабов, чтобы они смотрели на правительство как на общее дело, а не как на яблоко раздора. Нейтральную и беспристрастную позицию, которую он пытался занять, облегчало ему то, что как кинанит он не принадлежал ни к одной из больших групп. Правда, правительство было вместе с тем и его собственным делом, поскольку он стоял во главе; и один преданный ему поэт хвастался от его имени: мы уравновешиваем кайс посредством раби‘а, а тамим посредством азд, и так решение остаётся за кинана. Он очень сердился на этого лишённого всякого политического смысла путаника, лившего воду на мельницу его противников.

И действительно, вскоре азд, а с ними и раби‘а снова восстали против него, вспомнив, что как йеменцы они, собственно, принадлежат к стороне Язида III и союзных ему кальбитов. Когда Наср захотел выплатить им жалованье не наличными деньгами, а серебряной и золотой утварью, которую он приобрёл для аль-Валида II, они открыто взбунтовались. Во главе их встал аздит Джудай аль-Кирмани; он призвал к мести за безжалостно преследовавшихся Омейядами Бану Мухаллаб (1858, 11) и тем дал лозунг, нашедший отклик в сердцах всех аздитов: при аль-Мухаллабе и его сыне Язиде им было позволено «пожирать» Хорасан, с тех пор они больше до него не добирались, даже при Асаде не так, как им хотелось. Наср, правда, захватил аль-Кирмани и заключил его в кухандиз Мерва в конце рамадана 126 года (середина июля 744 г.); но через месяц тот бежал из тюрьмы и отправился в одно место в округе Мерва, где вокруг него собралось войско из азд и раби‘а. Наср выступил против него. До битвы, правда, не дошло: обе стороны от неё уклонялись. Но и начатые мирные переговоры не привели к цели; аль-Кирмани питал к Насру глубокую ненависть и не хотел лично с ним мириться.

В довершение всех бед из своего тюркского изгнания вышел теперь ещё и аль-Харис ибн Сурайдж — может быть, ещё до конца 126 года, ибо Язид III, который будто бы его к этому склонил, умер уже в конце 126 года[396]. Так как он был врагом аль-Кирмани, Наср пригласил его приехать из Самарканда, где тот поначалу поселился, в Мерв; и он появился там в конце рамадана 127 года (начало июля 745 г.). Но почестями и дарами, которыми осыпал его Наср, он не дал себя к нему привязать; он настаивал перед ним на требованиях мурджиизма, как понимал их на практике. К нему примкнули около трёх тысяч его соплеменников-тамимитов. Наср зашёл далеко в уступчивости по отношению к опасному сопернику, которого сам себе посадил на шею. Он согласился даровать иранцам в марках, за которых аль-Харис издавна заступался, письменную конституцию, соответствующую мурджиитским понятиям о праве и справедливости, назначить туда угодных Богу чиновников и вручить наместничество самому аль-Харису. Но это ему не помогло. Аль-Харис не был в нём уверен, не верил в его решительную враждебность к омейядскому господству, воодушевлявшую его самого и приверженцев его чёрного знамени, и, конечно, из своекорыстия не хотел терпеть его рядом с собой. Наср со своей стороны не подчинился

[396]Язид III был сыном согдийской царевны (1874) и, может быть, поэтому благоволил к согдийцам.

приговору признанного им третейского суда, гласившему о его смещении. Так дело дошло до открытого разрыва. Аль-Харис стал лагерем перед Мервом и попытался оттуда захватить город врасплох в конце джумада II 128 года (конец марта 746 г.). Попытка, правда, не удалась; Джахм ибн Сафван, мурджиитский вербовщик и автор книги об аль-Харисе и его программе, которую он имел обыкновение читать вслух, был при этом взят в плен и казнён. После этого, однако, аль-Харис вступил в сношения с аль-Кирмани, о котором мы теперь впервые после полутора лет снова слышим. Тот немедленно вмешался в распрю и дал ей другой оборот. После многодневной борьбы Наср счёл за благо отступить в Нишапур, главное местопребывание кайситов, и очистить Мерв для мятежников.

Согласие между мятежниками, однако, скоро прекратилось. Тамим под началом аль-Хариса всё же принимали близко к сердцу, что помогли азд одержать победу над своими братьями в Мерве, сражавшимися за Насра. И нельзя было забыть, что аль-Кирмани при наместничестве Асада после взятия крепости Табушкан велел казнить несколько сот родственников и приверженцев аль-Хариса, а некоторым из них распороть живот. Первым отрёкся от противоестественного союза с аль-Кирмани Бишр ибн Джурмуз, важнейший сторонник аль-Хариса; за ним последовали несколько тысяч человек. В завязавшейся затем борьбе и сам аль-Харис перешёл к нему и отделился от аль-Кирмани. Но азд и их союзники победили тамим и мудар в конце раджаба 128 года (апрель 746 г.), изгнали их из Мерва и разрушили их кварталы. Сам аль-Харис пал, его тело было пригвождено к кресту. Он получил справедливое воздаяние за свои дела, каков бы ни был его образ мыслей. В борьбе за ислам против арабизма, за угнетённых против угнетателей он вступал в союз со смертью и дьяволом против существующей власти и приводил в движение небо и ад против омейядского правительства. При первом своём выступлении он повёл тюрок на арабов, а когда это не удалось, нашёл у них убежище на долгие годы. Своим вторым выступлением он расколол тамим, от сплочённости которых тогда многое зависело для существования арабского господства в Хорасане, и тем добился того, что йеменитy не только свергли правительство, но и учинили насилие над мудар. Его справедливо считали человеком злой судьбы, самым действенным предтечей Абу Муслима[397].

Наср был в это критическое время дружелюбно принят в Нишапуре кайситами, прежде к нему не расположенными, и изгнанные из Мерва мудариты собрались к нему. Он будто бы уже раньше пытался вновь обрести опору в халифате; однако, пока Ирак и принадлежащие к нему иранские земли находились во власти хариджитов и джафарида Ибн Му‘авии, он был отрезан от связи с центром омейядского господства. Лишь в 129 году положение изменилось, когда Ирак был подчинён власти Марвана Язидом ибн Умаром ибн Хубайрой. Наср признал его своим непосредственным начальником[398]; он никогда не имел

[397]Его чёрные знамёна в этом смысле толкуются 1919, 2 сл., хотя формально неправильно. Метко характеризуют его современные песни как разлагателя мудар (1935 сл.) и как союзника язычников против арабов (1575 сл.): ваш мурджиизм связал вас с идолопоклонниками, ваша религия сведена с многобожием.

[398]Указание, что Ибн Хубайра вступил с ним в связь уже в начале 127 года (Таб. 1917), — сильный анахронизм.

намерения вообще отречься от Омейядов, а лишь выжидал, пока не улягутся династические смуты в Сирии, и объявил себя за Марвана, может быть, уже вскоре после вступления того на престол. Однако связь с Ибн Хубайрой мало ему помогла; он остался предоставлен самому себе, когда в 129 году взялся за задачу вновь овладеть Мервом. После тщетных попыток нападения его офицеров восьмидесятилетний старик сам подступил со всей своей силой; аль-Кирмани вышел ему навстречу. Обе стороны расположились лагерем вне города в «двух шанцах», которые показывали ещё долго спустя. Оттуда они долгое время враждовали, не доходя до решающей битвы. Настоятельные призывы о помощи, с которыми Наср, трогательно изображая опасность, обращался к Марвану и Ибн Хубайре[399], ничего не дали. Но тревога перед общим врагом, казалось, ещё раз привела арабов к разуму и к объединению: на их глазах аббасидские шииты, преимущественно иранцы, сбились в толпу под чёрным знаменем Абу Муслима и разбили недалеко от Мерва укреплённый лагерь. Раби‘а, которые, хотя и были до сих пор союзниками азд, по природе занимали среднее положение, встали в брешь между йеменитами и мудар; Яхья ибн Худайн, самый уважаемый вождь бакр, соединился с Насром и видел в примыкании к правительству единственное спасение арабских племён[400]. Дело дошло до переговоров между Насром и Джудаем аль-Кирмани. Они были прерваны тем, что сын аль-Хариса ибн Сурайджа, находившийся при Насре, счёл момент благоприятным, чтобы отомстить убийце своего отца, и предательски убил аль-Кирмани[401]. Но переговоры из-за этого не сорвались: то обстоятельство, что важный город Герат отпал к Абу Муслиму, произвело сильное впечатление на арабов и открыло глаза даже слепым. Место аль-Кирмани занял не представленный нам до того его сторонник, хариджит Шайбан ибн Салама[402], и тот по настоянию Яхьи ибн Худайна заключил с Насром перемирие на год, вследствие чего он смог вступить в Мерв, в конце 129 года (август 747 г.). К перемирию присоединились не только азд, но и сын их убитого вождя, Али ибн аль-Кирмани. Такой оборот дела был для Абу Муслима опасен. Однако он сумел внушить Ибн аль-Кирмани, что убийство его отца исходило от самого Насра, и тем привлёк его на свою сторону (начало 130 года, сентябрь 747 г.). Ибн аль-Кирмани и последовавшие за ним азд снова подняли оружие против Насра. Борьба велась в предместьях и на улицах Мерва, по-видимому, довольно долгое время. Она сделала Абу Муслима хозяином положения; когда ему показалось удобным, он вмешался и

[399]Знаменитые стихи у Таб. 1973 относят к этой ситуации.
[400]Ср. поэтический призыв Насра к раби‘а в «Delectus» Нёльдеке, с. 88.
[401]Предание, правда, выставляет и Насра соучастником убийства аль-Кирмани, утверждая, что он велел пригвоздить его тело к кресту и рядом с ним рыбу — глумливый знак азд. Но он вёл переговоры всерьёз, а не только ради предательского убийства, которое грозило их сорвать. Распятия их князя и особенно рыбы азд ни на миг не простили бы ему. И если даже сын убитого сразу после этого присоединился к миру с Насром, то он тогда не был убеждён в его сговоре с убийцей: эту мысль внушил ему, вероятно, лишь Абу Муслим. Значит, такого объективного свидетельства одобрения Насром преступления, каким было бы приказанное им публичное выставление тела аль-Кирмани с прикреплённой рыбой, ни в коем случае не существовало; это повлекло бы за собой иные последствия и было бы пощёчиной политике примирения Насра. Принцип *is fecit cui prodest* применён здесь неверно.
[402]Ср. примечание на с. 246.

решил её без единого удара меча, в раби II 130 года = декабрь 748 г.[403] На следующее утро Наср бежал через Серахс и Тус в Нишапур. Это был конец арабского господства в Хорасане и начало конца арабского господства вообще.

[403]На подробностях и датах подробнее остановится следующая глава.

Глава девятая. Падение арабского царства

1. То, что было сказано в предыдущей главе об отношении между арабами и иранцами, относится в основном к обеим маркам, и притом больше к Согдиане, чем к Тохаристану. Там обе стороны ещё стояли друг против друга в борьбе; ислам завоевал несколько прочных позиций, но не возобладал. Напротив, в собственно Хорасане силы уже пришли в равновесие, сложился некий *modus vivendi*. Процесс, который мы видим ещё идущим в Трансоксании, здесь уже завершился, и мы ничего о нём не знаем, так как о начальном времени после первого завоевания у нас нет достаточных известий. Зато результат можно до некоторой степени обозреть — состояние примерно в период 100–130 гг. х.[404]

Арабы и иранцы не были разделены внешне, различными местами поселения. В арабских военных городах — Нишапуре (Бивард, Серахс, Наса), Мерве, Мерверруде и Герате — оставалось исконное местное население; цитадели, разумеется, были заняты завоевателями. Кроме того, арабы не держались сомкнуто в немногих пунктах и не ограничивались городами, которые избрали себе военными колониями. У них были поместья с крепостными в сельской местности, и они отчасти там и жили, особенно в оазисе Мерва, где город образовывал центр многочисленных деревень в единой оросительной системе. У них была иранская челядь, и они женились на иранских женщинах; влияние должно было сказаться на детях уже во втором поколении. Повторные пополнения из Ирака всё же не усиливали арабский элемент до такой степени, чтобы он мог хоть сколько-нибудь равняться числом с иранским, тем более что он жестоко редел от постоянной войны. По случайным указаниям, в Хорасане было около 50 000 арабских воинов; так как воинская обязанность была распространена широко и охватывала, пожалуй, половину мужского пола, арабское население, вероятно, составляло не намного больше 200 000 душ. Арабы акклиматизировались, они чувствовали себя заодно с уроженцами страны в общей провинции, как хорасанцы. Они носили шаровары, как иранцы (Таб. 2, 1530), пили вино, праздновали Навруз и Михриган; знатные перенимали повадки марзбанов. Торговля и общение порождали потребность в объяснении с иранцами; даже в Куфе и Басре рыночный язык был по меньшей мере в той же мере персидским, как и арабским. Исключением кажется то, что Абу-с-Сайда говорил только по-арабски и потому не очень подходил в апостолы согдийцам, знавшим лишь по-персидски. В войске Абу Муслима и арабы говорили преимущественно по-персидски[405].

Со своей стороны и иранцы в Хорасане не противостояли арабам сплочённо, враждебно и отчуждённо. Процесс слияния затронул их не меньше. Их положение в целом мало изменилось от завоевания и едва ли ухудшилось. О защите от внешних врагов, то есть от тюрок, арабы заботились успешнее, чем это было при сасанидском режиме[406]. Во

[404]Ср. Г. ван Флотен, «Recherches sur la domination arabe», Verhandelingen der K. Akademie te Amsterdam, Afd. Letterk. I 3, Амстердам 1894.
[405]Таб. 3, 51, 4; 64, 18; 65, 14. 16.
[406]Лишь во время братской распри тамим тюрки распространили свои набеги до Нишапура (аль-Балад. 415).

внутренние отношения они не очень вмешивались, они оставляли управление марзбанам и дихканам и соприкасались с покорённым населением лишь через них. И в военных и правительственных городах местные власти оставались рядом с арабскими. На них лежал прежде всего сбор податей; за правильное поступление их в условленной сумме они отвечали перед завоевателями. А податей *misera contribuens plebs* при Сасанидах, конечно, платила не меньше. Не тревожили иранцев и в их религии; в договорах о дани везде предполагается, что они её сохраняют. И в городах, где жили арабы, они могли оставаться язычниками, хотя, может быть, внешние эмблемы язычества должны были там несколько скрываться с глаз. Впрочем, к зороастризму у них, по-видимому, не было очень серьёзного отношения. Больше всего полюбился им весёлый, жизнерадостный культ, достигавший вершины в праздниках Навруза и Михригана. А его они могли праздновать и дальше, даже перейдя в ислам; ибо и арабы участвовали в местной религии, поскольку она была увеселением. Ислам привлекал иранцев поначалу не столько сам по себе, сколько выгодами, которые он давал. Они пользовались им как средством приблизиться к господствующему классу и приобщиться к его привилегиям, арабизироваться. Тогда они принимали арабские имена и включались в какое-либо арабское племя[407]. Отдельные честолюбцы втирались в милость к арабам и играли двусмысленную роль посредников между национальностями; их называли *нусаха*, «добрыми друзьями». Самые известные — Сулайм и Хайян ан-Набати.

Самую удобную возможность вступить в ислам при военных обстоятельствах того времени и той местности давала военная служба. По примеру знатных иранцев арабские господа брали в поход личную свиту из слуг (*шакирия*). Эти слуги участвовали и в бою и порой решали его исход. Кроме того, существовали особые иранские полки под командой иранских полковников; примеры — Хурайс ибн Кутба и его брат Сабит из более раннего времени, Хайян ан-Набати и его сын Мукатиль из более позднего[408]. Мавали — так называются здесь, как и в других местах, перешедшие в ислам и принятые в арабские племена неарабы — сражались вместе с арабами против своих старых национальных врагов, тюрок. Но они сражались и за ислам против своих согдийских соплеменников, поскольку те были врагами ислама и союзниками тюрок. Ислам, который они первоначально приняли больше по внешним причинам, пустил корни и в их сердцах и принимался ими серьёзнее, чем самими арабами[409].

Однако арабы не считали мавали полноценными. Если они служили в войске, то сражались пешими, а не конными, а если отличались, на них смотрели с недоверием. Они получали, правда, жалованье и долю в добыче, но не регулярную пенсию; они не состояли

[407]Ср. аль-Балад. 441: князья обратились в ислам и приняли арабские имена. Мусульман-иранцев с иранскими именами тогда вообще не встречается. Чрезвычайно часто у них употребление кунйи: Абу Дауд, Абу Аун, Абу Муслим, Абу Наср и т. д. У арабов в Хорасане кунья отчасти служит *nom de guerre* (в самом прямом смысле): Таб. 2, 1289, 15; 1430, 3; 1593, 16; 1627, 4; 1631, 15. Другой *nom de guerre* — 1538, 7.

[408]К этому добавляются контингенты вассальных князей, которые обязаны были выставлять войско; но они, по крайней мере в большой части, были ещё языческими.

[409]Таб. 2, 1291, 9: иранцы не участвовали, если борьба шла не за религию.

в диване, то есть в военном пенсионном списке. Хотя они и были приняты в арабские племена, их всё же отличали как «людей деревень» от «людей племён». И хотя они были мусульманами, их всё же не освобождали от подати подданных. Подать, в которую должны были вносить свою долю и арабы-землевладельцы, по-видимому, правда, не была для хорасанцев таким тяжким бременем, как для трансоксанцев, которые приняли ислам лишь в надежде освободиться от неё. Однако недовольство согдийцев несомненно заражало и хорасанцев; аль-Харис ибн Сурайдж и другие об этом позаботились.

Если бы арабы обходились с обращёнными иранцами *al pari*, то, может быть, слияние обеих национальностей было бы возможно. А так они вскормили в них врагов на собственной груди. Ислам не сгладил противоположность, а обострил её. Он возродил иранцев, придал им сил и вложил им в руки оружие против их господ. Ибо падение арабского господства исходило не от оставшихся иранскими и враждебными арабам трансоксанцев, а от исламизированных хорасанцев. Именно с позиции ислама они и начали борьбу против него. Ислам соединил их с теми арабами, которые, руководствуясь теократическими принципами, противились омейядскому правительству. Именно арабы первыми возбудили и организовали мавали.

Консервативный ислам ставил *джама‘а* (кафоличность) превыше всего и проповедовал единение с правительством и повиновение ему. Революционный ислам противопоставлял существующей организации идею теократии и призывал к борьбе за Бога против Умайи и её чиновников, за право и справедливость против неправды и насилия. О хариджитах на дальнем Востоке речь идёт мало, однако они, вероятно, и там значили больше, чем позволяют распознать скудные известия о них: харурит Шайбан ибн Салама со своим значительным приверженством не мог вырасти из-под земли так внезапно, как он перед нами выскакивает. Важнее, правда, мурджииты; под водительством аль-Хариса ибн Сурайджа они весьма действенно вмешались в историю. И хариджиты, и мурджииты принципиально отвергали всякое различие между арабами и мавали в исламе. Но и те и другие в конце концов совершенно отступили на задний план перед шиитами, которые рано распространились в Хорасане и привели к окончательной развязке.

Шиа, как и теократическая оппозиция вообще, имела своё местопребывание в Ираке. А из Ирака был завоёван и заселён иранский Восток, и связь и впоследствии всегда оставалась живой. Из Ирака в страны Окса постоянно шёл новый приток, и состоял он не из самых спокойных голов. Омейядские наместники в Ираке, особенно Зияд и аль-Хаджжадж, по-видимому, сплавляли опасные элементы Куфы и Басры в Хорасан, чтобы обезвредить их жажду деятельности в священной войне. Показательно, что аль-Хаджжадж не допускал туда сирийцев, чтобы они не заразились злым духом. О начатках шиа в Хорасане мы, понятно, не осведомлены точнее: семя летело по воздуху и рассеивалось само собой. Но насколько распространены были там шиитские симпатии, видно из того, что после неудавшейся попытки восстания Зайда ибн Али в Куфе его сын Яхья получил совет отправиться в Хорасан и последовал этому совету. Он, правда, пал в борьбе с правительственными войсками, но его мученичество вызвало всеобщее волнение. Все мальчики, родившиеся в Хорасане в том году, будто бы были названы его именем (аль-

Масуди 6, 3). Абу Муслим знал, что делает, выступая мстителем за Яхью: он затронул этим струну, находившую отклик повсюду (Таб. 2, 1985; 3, 506 сл.). И Ибн Му‘авия ибн Джа‘фар думал найти в Хорасане надёжное убежище. Он, правда, ошибся в Абу Муслиме: для живого алида у того было меньше расположения, чем для мёртвого, и он велел тайно его убить. Но и Ибн Му‘авию в Хорасане ещё долго почитали как мученика, а его могилу как святыню часто посещали.

Если бы арабы в Хорасане держались заодно между собой и с правительством, шиа, разумеется, не смогла бы проникнуть в щели. Но как они не хотели делить господство с мавали, так не уступали его и друг другу. Должности и доходные места, которые раздавало правительство, были предметом и причиной страстной ревности между племенами. Так называемая *асабийя* была хронической болезнью арабов; в конце, когда трон Омейядов зашатался, она, как мы видели, сделалась страшно острой. Этой ситуацией и воспользовалась та особая шиа, с которой были в союзе Аббасиды с тех пор, как они отделились от алидов и переселились из Медины, где не могли с ними соперничать, в Хумайму в горной стране между Сирией и Аравией (аш-Шарат)[410].

Среди шиитов было два главных направления, правда не везде резко разграниченных: умеренное, отличавшееся от обычного ислама лишь политическим принципом, что халифат подобает дому Пророка, и крайнее, со своеобразной догматикой, совершенно чуждой первоначальному исламу. Крайние носили разные имена, выражавшие лишь незначительные оттенки; сначала их называли сабаитами. По Сайфу ибн Умару, эти сабаиты с самого начала были корнем всякого зла и всякого бедствия в истории теократии: убийцами Усмана и открывателями храма Януса гражданских войн, основателями хариджитской революционной партии, зачинщиками самоистребления ислама. В действительности же они получили историческое значение лишь через аль-Мухтара, хотя существовали и раньше[411]. Их родиной была Куфа и куфийская округа; они состояли не только из арабов, но даже преимущественно из мавали; и они верили в учение Ибн Сабы о возвращении одного и того же духа в различных телах, в особенности духа Пророка в его наследниках. Главным образом этими тремя чертами они и характеризуются. Знатные

[410]Родоначальником Аббасидов был благочестивый сочинитель преданий Абдаллах ибн Аббас, двоюродный брат Мухаммада и Али. С тех пор как после смерти Али он дал Му‘авии себя подкупить, он оставался в добрых отношениях с Омейядами и лишь сжимал кулак в кармане. Его столь же благочестивый сын Али ибн Абдаллах, по прозванию ас-Саджжад или Зу-с-Сафинат, поступал не иначе. Он переселился при Абд аль-Малике в Дамаск, но после смерти того подвергся дурному обращению со стороны аль-Валида I и в 95 году, будто бы по принуждению, перенёс своё местожительство в Хумайму близ Азруха, на сирийской паломнической дороге, где и умер в 118 году в глубокой старости (Таб. 2, 1592). Уже при его жизни гораздо больше значил его сын Мухаммад ибн Али. Он первым выступил с притязаниями на имамат шиа и положил начало подпольной пропаганде Аббасидов, которую он заставлял работать на себя в Куфе и Хорасане, сам не покидая своего убежища в Хумайме. Он умер в зу-ль-ка‘да 125 года (Таб. 2, 1769), после чего ему наследовал его сын Ибрахим ибн Мухаммад, родившийся в 82 году, как второй аббасидский имам.

[411]Об аль-Мухтаре ср. мою работу о шиа (Гёттинген, 1901), с. 74 сл.

алиды, потомки Фатимы, дочери Пророка, не покидавшие почвы старого ислама и арабства, отвергли их. Поэтому они держались сына Али от побочного брака, которого по матери называли Ибн аль-Ханафийя. Тот допустил, чтобы они сделали из него кумира, в котором нуждались по своему учению. Не мешало и то, что он пассивно держался в тени. Даже мёртвый он был так же пригоден, как живой. Некоторое время говорили, что он не умер, а живёт сокрытым в горе Радва близ Медины, готовый явиться в нужную минуту. Но затем его наследником в имамате стал считаться его сын Абдаллах Абу Хашим, значивший так же мало, как и он сам; у Зайда ибн Али ибн Хусайна крайние Куфы своего расчёта не находили. И вот Абу Хашим перенёс своё местожительство в Хумайму и вступил там в связь с Аббасидами[412]. Умирая в 98 году, он будто бы передал имамат прямым изъявлением воли аббасиду Мухаммаду ибн Али.

На важность этого последнего сообщения настойчиво указал ван Флотен[413]. Правда, в такой форме оно, вероятно, вымышлено[414]. Но в очень раннее время. Ибо оно хорошо засвидетельствовано[415], и позднейшие Аббасиды остереглись бы строить своё право на таком основании. В нём есть и внутреннее зерно истины. Абу Хашим действительно был предшественником Мухаммада ибн Али, хотя формально, может быть, и не назначал его своим преемником. У него была своя партия, его приверженцы называли себя по нему хашимитами (*хашимийя*)[416]. После его смерти они перешли к Мухаммаду ибн Али (Таб. 3, 2500). В Хорасане, по Таб. 2, 1589, во главе их стоял Хидаш, один из самых успешных шиитских вербовщиков, с которым Мухаммад ибн Али первоначально был в согласии. Итак, в известии о том завещании есть доля правды: Аббасиды примкнули к Абу Хашиму, чтобы привлечь на свою сторону хашимийю.

Но тем самым доказана их связь с сабаитами аль-Мухтара; ибо от этих почитателей Ибн аль-Ханафийи происходят почитатели его сына, хашимийя. Сабаиты в Куфе не вымерли вместе с аль-Мухтаром, они сохранились в низших кругах. Тайное учение хашимийи, как оно изложено у аш-Шахрастани, ничем не отличается от учения Ибн Сабы. Аббасидский заговор совершенно похож на сабаитский, как его описывает Сайф[417]. Его местопребыванием также была Куфа, оттуда велась пропаганда в Хорасане. Наконец, движение в обоих случаях опиралось на иранских мавали и было направлено против

[412]Может быть, он оказался там раньше Аббасидов, и они примкнули к нему (95 г.), а не он к ним.
[413]«Opkomst der Abbasiden» (Лейден, 1890), с. 18 сл., 148.
[414]По аш-Шахрастани 112, 19, Абу Хашим завещал в пользу киндита Абдаллаха ибн Амра ибн Харба.
[415]Аль-Мадаини у Таб. 3, 24. Ибн Са‘д у Вюстенфельда, «Register», с. 19, 310, и у ван Флотена, «Opkomst», с. 148.
[416]Аш-Шахрастани 112 сл. У ат-Табари название *хашимийя* как обозначение секты ясно выступает лишь 2, 1589. 1987. 89. Обычно оно употребляется в ином смысле — как производное от Хашима, а не от Абу Хашима; так же как и *хашимийюн*. Эта двусмысленность, быть может, была Аббасидам не неприятна. *Хашимийят* аль-Кумайта — стихи на Фатимидов.
[417]«Skizzen» 6, 124. Первоначально иудейские книги *малахим* (пророчеств о грядущих битвах) играют роль в обоих случаях.

арабизма в исламе. Совпадение, следовательно, простирается на все важные пункты: на учение и способ вербовки, на место, на состав партии. Можно добавить ещё две подробности. Деревянная дубина была национальным оружием низшего иранского населения; её называли «палицей против еретиков» уже хашабиты аль-Мухтара, а не только хашабиты Абу Муслима[418]. Мавали его поместья в Хутарнии близ Куфы составляли древнейших приверженцев аль-Мухтара, а из Хутарнии, по Таб. 2, 1960 (аль-Масуди 6, 59), происходил и Абу Муслим. Если даже усомниться в верности обоих этих указаний, они от этого не теряют своего значения: ведь у вымысла должен быть мотив, а мотива для нас достаточно. Что Аббасиды впоследствии отреклись от шиитов, благодаря которым возвысились, и стряхнули их с себя (Таб. 3, 29, 17), неудивительно: те стали им неудобны и могли уйти, исполнив свой долг.

После всего этого существует тесная связь между неудавшейся революцией аль-Мухтара и удавшейся революцией Абу Муслима. Хотя огонь в 67 году, казалось, был потушен кровью, он всё же продолжал тлеть под пеплом и перекинулся из Куфы в Хорасан. Эта почва давала более благоприятные условия, потому что мавали были там сплочённее, а арабы перед ними гораздо слабее, чем в Куфе. Аль-Мухтар был одним из величайших людей исламской истории, он предвосхитил будущее. Если учение о *радж'а* верно, то араб из Хутарнии ожил вновь в мауле из Хутарнии.

2. В 100 году Мухаммад ибн Али послал Майсару в Куфу, а тот[419] послал куфийцев Мухаммада ибн Хунайса и Абу Икриму-седельщика, которого называют также Абу Мухаммад ас-Садик, и Хайяна-москательщика, дядю по матери Ибрахима ибн Салимы, в Хорасан с поручением вербовать для него и его дома. Они вернулись к Майсаре с письмами от завербованных ими хорасанцев, и он переслал эти письма Мухаммаду ибн Али. Абу Мухаммад ас-Садик избрал в Хорасане двенадцать глав (*нукаба*) и семьдесят других мужей; Мухаммад ибн Али дал им письменные наставления. Так говорится у ат-Табари 2, 1358. Исполнение ста лет (Таб. 3, 24), двенадцать апостолов и семьдесят учеников вызывают сомнения[420]; известия о позднейших годах соперничают с этим и доказывают, что дело было осуществлено не столь схематично. Эти известия большей частью анонимны, лишь в трёх случаях поручителем назван аль-Мадаини. Привожу их содержание.

Таб. 2, 1434. В 102 году Майсара послал своих гонцов из Ирака в Хорасан, и там началась аббасидская вербовка. Один знатный тамимит обратил внимание наместника Язида II на деятельность этих неизвестных людей, выдававших себя за купцов; их схватили,

[418]Таб. 2, 694.

[419]Подлежащим по Таб. 2, 1358 должен был бы быть Мухаммад, но по 2, 1484 это на деле Майсара.

[420]По Таб. 2, 1988, Мухаммад ибн Али в 102 или 103 году послал своего посланца (в единственном числе) в Хорасан; после того как были завербованы семьдесят мужей, он выбрал из них двенадцать глав. Имена двенадцати приводятся несколько иначе, чем Таб. 2, 1358, и для некоторых даются варианты. Не установлен и порядок в списке. В книгах *малахим* число сто, может быть, играло роль.

но вскоре снова отпустили, так как за них поручились некоторые хорасанцы, большей частью из раби‘а и йемен.

Таб. 2, 1467. В 105 году Букайр ибн Махан, до тех пор переводчик[421] аль-Джунайда в Синде, прибыл в Куфу и привёз с собой четыре слитка серебра и один слиток золота. Он попал в руки аббасидских вербовщиков — Абу Икримы ас-Садика, Майсары, Мухаммада ибн Хунайса, Салима аль-А‘яна и Абу Яхьи, — был ими завербован и пожертвовал свои деньги Мухаммаду ибн Али, с которым вступил и в личные отношения. После смерти Майсары он занял его место руководителя вербовки.

Таб. 2, 1488. В 107 году Ибн Махан послал в Хорасан вербовщиков: Абу Икриму, Абу Мухаммада ас-Садика[422], Мухаммада ибн Хунайса, Аммара аль-Ибади и других. Один киндит донёс на них наместнику Асаду, и тот велел распять их, отрубив им руки и ноги; лишь Аммар спасся в Куфу. Услышав об этом, Мухаммад ибн Али сказал: будут убиты ещё многие из вас.

Таб. 2, 1492 та же история повторяется под 108 годом с вариантом, что казнён один Аммар, а остальные спаслись.

Таб. 2, 1501 под 109 годом по аль-Мадаини. Во время первого наместничества Асада в обществе других куфийцев в Хорасан прибыл первый аббасидский вербовщик, Абу Мухаммад Зияд, маула хамдан, который перед тем некоторое время жил в Дамаске. Мухаммад ибн Али велел ему остановиться у йеменитов, с мудар обходиться осторожно и держаться подальше от некоего Галиба в Абаршахре (Нишапуре), преданного Фатимидам. Другие, однако, называют первым аббасидским вербовщиком в Хорасане, уполномоченным письмом Мухаммада ибн Али, Харба ибн Усмана из Балха, маулу Кайс ибн Са‘лаба. Абу Мухаммад Зияд жил некоторое время в Мерве (1501, 17), угощал людей и вербовал в пользу Бану Аббас, понося Омейядов. Его часто посещали Яхья ибн Укайль аль-Хуза‘и и Ибрахим ибн Хаттаб аль-Адави; Галиб, приехавший из Абаршахра в Мерв, расстался с ним в ссоре. По обвинению податного чиновника Мерва Асад выслал Абу Мухаммада Зияда из Хорасана, хотя тот выдавал себя за безобидного купца. Но так как он всё-таки остался, его казнили за четыре дня до праздника (1503, 6), а с ним и его куфийских спутников, за исключением двоих, пощажённых потому, что они были слишком молоды или отреклись от Аббасидов. — Затем в Мерв пришёл другой куфиец, Касир, поселившийся у Абу-н-Наджма и вербовавший для Аббасидов. Он действовал год или два, но был необразован и был вытеснен Хаддашем, которого так прозвали потому, что он «растерзал» аббасидскую веру, а по-настоящему его звали Умара[423].

Таб. 2, 1560. В 113 году при наместничестве аль-Джунайда в Хорасане появились несколько аббасидских вербовщиков. Одного из них он казнил, а других объявил вне закона.

---

[421]По 1726, 10 — писец.
[422]По 1358, 4 (1467, 7) Абу Икрима тождествен Абу Мухаммаду.
[423]По 1588, 9 — Аммар ибн Язид. Обычно его называют не Хаддаш, а Хидаш; *Хаддаш* требовал бы артикля.

Таб. 2, 1586 сл. В 117 году Асад во время своего второго наместничества захватил нескольких аббасидских вербовщиков, среди них хуза‘итов Сулаймана ибн Касира, Малика ибн Хайсама, Тальху ибн Рузайка, бакрита Халида ибн Ибрахима, тамимитов Мусу ибн Ка‘ба и Лахиза ибн Курайза. Сулайман ибн Касир сказал, что их, как принадлежащих к азд-раби‘а, оклеветали мудариты, не могущие простить им их решительного выступления против Кутайбы; он обратил внимание на то, что мудариты — также и противники наместника. Это подействовало: Асад отпустил хуза‘итов и бакрита. Обоих же тамимитов он наказал. Мусе ибн Ка‘бу он велел выбить зубы ослиной уздой, а Лахизу дать триста ударов плетью[424].

Таб. 2, 1588. В 118 году Ибн Махан послал Аммара ибн Язида в Хорасан руководителем аббасидской пропаганды. Он изменил своё имя на Хидаш, поселился в Мерве и имел большой успех. Но он обратился ко лжи, проповедовал вольнодумство (*дин аль-хуррамийя*) и дозволял общность жён. Асад схватил его и, так как тот говорил с ним очень дерзко, велел отрубить ему руку, вырвать язык и выколоть глаз.

К этому аль-Мадаини у Таб. 2, 1589. Когда Асад в 118 году находился в Амуле, к нему привели Хидаша, главу (секты) хашимийи. Он велел своему врачу Курре отрезать ему язык и выколоть глаз, а затем передал его управителю Амула, который казнил его и пригвоздил к кресту.

Таб. 2, 1639 сл. В 120 году Сулайман ибн Касир отправился из Хорасана к Мухаммаду ибн Али, и притом по следующей причине. Мухаммад сердился на своих приверженцев в Хорасане за то, что они поверили Хидашу и его лжи о нём, и прервал с ними переписку. Чтобы снова завязать с ним отношения, они послали к нему Сулаймана ибн Касира. Мухаммад открыл ему причину своего недовольства и дал ему с собой письмо, в котором, однако, ничего не было написано. Но затем он отрядил из Куфы Ибн Махана подателем второго письма, где высказывался о Хидаше. Однако хорасанцы не доверяли Ибн Махану и отослали его ни с чем. Тогда Мухаммад прислал палки, окованные частью железом, частью латунью, и Ибн Махан раздал их главам партии (*нукаба*). Тут они поняли[425], что поступили вопреки его принципам, и раскаялись.

Таб. 2, 1726 под 124 годом по аль-Мадаини. Обнаружилось, что аббасидские шииты в Куфе устраивают собрания в особом доме. Вследствие этого был арестован их глава Ибн Махан. В тюрьме он привлёк на свою сторону Юнуса Абу Асима и иджлита Ису ибн Ма‘киля; у последнего, когда они вскоре вышли на свободу, он купил за 400 дирхемов его слугу Абу Муслима и подарил его сыну Мухаммада ибн Али, Ибрахиму, а тот передал его седельщику Мусе. Посвящённый им в аббасидское учение, Абу Муслим не раз ездил в Хорасан[426].

[424]Хорасанских арабов он не мог казнить, как куфийских мавали.
[425]Они, должно быть, поняли смысл палок лучше, чем я. Простым знаком удостоверения для Ибн Махана они быть не могли.
[426]К несколько неясной фразе 1726, 17 ср. продолжение 1949, 14.

К этому анонимный вариант Таб. 2, 1726 сл. 1769. В 124 году хорасанские главы партии Сулайман ибн Касир, Малик ибн Хайсам, Лахиз ибн Курайз и Кахтаба ибн Шабиб по пути в паломничество прибыли в Куфу. Они посетили там в тюрьме Асима ибн Юнуса аль-Иджли, подозреваемого в вербовке для Аббасидов, и Ису и Идриса, двух сыновей иджлита Ма‘киля, которые как чиновники Халида аль-Касри были схвачены Юсуфом ибн Умаром. При Исе и Идрисе находился Абу Муслим; он всякий раз плакал, когда его господа высказывали свои политические взгляды. Хорасанцы привлекли его на свою сторону. Затем они отправились дальше в Мекку[427], встретились там с Мухаммадом ибн Али и рассказали ему об Абу Муслиме. Он спросил: свободный он или раб? Они ответили: сам он утверждает, что свободен, а Иса говорит, что он раб. Тогда он велел выкупить его. Они передали ему 200 000 дирхемов и ткани стоимостью 30 000 дирхемов. Он объявил им, что они, вероятно, видят его в последний раз, и призвал их после его смерти признать его сына Ибрахима. Он умер 1 зу-ль-ка‘да 125 года шестидесяти трёх лет от роду, через семь лет после смерти своего отца.

Таб. 2, 1869. В 126 году новый имам послал Ибн Махана в Хорасан с посланием. Тот собрал глав партии и вербовщиков в Мерве, возвестил им о смерти Мухаммада, провозгласил Ибрахима его преемником и вручил им его послание. Они признали его и выплатили ему деньги шиа, которые он доставил Ибрахиму.

Таб. 2, 1916 сл. В 127 году Ибрахим на место умершего Ибн Махана, по его рекомендации, назначил своим генеральным уполномоченным торговца уксусом Абу Саламу Хафса ибн Сулаймана, маулу сабиитов, и уведомил об этом хорасанцев письменно. Абу Салама и лично представился хорасанцам и принял от них пятину и добровольные дары. Он носил титул «везир семейства Мухаммада» (Таб. 3, 20. 60).

Во всех этих сообщениях Куфа предстаёт аббасидским рассадником и центром. Здесь живут представители и уполномоченные сокрытого имама — Майсара, Ибн Махан, Абу Салама, — а также их органы и сотрудники. Все они мавали, по национальности иранцы, а по профессии лавочники и ремесленники; к партии, вероятно, принадлежали и арабы, но они не стояли на руководящих местах. Из Куфы обрабатывается Хорасан, то есть Мерв; ещё долго после 100 года тамошние вербовщики — сплошь куфийцы, чужие купцы. Начатки пропаганды неприметны и задушены в крови. Успеха достигает лишь Хидаш. Впервые он упоминается под 109 годом; действительно ли он тогда уже начал свою деятельность — в этом приходится сомневаться. Но столь же маловероятно, что он прибыл из Куфы лишь в 118 году, в котором был убит. Жители Мерва стекались к нему, принимали его слово и следовали за ним. Он выступает подлинным основателем аббасидской партии в Мерве. Он же, вероятно, и организовал её. Тогда неудивительно, что в 117 году мы впервые замечаем что-то о местных старшинах, будто бы назначенных ещё в 100 году самим Мухаммадом ибн Али, и что они были привязаны к Хидашу больше, чем к Мухаммаду. Если масса шиа в Мерве состояла из мавали, то первые старшины — их названо шесть у

[427]Конец 124 года. То, что ат-Табари помещает сообщение лишь под 125 годом, ничего не значит: хадж приходится на стык годов.

Таб. 2, 1586 сл. — были арабами. Знатнейшим из них, ставшим после смерти Хидаша его преемником, был Сулайман ибн Касир. Он происходил из хуза‘а, которые владели некоторыми деревнями в оазисе Мерва и вместе со своими иранскими крестьянами поставляли непропорционально большой контингент в аббасидскую шиа. Хуза‘а имели старинный союз с домом Пророка. Кроме того, они принадлежали к азд, а те со времени падения Мухаллабидов почти всегда находились в оппозиции, так что были доступнее для подрывной работы против правительства, чем мудар. Впрочем, среди шести глав партии, привлечённых Асадом к ответу в 117 году, рядом с тремя хуза‘итами и одним бакритом были всё же и два тамимита. Поэтому не следует придавать слишком большого значения племенным различиям. Эти шииты, в том числе и арабы среди них, протестовали против арабского национализма. По их принципам, гражданское право в теократии давал ислам, а не арабство. И от руководящих должностей в партии мавали не были отстранены. Среди двенадцати старшин, перечисленных у Таб. 2, 1358, фигурируют уже четверо из них рядом с восемью арабами.

После его смерти, но лишь тогда, Мухаммад ибн Али дезавуировал Хидаша. Он будто бы был тем лукавым врагом, что посеял плевелы среди пшеницы, совратителем народа, а также и старшин, — как будто он нашёл партию и её организацию уже готовыми. Приманкой, которую он забросил, будто бы было хуррамитство. Сектой же, которую он распространял и возглавлял, была, конечно, хашимийя. Хуррамиты были не сектой, а общим вольнодумным направлением. Они протестовали против иудейства ислама, как они это называли, то есть против его унылого пуританства; они хотели сохранить в религии права природы и веселья. Тем самым они примыкали к местному иранскому язычеству. Быть может, на них влияли и социалистические идеи, которые превосходно подходили к восходящему движению мавали; общность жён, которую некогда проповедовал Маздак, будто бы была возобновлена хуррамитами и равандитами. Вполне правдоподобно, что Хидаш не противостоял этому направлению, а покровительствовал ему и пользовался им. Однако маловероятно, чтобы это было камнем преткновения для Аббасидов. Тогда они собирали еретиков вокруг себя; лишь позднее, достигнув цели, они оттолкнули их и стали ортодоксальными. Поначалу они стремились направить на свою мельницу все воды шиитской оппозиции, какой бы окраски они ни были. Их ближайшей целью была отрицательная — свергнуть Омейядов; положительную — самим завладеть халифатом — они отодвигали на задний план. Перед своими приверженцами они в целом выступали не столько претендентами, сколько орудиями угодного Богу переворота; они выдвигали вперёд не свою особу, а дело — борьбу за право против неправды. Они принимали присягу не для себя и не на своё имя, а для некоего безымянного лица из семейства Мухаммада, о котором договорятся впоследствии; даже их подручным, которых следовало бы считать посвящёнными, глаза на их истинное намерение отчасти открылись лишь поздно. Насколько это зависело от них, они не давали заметить, что хотят вытеснить Фатимидов, а создавали видимость, будто работают для них; в Хорасане и в других местах они выставляли себя мстителями за фатимидских мучеников. Тем менее могли они отвергнуть и отречься от другого направления шиа, на которое им приходилось опираться против тех. Пусть шииты веруют во что хотят и живут как хотят — это было для них *cura posterior*.

Первейшей их заботой было, чтобы те были им преданы. Вольнодумство хашимийи оставляло их равнодушными; опасной же казалась им самостоятельная организация партии в Хорасане, бывшая следствием её большого подъёма под руководством Хидаша. В Мерве образовалось местное правление, которое, как очень ясно видно, не желало, чтобы им помыкали из Куфы, — правда, без ущерба для верности самому Мухаммаду ибн Али. Однако и для него возникла опасность, что поводья в Хорасане ускользнут из его рук: ведь он держал их только через Куфу. Поэтому он употребил личный авторитет, которым ещё пользовался у хорасанских старшин, чтобы побудить их отказаться от своей самостоятельности и подчиниться везиру в Куфе. С трудом удалось ему наконец привлечь их главу, Сулаймана ибн Касира. Если в 120 году хорасанцы отвергли в Мерве аббасидского везира из Куфы, то в 126 и 127 годах они приняли его дружелюбно. Они передавали ему и собранные ими деньги. В других случаях они доставляли их прямо имаму, причём посещали его не в Хумайме, а в Мекке: паломничество давало революционерам удобную и неприметную возможность встречаться. Личные отношения с имамом становились живее и — через деньги — реальнее.

3. Решительный шаг к тому, чтобы целиком взять дело в Хорасане в свои руки, сделал Ибрахим, сын и преемник Мухаммада ибн Али, отправив туда Абу Муслима. Его происхождение темно, сведения о нём колеблются. Несомненно, что он был не арабом, а иранцем, рабом или клиентом в Куфе. Ещё в очень юном возрасте он привлёк там внимание аббасидской партии. Ибрахима побудили приблизить его к себе; он принял его в свою семью, привязал к своим интересам и сделал своим доверенным. В 128 году Абу Муслим как представитель святого семейства был постоянно помещён в Хорасан, где он был уже известен по прежним неоднократным посещениям, и назначен руководителем действий. Время пришло: взбунтовавшиеся арабские племена изгнали Насра из Мерва, а у омейядского правительства руки были связаны восстаниями всякого рода во всех местах[428].

Усыновлённый маула давал аббасиду в Хорасане лучшие гарантии, чем свободный араб, стоявший там до тех пор во главе хашимийи. Сулайман ибн Касир, правда, не должен был быть прямо вытеснен Абу Муслимом, которому, напротив, было предписано уважать его и следовать его советам. Но он всё же получил в нём соперника, угрожавшего его положению. Учитывая его прошлое, понятно, что он не принял его с распростёртыми объятиями. Вследствие этого Абу Муслиму пришлось в Мерве трудно. Ему не помогло и то, что он женился, войдя в семью одного из старшин, Абу-н-Наджма. На него смотрели как на пришельца, он не мог выдвинуться рядом с Сулайманом и счёл за благо уступить ему поле.

[428]«Так как сыновья Умайи после убийства Валида враждовали друг с другом и были этим целиком поглощены, этим воспользовались сыновья Хашима и сыновья Али, также родственники Пророка, жившие, однако, скрытно и в бегах в Малой Аравии. Они объединились под водительством Ибрахима и послали Абу Муслима, своего вольноотпущенника, в Хорасан к некоторым влиятельным там людям, чтобы призвать их к участию в борьбе против Марвана». Так рассказывает Феофан под 6240 г. от сотворения мира.

Он покинул Мерв, чтобы вернуться в Куфу. Но когда он был уже в Кумисе, одной ногой вне Хорасана, его побудили вернуться. В Мерве произошёл перелом: теперь там выказывали готовность повиноваться ему как полномочному представителю наследников Пророка. Тогда он с большим успехом взял в свои руки подготовку восстания. Внешне он был отвлечён от этой деятельности поездкой в Мекку, которую предпринял в джумада II 129 года с несколькими товарищами по партии, чтобы доставить туда имаму собранные деньги[429]. Но, достигнув западной границы Хорасана, он отпустил таита Кахтабу ибн Шабиба дальше в Мекку, а сам пустился в обратный путь в Мерв. Паломничество было для него лишь предлогом; на самом деле он хотел посетить рассеянных шиитов всех оттенков, привлечь их на свою сторону и подготовить к близкому восстанию; с целью связаться с их вождями он проехал весь западный Хорасан до границы Джурджана и обратно, подолгу задерживаясь в нескольких важных для шиитов местах. Вернувшись в Мерв, он начал действовать открыто.

Я следую анонимному сообщению у Таб. 2, 1960 сл., различая две поездки Абу Муслима. В первый раз он покинул Мерв, потому что не мог там удержаться; во второй — объехал западный Хорасан в целях агитации под маской паломничества. Аль-Мадаини (Таб. 1949 сл.) знает лишь об одной, второй, поездке. Он ничего не рассказывает о щекотливом разладе между Абу Муслимом и Сулайманом. А этот разлад имеет за себя все основания вероятности, как справедливо подчёркивает ван Флотен[430]. Можно было бы, правда, всё же удовольствоваться *одной* поездкой. Можно было бы предположить, что Абу Муслим, не сумев закрепиться в Мерве, попытался *на свой страх* добыть себе позицию в западном Хорасане. Однако паломничество, которое он предпринял *вместе с мервцами*, плохо вяжется с этим предположением. В особенности возникают хронологические трудности. Ибо праздник, на который ехали, был тот, что предстоял в конце 129 года; Кахтаба вернулся из Мекки лишь в 130 году. А к этому времени восстание под началом Абу Муслима в Мерве было уже полностью организовано, оно вспыхнуло сразу после его возвращения из агитационной поездки. Его разрыв с Сулайманом и вызванный им уход из Мерва должны были произойти раньше, вскоре после его первого прибытия в 128 году. Быть может, к их смешению побудило то обстоятельство, что Абу Муслим в обеих поездках доходил до западной границы Хорасана и оттуда поворачивал назад.

О восстании в деревнях хуза‘а близ Мерва во второй половине 129 года (лето 747 г.) ат-Табари приводит сообщение аль-Мадаини (1949 сл., 1965 сл., 1989 сл.), сообщение Абу-ль-Хаттаба (1953 сл., 1967 сл., 1984 сл.) и ещё одно анонимное (1960 сл., 1970 сл., 1992 сл.). Они совпадают в определённых основных чертах, а также в некоторых бросающихся в глаза подробностях. Но наряду с этим в них обнаруживаются многие расхождения. К тому же они сами по себе не единообразны и все в высшей степени недостаточны.

Сначала больше всего располагает к себе сообщение Абу-ль-Хаттаба: на первый взгляд оно кажется самым цельным. Вернувшись из Хорасана в оазис Мерва во вторник 9 ша‘бана

[429]Указанная дата (Таб. 2, 1962) для паломничества несколько ранняя.
[430]Ср. приведённое им место из аль-Макризи об ахль аль-кафийя, «Recherches», с. 80.

129 года (вторник 25 апреля 747 г.), Абу Муслим сперва поселился в Фанине, деревне Абу Дауда Халида ибн Ибрахима аль-Бакри[431]. 2 рамадана (17 мая) он переселился оттуда в Сикаданг, деревню Сулаймана ибн Касира аль-Хуза‘и. Сроком открытого выступления было намечено 25 рамадана, и товарищей по партии в Мерверруде, Тохаристане и Хорезме об этом известили. В этот день действительно были развёрнуты в Сикаданге два присланных имамом чёрных знамени, а жителям соседних деревень подали огненные сигналы; в ближайшие дни они пришли, первыми 27 рамадана — жители Сукадима. Лагерь насчитывал 2200 пеших и 56 всадников. В праздник разговенья, в пятницу 1 шавваля 129 года (15 июня 747 г.), в Сикаданге было совершено первое богослужение по аббасидскому обряду под руководством Сулаймана ибн Касира. После этого Абу Муслим устроил большой пир. Через восемнадцать дней[432] после его открытого выступления против него двинулся отряд всадников, посланный наместником Насром; но Абу Наср Малик ибн Хайсам аль-Хуза‘и отбил его у Алина, а раненого и пленённого предводителя хорошо выходили и затем отпустили, чтобы он, вернувшись домой, возвещал хвалу Абу Муслиму. В начале зу-ль-ка‘да Хазим ибн Хузайма ат-Тамими овладел городом Мерверрудом и убил тамошнего правительственного чиновника. Всего Абу Муслим пробыл в Сикаданге 42 дня. В среду 9 зу-ль-ка‘да (суббота 22 июля) он перенёс свой лагерь в Махуан, местожительство нескольких впоследствии знаменитых шиитов. Здесь он устроился для долгого пребывания. Он назначил чиновников и укрепил лагерь. Если до сих пор он был как всякий другой человек, то теперь принял княжеские повадки. Его войско насчитывало 7000 человек; он велел вносить каждого в список по имени отца и по деревне; жалованье составляло три-четыре дирхема (в месяц). Людей из Сукадима, 800 человек, он послал в Джиранг, чтобы прервать связь Насра с Мерверрудом и Тохаристаном. Рабов он отвёл в особый лагерь, а позже отослал их в Бивард к Мусе ибн Ка‘бу ат-Тамими. Через четыре месяца он переселился из Махуана в Алин, так как там ему не могли перерезать воду; ибо он опасался нападения арабов Мерва, которые с этой целью заключили между собой перемирие. В Алине он 10 зу-ль-хиджжа 129 года (22 августа 747 г.) отпраздновал праздник. Против него действительно двинулись правительственные войска из Мерва; они творили в деревнях всякие бесчинства, пока он не положил этому конец. При этом в его руки попали несколько раненых пленных, которых он выходил и отпустил исцелёнными. Однако единство врагов продержалось недолго, так как Али ибн Джудай аль-Кирмани по побуждению Сулаймана ибн Касира нарушил перемирие. Они даже сделали теперь Абу Муслима третейским судьёй в своём споре. Посольства обеих сторон, мудар и азд-раби‘а, явились к нему и добивались его благосклонности; на торжественном разбирательстве он со своими семьюдесятью заседателями решил дело в пользу азд против мудар, в пользу Али ибн Джудая против Насра; мудар удалились опечаленные. Через двадцать девять дней он снова покинул Алин и вернулся в Махуан, приказав своим запастись там на зиму, так как Бог устранил опасность от врагов. Это случилось в четверг 15 сафара 130 года (25 октября 747 г.). Затем он пробыл

[431]Ср. 1960, 14 сл.
[432]«Месяцев» 1957, 17 — описка.

ещё девяносто дней в Махуане, пока в четверг 9 джумада[433] не вступил в Мерв. Собственно город был в руках Насра; поддержанный одним из офицеров Абу Муслима, Али ибн Джудай теперь энергично напал на него. Пока шла борьба, Абу Муслим вмешался. Наср подчинился ему; но на следующее утро он со своими верными скрылся. Двадцать четыре знатных араба, среди них Салм ибн Ахваз ат-Тамими, Абу Муслим велел казнить.

Точность и цельность этого сообщения невелики. Это видно, например, по дублету, касающемуся отражения вражеского нападения у Алина и доброго обращения Абу Муслима с ранеными пленными, но особенно по хронологическим указаниям. Они содержат грубейшие противоречия; в частности, более длинные сроки совершенно не согласуются с определёнными календарными датами. 2 рамадана 129 года (17 мая 747 г.) Абу Муслим приходит в Сикаданг и остаётся там 42 дня, то есть до середины шавваля (конец июня); но лишь 9 зу-ль-ка‘да (22 июля) он уходит в Махуан. Продолжительность первого пребывания в Махуане указана в 4 месяца; но уже в начале зу-ль-хиджжа (середина августа), едва через 1 месяц, он находится в Алине. В Алине он остаётся 29 дней, то есть до начала мухаррама 130 года (середина сентября); но лишь в середине сафара (конец октября) он возвращается в Махуан. Второе пребывание в Махуане длится 90 дней, то есть до середины джумада I; с этим примерно согласуется дата вступления в Мерв, если принять 9-е число первого, а не второго джумада.

Абу-ль-Хаттаба следует исправлять по аль-Мадаини; аноним держится посредине. По аль-Мадаини, Абу Муслим был в Махуане не дважды, а лишь один раз. 4 месяца, которые Абу-ль-Хаттаб принимает для первого пребывания, на деле — продолжительность всего пребывания там; 8 месяцев (4 месяца + 29 дней + 90 дней), которые он отсчитывает от первого прибытия Абу Муслима в Махуан до его окончательного ухода оттуда, сокращаются вдвое. Правда, и по аль-Мадаини пребывание Абу Муслима в Махуане прерывалось, но лишь поездкой, которую он лично предпринял в Мерв. Вернувшись из этой поездки, он, по аль-Мадаини, оставался в Махуане ещё 3 месяца; они соответствуют 90 дням у Абу-ль-Хаттаба. Возвращение последовало, по аль-Мадаини и по одному из указаний Абу-ль-Хаттаба, в начале 130 года; если отсчитать от этого 3 месяца, или 90 дней, Абу Муслим снял лагерь в Махуане в начале раби II, чтобы вступить в Мерв. Аль-Мадаини действительно называет 9 раби II датой вступления в Мерв, и аноним с ним согласен[434]. Эта дата подтверждается, далее, указанием, что дни тогда были очень коротки (1990, 20); 9 раби II 130 года было 17 декабря 747 г., а названное вместо этого Абу-ль-Хаттабом 9 джумада I или II (15 января или 14 февраля 748 г.) более или менее значительно выходило за зимнее солнцестояние. Двигаясь дальше назад, мы приходим к началу зу-ль-хиджжа 129 года как к началу занявшего в целом 4 месяца пребывания в Махуане. Лагерь в Алине не прерывал

[433]По 1986, 18; 87, 14 это был первый, по 1984, 14 — второй джумада. К девяноста дням, считая от середины сафара, лучше подходит первый. Зато к четвергу — второй. Ибо 9 джумада I приходилось на понедельник, 9 джумада II — на среду; разница в один день ничего не значит, так как начало месяца часто колеблется на день.

[434]Называется также 7 раби II; разночтение между 7 и 9 в арабском — постоянное.

его, а предшествовал ему; по аль-Мадаини, Абу Муслим находился там[435] в зу-ль-ка‘да 129 года. В Сикаданге и Фанине он, по единодушному преданию, был в шаввале и рамадане. 42 дня, которые Абу-ль-Хаттаб отводит Сикадангу, аль-Мадаини отводит Алину. Но здесь, вероятно, прав Абу-ль-Хаттаб. Можно следовать ему и в том, что Фанин у него предшествует Сикадангу[436].

Если эта схема установлена, получается примерно следующее представление о ходе дел. Деревни хуза‘а[437], в которых Абу Муслим менял свою стоянку, лежали близко друг к другу в области канала Харкан. Первоначальным очагом заговора был Сикаданг, где имел своё местопребывание верховный старшина хашимийи Сулайман ибн Касир. Там были развёрнуты чёрные знамёна, присланные Ибрахимом ибн Мухаммадом, и зажжены огненные сигналы; туда собирались товарищи по партии из ближней и дальней округи. Там 1 шавваля 129 года было совершено первое главное аббасидское богослужение. Имамом при этом выступал Сулайман ибн Касир; что он сделал это лишь по приказу Абу Муслима, неправдоподобно. Напротив, в Сикаданге его тогда ещё трудно было оттеснить с первого места; он сохранял по меньшей мере видимость первенства, хотя руководство действиями уже ускользнуло от него. Абу Муслим чувствовал себя стеснённым им; поэтому он через сорок два дня оставил Сикаданг, ушёл сначала в Алин, а оттуда к концу 129 года — в Махуан. В Махуане он выступал как господин и повелитель, его войско росло, а с ним и его власть и авторитет. Теперь он впервые вызвал и тревогу арабов, разбивавших друг другу головы в Мерве; она усиливалась успехами, которых шиитское движение одновременно добилось в других пунктах — в Биварде, в Мерверруде и особенно в Герате (Таб. 2, 1966). По побуждению служивших под его началом бакритов, сначала Шайбан аль-Харури заключил мир с Насром, и Али ибн Джудай аль-Кирмани, по-видимому, последовал его примеру. Казалось, будто арабы наконец поняли грозившую им опасность и хотят встретить её сообща. Но, полные недоверия друг к другу, они всё же не взялись всерьёз за Абу Муслима. Самое большее, они однажды предприняли набег в область его власти, который он без труда отбил[438]. Вскоре ему удалось расколоть союз враждующих братьев. Он лично отправился из Махуана в Мерв и добился того, что Али ибн Джудай с азд отступил от перемирия и вновь стал во враждебные отношения к Насру и мудар. В начале 130 года он вернулся в Махуан. Теперь он был совершенно огражден от арабов и мог спокойно предоставить их самим себе, пока не сочтёт время пожать плоды их самоубийственного труда. То, что он привлёк азд, отнюдь не ухудшило его отношений с мудар. Напротив, они будто бы пытались отвлечь его от тех и перетянуть на свою сторону, так что его обхаживали с обеих сторон. Во всяком случае, они уже не осмеливались обращаться с ним как с врагом.

[435]Балин (1952, 10) тождествен Аллину и Алину; может быть, это возникло из *би-Алин* («в Алине»).
[436]Ср. ван Флотен, «Opkomst der Abbasiden», с. 79.
[437]Так они называются *a potiori*; ибо Фанин и Махуан не были специфически хуза‘итскими.
[438]Уже указывалось, что Абу-ль-Хаттаб даёт два варианта (1958 сл., 1970) одного и того же дела (у Алина); оба кончаются тем, что Абу Муслим хорошо обращается с ранеными пленными, чтобы создать себе рекламу. Оба сильно раздуты; по Таб. 1970, враждебные действия состояли в том, что у крестьян угоняли и резали скот и птицу.

Так и могло случиться, что он вступил в Мерв как судья и своим вмешательством положил конец жестокой распре, в которой арабские племена истощали свои силы. Он решил — так по крайней мере казалось вначале — в пользу азд против мудар. Описанная Абу-ль-Хаттабом сцена, как посланцы азд и мудар являются в лагерь в Махуане к Абу Муслиму, предлагают ему на решение свой спор и он со своими семьюдесятью заседателями выносит приговор, — это преждевременный отблеск этого действительного события. И вёл он переговоры не ещё с Джудаем аль-Кирмани, а лишь с его сыном Али, в конце 129-го или начале 130 года. При этом инициатива исходила от него: он был ищущим, а не тем, кого искали, как верно замечает ван Флотен. С позднейшей точки зрения его в таком положении было трудно себе представить: то, что он так унижался, противоречило понятиям, которые о нём составили. Склонны были переносить в более раннее время то своеобразное повелительное положение, которого он под конец достиг. Но тогда становится непонятным, почему он так долго ждал, прежде чем наконец взяться за дело. Вначале он не был так силён, чтобы открыто бросить вызов арабам. Он действовал дипломатично, тянул время и пускал им пыль в глаза. Даже с мудар он не испортил отношений настолько, чтобы они считали его своим объявленным врагом. То, что он призывал к восстанию против омейядского правительства, было тогда в порядке вещей и никого не смущало. В остальном он не выкладывал карты на стол. По аль-Мадаини (Таб. 2, 1965), благочестивые учёные Мерва пришли к нему разузнать, кто он и чего хочет. Но он не стал с ними связываться, а сказал, что у него есть дела более неотложные.

Его приверженцы состояли в большинстве из иранских крестьян, из мавали деревень Мерва. Однако среди них были и арабы, которые большей частью занимали руководящие места. Связующим началом была религия, секта. Ядро хорасанского войска, «джунда» Аббасидов, состояло из хашимийи, как прямо говорится у Таб. 2, 1987. Во главе хашимийи Абу Муслим вступил в Мерв, и с них после вступления была принята присяга. Абу Мансур Тальха ибн Рузайк аль-Хуза‘и приводил их к присяге. Формула присяги гласила: «Я обязываю вас Книгой Божией и сунной Его Пророка и повиновением тому из семейства Посланника Божия, о ком будет достигнуто согласие, и тем, чтобы вы не требовали от своих офицеров ни содержания, ни денег, а ждали, пока они сами по доброй воле не дадут вам что-нибудь[439], и чтобы никто не причинял вреда своему личному врагу, если тот окажется у него под ногами, кроме как по высшему приказу». Бросается в глаза, что Абу Мансур, который, как говорят, был глубоко посвящён в принципы и аргументацию секты, ничего из этого не даёт заметить войскам, а держится совершенно общих выражений. Он не позволяет ещё и определённой особе аббасидского имама выступить из лона семейства Пророка. Войска прежде всего обязываются строжайшим повиновением своим офицерам. Религия получила военный оборот — именно у этих революционеров. Простому человеку не нужно было знать тайну вышестоящих, чёрное знамя служило ему вместо символа веры. Знамёна у исламских партий были давно, всевозможных цветов[440]. Но нигде знамя, его цвет и его

[439]Ср. об этом ахль аль-кафийя (или аль-кифайя?) у ван Флотена, «Recherches», с. 66, 80.
[440]*Красное* у хариджитов: «Агани» 20, 112, 31. *Чёрное* там же и 99, 9; ср. Таб. 2, 1981. 2007; «Лисан» 11, 329. Противники Аббасидов избирали *белое* — не только сирийцы омейядского

значение не выступают так, как у хорасанских шиитов. Чёрный цвет они носили и на теле. Феофан называет их Χουρασάνιοι[441] μαυροφόροι — хорасанскими «черноносцами», а у продолжателя Исидора Испанского (изд. Моммзена, § 134) они зовутся *Persarum pullata demonia*, чёрными бесами. Чёрным будто бы было знамя Пророка, а потому и Аббасидов; в апокалиптических книгах говорилось о муже чёрных знамён, который наведёт новую эру. Но и у аль-Хариса ибн Сурайджа, впервые посадившего мавали в седло во имя ислама, были чёрные знамёна, и, быть может, Абу Муслим ближайшим образом заимствовал их у него, потому что они были популярны среди мавали.

В стихах, сохранённых у ад-Динавари 360, Наср ибн Сайяр, омейядский наместник Мерва, обращается к арабам так: «Что вы снова и снова разжигаете вражду между собой, поступая так, будто среди вас нет разумных мужей, и даёте волю врагу, что стоит у дверей! Это сброд без религии и без почёта, не арабы из наших, которых мы знали бы, и не мавали из почтенных; у них религия, которая не от Посланника Божия и не стоит в священных книгах; в сущности она сводится к тому, что арабов надо перебить». По Таб. 2, 1937. 1974; 3, 25, сам имам Ибрахим ибн Мухаммад будто бы прямо предписал Абу Муслиму не оставлять в Хорасане в живых ни одного араба. По Феофану (6240 г. от с. м.), подстрекаемые Абу Муслимом рабы в Хорасане в одну ночь перебили своих господ и снарядились их оружием, конями и деньгами. В историческом сообщении ат-Табари о взятии Мерва ничего такого не заметно; лишь двадцать четыре знатных приверженца Насра Абу Муслим велел казнить после его бегства, своим же солдатам он внушал строжайшую дисциплину и запрещал им всякое самовольное убийство. Возможно, конечно, что здесь, как и в других случаях, перед нами смягчение в аббасидских интересах. Мавали, пожалуй, дали своей ярости больше воли, чем кажется по ат-Табари. Однако их враждебное арабам национальное чувство всё же не следует слишком подчёркивать. Движение исходило не от иранской нации, а от довольно узко локализованной секты, из которой арабы не были исключены. У неё были религиозные мотивы политического и социального рода, заложенные в исламе. Оно угрожало принципиально не иноплеменникам, а еретикам — отсюда и название «палицы против неверных» для оружия мавали[442]. Ближайшие доверенные Абу Муслима — Абу Наср, Абу Дауд и другие — были арабами. Бороться следовало не с арабами как таковыми, а с *господствующими* арабами, и притом с позиции ислама, потому что они господствовали несправедливо и незаконно, поддерживали безбожный режим Омейядов и не признавали равноправия остальных мусульман в теократии; арабские же оппозиционные партии, например иракцы и йеменитыв Хорасане,

---

образа мыслей, но и алиды (Таб. 3, 223. 271. 295. 298. 361. 508). Некие мятежники (хуррамиты?) в Мидии носили *красное* и потому назывались мухаммира (Таб. 3, 493 сл. 645 сл. 1235). Один из хасанидов нёс *жёлтое* знамя с изображением змеи (Таб. 3, 237). У видных лиц был свой личный цвет, который принимали и их клиенты (Таб. 3, 516). В арабской древности чёрное было цветом мести: «Агани» 8, 75, 20.

[441]Χουρασάν или Χουρασαν — правильное написание (ибо Феофан, как и сирийцы, употребляет ου и для краткого звука), Χωρασαν же неверно. Оба α долгие.

[442]«Агани» 4, 93; ад-Динавари 360. Ат-Табари упоминает *кафиркубат* лишь у хашабитов аль-Мухтара, 2, 694.

считались поначалу союзниками. Фактически, правда, борьба против арабизма в исламе привела к тому, что теперь возвысился иранизм и арабы были подавлены и как нация, после того как их господство прекратилось вместе с господством Омейядов: Наср ибн Сайяр это предвидел. Это лежало в природе вещей, но не в первоначальном намерении. Национальность победителей утвердила своё превосходство над исламом, в пелёнках которого она выросла. Первоначально, однако, движущей силой восстания хорасанцев был ислам, а не национальная идея, — точно так же, как он некогда был движущей силой подъёма самих арабов. Новый ислам соединился с новым народом.

4. В Тохаристан Абу Муслим отправил преданного ему Абу Дауда аль-Бакри, который уже и раньше там действовал (1960, 14 сл.). После того как тот благополучно изгнал из Балха омейядского чиновника Зияда ибн Абд ар-Рахмана аль-Кушайри, он был отозван, а на его место поставлен Яхья ибн Ну‘айм аль-Бакри. Но тот вступил в переговоры с Зиядом, удерживавшимся в укреплённом Термезе неподалёку от Балха. Образовался союз всех арабских племён той местности — мудар, йемен и раби‘а — против хорасанской шиа. К нему примкнули и тамошние иранцы, и их вождь Мукатиль ибн Хайян получил верховное командование, чтобы арабы из-за него не спорили. Совместное выступление арабов и иранцев против шиа может послужить к исправлению ложных представлений; заслуживает внимания и то, что союзники отчасти несли чёрные знамёна — без сомнения, знамёна аль-Хариса ибн Сурайджа. Против этого объединения в поле снова был послан Абу Дауд. После битвы при Сарганане враги вновь очистили Балх и отошли к Термезу. И во второй раз Абу Дауда отозвали, а над Балхом поставили аздита Усмана ибн Джудая аль-Кирмани, брата Али. Однако он не смог удержаться: мудар из Термеза под началом Муслима ибн Абд ар-Рахмана аль-Бахили, племянника знаменитого Кутайбы, изгнали его из Балха. Тогда Абу Дауду пришлось прийти в третий раз — он был там незаменим. Таково сообщение у ат-Табари 2, 1997 сл.; ничего лучшего на его место поставить нельзя[443].

В собственно Хорасане Абу Муслим владел тремя восточными правительственными округами — Мервом, Мерверрудом и Гератом; из западного же, Нишапура, — лишь городами Наса и Бивард. В городе Нишапуре держался наместник Наср ибн Сайяр. В Серахсе находился Шайбан аль-Харури, который вскоре после бегства Насра тоже очистил Мерв, так как не мог примириться с новыми порядками. Абу Муслим велел напасть на него там; он был побеждён и убит. Его войска, большей частью бакриты, бежали в Нишапур и присоединились к Насру. Теперь началась борьба против Насра, и из неё развилась большая война, в которой царство Омейядов рухнуло перед чёрными бесами Хорасана. Во главе стоял при этом не сам Абу Муслим, а Кахтаба ибн Шабиб, араб из племени тайй[444]. Кахтаба во время восстания отсутствовал; лишь после взятия Мерва он вернулся из Мекки, куда отправился, чтобы встретиться во время хаджа с имамом Ибрахимом ибн Мухаммадом. Ибрахим вручением знамени назначил его своим полководцем; Абу Муслим подтвердил

[443]О позднейших восстаниях в Согде против Абу Муслима ср. Таб. 3, 74. 79 сл.; Аббасиды приложили к ним руку. Лишь через Абу Муслима и Аббасидов Трансоксания была полностью подчинена господству ислама.
[444]Ср. «Хамаса», с. 303 сл.

это и дал ему верховное командование; под его началом или рядом с ним стояли Абу Аун Абд аль-Малик ибн Язид аль-Азди, Хазим ибн Хузайма ат-Тамими, иранец Халид ибн Бармак из Балха и другие[445]. Навстречу наступающему войску шиа Наср выслал своего сына Тамима; после того как тот был разбит и пал под Тусом, он очистил Нишапур в конце шавваля 130 года, то есть в конце июня 748 г. (Таб. 2, 2016). Некоторое время спустя Абу Муслим перенёс туда свою резиденцию из Мерва[446]. Своего союзника Али ибн Джудая аль-Кирмани он взял с собой, но сумел навсегда избавиться от него в пути; одновременно и его брат Усман ибн Джудай был устранён Абу Даудом в Тохаристане (Таб. 2, 1999 сл.). Союз азд с шиа, благодаря которому удалось взятие Мерва, сослужил свою службу; убийством аздитского вождя было устранено неудобное соперничество, ибо тот, по-видимому, всё ещё занимал в Мерве самостоятельное и равноправное положение рядом с Абу Муслимом.

Наср ушёл из Нишапура в Кумис на границе Джурджана, а с ним бежавшие из Хорасана арабы из тамим, бакр и кайс. По приказу халифа иракский наместник Ибн Хубайра послал в Джурджан Нубату ибн Ханзалу аль-Килаби; но тот действовал не заодно с Насром и ещё ослабил его тем, что переманил к себе кайситов из его войска. Кахтаба обратился сначала против Нубаты. Вступив в зу-ль-ка‘да 130 года в Джурджан, он в пятницу 1 зу-ль-хиджжа (четверг 1 августа 748 г.) дал ему сражение, в котором тот потерпел поражение и пал. Тем временем Наср, по-видимому, успешно держался против направленного на него сына Кахтабы, Хасана; один из шиитских офицеров, Абу Камиль, перешёл к нему. Но после падения Нубаты оставаться в Кумисе ему было больше нельзя; он бежал через всю Мидию до Хамадана, нигде не находя опоры у омейядских чиновников[447]. В один из первых месяцев 131 года Кахтаба соединился со своим сыном в Кумисе и выступил оттуда на запад, посылая его перед собой. Рей и Хамадан сдались; но бежавшие из Хамадана сирийские войска тамошнего наместника и хорасанские войска Насра ибн Сайяра снова собрались в Нехавенде и оказали решительное сопротивление Хасану ибн Кахтабе, когда тот осадил их там. На выручку города был направлен Амир ибн Дубара аль-Мурри, стоявший с большим и хорошо снаряжённым сирийским войском в поле в Кермане, после того как он принудил к бегству джафарида Ибн Му‘авию. На марше к Нехавенду он был, однако, атакован самим Кахтабой, разбит и убит[448]. Тяжёлая, кровопролитная битва произошла у Джабалка в области Исфахана в субботу 23 раджаба 131 года (вторник 18 марта 749 г.). Затем Кахтаба соединился со своим сыном под Нехавендом. Через несколько месяцев — как кажется по Таб. 37, 18, в зу-ль-ка‘да 131 года (июнь/июль 749 г.) — сирийцы в осаждённом городе наконец заключили капитуляцию для себя, без ведома и без включения своих хорасанских товарищей. Последних без пощады предали мечу.

---

[445]У Феофана (6240 г. от с. м.) Кахтаба поставлен рядом с Абу Муслимом как почти равноценный.

[446]Таб. 3, 3; ср., однако, 3, 59.

[447]Он умер в Саве близ Хамадана 12 раби I 131 года (9 ноября 748 г.) восьмидесяти пяти лет от роду.

[448]Искажённое имя у Феофана (6240 г. от с. м.) следует исправлять по Анастасию [греческое написание в скане неразборчиво]. Ибо имеется в виду Ибн Дубара, а не Нубата, как ошибочно предполагает Рейске (Абу-ль-Фида I, прим. 238).

Теперь путь в Ирак для Кахтабы был свободен; он снова пустил вперёд своего сына Хасана и сам последовал за ним из Нехавенда через Кармасин в Хулван и Ханикин. Наместника Ибн Хубайру, выступившего ему навстречу с сильным войском за Тигр и стоявшего лагерем у Джалулы, он искусно обошёл, перешёл Тигр и двинулся на Куфу. Близ Анбара на Евфрате он пока остановился. Ибн Хубайра поспешил за ним и стал лагерем несколько ниже, на левом берегу Евфрата, у Фам Фурат Бадакла в верхней Фаллудже, где ответвлялся канал на Куфу; корпус под началом Хаусары ибн Сухайля аль-Бахили он выслал вперёд в Куфу. Но Кахтаба переправился через Евфрат у Димиммы и двинулся по правому берегу до Хаиры, местечка, лежавшего напротив лагеря Ибн Хубайры. В ночь на среду 8 мухаррама 132 года (среда 27 августа 749 г.) он с небольшим отрядом перешёл брод и напал на вражеский лагерь[449]. Ибн Хубайра был застигнут врасплох и отступил сначала к Фам ан-Ниль, но и там не остановился, а, следуя каналу ан-Ниль, удалился в укреплённый правительственный город Васит. Узнав об этом, и Хаусара, дошедший до Каср Ибн Хубайры, не решился вступить в Куфу, а соединился с наместником в Васите. Успех Кахтабы был полным, но сам он должен был заплатить за него жизнью. Он таинственным образом погиб в ночной сумятице. В военном отношении он, без сомнения, сделал для Аббасидов больше всех: он приковал победу к чёрным знамёнам и создал славу их непобедимости. На его место командование принял Хасан, остававшийся на правом берегу. Он смог вступить в Куфу без единого удара меча. Там Мухаммад, сын Халида аль-Касри, сделанного омейядским правительством мучеником, с йеменитами отважился на восстание в пользу Аббасидов и овладел замком; после ухода Хаусары его никто больше не тревожил. По его извещению Хасан во вторник 14 мухаррама (2 сентября 749 г.) вступил в город. Напротив, в Басре попытка мухаллабида Суфьяна ибн Му‘авии с помощью азд и раби‘а свергнуть омейядское правительство не удалась. Мудар и сирийцы, поддержавшие наместника Салма ибн Кутайбу аль-Бахили, разгромили азд. Повсюду йемениты (и раби‘а) примыкали к революции, тогда как мудар боролись за господствующий арабизм[450].

Тайное правительство Аббасидов в Куфе теперь вышло на свет. Абу Салама, везир семейства Пророка, вышел из своего укрытия и взял правление в свои руки; он пребывал в Хаммам А‘яне, где стояли лагерем хорасанцы. Но и для самих Аббасидов пришло время покинуть свой угол и выйти на передний план. Их прежний глава, Ибрахим ибн Мухаммад, был по приказу халифа Марвана арестован и увезён из Хумаймы в Харран. По этому случаю он будто бы велел им идти в Куфу и признать его брата Абу-ль-Аббаса своим преемником. Тогда его арест должен был произойти незадолго до вступления хорасанцев в Куфу. Ибо лишь через месяц после этого события Аббасиды прибыли туда, в сафаре 132 года. Их было четырнадцать человек из разных поколений. Прежде всего сыновья Али ибн Абдаллаха ибн

[449]Всё точь-в-точь как при действиях Масламы ибн Абд аль-Малика против Язида ибн аль-Мухаллаба в 101 или 102 году.

[450]Я следовал сообщению старого Абу Михнафа, который здесь в последний раз получает слово у ат-Табари (3, 10. 14. 18–20). Значит, он ещё дожил до катастрофы, но должен был тогда быть глубоким стариком. Аль-Мадаини, главный рассказчик у ат-Табари, расходится с ним в нескольких несущественных пунктах и даёт некоторые более точные определения. Ср. аль-Масуди 6, 73; аль-Якуби 2, 412; «Хамаса» 403 сл.

Аббаса: Дауд, Иса, Салих, Исмаил, Абдаллах, Абд ас-Самад; к ним Муса, сын Дауда. Затем сыновья Мухаммада ибн Али ибн Абдаллаха ибн Аббаса: Абу-ль-Аббас, Абу Джа‘фар, Яхья. Далее внуки Мухаммада ибн Али: Абд аль-Ваххаб ибн Ибрахим ибн Мухаммад и его брат Мухаммад, а также Иса ибн Муса ибн Мухаммад. Наконец, из боковой линии — Яхья ибн Джа‘фар ибн Таммам ибн Аббас[451].

В Куфе Аббасидов приняли не с распростёртыми объятиями. Везир Абу Салама не считал само собой разумеющимся их право на преемство после Ибрахима ибн Мухаммада, которого он лично признал имамом. Они были ему неудобны, и он долгое время пытался скрывать их пребывание от хорасанцев: их время, мол, ещё не пришло, так как Васит ещё не взят. Но один доверенный Абу Муслима, Абу Джахм, проведал об этом и известил их. Тогда двенадцать хорасанских военачальников въехали из лагеря в Хаммам А‘яне в Куфу, отправились в квартиру Аббасидов и присягнули Абу-ль-Аббасу. Вследствие этого и Абу Саламе пришлось уступить[452]. В пятницу 12 раби II 132 года (пятница 28 ноября 749 г.) в главной мечети Куфы состоялась публичная присяга Абу-ль-Аббасу и новой династии. Абу-ль-Аббас взошёл на минбар и говорил, пока лихорадка, которой он страдал, не заставила его сесть; тогда поднялся его дядя Дауд ибн Али, стоявший тремя ступенями ниже, и продолжил. Речи переданы нам не в подлинном виде, но в целом их содержание соответствует обстановке. Право Аббасидов на власть доказывается из слова Божия, и при этом бросается полемический взгляд в сторону тех шиитов, которые утверждают, что алиды имеют более близкое право. Особый же упор делается на общность интересов Аббасидов и иракцев[453]. Сокрушив Омейядов с помощью своей хорасанской гвардии, Аббасиды тем самым освободили и иракцев от сирийского ига. Почти столетняя, до тех пор всегда тщетная борьба между Ираком и Сирией всё-таки кончилась победой Ирака: местопребывание власти снова вернулось в Куфу, где оно некогда находилось при Али. «У каждой династии есть свой центр, вы — наш центр»[454]. Этим, разумеется, хотели приманить куфийцев. Но центр тяжести империи теперь действительно переместился из Дамаска в Куфу и Ирак, и это было событием решающего значения[455].

Впрочем, Абу-ль-Аббас не слишком доверял куфийцам. Он устроил свою резиденцию не в их городе Куфе, а среди хорасанцев в Хаммам А‘яне. Через некоторое время он перенёс её в Хиру, а затем в Хашимийю, будто бы чтобы отделиться от Абу Саламы, который тоже жил в Хаммам А‘яне. Отношения между ними оставались натянутыми; Абу Салама питал

[451]Дауд ибн Али и его сын Муса пришли не из Хумаймы вместе с остальными, а присоединились к выступившим лишь по дороге, в Думе, и поначалу отговаривали их идти дальше в Куфу. Семья не всегда единодушно группировалась вокруг имама Ибрахима ибн Мухаммада. Иса и Абдаллах, сыновья Али, а также брат Ибрахима Абу Джа‘фар временно примыкали к джафариду Ибн Му‘авии (Таб. 2, 1977). Не только Дауд ибн Али, но и Сулайман ибн Али, не названный среди четырнадцати, жили, по-видимому, не в Хумайме, а в Ираке. Ср. аль-Якуби 2, 419.
[452]Так аль-Мадаини у Таб. 3, 28 сл.; несколько иначе параллельное сообщение 3, 34 сл. Ср. аль-Масуди 6, 92 сл.; аль-Якуби 2, 413.
[453]Их (шиитов, о которых идёт речь) наделяют бранным прозвищем «сабаиты», 29, 17.
[454]Ср. уже Таб. 2, 1816, 7.
[455]Феофан, 6241 г. от с. м.

симпатии к алидам и высказывал их так открыто, что подозрение, будто он в этом не одинок, было обоснованным, тем более что до тех пор нити партийного руководства были в его руках. Халиф не отваживался выступить против него на свой страх; сам без власти и творение своих мнимых орудий — делателей королей, которые к тому же досконально знали о его слабой легитимности, — он целиком зависел от доброй воли других, гораздо более влиятельных, чем он сам. Он послал своего брата Абу Джа‘фара в Хорасан, чтобы удостовериться в образе мыслей Абу Муслима, влияние которого на хорасанское войско было очень велико. К счастью, у Абу Муслима не было ничего общего с Абу Саламой, и он оказал Аббасидам услугу, велев его убить. Одновременно он велел казнить в Хорасане своего старого соперника Сулаймана ибн Касира, главу *нукаба*. То, что тот тянул одну верёвку с Абу Саламой, он использовал как повод, чтобы излить на нём свою личную ненависть. Его доверенный Абу Джахм надзирал за халифом Абу-ль-Аббасом и держал его в своей власти[456].

Пока на Востоке разыгрывались эти события, одновременно и Запад был ареной потрясающих событий[457]. После падения Нехавенда, в зу-ль-ка‘да 131 года, Кахтаба послал Абу Ауна Абд аль-Малика ибн Язида аль-Азди в Шахразур. После победоносной стычки 20 зу-ль-хиджжа 131 года (10 августа 749 г.) тот вытеснил оттуда сирийские войска и закрепился в принадлежащей Мосулу области к северу от Тигра. После взятия Куфы он получил оттуда подкрепления, но должен был передать верховное командование аббасиду Абдаллаху ибн Али. Из Харрана выступил с месопотамскими и сирийскими арабами за Тигр навстречу хорасанцам халиф Марван II; на левом берегу Большого Заба дело дошло до битвы. Она началась 2 джумада II 132 года и окончилась в субботу 11 джумада (воскресенье 25 января) полным поражением Марвана. Феофан определяет его войско в триста тысяч человек: тысячи будто бы бежали от одного и десятки тысяч от двоих. Это неравное соотношение чисел встречается и в других местах и объясняется принципом, что победа зависит от Бога, который гонит неверующую массу перед верующим меньшинством. По одному указанию у аль-Мадаини (Таб. 3, 47), Марван располагал лишь двенадцатью тысячами человек. Вначале перевес был на его стороне; несчастный исход был отчасти вызван тем, что кайс не хотели делать больше, чем куда‘а. В остальном несомненно, что уверенность и воля к победе были на стороне хорасанцев. Арабы потеряли веру в себя и не хотели жертвовать собой. Марван показал им деньги и обещал раздать их, если они будут храбро сражаться. Но они тотчас бросились на деньги и улизнули с ними. Многие из бегущих утонули в Забе, так как мост был сорван.

Марван отступил за Тигр в Харран. Там он пробыл некоторое время. К его чести служит то, что теперь он освободил политических заключённых, которых ещё застал в темнице, тогда как те, кто пытался бежать до его прибытия, были перебиты преданными ему харранцами. Из Харрана он пошёл через Киннасрин и Химс в Дамаск и дальше в укреплённый Абу Футрус близ Яффы, где искал защиты у одного человека из джузамитского княжеского рода Бану Раух ибн Зинба, так как власть в той местности уже

[456]Аль-Якуби 2, 433; Таб. 3, 67. 88.
[457]Таб. 3, 9 сл., 38 сл., главным образом по аль-Мадаини.

не была в руках омейядского правительства. Из Абу Футруса он бежал в египетский приморский город Фарама, когда преследователи подошли угрожающе близко. Абдаллах ибн Али с хорасанцами двинулся за ним, усилившись по пути своими братьями Абд ас-Самадом и Салихом. Через Мосул, Харран, Манбидж, Киннасрин, Баальбек и Айн аль-Джарр он прошёл к Миззе близ Дамаска, где разбил лагерь. Сирийские города сдавались ему без боя: у них, понятным образом, не было привязанности к Марвану (аль-Масуди 6, 84 сл.). Лишь столицу империи Дамаск пришлось осаждать. Там командовал зять Марвана, аль-Валид ибн Му‘авия ибн Марван I. Но горожане не поддержали его общими силами; в конце концов они убили его и открыли Абдаллаху ибн Али ворота города 14 рамадана 132 года (26 апреля 750 г.). Через четырнадцать дней он двинулся дальше к Абу Футрусу. Оттуда он послал своего брата Салиха с Абу Ауном преследовать Марвана в Египет; тот выступил туда в зу-ль-ка‘да 132 года (июнь 750 г.). Марван бежал от него с места на место до Бусира (Бусириса) близ Рауды в верхнеегипетском округе Ушмунайн. Там его настигли; его верные рассеялись после тяжёлого боя (Феофан), сам он пал. Хорасанский араб из йеменских бальхарис напал на него со своими людьми, крикнув им по-персидски: «Бейте, ребята!» — и убил его. Это было в конце 132 года, в начале августа 750 г.[458] Его голову, а по аль-Масуди и инсигнии халифата отправили Абу-ль-Аббасу; его язык, по стиху, приводимому Ибн аль-Асиром, будто бы съела кошка. Абу Аун остался в Египте; он, вероятно, и был подлинным руководителем похода.

Непокорённым оставался ещё Васит, основанная аль-Хаджжаджем в болотистой области Тигра крепость, державшая Ирак в узде. После несчастного столкновения с Кахтабой у Вавилона туда бросился с сирийцами Ибн Хубайра; к нему собрались и некоторые хорасанские арабы, особенно бакриты под началом Яхьи ибн Ну‘айма[459]. Хасан ибн Кахтаба двинулся за ним и осадил его. Через некоторое время к нему был приставлен и поставлен над ним Абу Джа‘фар, брат халифа Абу-ль-Аббаса. На деле, однако, командование всё же осталось за Хасаном: фактически он зависел не от халифа, а от Абу Муслима, и тот послал ему в поддержку Абу Насра Малика ибн Хайсама аль-Хуза‘и с отрядом хорасанцев. Среди осаждённых не было единства: йемениты ссорились с низар (то есть мудар и раби‘а). Всё же город держался одиннадцать месяцев. Лишь по получении вести о смерти Марвана, то есть в один из первых месяцев 133 года (осень 750 г.), Ибн Хубайра вступил в переговоры. Прошло сорок дней, пока юристы составили капитуляцию так, чтобы обе стороны были довольны. Абу-ль-Аббас утвердил её. Тем не менее её не соблюли. Пленных офицеров, носивших в знак должности перстень, казнили, если они принадлежали к низар, а не к йемен. В конце концов той же участи подвергся и сам Ибн Хубайра, после того как отказался от своей телохранительной стражи и выдал находившиеся в его руках государственные деньги[460].

---

[458]Ср. «Агани» 4, 92; аль-Масуди 6, 76 сл.; «Танбих» 328; Ибн аль-Асир 5, 326 сл.; аль-Якуби 2, 414; Якут 4, 760. Число месяца (27 зу-ль-хиджжа) не подходит к указанному дню недели — воскресенью или понедельнику.

[459]Его следует отличать от Яхьи ибн Худайна.

[460]Плачи о смерти Ибн Хубайры у Таб. 3, 70; «Хамаса» 372 сл.; «Агани» 16, 83 сл.

Этот случай вероломной жестокости рассказывает и ат-Табари. В остальном он предпочитает молчать о кровавых оргиях, которыми Аббасиды праздновали свою победу[461]. Омейяды обращались с ними с непостижимой снисходительностью; свою благодарность они выразили тем, что объявили их вне закона и конфисковали их имущество. Они не знали никакой человеческой жалости, они исполняли божественный гнев и законную месть. Так как им самим мстить было почти не за что, они сделали заём у алидов и выставляли себя их мстителями; это давало им вместе с тем и рычаг, чтобы вытеснить самих алидов, ибо путь к власти прокладывало и даже давало правовое основание на неё не обладание правом мести, а её исполнение. Их подлинный мотив был, разумеется, политическим: они хотели совершенно обезвредить свергнутую династию. Во всём этом вспоминается истребление дома Амврия, совершённое по почину пророков.

Главной ареной злодеяний, совершённых над Омейядами, была Сирия, где командовал Абдаллах ибн Али. Их нельзя ставить в вину хорасанцам, как утверждается в «Агани» 4, 94. 96: те были строго дисциплинированы и ничего не делали без приказа. Они совершались, напротив, по приказу Аббасидов (аль-Якуби 2, 427). Показательно, что и мёртвые не избежали кары. Гробницы халифов и других Омейядов в Дамаске, в Дабике и Русафе, в Киннасрине и других местах были вскрыты, а их останки осквернены, если от них ещё что-то сохранилось. Умар II, однако, и, что примечательно, также Му‘авия были пощажены. Особенно страстно излилась ненависть к Хишаму, давшему для неё некоторые основания и умершему ещё не так давно; его тело, у которого лишь нос не был уже цел, высекли и распяли, затем сожгли, а пепел развеяли по ветру (аль-Масуди 5, 471 сл.). Над живыми Абдаллах ибн Али совершил самое страшное в Абу Футрусе, где он некоторое время пробыл, изгнав оттуда Марвана. Как говорят, он заманил туда более восьмидесяти Омейядов красивыми обещаниями и пригласил их на трапезу — точно взял себе за образец Ииуя; затем, внезапно будто бы воспламенившись местью от продекламированных стихов, он велел перебить их всех дубинами, расстелить над ними кожаные покрывала и на этих покрывалах накрыть стол, к которому музыкой служил хрип умирающих[462]. Эти черты — одурачивание жертв приглашением к столу, исполнение песни как сигнал к будто бы импровизированной вспышке ярости — встречаются, правда, и в других случаях, где вместо Абдаллаха ибн Али называются Абу-ль-Аббас или Дауд ибн Али[463], и в них можно сомневаться. Но сам факт большой резни совершенно несомненен. Сирийские арабы не могли его забыть, как древние израильтяне не могли забыть кровавую баню, в которой погибла династия Амврия; и день Абу Футруса наложил на чело Аббасидов такое же клеймо, как день Изрееля на дом Ииуя. Аль-Масуди (6, 76) датирует жуткое событие 15 зуль-ка‘да 132 года (25 июня 750 г.). Феофан неверно относит его на два года позже; но его

[461]Известия об этом находятся у аль-Якуби, аль-Масуди, Ибн аль-Асира и в «Агани». Очень важно также современное событиям стихотворение одного абалита или маулы абалат, большие отрывки из которого сохранились у Якута 4, 235. 336. 831 и в «Агани» 4, 91; 10, 105. Абалат были боковой ветвью Умайи.
[462]«Камиль» 707; Ибн аль-Асир 5, 329 сл. Иначе аль-Якуби 2, 425 сл.; «Агани» 4, 160 сл.
[463]«Агани» 4, 94. Убийство врагов на пиру — повсюду частый мотив.

краткая и до сих пор не замеченная заметка важна потому, что из неё явствует, что Абу Футрус — это древний Антипатрида[464].

В Медине и Мекке палачом Омейядов был Дауд ибн Али[465], в Басре — Сулайман ибн Али. В Хире сам Абу-ль-Аббас велел убивать тех, кого к нему приводили или кто взывал к его милости, в том числе и Сулаймана ибн Хишама, который как злейший враг Марвана думал, что находится в полной безопасности. И когда преследование было наконец прекращено, уцелевшие не решались показаться; они скрывались, влачили жизнь на низких должностях и постоянно жили в страхе подпасть под опалу, если их узнают. Лишь один внук халифа Хишама спасся в Испанию и достиг там власти.

Жестокое истребление их старой династии всё же наконец возмутило сирийцев, которые до тех пор вели себя довольно пассивно, — и притом кайситов не меньше, чем кальбитов. Кайситы восстали особенно в Киннасрине; во главе их стоял знатнейший из них, Абу-ль-Вард Мадджза‘а ибн Каусар, внук Зуфара ибн аль-Хариса. С ними соединились кальбиты Тадмура и арабы Химса; они подняли на щит освобождённого Марваном в самом конце суфьянида Абу Мухаммада, и Абу-ль-Вард также признал его законным наследником халифата. Однако Абдаллах ибн Али разбил и рассеял повстанцев при Мардж аль-Ахраме близ Киннасрина в конце 133 года[466], то есть в конце июля 751 г. Абу-ль-Вард пал с пятьюстами мужами своего рода. Суфьянид бежал со своими кальбитами сначала в Тадмур, затем скитался беглецом по Хиджазу и наконец при втором аббасиде, Абу Джа‘фаре аль-Мансуре, был схвачен и казнён. Примечательно, как сирийцы отвернулись от господствовавших Марванидов и обратились к свергнутым Суфьянидам; ибо положением, которого Абу Мухаммад достиг сразу после убийства аль-Валида II, он был обязан не своим личным качествам, а тому обстоятельству, что происходил не от Марвана I и Абд аль-Малика, а от Му‘авии и Язида I: он и стал популярен не под своим собственным именем, а под родовым и назывался просто ас-Суфьяни. С его смертью его значение не исчезло, а даже ещё возросло. Он стал сначала мессией сирийцев, с чьим новым явлением они связывали свои политические надежды, а под конец, так как поле осталось за их противниками, — предтечей антихриста. Призраком в исламской эсхатологии дом Умайи пережил свою гибель[467].

---

[464]«В 6243 г. от с. м. новые властители перебили большинство [христиан — как] родственников прежней династии, коварно умертвив их в Антипатриде в Палестине». Тождество Абу Футруса и Антипатриды твёрдо установлено именем (Футрус = Патрис) и существом дела; Антипатрида, или Кафарсаба (Иосиф Флавий, «Древности» 16, 142; 13, 390), лежала как раз в том месте в Вади ль-Ауджа, где по описанию арабов следует искать крепость Абу Футрус. Непонятно только, как Омейяды могут быть названы христианами; здесь либо ошибка, либо интерполяция.

[465]Сцены убийств в Куде: «Агани» 4, 91 сл.; Якут 4, 244.

[466]По Таб. 3, 55 — в последний день года; но это был не вторник, как указано, а четверг. Феофан (6242 г. от с. м.) называет местом действия не Киннасрин, а Эмесу (Химс); может быть, бои шли и там.

[467]Снук Хюргронье, «Mahdi», с. 11, и ZDMG 1901, с. 690 сл.

5. Аббасиды называли своё правление *дауля*, то есть новая эра[468]. Переворот, совершившийся тогда, был действительно огромен.

Вместе с Омейядами сошли со сцены и сирийцы. Они бросили ненавистного им Марвана II на произвол судьбы и не шевельнулись вовремя против Аббасидов. Потом они уже не могли изменить положения: чёрный победил, а белый потерял короля. Они, правда, сохранили симпатию к своей старой династии[469] и проявляли её и на деле, но их усилия были тщетны, так как им недоставало организации. Слишком поздно открылись у них глаза на то, что речь шла об их собственном деле и что ущерб понесли они сами. Местопребывание правительства было перенесено из Дамаска в Куфу, а позднее в Багдад. Сирия утратила гегемонию. Ирак был освобождён от ига чужеземного господства, которое он сто лет тщетно пытался сбросить, и, казалось, вновь обрёл гегемонию, которой однажды обладал во времена Али. Аббасиды прямо называли свою политическую тенденцию иракской и антисирийской.

Но вместе с тем было покончено и с господством арабов вообще, носителями которого были Омейяды и сирийцы. Старая родина арабов одичала настолько, что паломничество уже нельзя было совершать с безопасностью. Арабские племена перестали быть кадрами теократии, они совершенно утратили свои преимущества. Мавали были эмансипированы, различие между арабскими и неарабскими мусульманами сгладилось. Вытесненный из своего исключительного положения, первоначально покоившегося на праве войны, арабизм отступил теперь в мирную и гражданскую область и стал интернациональной культурой, в которой участвовали все мусульмане. Основой культуры была религия, а арабская религия не рухнула вместе с арабской нацией, а ещё окрепла. Арабский язык остался языком ислама и поглотил языки важнейших христианских народов Передней Азии и Африки. В письменном и учёном употреблении он, казалось, возобладал и у иранцев; но поэзия сохранила местное наречие и вновь привела его к почёту.

Мавали даже получили перевес над арабами, правда не вообще, а лишь отчасти. Хорасанцы помогли Аббасидам одержать победу и делили с ними добычу. В известном смысле они стали наследниками сирийцев, хотя и стояли в ином отношении к власти, чем те. Их называли шиа (партия), ансар (помощники) или абна (сыновья) даули[470]. В их руках была внешняя сила, они были организованы по-военному. Они занимали командные посты, их офицеры (*куввад*) могли разыгрывать больших господ. Они составляли постоянное войско халифа; он жил среди этой своей гвардии. Багдад, собственно, был заложен не как мировой город, а как лагерь хорасанцев, в котором халиф хотел пребывать вдали от Куфы.

---

[468]Таб. 3, 85, 16; 96, 19; 115, 9. *Абна ад-дауля* — это хорасанцы на службе Аббасидов; *Китаб ад-дауля* (497, 1) — название пророческой книги о будущем Аббасидов. Позднее *дауля* означает вообще «династия, государство»; сходный переход наблюдается у *науба* и *укба* (Хузайлиты 74, 38). Но первоначальный смысл сохранился наряду с этим, например в обороте *сара ль-малю даулатан* — «имущество перешло в другие руки».

[469]Интересны сообщения у Таб. 3, 2164 сл. Воспоминания были связаны прежде всего с Му‘авией; мы видели, что его могила ещё через столетия после его смерти была посещаемой святыней.

[470]Мф. 17, 25.

Но в лагере они сохраняли связь со своей родиной, и преобладание, которое они приобрели как партия и как войско на службе Аббасидов, перешло на их народ и страну, на иранский Восток. Под маской интернационального ислама иранизм восторжествовал над арабами.

Со сменой династии изменился и внутренний характер правления. Действовало ли при этом преимущественно персидское влияние — пусть остаётся открытым; несомненно, что оно стало совершенно неарабским. Арабы через завоевание стали в противоположность покорённым господствующей знатью; генеалогическая сеть их племенного строя поверхностно раскинулась над провинциями их империи. При Омейядах эта примитивная система в основных чертах ещё сохранялась, хотя скоро выяснилось, что она уже не очень жизнеспособна. При Аббасидах же она исчезла вместе с сословным различием, которое она предполагала. Аббасиды не возвышались, как Омейяды, над широкой аристократией, к которой принадлежали и сами; хорасанцы, на которых они опирались, были не их кровью, а лишь их орудием. Вся совокупность мусульман стояла перед ними в одинаковом отношении, без естественных ступеней политического права; лишь они одни имели божественное право на власть как наследники Пророка. Им не мешали никакие препятствия устраивать правление по техническим соображениям, как казалось сообразным с интересом дела и их собственным интересом. Они внесли больший порядок в управление, особенно в податное дело и юстицию; они проявляли усердие в том, чтобы принимать и удовлетворять жалобы тех, кто обращался к ним как к высшей апелляционной инстанции. Но они подавили всеобщий живой интерес к политике, который прежде составлял часть религии, гораздо сильнее, чем это удалось Омейядам; мусульмане, арабы и неарабы, были просто подданными и не могли больше участвовать в общественных делах; их оттеснили в область наживы или культуры, и самое большее они могли тайно составлять заговоры. Государство сжалось до двора. Халиф был окружён прежде всего многочисленной пёстрой челядью обоего пола, затем столь же многочисленными членами своей семьи, хашимидами. Но ко двору принадлежало и войско; его ядро постоянно было сосредоточено в резиденции халифа: этим Багдад весьма отличался не только от Медины, но и от Дамаска. Ко двору принадлежало, далее, множество гражданских чиновников, которые уже не совпадали с офицерами. Это были большей частью ставленники и любимцы властителя. Среди них преобладали вольноотпущенники; прежде они, пожалуй, имели доверительное влияние, теперь же достигали высших государственных должностей. Их поднимали из праха и снова низвергали в прах; приводившие к этому катастрофы и интриги были при дворе в порядке дня. Знатных людей, которые и без должности что-то значили, привлекали неохотно; даже в жёнах Аббасиды уже не смотрели на происхождение. Не рождение, а халиф делал людей. Он жаловал им ранг и достоинство мундирами и знаками отличия (*тираз*); у портного и позументщика появилась работа. На место аристократии пришла придворная чиновничья иерархия, зримо расчленённая и взаимно контролируемая. На вершине стоял везир, руководивший канцелярией и в позднейшее время ставший видимым alter ego невидимого халифа, так что тот затем лишь изредка появлялся на сцене как актёр или, подобно грозе, взрывался из своей облачной оболочки. Всё больше укоренялся и обычай, что наместники управляли вверенными им провинциями через заместителей, а сами оставались при дворе, особенно если имели преимущество быть принцами крови. Низшие чиновники канцелярии

были большей частью христиане и иудеи, легко навлекавшие на себя ненависть и зависть мусульманской толпы. Помимо везира, самой заметной фигурой среди служебного персонала был, пожалуй, палач. Арабы не знали палача, и Омейяды его не держали. От Аббасидов он был неотделим. Кожаный ковёр рядом с троном, служивший эшафотом, принадлежал к инсигниям халифата; мгновенные казни и наряду с ними изощрённые жестокости повышали благоговение перед величеством: образец был взят у иранцев, чей шах пользовался правом жизни и смерти над своими подданными. У иранцев был заимствован и придворный астролог, с которым советовались при всех важных предприятиях и который даже сопровождал войско в походах. Наконец, характерными для аббасидского режима следует ещё назвать почтмейстеров; это были протянутые в провинции щупальца багдадского двора, отборные доверенные лица, которые должны были тайно надзирать и за наместниками. Почта служила шпионажу; служба известий в обширной империи была организована превосходно. Ат-Табари в последних частях датирует не только события, но и прибытие вести о них ко двору.

Существеннее всего новая эра должна была отличаться от старой своим отношением к религии. Аббасиды ссылались на то, что приводят к господству ислам, подавленный Омейядами. Они хотели, по их словам, вновь оживить омертвевшее предание Пророка. Они привлекли к себе в Багдад знатоков священного права из Медины, их прежнего местопребывания, и всегда испрашивали их заключения, нарочито давая обсуждать и политические вопросы в юридической форме и решать их по Корану и сунне. На деле же они лишь заставили ислам служить своим собственным целям. Они приручили книжников при своём дворе и давали им оправдывать даже самые предосудительные меры. Они обезвредили благочестивую оппозицию тем, что привели её к победе. С падением Омейядов она достигла своей цели и могла успокоиться. Политика была в хороших руках, мусульманам больше не нужно было о ней заботиться. Теократия была осуществлена и должна была перестать быть принципом революции против существующей власти. В этом направлении Аббасиды не без успеха направляли общественное мнение. Им благоприятствовала потребность в покое, свойственная тому времени после столь непрерывных волнений и борьбы. Арабы отбушевали и истекли кровью.

Можно было бы думать, что Аббасиды покровительствовали шиа, с которой они первоначально были в союзе. Но, придя к власти, они совершили поворот. Против алидов, с которыми прежде отождествляли себя, они теперь выступили враждебно, чтобы отразить их притязания. И своих особых приверженцев, крайних шиитов (равандитов), представленных преимущественно в Иране, они тоже оттолкнули от себя. В религии они отвернулись от персов и обратились к арабам. Они отреклись от своего происхождения из эксцентрического, как только сели в центре и получили в руки власть над целым. Они приспособились к ходячему исламу *джама‘а*, который не задавался особыми мыслями, принимал религию как обычай и довольствовался преданием, единообразно регулировавшим через богослужение и право практическую жизнь каждого. Несмотря на противоположную видимость, они взяли в этом отношении тот же курс, что и Омейяды. Только они гораздо настойчивее, чем те, выступали за кафоличность и гораздо строже

преследовали отклоняющиеся направления, угрожавшие религиозному и политическому единству. Как наследники Пророка, они больше, чем те, пользовались тем, что им надлежало вести не только светское правление, но и духовное — имамат. Если Омейяды опирались в основном на национальность, то они опирали своё господство на гвардию и на религию. Их халифат можно назвать цезарепапизмом. Они назначили инквизитора над еретиками и учредили инквизицию, прежде всего против так называемых зиндиков, которые, по-видимому, были отпрысками крайних персидских шиитов.

Впоследствии и хорасанцы стали Аббасидам неудобны. Аль-Мансур освободился от опеки Абу Муслима, когда больше в нём не нуждался; своими великими качествами он далеко ему не равнялся, но сумел перехитрить его и велел убить. Однако в военном отношении хорасанцы пока ещё оставались незаменимыми, да и позднее их нельзя было просто устранить или отодвинуть в сторону. Предпринятая после смерти Харуна попытка в этом направлении привела лишь к укреплению и усилению их власти. Так же мало удалось аббасидским халифам сделаться независимыми тем, что они в большом числе скупали, вооружали и организовывали берберов, славян, согдийцев и тюрок, чтобы противопоставить их хорасанцам. Результатом было лишь то, что они попали ещё и под тиранию этих мамлюков, особенно тюркских. В конце концов они стали совершенно бессильны, и их империя распалась.

Иранцы сохраняли своё господствующее положение одно-два столетия. Но надолго удержаться в собственном доме они не смогли. Они не смогли остановить продвижение тюрок в Трансоксанию, Тохаристан и Хорасан, на время сдержанное арабами. И так в конце концов наследниками исламской империи стали тюрки, которые уже прежде угнездились в ней как мамлюки. К ним в более широком смысле можно причислить и монголов, которые, однако, не стали в исламе по-настоящему своими, а скорее пронеслись над ним как опустошительная буря, не оставив существенных следов, кроме отрицательных.